

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: прошлое, настоящее, будущее. 2021

Москва
ИДВ РАН
2022

УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)
В78

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.и.н. К.А. Корнеев; к.полит.н. Ю.В. Кулинцев (отв. ред.-сост.);
с.н.с. А.Ч. Мокрецкий

В78 Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021 / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. — М. : ИДВ РАН, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-8381-0403-8

Главная тема сборника статей российских и зарубежных востоковедов — изучение вопросов регионального развития Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, Вьетнама и их сотрудничества с Россией по основным направлениям: политика, экономика, история, культура и общество, а также анализ практических возможностей улучшения отношений между Россией и странами Восточной Азии в ближайшей и долгосрочной перспективах.

Проанализировано взаимодействие многосторонних региональных институтов в Восточной Азии, вопросы социально-экономического развития Китая и стран региона. Особое внимание уделено изучению вызовов и новых потенциальных угроз для международного сотрудничества в эпоху коронавируса; экономическим аспектам развития Китая, Японии и Корейского полуострова. Отдельный блок статей посвящен вопросам исторического и культурно-гуманитарного сотрудничества государств Восточной Азии.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, Вьетнам, политика, экономика, история, культура.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК 908(5-012)
ББК 26.89(55)

ISBN 978-5-8381-0403-8

© Коллектив авторов, 2022
© ИДВ РАН, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies

**EAST ASIA:
PAST, PRESENT
AND FUTURE.
2021**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of sciences*

East Asia: past, present and future. 2021. Moscow, IFES RAS, 2022.

In the collection of articles by Russian and foreign orientalists, the main thematic focus is devoted to the issues of regional development of China, Japan, North and South Korea, Vietnam and their cooperation with Russia in the areas: politics, economics, history, culture and society, as well as the analysis of practical opportunities for improvement relations between Russia and the countries of East Asia in the near and long term.

The book analyzes the interaction of multilateral regional institutions in East Asia, issues of socio-economic development of China and the countries of the region. Special attention is paid to the challenges and new potential threats to cooperation in the era of coronavirus; economic aspects of the development of China, Japan and the Korean Peninsula. A separate block of articles is devoted to the issues of historical, cultural and humanitarian cooperation between the states of East Asia.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, Vietnam, politics, economic cooperation, history, culture.

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Мокрецкий А. Ч.</i> Китайская внешняя политика и дипломатия в 2020 г.: в поисках ответов на старые угрозы и новые вызовы	11
<i>Волошина А. В.</i> Перспективы американо-китайских отношений в свете президентских выборов 2020 г. в США	24
<i>Калмыкова М. В.</i> Эволюция политики сонгун в КНДР	34
<i>Колдунова Е. В.</i> Многостороннее сотрудничество в Восточной Азии перед новыми вызовами	43
<i>Кочешков Г. А.</i> Влияние текущего экономического и политического конфликта КНР и США на ситуацию в Тайваньском проливе	51
<i>Кулага М. В.</i> Противодействие терроризму в рамках работы ШОС	61
<i>Кулинецов Ю. В.</i> Пять лет проекту сопряжения: итоги и перспективы российско-китайского взаимодействия	72
<i>Олейников И. В.</i> «Сибирское балансирование»: фактор Китая в международном сотрудничестве Иркутской области в конце второго десятилетия XXI века	84
<i>Печищева Л. А.</i> Стратегическое партнёрство Индии и Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	94
<i>Поленова А. Л.</i> Участие КНДР в работе ООН	104
<i>Попова В. О.</i> Разногласия в подходах России и Японии по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова	113
<i>Скосырев В. А.</i> Современные китайские оценки причин распада СССР	123

<i>Старшинов А.С.</i> Дихотомия хучжингук–сончжингук и её влияние на политический дискурс Республики Корея	133
<i>Тацилин А.Л.</i> Политическая элита КНР: особенности трансформации в условиях однопартийного государства	143
<i>Ширгазина Э.Р.</i> Тибетский автономный район в политике КНР	153

ЭКОНОМИКА

<i>Дертев А.В.</i> Китайский игровой рынок и государство: прошлое, настоящее и будущее	165
<i>Захарова Л.В.</i> Изменения во внешней торговле КНДР как следствие обострения ситуации на Корейском полуострове в 2016—2017 гг.	176
<i>Корнеев К.А.</i> Институты энергетической политики стран Восточной Азии на примере Японии	188
<i>Ван Цзинвэй, Сазонов С.Л.</i> Широкое внедрение мобильной связи формата 5G в Китае стимулирует развитие автономного вождения	200
<i>Сербина Е.М.</i> К вопросу о роли Экспортно-импортного банка Китая в борьбе с бедностью в период 13-й пятилетки (2016—2020 гг.)	210
<i>Синякова А.Ф.</i> К вопросу об обоснованности критики экономической политики Мун Чжэ Ина со стороны оппозиции	222

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Андреева А.С.</i> Стратегии успеха молодого поколения Японии и Республики Корея в посткризисном обществе	232
<i>Дегтев И.А.</i> Национализм во внешней политике Японии и вопросы исторической памяти	243

<i>Дьячков И.В.</i> Проблема скал Лианкур в южнокорейско-японских отношениях	253
<i>Козырева М. А.</i> Гуманитарное сотрудничество Китая и России со странами Центральной Азии: сравнение эффективности	262
<i>Логиновский Е.Л.</i> Кризисный этап отношений КНР и КНДР в отражении северокорейской гуманитаристики (2014—2017)	272
<i>Муסיнова И.А.</i> Деятельность корейских национальных организаций на Урале в 1920-е годы на примере «Корейского национального союза» («Союза корейских граждан») и «Союза корейских рабочих» в г. Свердловске	283
<i>Сащенко М.В.</i> Культура русской эмиграции в Китае в конце XIX — первой половине XX века	294
<i>Сухорукова В.С.</i> Феномен «Хончок» как новое социально-культурное явление Южной Кореи	304
<i>Топчий И.А.</i> К вопросу о занижении численности войск Республики Корея в официальных источниках на примере сил специальных операций Республики Корея	315
<i>Уткина А.А.</i> Мариус Б. Янсен и Люк С. Робертс о провинции Тоса в эпоху Токугава: сравнение подходов	325
<i>Харитонова А.М.</i> «Корейские» дневники российского дипломата Г.А. Плансона	335
<i>Янь М.</i> Роль событийного международного туризма в конце XX — начале XXI века для развития гуманитарных российско-китайских связей (на примере Амурской области)	343

Contents

POLITICS

<i>MOKRETSKIY Alexander Ch.</i> China's Foreign Policy and Diplomacy in 2020: Looking for Answers to Old Threats and New Challenges	11
<i>VOLOSHINA Anna V.</i> Prospects for U.S.-China relations in the light of the 2020 U.S. presidential election	24
<i>KALMYKOVA Maria V.</i> The Evolution of Songun Policy in the DPRK	34
<i>KOLDUNOVA Ekaterina V.</i> New Challenges to the Multilateral Cooperation in East Asia	43
<i>KOCHESHKOV Georgy A.</i> The impact of the current US-China economic and political conflict on the situation in the Taiwan Strait	51
<i>KULAGA Maksim V.</i> Countering terrorism within the framework of the SCO	61
<i>KULINTSEV Yury V.</i> Five years of the conjugation project: results and prospects of Russian-Chinese cooperation	72
<i>OLEYNIKOV Ilya V.</i> «Siberian Balancing»: China's Factor in International Cooperation of the Irkutsk region at the end of the second decade of XXI century	84
<i>PECHISHCHEVA Liudmila A.</i> India-Japan strategic partnership in the Asia-Pacific region	94
<i>POLENOVA Anna L.</i> DPRK' Participation in the UN	104
<i>POPOVA Valeria O.</i> Differences in the approaches of Russia and Japan on the issue of denuclearization of the Korean Peninsula ..	113

<i>SKOSYREV Vladimir A.</i> Modern Chinese perspectives on causes of Soviet collapse	123
<i>STARSHINOV Alexander S.</i> Hujinguk-seonjinguk dichotomy and its influence on the political discourse of the Republic of Korea	133
<i>TASHCHILIN Alexey L.</i> China's Political Elites: Transformation in a One-Party State	143
<i>SHIRGAZINA Elsa R.</i> Tibetan autonomous area in PRC politics	153

ECONOMICS

<i>DERTEV Alexey V.</i> Chinese games market and state: past, present and future	165
<i>ZAKHAROVA Liudmila V.</i> Changes in the DPRK's Foreign Trade as a Consequence of Tensions on the Korean Peninsula in 2016—2017	176
<i>KORNEEV Konstantin A.</i> Energy Policy Institutions of East Asian countries by the example of Japan	188
<i>WANG Jingwei; SAZONOV Sergey L.</i> Widespread introduction of 5G mobile communication in China propels the autonomous driving' development	200
<i>SERBINA Ekaterina. M.</i> Towards the Question of the Export-Import Bank of China's Role in the Fight against Poverty during the 13 th Five-Year Plan (2016—2020)	210
<i>SINYAKOVA Anna F.</i> Is Moon Jaemin's economic policy justly criticized on behalf of the opposition?	222

HISTORY AND SOCIAL SCIENCES

<i>ANDREEVA Anastasiia S.</i> Success strategies of the youth of Japan and the Republic of Korea in the post-crisis society	232
<i>DEGTEV Ivan A.</i> Nationalism in Japan's Foreign Policy and the Issues of Historical Memory	243

<i>DYACHKOV Ilya V.</i> The Liancourt Rocks Issue in Relations between the Republic of Korea and Japan	253
<i>KOZYREVA Maria A.</i> China and Russia's humanitarian cooperation with Central Asian countries: comparison of the effectiveness	262
<i>LOGINOVSKII Egor L.</i> The Crisis in Sino-DPRK Relations: a North Korean Humanities' Vision, 2014—2017	272
<i>MUSINOVA Irina A.</i> Korean National Organizations in the Urals in the 1920-s, focusing on the “Korean National Union” and the “Union of Korean Workers”	283
<i>SASHCHENKO Maria V.</i> The culture of Russian emigration in China in the late 19th — the first half of the 20th centuries	294
<i>SUKHORUKOVA Valeria S.</i> The Honchok Phenomenon as a New Socio-Cultural Phenomenon in South Korea	304
<i>TOPCHIY Ilya A.</i> On the issue of underestimating the number of troops of the Republic of Korea in official sources on the example of the special operations forces of the Republic of Korea	315
<i>UTKINA Anna A.</i> Marius B. Jansen and Luke S. Roberts about Tosa Domain at the Tokugawa period: a comparison of approaches	325
<i>KHARITONOVA Anna M.</i> “Korean” diaries of the Russian diplomat G.A. Planson	335
<i>YAN Meiwei</i> The role of international event tourism in the late XX — early XXI centuries for the development of humanitarian Russian-Chinese relations (on the example of the Amur region)	343

А. Ч. Мокрецкий

КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ В 2020 г.: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА СТАРЫЕ УГРОЗЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. 2020 год остался в памяти годом коронавирусной пандемии, внесшей серьезные изменения в жизненный уклад людей. Что касается мировой политики и международных отношений, то здесь обострились старые противоречия, а коронавирус лишь послужил их катализатором.

Китай, пострадавший от COVID-19 одним из первых, подвергся широкой информационной атаке, в том числе благодаря разыгрыванию его «карты» на прошедших президентских выборах в США. Вместе с тем, традиционный для Китая дуализм в риторике сохранился: осторожные ответы лидеров государства о по-прежнему мирном пути развития сопровождаются все более «уверенным» голосом на фоне успешного решения пандемической проблемы в пределах страны.

В докладе особое внимание уделяется сформировавшейся дипломатической доктрине действующего председателя КНР Си Цзиньпина (или дипломатической идее Си Цзиньпина). Вышедшая в 2019 г. в свет Белая книга «Китай и мир в новую эпоху» дополни-

лась новыми десятью «придерживаться» Си во внешнеполитической работе.

Кроме того, характеризуется новое направление китайской дипломатии — «экологическая» дипломатия, нашедшая отражение в публикации брошюры «Вместе строить сообщество жизни на Земле: действие Китая» накануне саммита ООН по биоразнообразию 30 сентября 2020 г. в год 75-летия Организации.

Очевидно, что основной целью китайской внешней политики продолжает служить прежде всего продвижение интересов самой КНР. Автор убежден, что итоговый вектор последствий такой политики в международном масштабе во многом будет зависеть от того, в какой мере китайские декларации о единой судьбе и т. д. будут сочетаться с многообразными и весьма противоречивыми интересами других членов международного сообщества.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, дипломатическая доктрина, «новая эпоха», коронавирус, 75-летие ООН.

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: 88am@mail.ru.

Mokretskiy A.Ch.

China's Foreign Policy and Diplomacy in 2020: Looking for Answers to Old Threats and New Challenges

Abstract. The year 2020 is remembered as the year of the coronavirus pneumonia epidemic, which made major changes in the people daily life. As for world politics and international relations, old contradictions have become more acute, and the coronavirus has only served as a catalyst for them.

China, which was one of the first state to suffer from COVID-19, was subjected to a broad information attack, including due to the playing of its “card” in the last us presidential election. At the same time, China's traditional dualism in rhetoric has persisted: cautious responses from state leaders about the still peaceful path of development are accompanied by an increasingly “confident” voice against the background of a successful solution to the pandemic problem within the country.

The report focuses on the established diplomatic doctrine of the current President of the People's Republic of China, Xi Jinping (or the Xi

Jinping's diplomatic thought). The White Paper "China and the World in the New Era", published in 2019, was supplemented with new ten "principles" of Xi in foreign policy work.

In addition, a new direction of Chinese diplomacy is characterized — "environmental" diplomacy, which is reflected in the publication of the Position Paper "Building a Shared Future for All Life on Earth: China in Action" on the eve of the UN biodiversity summit on September 30, 2020, in the year of the Organization's 75th anniversary.

It is obvious that the main goal of Chinese foreign policy continues to serve primarily the promotion of the interests of the PRC itself. The author is convinced that the final vector of the consequences of such a policy on an international scale will largely depend on the extent to which Chinese declarations on a common destiny, etc., will be synchronized with the diverse and very contradictory interests of other members of the international community.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy, Xi Jinping's diplomatic doctrine (thought), "new era", coronavirus, 75th anniversary of the UN.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKIY, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: 88am@mail.ru).

2020 год уже успел выделиться невероятным вызовом для всего человечества — спорадическим появлением, а затем глобальным распространением новой коронавирусной инфекции, именуемой COVID-19. Хотя пандемия и не унесла такого количества жизней, как в свое время «черная смерть» (чума) в Европе в XIV столетии или «испанка» в начале XX в., тем не менее она на многие месяцы затормозила развитие во всех сферах человеческой деятельности. Так называемая «вторая волна» угрожает еще большему падению глобальной экономики, а перспективы выхода ситуации на плато в европейских странах, России и США пока не дают утешительных прогнозов.

Участие в ежегодных традиционных форматах

Несмотря на сложную ситуацию с коронавирусом, отношения между государствами продолжают развиваться. Личные контакты заменяются онлайн-встречами с использованием современных тех-

нических средств коммуникации. Ежегодные саммиты и форумы продолжали проходить, хоть и с учетом новых требований и особенностей.

Сказанное в полной мере в 2020 г. касалось КНР, тем более, что с хронологической точки зрения, именно Китая эпидемия со всеми ее ограничениями коснулась в первую очередь. Дипломатия КНР в год пандемии действовала глобально сообразно пандемической обстановке

В феврале 2020 г., еще до пришествия пандемии в Европу, состоялся очередной саммит в Германии — мюнхенская конференция по безопасности. МИД КНР Ван И, участвовавший тогда еще в ней лично, призывал к развитию многосторонней дипломатии в ответ на старые вызовы и новые угрозы. Вновь упомянув тезис о построении «сообщества единой судьбы человечества», министр процитировал известного китайского философа Фэй Сяотуна «...когда каждая красота мира соединится, произойдет великое единение Поднебесной» [Ван И цзай].

Проблеме Китая было посвящено 11 подсекций, в том числе «Как Западу отвечать на вызов из Китая», «Трансатлантическое сотрудничество и китайская дилемма», «Как Европе реагировать на поднимающийся Китай», «Что делать, если оформится российско-китайский союз» и т. д. [Фу Ин: цзай]

Традиционный в КНР период «двух сессий» (ВСНП и НПКСК) состоялся на два месяца позже обычного. На пресс-конференции 24 мая 2020 г. министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул, что новая коронавирусная инфекция отчетливо показала, что «все государства живут в глобальной деревне, а человечество по сути — единое сообщество судьбы», поэтому человечество сможет пережить эту напасть, только сплотившись воедино [Гоу вэйюань].

Во время ответов Ван И неоднократно звучали примирительные ноты, призванные, как и раньше, подчеркнуть отсутствие у КНР неких претензий на доминирование: «Китай не будет», «Китай не станет», «Китай не пойдет по пути гегемона».

В отношениях с США было отмечено, что как самое крупное развивающееся государство и самая большая развитая страна, Китай и США несут важную ответственность за мир и развитие мира, глобализация должна стать еще более инклюзивной и приносящей все-

общее благо всем игрокам, а мультилатерализм должен решительно защищаться.

Важно, чтобы КНР и РФ стояли плечом к плечу, тесно координировали спина к спине, и тогда мир и стабильность во всем мире будет гарантирована, а международная правда и справедливость получат надлежащую защиту.

Значительное место в реализации Китаем его внешнеполитических мероприятий в 2020 г. заняли действия по оказанию гуманитарной помощи различным странам, пострадавшим от пандемии коронавируса. При этом предпринимались акции, призванные вписать такую помощь в тезис о настрое КНР на исключительно мирный и взаимовыгодный, добрососедский и дружеский принцип международного общения, которые параллельно продвигали и идею о создании сообщества единой судьбы человечества.

По данным, которые привели официальные китайские СМИ, за несколько месяцев 2020 г. Пекин провел самые масштабные в истории нового Китая экстренные гуманитарные меры. К маю 2020 г. помощь была оказана 150 государствам и 4 международным организациям, для 170 государств провели профессиональные медицинские онлайн-конференции, в которых транслировался приобретенный Китаем опыт в борьбе с пандемией, в 24 страны, экстренно нуждающихся в помощи, были отправлены 26 скорых медицинских бригад, предоставили защитных масок и костюмов 56,8 млрд и 250 млн [Гоу вэйюань].

В этой связи есть основания полагать, что в КНР достаточно быстро определилось намерение конвертировать вызовы пандемии в известные «бонусы» и новые достижения, в том числе с точки зрения продвижения сформировавшихся к тому моменту доктринальных установок. В опубликованной в апреле правительственной статье Ван И «К формированию сообщества единой судьбы человечества в контексте международного противоэпидемического сотрудничества под знаменем идеи Си Цзиньпина о дипломатии» (она широко распространялась за рубежом) показательно утверждалось, что «в отстаивании своей позиции Китай всячески способствует сложению усилий человечества ради победы над пандемией» [К формированию сообщества]. Причем «успехами в купировании коронавируса, как подчеркивали авторы материала, мы обязаны ЦК

КПК во главе с товарищем Си Цзиньпином, под руководством которого предпринимаемые правительством шаги полностью оправданы и обоснованы».

В повестке китайской дипломатии-2020 продолжали присутствовать все традиционные региональные и страновые направления: африканский континент, отношения с Европой, формат Китай—Япония—Южная Корея, страны АСЕАН, ситуация в Афганистане и на Корейском полуострове, ВОЗ и COVID-19 и др.

75-летие ООН и информационные войны

2020 год — год 75-летия окончания второй мировой войны и основания Организации Объединенных наций. На юбилейной сессии ГА ООН в онлайн-формате выступил председатель КНР Си Цзиньпин. Охарактеризовав 75-летие организации как 75 лет стремительного развития человеческого сообщества, глубоких перемен международной обстановки, ускоренного формирования мультилатерализма (многосторонней дипломатии), он предложил руководствоваться справедливостью (против гегемонизма, унилатерализма), строго придерживаться принципа верховенства закона (защита принципов и целей Устава ООН), стимулировать сотрудничество (отказ от мышления времен холодной войны) и сосредоточиться на действиях (содействие мультилатерализму) [Си Цзиньпин цзай].

Кроме того, Китай все более отчетливо стал развивать экологическое направление своей дипломатии. В частности, накануне самита ООН по биоразнообразию 30 сентября 2020 г. была опубликована брошюра «Вместе строить сообщество жизни на Земле: действие Китая», в которой Пекин призывал строить экологическую цивилизацию, придерживаясь «зеленого» развития. 7 июня 2020 г. вышла Белая книга «Меры Китая по противостоянию коронавирусной эпидемии».

Этот год отметился широкими информационными атаками на КНР в связи с обвинениями в распространении новой коронавирусной инфекции, а также постоянно поднимающимся вопросом о правах человека (в частности, продолжительные забастовки в Гонконге/Сянгане, уйгурский вопрос). МИД КНР неоднократно публи-

ковало заявления, в которых подвергало суровой критике все нападки на Пекин. Показательными в этом смысле стали заявления от 20 мая 2020 г. (победа Цай Инвэнь на Тайване и принцип «одного Китая»), от 18 июня 2020 г. («Закон о политике в области прав человека в отношении уйгуров 2020 года») и от 15 июля 2020 г. («Закон об автономии Гонконга»).

Кроме того, 2 июля 2020 г. был опубликован большой обзор, в котором китайскими фактами и «правдой» разоблачались 37 мифов, спекулировавших на теме КНР прежде всего в американской прессе в ходе предвыборной кампании на пост президента. В ответ на эти нападки ежедневные передовицы пестрили традиционными для коммунистического Китая пропагандистскими статьями о том, что Китай шанс а не угроза для человеческого сообщества, потому что «мирный ген» (или «ген мира»), как «кровь», течет в его венах («Цюши», «Цзицзи жибао», «Жэньминь жибао» и т. д.) [Чжунго ши цзюй].

Дипломатическая доктрина Си Цзиньпина

Продолжалась линия не только на пропаганду таких постулатов, как концепция «сообщества единой судьбы», теория международных отношений нового типа и задача содействия экономической глобализации [нового типа], но и на идейное продвижение других элементов дипломатической доктрины Си Цзиньпина. С активной помощью министерств и ведомств, курирующих внешнюю политику КНР, и в частности, содействия МИД КНР Ван И, «дипломатическая идея Си» объединила в себя известные партийные установки, что использовались до прихода Си Цзиньпина к власти, с теми, что появились непосредственно при нем.

В 2020 г. окончательно формируются десять новых положений или «десять придерживаться» Си Цзиньпина: «защита авторитета партии и ЦК КПК», «реализация великого возрождения китайской нации», «создание сообщества единой судьбы человечества», «приверженность китайскому самобытному социализму», «строительство “Одного пояса, одного пути”», «путь мирного развития», «формирование глобальной сети партнерств», «направление реформы системы

глобального управления», «защита государственного суверенитета, безопасности и интересов развития» и «создание самобытного стиля китайской дипломатии» [Ван И. Шэньжу] [И ту дай].

Еще годом ранее, накануне празднования 70-летней годовщины образования «нового Китая» Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Китай и мир в новую эпоху». Объёмный труд, насыщенный различными графическими схемами, «срезами» и диаграммами, состоит из четырёх разделов: «Китай идёт выбранным путём развития, соответствующим положению в стране», «Развитие Китая — шанс миру», «Создание красивого и процветающего мира — общая мечта всех народов и государств» и «Вклад Китая в создание еще более красивого мира» [Синь шидай дэ].

Первые издания «Мирного развития» 2005 и 2011 гг. знакомили иностранную аудиторию с общими очертаниями большой стратегии Китая, выбранным правящей коммунистической партией путём сосуществования и взаимодействия с государствами и народами мира, основными целями и задачами китайской внешней политики и дипломатии. Выпущенная же в свет 27 сентября 2019 г. Белая книга характеризует последние концептуальные разработки, которыми Пекин широко пользуется на международной арене 7 лет с момента прихода к власти Си Цзиньпина. В брошюре акцентируется внимание на трансляции «голоса Китая», его растущих правах и ответственности как великой державы за судьбу и развитие всего человечества.

Таким образом, ранее консервативная сфера деятельности КПК как дипломатия при Си Цзиньпине вдыхает новую жизнь. Она обогащается не только практическим опытом (через проведение крупных международных форумов на своей территории), но и теоретическим содержанием (общенациональные рабочие совещания по внешней политике, партийные семинары и т. д.), вкуче с доктринальным фундаментом (в виде белых книг).

Уверенный в собственных силах Китай гордо заявляет всему миру, что началась новая эпоха — эпоха выхода вовне его накопленного могущества (强起来) за периоды «становления на ноги» (站起来) и «обогащения» (富起来). Пекин подтверждает свои амбициозные намерения: создавать сообщество единой судьбы человечества, формировать международные отношения нового типа, содействовать эко-

номической глобализации [нового типа], сохранять международную систему с ООН в ядре, не забывая при этом продвигать культурные и цивилизационные обмены и взаимную учёбу.

Похоже, что ситуация пандемии не поколебала растущей уверенности Китая в своих силах, в том числе с точки зрения возможностей дальнейшего роста его международного авторитета. Во время выступления в университете Цинхуа 7 ноября 2020 г. министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул: «Китай пережил опыт борьбы с коронавирусом (дословно получил «эпидемиологический опыт») и поделился с миром китайским ответом, надеясь на то, что он (Китай своим ответом на этот глобальный вызов) в состоянии принести уверенность и силу целому миру» [Хунъян добяньчжуи].

В коммюнике по итогам 5-го пленума 19-го созыва от 29 октября 2020 г. было отмечено, что Китай по-прежнему находится в важном периоде стратегических возможностей, вместе с тем, «шансы и вызовы имеют новые переменные».

Современный мир переживает крупные изменения, невиданные 100 лет, углубляется развитие нового этапа НТР и промышленности, трансформируется соотношение сил на международной арене, мир и развитие остаются основными трендами эпохи, а идея создания сообщества единой судьбы человечества глубоко укоренилась в сознании людей», — отмечалось в документе. В то же время подчеркивалось, что «международная обстановка усложняется, заметно возрастают факторы нестабильности и неопределённости. Именно поэтому в таких условиях Китаю необходимо высоко нести знамя мира, развития, сотрудничества и общей победы, активно формировать благоприятную международную среду, содействовать строительству международных отношений нового типа и созданию сообщества единой судьбы человечества» [Чжун-го гунчандан].

* * *

Иными словами в новых обстоятельствах, продиктованных вызовами пандемии, внешняя политика и дипломатия КНР, по-прежнему демонстрируя глобальные амбиции, продолжала развивать утвердившиеся к началу 2020 г. основные внешнеполитические уста-

новки, определяемые ныне как «дипломатическая доктрина Си Цзиньпина». При этом Пекин стремился использовать новые обстоятельства для более целенаправленного продвижения этой доктрины, опираясь на тезис об эффективности китайского опыта борьбы с эпидемией (подкрепленный реальными успехами внутри КНР), на масштабную гуманитарную помощь и факт более раннего и «мягкого» выхода из экономического кризиса).

Ясно, что основной целью китайской внешней политики продолжает служить прежде всего продвижение интересов самой КНР. Итоговый вектор последствий такой политики в международном масштабе во многом будет зависеть от того, в какой мере китайские декларации о единой судьбе человечества и др. будет сочетаться с многообразными и весьма противоречивыми интересами других членов международного сообщества. В противном случае, возникнет острая ответная реакция отторжения китайских идей в той или иной форме.

Библиографический список

Ван И. Шэньжу сюэси гуаньчэ Си Цзиньпин вайцзяо сысян. Бу дуань кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь [Глубоко изучать и внедрять дипломатическую доктрину Си Цзиньпина, непрерывно открывать новые горизонты китайской самобытной дипломатии великой державы]. 01.08.2020. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-08/01/c_1126305967.htm (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Ван И цзай ди 56 цзе Мунихэй анцюань хуэйи шан фабяо яньцзян [Выступление Ван И на 56-й Мюнхенской конференции по безопасности]. 15.02.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1745338.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан Ван И цзю Чжунго вайцзяо чжэнцэ хэ дуйвай гуаньси хуэйда чжунвай цзичже тивэнь [Член Госсовета и МИД КНР Ван И отвечает на вопросы отечественных и иностранных корреспондентов о китайской дипломатии и внешних связях], 24.05.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1782257.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

И ту дай ни каньдун Си Цзиньпин вайцзяо сысян дэ цзунти куанцзя, хэсинь яои [Взглянув на схему, понять ключевой смысл и общие очертания дипломати-

ческой доктрины Си Цзиньпина]. 06.08.2020. URL: http://www.qsttheory.cn/laigao/yujsx/2020-08/06/c_1126333357.htm (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

К формированию сообщества единой судьбы человечества в контексте международного противозидемического сотрудничества под знаменем идеи Си Цзиньпина о дипломатии. 17.04.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (дата обращения: 13.12.2020).

Синь шидай дэ Чжунго юй шицзе [Китай и мир в новую эпоху]. 27.09.2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Си Цзиньпин цзай Ляньхэго чэнли 75 чжоуньян цзиньнянь фэнхуэй шан дэ цзянхуа (цюаньвэнь) [Выступление Си Цзиньпина на сессии ГА ООН в честь 75-летия основания Организации (полный текст)]. 22.09.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Фу Ин: цзай Муаньхуэй ганьшоу Сифан дуй Хуа фуцза тайду [Фу Ин: осудить сложное отношение Запада к Китаю на Мюнхенской конференции по безопасности]. 21.02.2020. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3x7G6tyTK4w> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Хуньян добяньчжуи, индуй цюаньцю тяочжань — Гоу вэйюань цзянь вайцзяо бучжан Ван И цзай Цинхуа дасюэ гунгун гуаньли сюэюань цюаньцю сюэшу гувэнь вэйюаньхуэй хуэйи шан дэ чжици [Воспевать мультилатерализм, противостоять глобальным вызовам — Член Госсовета и МИД КНР Ван И выступает на встрече Глобального научного совета в Институте общественного управления и менеджмента университета Цинхуа]. 07.11.2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1830293.shtml> (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Чжунго гунчандан ди шицзю цзе чжуньян вэйюаньхуэй ди у ци цюаньти хуэйи баогао [Коммюнике 5-го пленума 19-го созыва ЦК КПК], 29.10.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-10/29/c_1126674147.htm (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

Чжунго ши цзюй бу ши вэйсе [Китай шанс а не угроза]. 02.07.2020. URL: http://www.qsttheory.cn/llwx/2020-07/02/c_1126186064.htm (дата обращения: 13.12.2020). (На кит.).

References

Fu Ying: zai Muanhui ganshou Xifang dui Hua fuza taidu [Fu Ying: to feel a complicated attitude of the West towards China], 21 February, 2020. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3x7G6tyTK4w> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Guowu weiyuan jian waijiao buzhang Wang Yi jiu Zhongguo waijiao zhengce he duiwai guanxi huida zhongwai jizhe tiwen [State Councilor and Foreign Minister Wang Yi answered questions from Chinese and foreign media about China's foreign policy and external relations], 24 May, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1782257.shtml>; (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Hongyang duobianzhuyi, yingdui tiaozhan — Guowu weiyuan jian waizhang Wang Yi zai Qinghua daxue gonggong guanli xueyuan quanqiu xueshu guwen weiyuanhui huiyi shang de zhici [Wang Yi Delivers a Speech at the Global Advisory Board Meeting of the School of Public Policy and Management of Tsinghua University], 7 November, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1830293.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

K formirovaniyu soobschestva edinoi sudbi chelovechestva v kontekste mezhdunarodnogo protivoepidemicheskogo sotrudnichestva pod znamenem idei Xi Jinpinga o diplomatii [Following Xi Jinping Thought on Diplomacy To Build a Community with a Shared Future for Mankind Through International Cooperation Against COVID-19], 17 April, 2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1770843.htm> (accessed: 13 December, 2020). (In Russian).

Wang Yi. Shenru xuexi guanche Xi Jinping waijiao sixiang. Bu duan kaichuang Zhongguo tese daguo waijiao xin jumian [Deeply Studying and Implementing Xi Jinping Thought on Diplomacy. Conscientiously and Break New Ground in Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics], 1 August, 2020. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-08/01/c_1126305967.htm (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Wang Yi zai di 56 jie Munihei anquan huiyi shang fabiao yanjiang [Wang Yi Delivers a Speech at the 56th Munich Security Conference], 15 February, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1745338.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Xi Jinping zai Lianheguo chengli 75 zhounian jinian fenghui shang de jianghua (quanwen) [Statement by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the General Debate of the 75th Session of The United Nations General Assembly (Full Text)], 22 September, 2020. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1816784.shtml> (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Xin shidai de Zhongguo yu shijie [China and the World in the New Era], 27 September, 2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Yi tu dai ni kandong Xi Jinping waijiao sixiang de zongti kuangjia, hexin yaoyi [To realize the general framework and the main idea of Xi Jinping's diplomatic thought by

---

one look at the map], 6 August, 2020. URL: http://www.qstheory.cn/laigao/ycjx/2020-08/06/c_1126333357.htm (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang di shijiu jie zhongyang weiyuanhui di wu ci quanti huiyi gongbao [Communique of 5th plenary session of 19th CPC Central Committee], 29 October, 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-10/29/c_1126674147.htm (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

Zhongguo shi jiyu bu shi weixie [China is a Chance not a Threat], 02 July, 2020. URL: http://www.qstheory.cn/llwx/2020-07/02/c_1126186064.htm (accessed: 13 December, 2020). (In Chinese).

А.В. Волошина

ПЕРСПЕКТИВЫ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2020 Г. В США

Аннотация. За последнее десятилетие отношения Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики претерпели качественную трансформацию. Наблюдается беспрецедентный рост соперничества двух стран не только в областях, служивших традиционными источниками напряженности, но и в сферах, ранее стабилизовавших их взаимодействие. В свете прошедших 3 ноября 2020 г. выборов президента США автор предпринимает попытку прогнозирования дальнейшей траектории развития этих двусторонних отношений в связи с приходом к власти новой американской администрации. Для этого были выделены ключевые факторы, направившие эволюцию китайско-американских отношений в период с 2008 по 2020 г. Используя неореалистический подход в качестве теоретической и методологической базы, автор провел анализ происходящих изменений баланса сил в международной системе (уровень системы), влияния на отношения США и Китая экономических, технологических, идеологических вопросов (уровень государства) и особенностей взглядов на развитие китайско-американских отношений лидеров двух государств (уровень индивида). Затем, были рассмотрены вероятные приоритеты, установив которые, новая администрация США будет выстраивать свою политику в отношении КНР. Результаты исследования позволили прийти к выводу, что коренной пересмотр текущего курса по отношению к Китаю и радикальное улучшение

ние американо-китайских связей маловероятны. На развитие отношений между Вашингтоном и Пекином в ближайшие годы будут оказывать влияние серьезные структурные силы, коренящиеся в изменяющейся международной системе, особенностях экономик и политических систем США и КНР, что задает долгосрочные конкурентные тенденции во взаимодействии двух держав.

Ключевые слова: Китай, США, администрация Байдена, президентские выборы, перспективы отношений.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН.

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Voloshina A.V.

Prospects for U.S.-China relations in the light of the 2020 U.S. presidential election

Abstract. Over the past decade, the relations between the United States of America and the People's Republic of China have gone through a qualitative transformation. There has been unprecedented growth of the two countries' competition, not only in areas that have served as traditional sources of tension, but also in areas that used to stabilize their interaction. In the light of the U.S. presidential elections held on November 3, 2020, the author attempts to predict the following trajectory of these bilateral relations due to the fact that the new American administration will take the office. For this purpose, the key factors that have been driving the evolution of the Sino-American relations in the period from 2008 up to 2020 have been identified. Adopting the neorealist approach both in terms of theoretical framework and methodology, the author analyzed the ongoing changes in the power balance of the international system (system level), the impact of economic, technological, and ideological issues on U.S.-China relations (state level), and the nuances of the two countries' leaders' views on the development of Sino-American relations (individual level). Then, the priorities which the new U.S. administration is likely to set for formulating its policy towards the PRC have been considered. The research results have allowed to conclude that a fundamental revision of the current policy towards China and the dramatic improvement of U.S.-China ties are highly unlikely. The trajectory of relations between Washington and Beijing in the coming years will be influenced by major structural forces rooted in the changing international system and the peculiarities of the economies and political systems of the United

States and China, that sets long-term competitive trends in the interaction of the two powers.

Keywords: China, the United States, the Biden administration, the presidential election, prospects for the relations.

Author: Anna V. VOLOSHINA, junior researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru).

Конец первого и второе десятилетие нынешнего столетия ознаменовались крупными изменениями в характере американо-китайских отношений: многообещающее когда-то движение к стратегическому партнерству трансформировалось в геополитическое соперничество, исход которого определит будущее мирового порядка. Противостояние двух стран разворачивается по большинству направлений их взаимодействия, включая вопросы торговли, лидерства в технологической сфере; обострилась стратегическая конкуренция на региональном уровне, а с ней Тайваньский вопрос и проблема Южно-Китайского моря; сворачиваются или приостанавливаются двусторонние военные, научные, молодежные обмены. Ведущие американские и китайские специалисты единодушны в признании того, что текущее ухудшение двусторонних отношений носит беспрецедентный для всей их сорокалетней истории характер [Schell, Shirk, p. 10], и отмечают высокую вероятность того, что соперничество США и КНР будет интенсивным, долгосрочным и охватывающим все сферы [Zhao, p. 387], что может знаменовать вступление двух стран в «новую эру всеобъемлющего стратегического соперничества» [Ни, с. 22].

В этой связи особый интерес представляют прошедшие 3 ноября 2020 г. президентские выборы в США. В рамках данного исследования была предпринята попытка прогнозирования дальнейшей траектории развития этих двусторонних отношений и подвижек, которые могут в них произойти благодаря прошедшим выборам.

Для достижения этой цели, во-первых, выделим основные движущие силы, направлявшие эволюцию отношений США и КНР в последние годы, с помощью неореалистического подхода, так как проведение трёхуровневого анализа (система, государство и личность) позволит составить комплексную картину исследуемого явления.

Первый уровень анализа: изменение баланса сил в международной системе

В течение нескольких десятилетий после исторического визита Никсона в Пекин в 1972 г. стабильность отношений США и КНР поддерживалась негласным «стратегическим компромиссом» [Вэй, с. 44] или «общим пониманием (*modus vivendi*) условий этих отношений» [Steinberg, p. 131]: Китай не пытался бросить вызов подкрепленной системой американских союзов и партнерств гегемонии Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и более широкому международному экономическому и политическому порядку, который способствовал экономическому развитию самой Поднебесной. Соединенные Штаты, в свою очередь, приветствовали подъем Китая и не стремились свергнуть контроль коммунистической партии в стране [Steinberg, p. 131]. До тех пор, пока между двумя странами существовало большое военное и экономическое неравенство, этот компромисс работал и отношения оставались достаточно стабильными. Ситуация стала меняться по мере очевидного роста мощи Китая. Появление государства-претендента на региональное лидерство, не включенного в систему союзов и партнерств США, привело к тому, что страны оказались в ловушке «дилеммы безопасности». Растущие возможности КНР по отстаиванию своих коренных интересов и изменению окружающего стратегического ландшафта усилили беспокойство США по поводу долгосрочных намерений Пекина как на региональном, так и на мировом уровне, а ответные попытки Вашингтона укрепить свою систему альянсов и партнерств в последнее десятилетие, включая реализацию «поворота» к Азии и запуск Индо-Тихоокеанской стратегии, подтвердили опасения Китая, что Америка нацелена на его стратегическое сдерживание.

За прошедшие годы стороны предприняли несколько попыток сформулировать новый негласный стратегический компромисс, позволивший бы стабилизировать отношения. В первый год нахождения у власти администрация президента США Б. Обамы выдвигались идеи от «стратегического успокоения» в американо-китайских отношениях до создания американо-китайской «большой двойки».

В 2013 г. стороны пытались реализовать достигнутую договоренность о строительстве «отношений нового типа». И еще одна попытка «перезагрузки» отношений была предпринята в 2017 г. Д. Трампом и Си Цзиньпином на встрече во Флориде. Однако все эти попытки окончились неудачей и отношения продолжили свой путь по нисходящей.

В условиях, когда обе стороны рассматривают действия друг друга как изначально несущие угрозу и дестабилизирующие международную систему, возникшее в результате соперничество за контуры мирового порядка вряд ли исчезнет в какое бы то ни было ближайшее время.

Второй уровень анализа: усиление соперничества в сферах экономики, технологий, идеологии

Одной из самых значимых тенденций развития американо-китайских отношений последнего десятилетия стало превращение экономики из сферы, служившей буфером для смягчения противоречий между США и КНР, в сферу, усиливающую конкурентную динамику между ними.

С одной стороны, поступательное развитие китайской экономики закономерно привело к наблюдаемому в последние годы снижению степени комплементарности китайского и американского экспорта. Это касается достаточно крупных сегментов экономики, которые производят товары и услуги с более высокой добавленной стоимостью: потребительская и промышленная электроника, автомобили (особенно электромобили), а также такие сферы, как электронная коммерция и электронные платежи. Снижение взаимодополняемости двух экономик неизбежно ведет к росту конкурентных настроений.

С другой стороны, у проблем США и Китая в экономической сфере появилось политическое измерение — возник феномен «секьюритизации» их экономических отношений. Курс КНР на превращение инноваций в главный двигатель роста экономики (например, запуск в 2015 г. программы «Сделано в Китае 2025»), создал угрозу потери Америкой своего мирового технологического лидерства. Ва-

шингтон рассматривает усилия Китая по приобретению превосходства в ряде высокотехнологичных секторов как вызов для своей национальной безопасности, который может подорвать его военное превосходство. Глубокая интеграция американских и китайских технологических производственных цепочек поставок делает уязвимой американскую оборонно-промышленную базу, которая опирается на некоторые из этих цепочек, и обуславливает курс на «decoupling» — разъединение двух экономик, предпринятый администрацией Д. Трампа.

Также меняется роль бизнес-сообщества в формулировании американо-китайской повестки. В настоящее время многие американские фирмы выступают за усиление инвестиционного и экспортного контроля в отношении КНР, что связывается со снижением прибыльности части компаний и разочарованием в ведении бизнеса в Китае из-за снижения доступа на рынки, постоянной потери интеллектуальной собственности и активной индустриальной политики КНР [Medeiros, p. 109].

Растущее число ученых также видят в отношениях двух стран признаки зарождающейся глобальной конкуренции политических идей, если не идеологии. Обращает на себя внимание активное противопоставление американских и китайских идей о государственном управлении и принятие на вооружение риторики «времен холодной войны» высшими должностными лицами США.

Третий уровень анализа: нюансы политической философии лидеров

В последнее десятилетие также изменилась оценка американскими и китайскими лидерами соотношения тех выгод, которые дает двустороннее сотрудничество, и возможных угроз, которые, как это представляется двум странам, исходят друг от друга. Д. Эдельштейн утверждает, что от результата этой оценки зависит уровень соперничества или сотрудничества в отношениях восходящей державы и угасающего гегемона. В последнее десятилетие временные горизонты как американских, так и китайских политиков изменились: ни Вашингтон, ни Пекин сейчас не верят, что время на их сто-

роне, чтобы приспособиться к угрозам, исходящим друг от друга. Это взаимное восприятие заставило руководство обеих стран перейти от хеджирования к более явным конкурентным стратегиям [Medeiros, p. 105]

Так, от курса в отношении КНР времен «поворота» Обамы (совмещение «вовлечения» Китая и развитие с ним сотрудничества как по региональным, так и по глобальным вопросам с «формированием окружающей среды» для него, а именно укреплением альянсов и партнерств США и усилением военного присутствия в Азии) был сделан переход к парадигме «стратегического соперничества» Д. Трампа. Последний задействовал различные рычаги давления на Пекин, начиная от нападков на его «нечестную торговую и технологическую политику» и заканчивая укреплением взаимодействия с Тайванем.

В свою очередь, за прошедшие десять-пятнадцать лет наблюдался отход от «эпохи Дэн Сяопина во внешней политике страны» к активному, инициативному и готовому жестко отстаивать коренные интересы страны внешнеполитическому курсу пятого поколения лидеров КНР.

Президентские выборы в США 2020 г.: перспективный курс администрации Джо Байдена в отношении Китая

3 ноября 2020 г. в США прошли очередные президентские выборы и 14 декабря коллегия выборщиков подтвердила победу кандидата от Демократической партии Джозефа Байдена. Заявления Байдена и публикации его советников по внешней политике, сделанных до и в ходе его предвыборной кампании позволяют предположить, что линия на отказ от «вовлечения» в пользу более конфронтационного подхода к КНР будет продолжена. Так, глава команды советников Байдена по Китаю Эли Ратнер в своих статьях называет Китай «самым энергичным и грозным конкурентом [США] в современной истории» и положительно оценивает курс на соперничество, заложенный администрацией Д. Трампа в «Стратегии национальной безопасности» 2017 г. [Campbell, Ratner, p. 70] Вместе с анализом бэкграунда номинантов на ключевые внешнеполитические посты

уже сейчас можно определить вероятные приоритеты будущего курса Байдена в отношении Китая.

Во-первых, противовес КНР будет обеспечиваться за счет тесного взаимодействия с союзниками и партнерами США, что неоднократно подчеркивали кандидат на пост госсекретаря Энтони Блинкен и кандидат на пост советника по национальной безопасности Джейк Салливан. Ожидается работа Америки на европейском, японском и южнокорейском направлениях с тем, чтобы подключить союзников к своей азиатской стратегии и выступить единым фронтом в отношении КНР, в том числе по вопросам технологий и информационной безопасности. Во-вторых, выбор Джанет Йеллен в качестве кандидатуры на пост министра финансов предполагает некоторый отход от жесткого прямого давления на Китай в экономической сфере, подобного торговым войнам администрации Трампа. Ожидается возврат к более сложным и долгосрочным стратегическим программам для успешной конкуренции с Китаем, проводившимся при Б. Обаме. Речь идет о фокусе на собственной стратегии опережающего научно- и военно-технического развития, которая позволит Америке оставить Китай «за бортом». Байден настаивает на том, что Соединенные Штаты могут превзойти Китай, если будут делать стратегические инвестиции в инфраструктуру, исследования и разработки, здравоохранение, образование и подготовку кадров. В-третьих, ожидается, что новая администрация усилит давление на Пекин по вопросам защиты прав человека и продвижения демократии, сместив при этом акцент с темы «идеологического противостояния». И, наконец, команда Байдена заявляет о готовности взаимодействовать с Китаем в деле решения транснациональных проблем, таких как пандемии и изменение климата. Очевидно, что новая администрация не заинтересована в развязывании полноценной холодной войны с Пекином, и запуск диалога между сторонами и создание сфер общего взаимодействия призван стабилизировать эти двусторонние отношения.

Вышесказанное вкупе с факторами, которые были выделены как направлявшие эволюцию отношений США и КНР в последние годы, на мой взгляд, делает невозможным серьезное отступление от курса на соперничество в отношении Китая. Однако предстоит увидеть, насколько эффективно удастся новой администрации реализо-

вывать свои инициативы, учитывая крайне вероятную ситуацию разделенного конгресса, если сенат останется под контролем республиканской партии¹ (хотя в пользу Байдена будет играть то, что «китайский вопрос» — одна из тех редких тем, по которым сложился мощный двухпартийный консенсус в конгрессе США) и необходимость решения комплекса как внутренних проблем (задачи борьбы с пандемией коронавируса, восстановления экономики, решения социальных разногласий), так и внешнеполитических (удастся ли Америке восстановить доверие своих союзников и партнеров и вновь предстать в роли мирового лидера).

Таким образом, можно сделать вывод, что общая направленность курса на «соперничество» с Китаем будет сохраняться при новой администрации, однако, будет несколько изменена форма его реализации и предпринята попытка оформить его в виде системной и долгосрочной стратегии. Данные проведенного трехуровневого анализа подтверждают это заключение. Коренной пересмотр текущего курса по отношению к Пекину и радикальное улучшение американо-китайских связей маловероятны — на развитие отношений между Вашингтоном и Пекином в ближайшие годы будут оказывать влияние серьезные структурные силы, коренящихся в изменяющейся международной системе, особенностях развития экономических и политических систем США и КНР, которые задают долгосрочные конкурентные тенденции во взаимодействии двух держав.

Библиографический список

Вэй Цзунъю. Чжун-мэй чжаньлюэ тосе ю дун я аньцюань чжисюй гоуцзянь: [Китайско-американский стратегический компромисс с целью построения системы безопасности в Восточной Азии] // Гоцзи Гуаньча. 2014. № 4. С. 43—56. (На кит.)

Ни Фэн. Чангуй иньсу юй фэйчангуй иньсу хуэйхэ — Мэйго дуй Хуа чжэнцэ дэ чжибянь : [Конвергенция традиционных факторов и нетрадиционных факторов — качественное изменение политики США в отношении Китая] // Сяньдай Гоцзи Гуаньси. 2018. № 7. С. 15—23. (На кит.)

---

¹ Судьба двух ключевых мест решится на выборах в Джорджии в январе 2021 г.

Campbell, Kurt; Ratner, Ely. The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // *Foreign Affairs*. 2018. № 2. P. 60—70.

Edelstein, David. Over the Horizon: Time, Uncertainty, and the Rise of Great Powers. NY: Cornell University Press, 2017. 220 p.

Medeiros, Evan. The Changing Fundamentals of US-China Relations // *The Washington Quarterly*. 2019. № 3. P. 93—119. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666355

Schell, Orville; Shirk, Susan. Course Correction: Toward an Effective and Sustainable China Policy. NY: Asia Society. 2019. 51 p.

Steinberg, James. What Went Wrong? U.S.-China Relations from Tiananmen to Trump // *Texas National Security Review*. 2019/2020. № 1. P. 119—133.

Zhao Minghao. Is a New Cold War Inevitable? Chinese Perspectives on US-China Strategic Competition // *The Chinese Journal of International Politics*. 2019. № 3. P. 371—394. DOI: 10.1093/CJIP/POZ010.

References

Campbell, Kurt; Ratner, Ely (2018). The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations, *Foreign Affairs*, 2018, № 2: 60—70.

Edelstein, David (2017). Over the Horizon: Time, Uncertainty, and the Rise of Great Powers. NY: Cornell University Press. 220 p.

Medeiros, Evan (2019). The Changing Fundamentals of US-China Relations, *The Washington Quarterly*, № 3: 93—119. DOI: 10.1080/0163660X.2019.1666355

Ni Feng (2018). Changgui yinsu yu feichanggui yinsu huihe: Meiguo dui Hua zhengce de zhibian [Convergence of conventional and unconventional factors — qualitative changes in U.S. policy towards China], *Xiandai Guoji Guanxi [Contemporary International Relations]*, № 7: 15—23. (In Chinese).

Schell, Orville; Shirk, Susan (2019). Course Correction: Toward an Effective and Sustainable China Policy. NY: Asia Society. 51 p.

Steinberg, James (2019/2020). What Went Wrong? U.S.-China Relations from Tiananmen to Trump, *Texas National Security Review*, № 1: 119—133.

Wei Zongyou (2014) Zhong Mei zhanlue tuoxie you dong ya anquan zhixu goujian [Sino-US Strategic Compromise and the Formation of East Asia Security Order], *Guoji Guancha [International observation]*, 2014, № 4: 43—56. (In Chinese).

Zhao Minghao (2019). Is a New Cold War Inevitable? Chinese Perspectives on US-China Strategic Competition, *The Chinese Journal of International Politics*, № 3: 371—394. DOI: 10.1093/CJIP/POZ010.

М.В. Калмыкова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ СОНГУН В КНДР

Аннотация Политика сонгун, принятая в КНДР в 1995 г., являлась ситуативной и вынужденной мерой в связи с глобальными изменениями в миропорядке и системе равновесия сил. Страна столкнулась не только с внешними трудностями, но и с внутренними, такими как стихийные бедствия, голод и рост смертности населения. Единым возможным способом преодоления всех сложностей, выпавших на страну, стали мобилизация всех сил и дисциплинированный подход в преодолении проблем. Назвать политику сонгун чем-то кардинально новым достаточно сложно, так как в КНДР к армии всегда было особое отношение.

Политика сонгун просуществовала 20 лет, и уже с 2016 г. наблюдается постепенный отход от данной стратегии. С 2016 г. наблюдаются изменения в Политбюро ЦК ТПК, в котором только 1/5 членов и кандидатов являлись военными.

В 2020 г. произошли перемены в военном руководстве страны. Все больше гражданских лиц занимают управляющие должности. На военном параде в честь 75-летия ТПК, Ким Чен Ын в своей речи ни разу не упомянул слово «сонгун». Также стоит упомянуть, что Пхеньянская дивизия № 1 состоит в основном из гражданских членов партии, которая была отправлена в провинции Северный и Северный Хамген для устранения последствий тайфуна осенью 2020 г. Эти факты указывают на снижение роли армии в стране.

Однако необходимо учитывать международное положение и наличие военных баз и военнослужащих США в Южной Корее. Армия для КНДР является главной опорой в обеспечении безопасности страны от внешних сил, поэтому политика приоритета армии не забыта. В случае возникновения внешней опасности государство готово в чрезвычайном порядке вернуться к прежнему режиму.

Ключевые слова: КНДР, сонгун, эволюция политики приоритета армии, Корейская Народная Армия, Государственный комитет обороны.

Автор: Калмыкова Мария Владимировна, лаборант-исследователь Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kalmykovamari@yandex.ru

Kalmykova M. V.

The Evolution of Songun Policy in the DPRK

Abstract. The Songun policy was adopted in the DPRK in 1995. It was a situational and forced measure because of the global changes in the world order and the system of the balance of power. The country faced not only external difficulties, but also internal ones, such as natural disasters, hunger and an increase in the death rate of the population. The only possible way to overcome all the difficulties that befell the country was the mobilization of all forces and a disciplined approach to overcoming problems. It is rather difficult to call the Songun policy something radically new, since in the DPRK there has always been a special attitude towards the army.

The songun policy has existed for 20 years. Since 2016 there has been a gradual change from this strategy. Since 2016, there have been changes in the Politburo of the Central Committee of the Workers' Party of Korea, in which only 1/5 of the members and candidates were military.

In 2020, there were changes in the country's military leadership. More and more civilians are holding managerial positions. At the military parade in honor of the 75th anniversary of the WPK Kim Jong-un never mentioned the word "songun" in his speech. It is also worth mentioning that the Pyongyang Division No. 1 consists mainly of civilian party members. It was sent to the provinces of North and North Hamgen to prevent the consequences after the last typhoon in the fall of 2020. These facts indicate a decline in the role of the army in the country.

However, it is necessary to take into account the international situation and the presence of US military bases and troops in South Korea. For the DPRK, the army is the main pillar in ensuring the country's security from external forces, therefore, the policy of the army's priority has not been forgotten. In the event of an external threat, the state is ready to return to the previous regime on an emergency basis.

Keywords: DPRK, songun, evolution of the army priority policy, Korean People's Army, State Defense Committee.

Author: Maria V. KALMYKOVA, Assistant Researcher at Centre for Korean Studies of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. (e-mail: kalmykovamari@yandex.ru).

В истории КНДР 20 лет осуществлялась политика сонгун. Это понятие означает приоритет армии. 1 января 1995 г. принято считать днем воплощения в реальность данной политики. Многие исследователи рассматривали сонгун как закономерную и неизбежную эволюцию политики и идеологии чуче [Kang D., p. 23]. Тем более, что в годы политики сонгун пропаганда КНДР прямо указывала, что чуче является основой политики сонгун и пытались доказать, что она имеет столь же долгую историю, как и идеология чуче. Для того, чтобы связать две политические линии, чуче и сонгун, начиная 2000-х гг. в СМИ стали говорить о том, что политика приоритета армии брала свое начало с 30-х годов, а точнее, с 1932 г. Легенды гласили, что именно Ким Чен Ир является главным создателем политики сонгун [Ким Чхоль У., с. 8]. Также считалось, что в силу диктаторского характера власти правительство Северной Кореи так или иначе придет к милитаризации всех сфер жизни общества, что как раз и характеризует политику сонгун.

Целью политики являлись защита народа, преодоление выпавших на страну трудностей в связи с распадом мировой системы социализма и продолжением агрессивной политики против КНДР. Так, страна должна сплотиться и стать единым военным лагерем и во всех делах брать пример с армии, с ее дисциплиной и готовностью принести себя в жертву ради защиты Родины [Жебин А.З., с. 86].

Однако в прошедшие годы, а особенно с 2016 г., можно наблюдать изменение роли политики сонгун в КНДР. Наблюдая изменения в структуре власти и в пропаганде, можно отметить, что данная

политика не является закономерной трансформацией и новой политической линией, а, наоборот, стала вынужденной мерой в чрезвычайных обстоятельствах и носит ситуативный характер. Повторюсь, усиление роли такой политики было вызвано рядом причин. Внешних: потеря главного союзника, резкое падение торговли (с 2,5 млрд долл. в 1991 до 365 млн долл. в 1995 г.), санкции со стороны США и внутренних: стихийные бедствия, голод и рост смертности населения [Панкина И.Ю., с. 21].

В мировой истории превращение всего общества в единый военный лагерь является не новым. Примером может послужить СССР, когда высшим органом власти в стране во время Великой Отечественной войны был не Президиум Верховного Совета и не Правительство и даже не политбюро ЦК ВКПб, а Ставка Верховного Главнокомандования, и все в жизни страны подчинялись решениям этой Ставки. По окончании войны Ставка была ликвидирована, и общество постепенно возвращалось к привычному мирному ритму жизни.

Исходя из исторического опыта, можно прийти к заключению, что политика сонгун в КНДР также носила ситуативный характер правящей партии страны, вынужденной принимать жесткие меры для сохранения страны в условиях изменения мирового порядка, системы равновесия сил, а также наложившихся к этому катастрофических стихийных бедствий внутри. Единственным решением стала всеобщая мобилизация и утверждение строгих армейских порядков. Действительно, данная политика стала защитной реакцией правительства КНДР в сложившийся неблагоприятной для Северной Кореи обстановке, но назвать эту политику чем-то кардинально новым нельзя, так как армия всегда была в почете в КНДР. Руководящая роль Трудовой партии не отрицалась, несмотря на тот факт, что ГКО принимал основные решения. Однако, председателем ГКО являлся Генеральный секретарь правящей партии и члены ГКО назначались им, а не армейской верхушкой [Жебин А.З., с. 92].

На 7 Съезде Трудовой партии Кореи, который прошел 6—8 мая 2016 г, состав нового Политбюро ЦК ТПК состоял из 28 членов и кандидатов в члены Политбюро, в котором только 5 человек носили военную форму [Жебин А.З., с. 45]. С целью закрепления роли пар-

тийного аппарата в качестве основной опоры власти были переименованы ряд должностей и институтов, что также поспособствовало снижению влияния военных. Таким путем Ким Чен Ир стремился достичь баланса между партийными и военными силами.

Теперь на плечи Кабинета министров легла задача обеспечить развитие экономики страны. Тем самым роль армии в данной отрасли постепенно снижалась, несмотря на то, что развитие оборонной промышленности оставалось «жизненно важным направлением» в целях сохранения безопасности населения страны [Жебин А.З., с. 47].

Более того, если со второй половины 90-х и до кончины Ким Чен Ира, в самый острый период жизни страны, в президиуме политбюро ЦК ТПК из 5 членов два человека (начальник Главного политуправления армии и начальник Генерального штаба) представляли Корейскую народную армию, то после апрельского пленума ЦК ТПК, представители КНА не занимают ни одного места в Президиуме политбюро.

Стоит обратить внимание, что Ким Чен Ын через год после вступления назначил на должность начальника гражданского человека, секретаря ЦК партии Цой Рен Хе (최령혜), который за всю жизнь никогда не имел дела с армией, а после него также назначил бывшего первого заместителя заведующего Оргинструкторским отделом Хен Бен Со, продемонстрировав тем самым, что армия находится под строгим контролем партии. По должности, что и Цой Рен Хе и Хон Бен Со, становились членами Президиума Политбюро. Именно начальник Главпура считался главным человеком в КНА, но уже после Хен Бен Со начальник Главпура перестал входить в состав Президиума Политбюро ЦК ТПК.

В 2020 г. произошли перемены в военном руководстве страны. Так, главный военный орган партии Центральный военный совет (комитет) ТПК возглавляется лидером партии, а его заместителями были Начальник Главпура и начальник Генштаба. Сейчас один заместитель, и им стал в мае 2020 г. заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК ТПК Ли Бен Чер (이병철). Он как Заведующий этим отделом был избран членом Политбюро, заместителем Председателя ЦК ТПК 13 августа 2020 г., а 5 октября совместным постановлением ЦК ТПК, ЦВС и Государственного Совета КНДР Ли Бен

Черу было присвоено звание Маршала КНА [Председатель ЦВК ТПК приказал повысить...].

Одновременно с ним звания маршала КНА удостоен Начальник Генерального штаба КНА Пак Чжон Чен (박정천), т. е. он и по воинскому званию стал выше начальника Главпура Ким Су Гира и Министра обороны Ким Чон Гвана (김정관), но все равно ниже по властной иерархии и влиянию, чем Ли Бен Чер [Прошло 19-е заседание Политбюро ЦК ТПК 7-го созыва].

Ли Бен Чер вошел в пятерку высших руководителей партии и страны. В этот орган по должности входят сам Ким Чен Ын, председатель Президиума Верховного Народного Собрания Цой Рен Хе (최령혜), Заместители Председателя ЦК ТПК, бывший Председатель Правительства КНДР Пак Бон Чжу (박봉주), Председатель Правительства КНДР Ким Док Хун (김덕훈).

В конце прошлого года создан Военный отдел (군정지도부) в структуре ЦК ТПК. Начальником его назначен член Политбюро ЦК ТПК, бывший с 2013 по 2019 г. Министром общественной безопасности Цой Бу Ир (최부일). То есть руководителем отдела или департамента, ведающего делами министерства обороны назначен не военный человек, а бывший полицейский. Функции министерства обороны и внутренних дел сильно различаются, хотя, конечно, нужно учитывать и тот факт, что в структуре Министерства общественной безопасности КНДР есть Внутренние войска.

Кадровыми вопросами армии занимается первый заместитель заведующего Организационно-инструкторскими отделом ЦК ТПК Ким Чо Гук (김조국), который тоже не является военным. Если учесть, что в информационных сообщениях никогда не называют имени заведующего этим отделом, нужно исходить из того, что вот уже 30 лет эта должность принадлежит высшему руководителю партии. Кстати, бывший первый зам заведующего этим отделом Хен Бен Со несколько лет был начальником Главного политуправления КНА в ранге вице-маршала КНА, членом Политбюро и членом Президиума Политбюро, а потом снова вернулся в аппарат ЦК, естественно, потерял должность члена Президиума Политбюро. Так, можно сделать вывод, насколько это высокая должность в Корее.

Важно также отметить, что выступая 10 октября 2020 г. на военном параде в честь 75-летия ТПК, Ким Чен Ын говорил много ле-

стных слов об армии, которая в этом году в силу огромных разрушений, связанных с тайфунами, приложила большие усилия, чтобы восстановить разрушенные села, городки, мосты и в целом инфраструктуру, и извинился, что он в такое время не может быть среди военных [Прошло торжественное заседание...]. Но в то же время в своей речи ни разу не произнес слова сонгун. То есть, он еще раз продемонстрировал, что сейчас не стоит вопрос об угрозе существования государства [Речь высшего руководителя нашей партии...].

Обратим внимание и на тот факт, что Пхеньянская дивизия № 1, состоящая из гражданских членов партии и возглавляемая членом Политбюро ЦК ТПК, зампредом Госсовета КНДР Цой Хви, была направлена в провинции Северный и Северный Хамген для предотвращения последствий после прошедшего тайфуна [Прошло собрание бойцов дивизий...]. Этот факт подтверждает, что роль армии постепенно снижается. И теперь всевозможные трудности лежат не только на плечах КНА.

Несмотря на многие трудности, с которыми сегодня столкнулась КНДР и весь в мир в целом, страна постепенно возвращается к системе государственного управления, характерной для социалистического устройства, со своей спецификой и сочетанием с национальными особенностями страны. То есть, армия перестает играть ведущую политическую роль и возвращается к выполнению своей изначальной задачи — защите Родины от внешнего врага. В то же время, учитывая международное положение и наличие военных баз и военнослужащих США в Южной Корее, а также превосходящие по своей оснащенности обычным оружием войска Южной Кореи, армии КНДР уделяется большое внимание, так как армия — главная сила в обеспечении безопасности страны от внешних сил. Создаются, как говорят в КНДР, самозащитные вооруженные силы и самозащитное вооружение, чтобы ни у кого не возник соблазн попытаться проверить готовность и способность народа КНДР защитить свое общество и государство.

Двадцатилетний опыт политики сонгун, не забыт, и она может быть восстановлена при острой необходимости, если, например, опять встанет вопрос об угрозе существования самого государства.

Библиографический список

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорма, 2006. 216 с.

Жебин А.З. VII Съезд Трудовой Партии Кореи: предварительные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. с. 44—53.

Ким Чхоль У. Военноориентированная политика Ким Чен Ира. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 2002. С. 8.

Панкина И.Ю. Политика приоритета армии (сонгун) в КНДР: истоки, сущность и формы проявления: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 246 с.

Прошло торжественное заседание, посвященное 75-летию основания ТПК. ЦТАК. 11.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this> (дата обращения: 19.11.2020).

Прошло собрание бойцов дивизий столичных партийцев по подаче рапорта верности // ЦТАК. 21.11.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this> (дата обращения: 21.11.2020).

Речь высшего руководителя нашей партии, государства и вооруженных сил товарища Ким Чен Ына на военном параде, посвященном 75-летию Трудовой партии Кореи. 11.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (дата обращения: 12. 10.2020).

Чосонродондан чуанкунсавывонхве вывончжан чуе канбу дыре кунса чинхорыл оллучудде техае меннен: [Председатель ЦВК ТПК приказал повесить в воинских званиях главных кадров]. 06.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=A6F1F4AE747A43D574E48753A2A0167A> (дата обращения: 10.10.2020).

Чосонродондан чуан кунса вывон хве че 7 ги 19 чха чончикук хвеи чинхен: [Прошло 19-е заседание Политбюро ЦК ТПК 7-го созыва]. 06.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=A6F1F4AE747A43D574E48753A2A0167A> (дата обращения: 10.10.2020).

Kang D. (2003). International Relations Theory and the Second Korean War. *International Studies Quarterly*. Vol. 47. No. 3.

References

Joseonlodongdang Jung-Ang-Gunsawiwonhoe Wiwonjang Juyoganbudeul-Ui Gunsachingholeul Ollyeojulde Daehayeo Myeonglyeong [Ordered to raise the military

titles of major executives of the Central Military Committee of the Korean Workers' Party]. 06.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=A6F1F4AE747A43D574E48753A2A0167A> (accessed: 10.10.2020). (In Korean).

Joseonlodongdang Jung-Ang-Wiwonhoe Je7gi Je19cha Jeongchigughoeui Jinhaeng [Chosun Workers Party Central Committee 7th 19th Political Assembly]. 06.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf;jsessionid=A6F1F4AE747A43D574E48753A2A0167A> (accessed: 10.10.2020). (In Korean).

Kang D. (2003). International Relations Theory and the Second Korean War. *International Studies Quarterly*. Vol. 47. No. 3.

Kim Chkhol' U. (2002) *Voyennooriyentirovaniya politika Kim Chen Ira.* — P'yongyang: “zd-vo lit-ry na inostrannykh yazykakh”. P. 8. (In Russian).

Pankina I.U. (2011). *Politika prioriteta armii (songun) v KNDR: istoki, sushchnost' i formy proyavleniya.* Moscow. 246 p. (In Russian).

Proshlo torzhestvennoye zasedaniye, posvyashchennoye 75-letiyu osnovaniya TPK. TSTAK. 11.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this> (data obrashcheniya 19.11.2020). (In Russian).

Proshlo sobraniye boytsov diviziy stolichnykh partiytsev po podache raporta vernosti // TSTAK. 21.11.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf#this> (data obrashcheniya: 21.11.2020). (In Russian).

Rech' vysshego rukovoditelya nashey partii, gosudarstva i vooruzhennykh sil tovarishcha Kim Chen Yna na voyennom parade, posvyashchenom 75-letiyu Trudovoy partii Korei. 11.10.2020. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (accessed: 12. 10.2020). (In Russian).

Zhebin A. Z. (2006). *Evolutsiya politicheskoy sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen.* — Moscow: “Russkaya panorama”. 216 p. (In Russian).

Zhebin A.Z. (2016). VII S"yezd Trudovoy Partii Korei: predvaritel'nyye itogi. Moscow: “Problemy Dal'nego Vostoka”. № 4. P. 44—53. (In Russian).

Е.В. Колдунова

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ¹

Аннотация. На период 1990-х гг. и первого десятилетия этого века пришелся расцвет многосторонних процессов сотрудничества в Восточной Азии и АТР. Несмотря на то, что они развивались «минуя» решение самых болезненных региональных проблем безопасности (Корейской проблемы, проблемы «двух Китаев», территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях), нарастающий тренд торгово-экономической либерализации, общий неконфронтационный фон региональной ситуации и нацеленность большинства региональных игроков прежде всего на цели собственного экономического развития, которое на тот момент уже невозможно было обеспечить только лишь усилиями национальных правительств, позволил многосторонним процессам институционально охватить большинство сфер регионального взаимодействия. Их успеху способствовала также пространственная (в терминологии А.Д. Богатурова) структура региона, в рамках которой роль организаторов многосторонних процессов сотрудничества успешно взяли на себя прежде всего малые и средние страны региона, объединенные в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Однако во втором десятилетии этого века многосторонние институты в регионе столкнулись с целым рядом вызовов, которые планируется рассмотреть в представленной статье. К ним в первую очередь стоит отнести обострение китайско-американских противоречий, претензии Китая на самостоятельную роль в организации регионального пространства (в том числе с использованием новых, инициированных Китаем многосторонних институтов), развитие процессов минилатерализма (в частности, в формате четырехстороннего диалога по проблемам безопасности США, Австралии, Индии и Японии) в ущерб инклюзивности существующих АСЕАН-центричных многосторонних институтов сотрудничества, общие тенденции частичной деглобализации, усиленные санкциями США в отношении России и Китая и пандемией коронавируса нового типа.

В статье предпринимается попытка доказать тезис о том, что многосторонние региональные институты пока что сохраняют высокую степень инерционности в реагировании на данные вызовы, несмотря на их осознание и проработку в экспертном сообществе.

Ключевые слова: Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, АСЕАН-центричные институты, США, Китай, региональные институты, многосторонность.

Автор: Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Koldunova E. V.

New Challenges to the Multilateral Cooperation in East Asia¹

Abstract. The multilateral processes flourished in East Asia and the Asia Pacific in the 1990s and early 2000s. Their development “ignored” the most pressing regional security problems (Korean problem, “two Chinas” problem, territorial disputes in the East China and South China Seas). However, the prevailing trend of trade and economic liberalization, the general non-confrontational background of the regional situation and the aspirations of the majority of regional players to sustain their economic development relying on the international cooperation let many of

---

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation, grant number 19-18-00142.

the multilateral institutions to encapsulate the majority of regional interactions. The spatial regional structure (in Alexei Bogaturov's terminology) let the small and middle range states united in the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) to take the lead in the multilateral processes.

However, the second decade of this century brought new challenges to the multilateral institutions. They include the rising Sino-American contradictions, China's ambitions to play an independent role in the organization of the region through the new multilateral institutions initiated by China), the rise of minilateralism (in particular within the Quad framework of the USA, Australia, India and Japan) at the expense of inclusive ASEAN-centered institutions, the general deglobalization trends empowered by the American sanctions vis-a-vis Russia and China and COVID-19 pandemic.

Against this background the article argues that the multilateral institutions still retain a high level of inertia in reacting to these challenges, despite the fact that the regional expert community acknowledges them.

Keywords: East Asia, Southeast Asia, ASEAN, ASEAN-centered institutions, the USA, China, regional institutions, multilateralism.

Author: Ekaterina V. KOLDUNOVA, Candidate of Sciences (International Relations), Acting Director, ASEAN Centre, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations, the MFA of Russia (e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru).

На период 1990-х гг. и первого десятилетия этого века пришелся расцвет многосторонних процессов сотрудничества в Восточной Азии и АТР. Несмотря на то, что они развивались «минуя» решение самых болезненных региональных проблем безопасности (Корейской проблемы, проблемы «двух Китаев», территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях), нарастающий тренд торгово-экономической либерализации, общий неконфронтационный фон региональной ситуации и нацеленность большинства региональных игроков прежде всего на цели собственного экономического развития, которое на тот момент уже невозможно было обеспечить только лишь усилиями национальных правительств, позволил многосторонним процессам институционально охватить большинство сфер регионального взаимодействия. Их успеху способствовала также пространственная (в терминологии А.Д. Богату-

рова [Богатуров, 1997]) структура региона, в рамках которой роль организаторов многосторонних процессов сотрудничества успешно взяли на себя прежде всего малые и средние страны региона, объединенные в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

К началу XXI века с институциональной точки зрения АТР представлял собой сочетание региональных многосторонних механизмов, возникших в разные эпохи. Так, например, АСЕАН была основана в 1967 г. еще в период холодной войны и объединила страны, сделавшие выбор в пользу капиталистического развития и пытавшиеся путем соединения усилий малых и средних стран в региональном формате преодолеть идеологические расколы в Юго-Восточной Азии. Основательницами АСЕАН стали Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и Сингапур. Позднее, в 1984 г. к АСЕАН присоединился Бруней. На тот момент вне Ассоциации оставались Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма. Форум АТЭС начал свою деятельность в 1989 г. во время перехода от биполярного противостояния к постбиполярной эпохе.

В 1990-е гг. страны-основательницы АСЕАН утратили статус форпостов борьбы с коммунизмом, а субрегион Юго-Восточной Азии вследствие вывода оттуда как советских, так и американских военных баз ощутил на себе последствия «вакуума силы», выразившиеся в снижении политического и отчасти экономического интереса к нему со стороны единственной оставшейся супердержавы. В этих условиях АСЕАН обратилась к поиску новых стимулов для своего дальнейшего развития и способам взаимодействия с более крупными международными игроками. Таковыми стали задачи объединения в рамках Ассоциации всех стран субрегиона, региональная экономическая интеграция и поддержание разумной конкуренции крупных внешних игроков на пространстве Ассоциации таким образом, чтобы эта конкуренция могла приносить АСЕАН экономические и политические дивиденды [Колдунова, 2017, с. 55—66]. Последняя задача реализовывалась как с помощью экономических инструментов и задач, закрепленных в документах АСЕАН о создании экономического сообщества [ASEAN Economic Community Blueprint 2025] и генеральном плане по наращиванию взаимосвязанности [Master Plan on ASEAN Connectivity 2025], так и благодаря новым институциональным форматам типа Восточноазиатского саммита и

Совещания министров оборона стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+).

Однако во втором десятилетии этого века многосторонние институты в регионе столкнулись с целым рядом вызовов. К ним в первую очередь стоит отнести 1) обострение китайско-американских противоречий; 2) претензии Китая на самостоятельную роль в организации регионального пространства (в том числе с использованием новых, инициированных Китаем многосторонних институтов); 3) развитие процессов минилатерализма (в частности, в формате четырехстороннего диалога по проблемам безопасности США, Австралии, Индии и Японии) в ущерб инклюзивности существующих АСЕАН-центричных многосторонних институтов сотрудничества; 4) общие тенденции частичной деглобализации, усиленные санкциями США в отношении России и Китая и пандемией коронавируса нового типа.

В статье предпринимается попытка доказать тезис о том, что многосторонние региональные институты пока что сохраняют высокую степень инерционности в реагировании на данные вызовы, несмотря на их осознание и проработку в экспертном сообществе.

Во втором десятилетии этого века в Азиатско-Тихоокеанском регионе стали особо заметны попытки представления альтернативных либо построенных на иной логике, нежели традиционные интеграционные процессы, проектов, «работающих» на интересы крупных держав, в первую очередь Китая и США [Voskressenski and Kollar, 2019]. Речь идет о китайской Инициативе пояса и пути, инициированной в 2013 г. в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Азии, а также о проекте Транстихоокеанского партнера, активизированного тогдашним президентом США Бараком Обамой в целях не допустить китайского лидерства в процессах определения правил игры в международной торговле. Инициатива формирования Транстихоокеанского партнерства (в форме преференциального торгового соглашения) была предложена Соединенными Штатами Австралии, Новой Зеландии, Чили и Сингапуру еще в 1998 г. Однако сам переговорный процесс стартовал лишь в 2003 г. К тому времени среди его участников остались только Новая Зеландия, Чили и Сингапур. В 2005 г. заинтересованность в присоединении к процессу высказал Бруней. В 2006 г. Транстихоокеанское стратегическое эконо-

мическое партнерство вступило в силу. Намерениям же самих США присоединиться к партнерству помешал экономический кризис, разразившийся в 2008 г. Американская администрация вновь обратилась к данному механизму тогда, когда понадобились конкретные действия по укреплению позиций страны в АТР. К тому моменту в регионе уже были выдвинуты два паназиатских проекта многосторонних зон свободной торговли — АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея) и АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия), которые исключали участие США.

В октябре 2015 г. США удалось достичь договоренности со всеми странами, вовлеченными в переговорный процесс о Транстихоокеанском партнерстве (Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Перу, Сингапур, Вьетнам и Новая Зеландия) и в феврале 2016 г. соглашение было подписано, однако новый американский президент Дональд Трамп в качестве одного из своих первых решений заявил о выходе из состава ТТП. Вместо линии на усиление структурных политэкономических инструментов контроля через институционализированные форматы типа ТТП администрация Трампа с 2017 г. сделала упор на поддержку геополитического конструкта Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) [Remarks by President Trump...], активно разрабатываемого на тот момент Японией и Австралией. В декабре того же года идея ИТР была закреплена в Стратегии национальной безопасности США, определявшей основное региональное противоречие как отражение борьбы «свободного» и «репрессивного» миров [National Security Strategy...]. В торгово-экономической сфере США инициировали масштабное экономическое и технологическое противостояние, лишь частично смягченное первой фазой американо-китайской торговой сделки, подписанной в январе 2020 г. и предполагавшей, что в течение последующих двух лет Китай должен был увеличить импорт американских товаров на сумму в 200 млрд долл. и усилить меры по защите интеллектуальной собственности.

Несмотря на то, что вербально Соединенные Штаты (как и Китай) никогда не ставили под сомнение центральную роль АСЕАН, тем не менее само появление как новых политэкономических проектов (ТТП и ИПП), так и геополитических конструктов, делающих акцент на минилатерализме (ИТР) серьезным образом ограничива-

ло эту роль, делая АСЕАН-центричные платформы маргинальными в решении самых важных региональных вопросов.

Черты инерционности в реакции АСЕАН на данный процесс, несмотря на его широкое обсуждение в экспертном сообществе [The State of Southeast Asia], отчетливо просматриваются в документе АСЕАН, посвященном подходу Ассоциации к концепции Индо-Тихоокеанского региона, одобренном в 2019 г. на саммите Ассоциации в Таиланде [ASEAN Outlook on the Indo-Pacific]. Этот документ, несмотря на то, что он представляет инклюзивный (в противовес американскому) подход к пониманию ИТР, может быть охарактеризован скорее как заявление о намерениях или о желаемом региональном порядке и не дает представлений о том, каким образом он может быть достигнут в текущих условиях. Распространение коронавируса нового типа в 2019—2020 гг., ухудшение китайско-американских противоречий, пробуксовывание переговорного процесса АСЕАН с Китаем по Кодексу поведения в Южно-Китайском море также добавляют ситуации скорее инерционности, нежели проактивности с точки зрения дальнейшего развития системы региональных институтов.

Библиографический список

- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М.: МОНФ, 1997. 352 с.
- Колдунова Е.В.* Диалоговые партнерства во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Том 15. № 3. С. 55—66.
- ASEAN Economic Community Blueprint 2025/ ASEAN Official Web site. URL: https://www.asean.org/storage/2016/03/AECBP_2025r_FINAL.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- Master Plan on ASEAN Connectivity 2025/ ASEAN Official Web site. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).
- The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham: Lexington, 2019. 228 p.
- Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam. November 10, 2017 / The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements>

nts/remarks-president-trump-аpec-ceo-summit-da-nang-vietnam/ (дата обращения: 15.11.2020).

National Security Strategy of the United States of America. December 2017/ National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>. P.45. (дата обращения: 24.08.2020).

The State of Southeast Asia: 2020 Survey Report. Singapore: ISEAS, 2020. 56 p.

ASEAN Outlook on the Indo-Pacific/ ASEAN Official Web site. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

References

Bogaturov A.D. (1997). Velikie derzhavy na Tihom okeane [Great Powers in the Pacific Ocean]. Moscow: MONF. 352 p. (In Russian).

Koldunova E.V. (2017). Dialogovye partnerstva vo vneshnej politike ASEAN [Dialogue Partnerships in ASEAN's Foreign Policy] // Mezhdunarodnye processy [International Trends]. Vol. 15. № 3. P. 55—66. (In Russian).

ASEAN Economic Community Blueprint 2025, ASEAN Official Web site. URL: https://www.asean.org/storage/2016/03/AECBP_2025r_FINAL.pdf (accessed: November 15, 2020).

Master Plan on ASEAN Connectivity 2025, ASEAN Official Web site. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf> (accessed: November 15, 2020).

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia (2019). Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglarka Koller. Lanham: Lexington. 228 p.

Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam. November 10, 2017, The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed: November 15, 2020).

National Security Strategy of the United States of America. December 2017, National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>. P.45. (accessed: November 15, 2020).

The State of Southeast Asia: 2020 Survey Report (2020). Singapore: ISEAS. 56 p.

ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, ASEAN Official Web site. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: November 15, 2020).

Г.А. Кочешков

ВЛИЯНИЕ ТЕКУЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА КНР И США НА СИТУАЦИЮ В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

Аннотация. Открытый конфликт КНР и США, начавшийся с торговой войны, к 2020 г. явно вышел за её рамки, охватывая множество экономических и политических аспектов, включая Тайвань. Моментом начала как торговой войны, так и обострения ситуации в Тайваньском проливе можно обозначить март 2018 г., когда США анонсировали первый масштабный «50-миллиардный» пакет тарифов против китайских товаров, а также приняли закон Taiwan Travel Act, разрешивший визиты и встречи официальных лиц между Вашингтоном и Тайбэем.

Важность данного события стала особенно ясна к осени 2020 г., когда в ответ на ставшие возможными благодаря этому закону визиты на Тайвань министра здравоохранения США Алекса Азара и замгоссекретаря США Кейта Крача в августе и сентябре 2020 г. соответственно, Пекин провёл в регионе серию масштабных военных учений, в ходе которых самолёты НОАК десятки раз пересекали так называемую среднюю линию Тайваньского пролива, причём, по заявлению Тайбэя, число подобных пересечений выше чем в любой год после 1990, т. е. включая время Третьего кризиса в Тайваньском проливе.

Учитывая чувствительность тайваньского вопроса для Пекина, американский Закон об отношениях с Тайванем, а также стратегиче-

скую значимость данного острова, на фоне эскалации напряжённости между КНР и США Тайвань является одной из тех точек, с которой американско-китайский конфликт потенциально может перейти непосредственно в военную стадию. И поэтому ситуация в данном регионе требует особенно внимательного изучения.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, Четвёртый кризис в Тайваньском проливе.

Автор: Кочешков Георгий Андреевич, выпускник магистратуры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: geo-kocheshkov@yandex.ru

Kocheshkov G.A.

The impact of the current US-China economic and political conflict on the situation in the Taiwan Strait

Abstract. Started as a trade war, by 2020 an open US-China conflict has covered many economic and political aspects, including Taiwan. The start of the trade war and the escalation in the Taiwan Strait both can be marked as March 2018, when the USA announced the first large-scale \$ 50bln tariff package on Chinese goods and also adopted the “Taiwan Travel Act”, which allows American and Taiwanese officials meet and visit each other.

The importance of this event became very clear by autumn 2020, when Beijing held a series of large-scale military exercises in the region in response to August and September visits to Taiwan by US Secretary of Health Alex Azar and US Undersecretary of State Keith Krach, which became possible by this law. During these exercises, PLA aircrafts dozens of times crossed the so-called median line of the Taiwan Strait and, according to Taipei, the number of such crossings is the highest in any year since 1990, which includes the time of the Third Taiwan Strait Crisis.

Considering the sensitivity of the Taiwan issue for Beijing, the American “Taiwan Relations Act” and the strategic importance of this island, amid the rising tensions between the PRC and the USA, Taiwan is one of those places where the US-China conflict can potentially escalate to the military stage. Therefore, the situation in this region requires a particularly careful study.

Keywords: Taiwan, China, USA, the Fourth Taiwan Strait Crisis.

Author: Georgy A. KOCHESHKOV, Graduate master of Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: geo-kocheshkov@yandex.ru).

За последние несколько лет мы стали свидетелями нарастающего конфликта между США и КНР. И хотя наиболее явно он стал проявляться при администрации Дональда Трампа, данное противостояние назревало уже давно. Так, ещё при администрации Барака Обамы США начали «разворот в Азию» («pivot to Asia»), с целью «сдерживания» Пекина.

К тому же для конфликта Соединённых Штатов и Китая существуют и очень серьёзные объективные предпосылки. Одной из главных является та, которая часто описывается как «ловушка Фукидида», т. е. неизбежный конфликт между страной-гегемоном и страной-претендентом. США являются сильнейшей в мире страной в экономическом, политическом и военном отношении уже много десятилетий (однозначно — с момента окончания Холодной войны и распада СССР), однако в последние годы Китай поставил под сомнение экономический статус США.

Во-первых, китайская экономика уже очень длительное время растёт быстрее, чем американская, и эта тенденция не изменилась даже несмотря на замедление экономики КНР с начала 2010-х (после всемирного экономического кризиса 2008 г.), и американское экономическое давление последних нескольких лет в рамках торговой войны.

Во-вторых, по крайней мере, в количественном отношении, уже точно можно сказать, что экономика КНР находится в одной «весовой категории» с экономикой США: по каким-то показателям (ВВП ППС и экспорт) Китай занимает 1-е место, а США — 2-е, по каким-то (номинальный ВВП и импорт), на 1-м месте США, а КНР — на 2-м месте, но, в любом случае, показатели Китая в количественном отношении, если и уступают американским, по крайней мере, сопоставимы с ними в большинстве случаев [World Bank...].

В-третьих, даже в ряде «качественных» сфер Китай начинает опережать США и становиться мировым лидером. В качестве примера, можно привести высокоскоростные железные дороги, электронную торговлю и сети 5G.

В результате, вне зависимости от желания правительств обеих стран, «естественное развитие» китайской экономики ставит под сомнение лидирующую роль американской. А, поскольку на экономи-

ческий потенциал во многом опирается лидерство США в политической и военной сферах, рост в них потенциала КНР, следующий за ростом экономики, напрямую угрожает статусу Соединённых Штатов Америки как первой мировой державы.

Помимо этого, если говорить об экономических причинах, достаточно важными являются проблемы дефицита Соединённых Штатов в торговле с Китаем, а также споры в сфере защиты американской интеллектуальной собственности в КНР. Из-за этих двух проблем, собственно, формально и началась торговая война.

И если проблемы торгового дефицита, а, следовательно, проигрыша американских производителей на собственном рынке и оттока из США рабочих мест, волнуют в первую очередь ту часть бизнеса и электората, на которые опираются республиканцы и Трамп, и в меньшей степени — американские ТНК, которые скорее поддерживают демократов и ещё при Обаме выступали за заключение Транс-Атлантического и Транс-Тихоокеанского партнёрств, проблема защиты интеллектуальной собственности волнует последние куда сильнее, так как это, собственно, их интеллектуальная собственность.

Помимо экономических существуют также и многочисленные политические факторы, способствующие росту напряжённости между Пекином и Вашингтоном.

Во-первых, вытекающее из упомянутого ранее роста экономической мощи КНР политическое соперничество между двумя державами.

Во-вторых, сказывается разница идеологий и политических систем. Пока нельзя сказать, что этот фактор настолько же значим, как в годы Холодной войны в случае СССР и США, тем более, что в экономической части «социализм с китайской спецификой» вполне похож на капитализм, однако идеологическое противопоставление видно, по крайней мере, со стороны Соединённых Штатов. Хотя условная республиканская администрация при этом будет в большей степени упираться на то, что в КНР у власти находятся коммунисты, в то время как условная демократическая — на нарушение Китаем прав человека и тому подобные вещи.

В-третьих, рост мощи КНР приводит к усилению напряжённости между Китаем и другими региональными игроками, часть кото-

рых является американскими союзниками. Одним из таких игроков, в частности, и является Тайбэй.

Помимо этого, нельзя не упомянуть как отдельный фактор пандемии COVID-19, которая также очень сильно способствовала ухудшению отношений двух стран — обе стороны даже успели обвинить друг друга в её начале. Правда, если с китайской стороны самым высокопоставленным обвинителем на сегодняшний день стал один из спикеров МИД КНР в своём твиттере, написавший про возможную вину американских военных в уханьской вспышке COVID-19 [Chinese Diplomat...], с американской стороны обвинители были самым высокопоставленными, включая лично президента Трампа — последний, в частности, сказал, что Пекин мог намеренно позволить эпидемии распространиться за границы Китая [Coronavirus: Trump...].

Вопрос Тайваня стал важен и в проблеме пандемии по той причине, что он является едва ли не единственным успешным примером демократии западного образца в борьбе с COVID-19 (на Тайване минимальное число случаев, в подавляющем большинстве, ввозных). Под этим предлогом Тайбэй при поддержке части западных стран, включая США, стал активнее добиваться членства в ВОЗ и отказ ему в этом — один из поводов для Вашингтона приостановки своего членства в данной организации.

Да и на внутривнутриполитическом фронте администрация Трампа перед выборами активно обвиняла Китай в явно неблагоприятном для США течении пандемии и сопутствующего ей экономического кризиса.

Разыгрывание «китайской карты» вообще было характерно для республиканцев в последние годы и можно предположить, что они продолжат делать это и при демократической администрации. И более того, нельзя исключать, что как демократы, исходя из своих внутривнутриполитических соображений, инициировали “Russiagate” на фоне озвученных намерений Трампа улучшить отношения с Россией, так и республиканцы могут попытаться инициировать условный “Chinagate”, особенно если демократы станут двигаться в сторону улучшения отношений с Китаем.

И одним из козырей в этом вопросе вполне может стать Тайвань, так как поддержка Тайваня — один из немногих вопросов, по

которому между демократами и республиканцами нет серьёзных противоречий: законопроекты по тайваньскому вопросу часто выдвигаются представителями обеих партий одновременно и принимаются Конгрессом единогласно.

Одним из них стал Taiwan Travel Act, подписанный президентом Трампом 16 марта 2018 г. — за день до переизбрания на 2-й срок Председателя КНР Си Цзиньпина. Данный закон разрешил визиты и встречи официальных лиц между Вашингтоном и Тайбэем даже несмотря на формальное отсутствие дипотношений между двумя сторонами.

Интересно, что менее чем через неделю после принятия этого закона, 22 марта 2018 г., Вашингтон анонсировал первый масштабный «50-миллиардный» пакет тарифов против китайского экспорта в США, что де-факто стало объявлением торговой войны Китаю. Таким образом, март 2018 г. можно назвать точкой начала открытого обострения как американо-китайского конфликта, так и ситуации в Тайваньском проливе с участием в данном процессе не только Пекина и Тайбэя, но и США.

И, по состоянию на 2020 г., по отношению к этой ситуации, по мнению автора, уже точно можно употреблять термин «Четвёртый кризис в Тайваньском проливе» по аналогии с Третьим кризисом в Тайваньском проливе 1995—1996 гг., так как, например, активность авиации НОАК к осени 2020 г. является беспрецедентной даже не с того времени, а как минимум с 1990 г. [Chinese warplanes...].

Конкретно речь идёт о частоте вхождения самолётов НОАК в идентификационную зону ПВО тайваньской стороны и пересечения так называемой «средней линии» Тайваньского пролива, которая является неформальной границей воздушного пространства двух сторон. Возможно, что уже являлась, так как, по сообщениям СМИ, экипажи самолётов НОАК демонстративно отвечали своим тайваньским коллегам, что никакой такой линии нет, и позже этот тезис был озвучен спикером МИД КНР [Taiwan island...].

Двусторонний конфликт между КНР и США к 2020 г. также очень сильно обострился. Да, 15 января 2020 г. стороны подписали так называемую «первую фазу» торгового соглашения, поставившее торговую войну в части введения пошлин на паузу, чему также способствовала начавшаяся в 2020 г. в мировом масштабе пандемия COVID-19, однако конфликт в целом скорее только обострился.

Даже в собственно экономической сфере Соединённые Штаты, хотя и не вводили новые масштабные пакеты пошлин, усилили давление на китайские компании. Например, продолжается действие ограничений против Huawei, в основном введённых ещё в мае 2019 г., была проведена целая кампания против владельца ТикТока компании ByteDance, введены экспортные ограничения против крупнейшего производителя полупроводников в Китае — компании Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC).

Также США ввели санкции и ограничения против целого ряда китайских компаний под предлогом вопросов нарушений прав человека в Синьцзяне и строительства инфраструктуры в Южно-Китайском море. Это помимо чисто политических санкций, под которые попали, в частности глава администрации Сянгана Кэрри Лам и секретарь парткома КПК в СУАР и член Политбюро ЦК КПК Чэнь Цюаньго [U.S. Adds...].

Китай же в октябре 2020 г. принял закон об экспортном контроле, который позволяет принять ответные меры против любой страны или региона, злоупотребляющего мерами экспортного контроля и представляющего угрозу национальной безопасности и интересам Китая, что может быть использовано для ответа на американские санкции и ограничения [Чукоу...]. А также анонсировал введение санкций против ряда американских компаний, таких как Боинг и Локхид Мартин — за поставку ими оружия на Тайвань [Spokesman: ...].

Собственно, усиление американской поддержки Тайваня, в том числе в части увеличения продаж последнему оружия, и стало не только поводом для ответных китайских санкций, но и причиной усиления давления Пекина на Тайбэй. Впрочем, в этом случае даже важнее политико-дипломатические причины.

Так, если в 2018 г. после принятия Taiwan Travel Act-а встречи между американскими и тайваньскими официальными лицами были не самыми высокопоставленными, уже в мае 2019 г. состоялась встреча между тогдашним советником по национальной безопасности президента США Джоном Болтоном с его тайваньским коллегой Дэвидом Ли, что произошло как раз вскоре после срыва торговых переговоров в конце апреля — начале мая 2019 г. А в 2020 г. произошли визиты на Тайвань министра здравоохранения США

Алекса Азара и замгоссекретаря США Кейта Крача в августе и сентябре 2020 г. соответственно. Это не считая поздравления госсекретаря Помпео «президента Тайваня» Цай Инвэнь к её инаугурации в мае 2020 г.

Собственно, в ответ на это Китай и провёл целый ряд масштабных учений, в ходе которых самолёты ВВС НОАК несколько десятков раз пересекли среднюю линию Тайваньского пролива и входили в опознавательную зону ПВО Тайваня. Да и вне рамок учений подобные полёты стали де-факто регулярными.

В результате к ноябрьским выборам в США ситуация, как в отношениях между КНР и США, так и вокруг Тайваня, сложилась очень сложная и запутанная. И не совсем определённые результаты этих выборов явно не способствовали её разрешению.

Вопрос Тайваня, с одной стороны, крайне принципиальный для руководства КНР (поскольку остров считается неотъемлемой частью территории Китая), а, с другой стороны, протайваньская позиция является консенсусной среди обеих американских партий. Причём она радикализуется: при администрации Трампа мы могли видеть это на примере таких действий как упомянутые визиты и увеличение поставок оружия, а что касается демократов, то в их предвыборной программе 2020 г. впервые за долгое время отсутствовал пункт о поддержке «политики одного Китая» [2020 Democrats'...].

К тому же Тайвань имеет ненулевое значение в чисто стратегическом плане, например, как часть так называемой «первой цепи островов», запирающей для КНР беспрепятственный выход в Тихий океан и как один из важнейших в мире производителей чипов и прочей микроэлектроники.

При этом, у обеих сторон существуют обязательства военного характера в отношении Тайваня: правительство КНР по закону 2005 г. «О предотвращении сепарации» обязано применить «немирные» меры в случае независимости Тайваня или иного события, угрожающего неизбежным отрывом острова от Китая, а США по «Закону об отношениях с Тайванем» 1979 г. обязаны обеспечить безопасность острова.

А поскольку на самом Тайване баланс сил склоняется в явно антикитайскую сторону и даже теоретически менее враждебный Пекин Гоминьдан в октябре 2020 г. инициировал в тайваньском пар-

ламенте резолюцию с призывом восстановления полноценных дипотношений с Вашингтоном [КМТ proposals...], не исключено возникновение ситуации, когда не обострение конфликта КНР и США приведёт к обострению ситуации в Тайваньском проливе, а когда наоборот какой-то инцидент или событие вокруг самого Тайваня приведёт к резкой эскалации конфликта между Пекином и Вашингтоном. Вплоть до начала полномасштабного вооружённого конфликта.

Библиографический список

Чукоу гуаньчжи фа саньшэнь тунго Цзиньнянь 12 юэ 1 жици шисин [Закон об экспортном контроле прошёл третье чтение Вступит в силу с 1 декабря]. URL: www.xinhuanet.com/2020-10/17/c_1126624399.htm (дата обращения: 12.12.2020). (На кит.).

2020 Democrats' party platform fails to mention one-China principle. URL: news.cgtn.com/news/2020-08-21/2020-Democrats-party-platform-fails-to-mention-one-China-principle-T8dMdcEemk/index.html (дата обращения: 12.12.2020).

Chinese Diplomat Accuses US of Spreading Coronavirus. URL: www.voanews.com/science-health/coronavirus-outbreak/chinese-diplomat-accuses-us-spreading-coronavirus (дата обращения: 12.12.2020).

Chinese warplanes make most median line crossings in 30 years (update) URL: focustaiwan.tw/cross-strait/202010070024 (дата обращения: 12.12.2020).

Coronavirus: Trump suggests China 'let it spread' URL: www.bbc.com/news/av/world-us-canada-52497111 (дата обращения: 12.12.2020).

KMT proposals on Taiwan-US ties pass URL: www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/10/07/2003744725 (дата обращения: 12.12.2020).

Spokesman: China to sanction US arms suppliers to Taiwan URL: apnews.com/article/business-beijing-taiwan-china-fb1859059d4b37c5bb1d823bb56ca57c (дата обращения: 12.12.2020).

Taiwan island, US fabricate a 'median line,' sign of weakness: experts URL: www.globaltimes.cn/content/1201876.shtml (дата обращения: 12.12.2020).

U.S. Adds 24 Chinese Companies, Associated Individuals To Sanctions List URL: www.forbes.com/sites/siladityaray/2020/08/26/us-adds-24-chinese-companies-associated-individuals-to-sanctions-list/ (дата обращения: 12.12.2020).

World Bank Open Data URL: data.worldbank.org/ (дата обращения: 12.12.2020).

References

2020 Democrats' party platform fails to mention one-China principle URL: news.cgtn.com/news/2020-08-21/2020-Democrats-party-platform-fails-to-mention-one-China-principle-T8dMdcEemk/index.html (accessed: 12.12.2020).

Chinese Diplomat Accuses US of Spreading Coronavirus URL: www.voanews.com/science-health/coronavirus-outbreak/chinese-diplomat-accuses-us-spreading-coronavirus (accessed: 12.12.2020).

Chinese warplanes make most median line crossings in 30 years (update) URL: focustaiwan.tw/cross-strait/202010070024 (accessed: 12.12.2020).

Chukou guanzhi fa sanshen tongguo Jinnian 12 yue 1 riqi shixing [Export control law passed the third reading Will go into effect on December 1] (In Chinese) URL: www.xinhuanet.com/2020-10/17/c_1126624399.htm (accessed: 12.12.2020).

Coronavirus: Trump suggests China 'let it spread' URL: www.bbc.com/news/av/world-us-canada-52497111 (accessed: 12.12.2020).

KMT proposals on Taiwan-US ties pass URL: www.taipeitimes.com/News/front/archives/2020/10/07/2003744725 (accessed: 12.12.2020).

Spokesman: China to sanction US arms suppliers to Taiwan URL: apnews.com/article/business-beijing-taiwan-china-fb1859059d4b37c5bb1d823bb56ca57c (accessed: 12.12.2020).

Taiwan island, US fabricate a 'median line,' sign of weakness: experts URL: www.globaltimes.cn/content/1201876.shtml (accessed: 12.12.2020).

U.S. Adds 24 Chinese Companies, Associated Individuals To Sanctions List URL: www.forbes.com/sites/siladityaray/2020/08/26/us-adds-24-chinese-companies-associated-individuals-to-sanctions-list/ (accessed: 12.12.2020).

World Bank Open Data URL: data.worldbank.org/ (accessed: 12.12.2020).

М.В. Кулага

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РАМКАХ РАБОТЫ ШОС

Аннотация. Шанхайская организация сотрудничества является одной из базовых структур для обеспечения безопасности на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Формирование организации и механизмы ее работы разрабатывались в соответствии с вызовами внешней среды, что обеспечивало их актуальность и эффективность работы. ШОС прошла длительный период развития, который, на разных этапах, соответствовал росту международных угроз. Увеличение количества террористических группировок на территории Центральной Азии, а также рост разнообразия их деятельности подталкивает государства-членов к более тесной интеграции и разработки единообразной нормативной базы для преодоления экстремистских проявлений.

Несомненно, ШОС находится на переднем крае борьбы с международным терроризмом, поэтому выстраивание устойчивых механизмов коммуникации между странами-членами этой организации по столь важному вопросу не теряет актуальности. Опыт ШОС по противодействию терроризму может оказаться полезным и для других международных структур, поскольку включает в себя множество подходов и ситуаций, которые необходимо было преодолевать, и потому считается одним из самых передовых в мире. Конечно, во

многим такой опыт обусловлен действиями наиболее влиятельных членов организации — Китая и России, однако страны Центральной Азии также внесли свой ощутимый вклад.

ШОС стремится к непредвзятости и реальным результатам в своей деятельности, а также к формированию новых, более успешных способов противодействию терроризма. Учитывая факт трансрегиональности организации, государства-члены организации по-разному воспринимают направления развития организации и в различной степени влияют на ее развитие. Соответственно, такие государства как Китай и Россия видят развитие организации в разных направлениях, что может сдерживать развитие данной структуры.

Ключевые слова: ШОС, терроризм, исламский радикализм, Центральная Азия, Китай, Россия.

Автор: Кулага Максим Вадимович, студент второго курса магистратуры исторического факультета специальности Международные отношения, ГОУ ВПО Донецкий национальный университет. E-mail: maks.kulaga.97@mail.ru.

Kulaga M.V.

Countering terrorism within the framework of the SCO

Abstract. The Shanghai Cooperation Organization is one of the basic structures for ensuring security in the post-Soviet space and in the Asia-Pacific region. The formation of the organization and the mechanisms of its work were developed in accordance with the challenges of the external environment, which ensured their relevance and efficiency of work. The SCO has gone through a long period of development, which, at different stages, corresponded to an increase in international threats. The increase in the number of terrorist groups in Central Asia, as well as the growing diversity of their activities, is pushing the member states towards closer integration and the development of a uniform regulatory framework to overcome extremist manifestations.

Undoubtedly, the SCO is at the forefront of the struggle against international terrorism, so building sustainable communication mechanisms between the member countries of this organization on such an important issue does not lose its relevance. The SCO's experience in countering terrorism can also be useful for other international structures, since it includes many approaches and situations that had to be overcome, and therefore is now considered one of the most advanced in the world. Of

course, much of this experience is due to the actions of the most influential members of the organization — China and Russia, but the countries of Central Asia have also made a tangible contribution.

The SCO strives for impartiality and real results in its activities, as well as for the formation of new, more successful ways to counter terrorism. Given the fact that the organization is trans-regional, the member states of the organization perceive the directions of the organization's development in different ways and influence its development to varying degrees. Accordingly, states such as China and Russia see the development of the organization in different directions, which can hinder the development of this structure.

Keywords: SCO, terrorism, islamic radicalism, Central Asia, China, Russia.

Author: Maksim V. KULAGA, second year student of master's degree of the Faculty of History, Faculty of International Relations, Donetsk National University (e-mail: maks.kulaga.97@mail.ru).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является одной из наиболее динамично развивающихся международных структур безопасности в настоящее время. Одной из ее важнейших целей является противодействие терроризму и экстремизму на территории стран-членов. В эпоху повышенной террористической опасности, связанной с повышением религиозной, этнической и социальной радикализации, объединенные усилия евразийских государств является необходимым для того чтобы обеспечить стабильность и безопасность на континенте.

Прежде всего, следует отметить несколько этапов развития ШОС, которые задавали новые механизмы взаимодействия государств-участников, а также задавал основные векторы направления деятельности ШОС в целом [Iskakova, ss. 238—239]. В первую очередь следует говорить про период с 1996—2001 гг., до непосредственного создания организации. В этот период важным элементом рядки государств Центральной Азии (ЦА), России и Китая являлось урегулирование территориальных споров. Следует отметить, что в этот период с инициативы Китая была создана «Шанхайская пятерка», которая должна была укреплять военное сотрудничество государств ЦА с КНР и Россией. Большую роль в популяризацию и институционализацию данного положения внес Н. Назарбаев, привле-

кая большие ресурсы к деятельности организации. Также в этот период начинает формироваться национальная законодательная база противодействия терроризму, например, закон «О противодействии экстремизму» и «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г. в Казахстане, «О борьбе с терроризмом» от 2000 г. в Узбекистане и т. д. При этих положительных шагах необходимо понимать, что в результате передела государственных границ были частично нарушены естественноисторические этнические границы, что заложило основу для дальнейшего сепаратизма и терроризма.

Вторым важным этапом развития организации стало официальное объявление о создании полноценной структуры ШОС и принятия соответствующего устава в 2001 г. При этом, особенное внимание уделялось понятию экстремизм и терроризм, которые закреплялись в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Мотивацией для борьбы с терроризмом стал теракт 11 сентября в США, что явно обозначило борьбу всего мира против международного терроризма. Следует отметить, что в положениях, которые были заложены по противодействию терроризму в 2001 г. существует множество неточностей и недоговорок. В частности, не указывается область деятельности организации, не уточняется и политический формат организации, лишь констатировался тот факт, что ШОС будет служить гарантом безопасности региона и препятствовать распространению терроризма. Механизм взаимодействия стран — участников ШОС ограничен сферой безопасности, экономикой, гуманитарной сферой и в соответствии с ее нормативными документами предусматривает неприменение силы или угрозы силой и исключает ведение военной деятельности [Nikitenko, ss. 30—32]. Важным шагом к непосредственной борьбе с терроризмом было создание Регионального антитеррористической структуры (РАТС) ШОС в 2002 г., которая была призвана координировать действия государств-членов по противодействию терроризму. Вместе с внедрением началась постоянная практика принятия трехлетнего плана деятельности организации, что положительно показало себя в дальнейшем. Кроме того, было налажено сообщение с Афганистаном, как одним из главных экспортеров террористов в ЦА и на институциональном уровне установлена борьба с «тремя золами»: терроризмом, экстремизмом и се-

паратизмом. Следует особенно отметить вопросы сепаратизма и экстремизмом, так как Китай активно использует данные положения в свою пользу. Так как в западном, Синцзян-Уйгурском регионе, страны проживает большое количество мусульман, недовольных своим положением и стремящимся к большей автономии, то Китай часто прибегает к жестким мерам принуждения и использования силы в их отношении, при этом именно ссылаясь на положения Хартии ШОС, что делает его действия правомерными, с правовой точки зрения. Важно понимать, что в этот период деятельность организации была направлена именно на борьбу с непосредственными террористами, но не с его причинами. Это исправила «Концепция сотрудничества государств — членов ШОС по противодействию терроризму, экстремизму и сепаратизму» в 2005 г. В этой концепции описывается необходимость большей кооперации между странами в борьбе с основой терроризма, а не только с существующими проблемами. Предлагалось создание специального банка данных и единого розыскного реестра для отслеживания террористов в странах-участниках ШОС и большей систематизации, что было сделано в последующие года.

Важно также обратить внимание на основные группировки, которым противостоит ШОС сейчас. В первую очередь, это «Исламское государство», которое активно ведет пропаганду в странах ЦА, на западе Китая и южных регионах России. В частности, можно отметить большой поток вербовщиков и боевиков, которые идут с территории Афганистана. В этой связи, необходимо отметить особенное место Таджикистан, как «буферной зоны» ШОС от очагов распространения терроризма. Именно поэтому, это государство занимает особенное место во внешнеполитической повестке России. Необходимо отметить, что именно в Таджикистане располагается 201-я российская военная база, которая призвана помочь антитеррористическим структурам государства противодействовать террористам. Можно также отметить, что Россия проводит бесплатные тренинги для таджикских военных с целью обмена опытом, а также повышения степени кооперации. Кроме того, в 2017 г. Россия передала Таджикистану большую поставку военной техники, что способствовало укреплению сотрудничества в сфере безопасности [Страны ШОС...]. При этом, на территорию Таджикистана существ-

вуют автономные террористические группы, такие как «Исламское движение Таджикистана», «Хизб-ут-Техрик» и др., что также создает достаточно опасную ситуацию в регионе. Особенно опасность представляет заявления многих террористических организаций о стремлении создать в ЦА «государство исламского халифата» [Kokoshina, ss. 104—105].

Третий период развития организации — 2006—2009 гг. Этот период связан с активным развитием совместных военных учений. Например, в марте 2006 г. на территориях Киргизии, Таджикистана и Узбекистана было проведено совместное учение «Восток-Антитеррор — 2006». В 2008 г. на территории нашей страны — «Волгоград-Антитеррор — 2008». В этот период было сделано несколько важным координационных изменений. В первую очередь была отмечена роль нелегальной торговли международными террористическими организациями и необходимость борьбы с ней, так она позволяет террористам обеспечивать себя средствами и продолжать неправомерную борьбу. Источниками доходов «Исламского государства» является нелегальная торговля нефтью. На захваченных территориях боевики группировки «Исламское государство» объявили о введении в обращение собственной валюты — динара [«Исламское государство»...].

Дальнейшее сотрудничество в четвертый период развития (2010—2016 гг.) ШОС активно использовала для привлечения к себе новых членов, таких как Индия, Пакистан, а также включение Ирана, в качестве партнера по диалогу. Место Ирана в системе ШОС обозначалось, как стратегическое направление для профилактики экстремизма и дальнейшего разрешение конфессиональных проблем на основе диалога культур. Индия и Пакистан, в этом контексте, также должны были стать сдерживающим фактором, а также в целом ослабить напряженность в Азиатско-тихоокеанском регионе. Расширение ШОС, несмотря на появление при этом определенных проблем, безусловно, стратегически выгодно как для России, так и внешнеполитических амбиций самой Организации. Это укрепило бы международный авторитет и стратегическую жизнеспособность ШОС, вывело бы ее на новую геополитическую высоту. Вместе с тем даже при самом поверхностном взгляде совершенно очевидно, что эволюция «шестерки» станет для нее не только важнейшим рубежом

развития, но и серьезным внутренним вызовом. Речь идет об оперативном встраивании новых членов во все структуры Организации и обеспечении в новых условиях не только сохранения, но и повышения эффективности механизмов сотрудничества — от низовых до высших [Konarovskiy, ss. 154—159].

В 2017 г. в рамках ШОС была разработана и принята конвенция, посвященная исключительно борьбе с экстремизмом — Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Данный Конвенция, с одной стороны, сохраняет преемственность двух нами проанализированных актов и вносит новые элементы в механизм противодействия экстремизму, с другой стороны, в частности, по сравнению с Конвенцией 2001 г. Конвенция 2017 г.: а) расширила понятие «экстремизм», под ним понимается «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»; б) ввела новое понятие экстремистский акт: в него вошли деяния, предусмотренные подпунктом 3 пункта 1 статьи Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.

Тем не менее, следует отметить, что принятие в состав Индии и Пакистана вызвало некоторые осложнения ведения антитеррористической политики. В большей степени это связано с тем, что отношения Индии и Пакистана длительный период времени были конфликтными и террористические группы активно пользуются этим положением для поднятия радикальных групп на теракты. Таким образом, становится трудно урегулировать основные причины терроризма на этой территории и остается бороться непосредственно с террористическими ячейками. В этом контексте РАТС должно активно сотрудничать со спецслужбами обоих государств, но их взаимодействие до сих пор остается на низком уровне. С одной стороны, РАТС продолжает свою работу даже в период обострения отношений между государствами, с другой — ставит под сомнение репутацию ШОС, как гаранта мира в регионе. Сейчас параметры взаимодействия Индии, Пакистана и ШОС, в основном, регулируются через КНР, которая занимает особенное положение по данной проблеме [Kurgiyanov A.]. Китай заинтересован в ослаблении Индии и

поддержания баланса сил с Исламабадом, что ведет к ситуации, когда необходимо принимать реальные действия для противостояния терроризма, с одной стороны, и реализации своей политической позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с другой.

В последние годы также наблюдается явный рост активности исламских радикалов в Казахстане, который ранее считался в этом отношении значительно более безопасным государством, нежели Узбекистан или Таджикистан. Ответственность за террористические акты, которые были осуществлены на территории Казахстана, например, в 2012 г. теракты в некоторых городах взяла на себя исламистская организация «Солдаты Халифата». Как выяснилось в 2017 г., она была основана гражданином Таджикистана Д. Зналиевым вместе с двумя гражданами Казахстана на территории Пакистана в зоне свободных племен Северного Вазиристана. В начале 2017 г. Д. Зналиев был пойман на территории Афганистана и экстрадирован в Казахстан, где состоялось судебное разбирательство. По его итогам Д. Зналиев был признан виновным и приговорен к тюремному заключению сроком на 20 лет [В Казахстане вынесен...].

В 2020 г., в период мировой пандемии коронавируса, деятельность ШОС стала сильно ограниченной, но не прекратилась. Следует выделить участие Исполнительного комитета РАТС в виртуальной контртеррористической неделе, организованную на площадке ООН [Об участии делегации...]. В ее рамках исполнительный комитет отметил увеличивающееся число мигрантов, выехавших с территории стран — членов ШОС для участия в боевых действиях на территории Сирии и Ирака в качестве добровольцев на стороне «Исламского государства». В связи с этим, заместитель главы Исполнительного комитета РАТС, В.В. Борчук, подчеркнул важность международного сотрудничества в рамках противодействия терроризму. В частности, было озвучено желание более плотного сотрудничества с Интерполом, а также созданным в рамках ООН контртеррористическим управлением ООН для дальнейшего регулирования международной безопасности. Кроме того, была подчеркнута важность нераспространения биологического оружия и противодействия кибертерроризму, которые во время действия пандемии могут нанести особенно серьезный урон.

Подводя итог, необходимо отметить планомерное развитие понятий и подходов к противостоянию терроризму в рамках ШОС. Организация постепенно меняла модели поведения и расширяла область взаимодействия по проблемам терроризма. Внимание, уделяемое институциональной базе исследования, положительно сказывается на динамике развития организации, а также формировании международного статуса организации. В рамках противодействия терроризму ведутся не только непосредственные операции, но и разрабатывается перечень способов отслеживания террористов, с помощью баз данных, а также уменьшения их доходов и предотвращения предпосылок к распространению их влияния на общество в целом.

Библиографический список

В Казахстане вынесен приговор организатору группировки «Солдаты Халифата». URL: <https://informburo.kz/novosti/organizatora-terroristicheskoy-gruppirovki-i-soldaty-halifata-osudili-na-20-let-v-kazahstane.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Искакова Г.К. Взаимодействие и сотрудничество государств — членов ШОС в контексте региональной безопасности: уроки, вызовы и перспективы // Экономика региона. 2012. № 4. С. 237—243.

«Исламское государство» заявило о вводе в обращение собственной валюты. 31.08.2015. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55e37f829a7947e7b5d81219> (дата обращения: 26.10.2020).

Кокошина З.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Международные отношения и мировая политика. 2017. Т. 9. № 4. С. 97—123.

Конаровский М.А. Россия — ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 4. С. 149—161.

Курпьянов А. БРИКС, ШОС и терроризм в Кашмире. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-shos-i-terrorizm-v-kashmire/> (дата обращения: 21.10.2020).

Никитенко В.И. Евразийские векторы сотрудничества стран — участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и ре-

гиональной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1 (14). С. 25—34.

Об участии делегации Исполнительного комитета ПАТС в виртуальной контртеррористической неделе Организации Объединенных Наций. URL: <http://ecrats.org/ru/news/7571> (дата обращения: 26.10.2020).

Страны ШОС находятся на передовом фланге противостояния международному терроризму. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=17786> (дата обращения: 25.10.2020).

References

V Kazakhstane vynesen prigovor organizatoru gruppirovki “Soldaty Khaliphata” [A Verdict has been Passed in Kazakhstan to the Organizer of the “Soldiers of the Caliphate” Group], Informburo.kz. 25.08.2017. URL: <https://informburo.kz/novosti/organizatora-terroristicheskoy-gruppirovki-soldaty-halifata-osudili-na-20-let-v-kazahstane.html> (accessed: 25.10.2020).

Iskakova, G.K. (2012). Vzaimodeistvie i sotrudnichestvo gosudarstv — chlenov SHOS v kontekste regional’noi bezopasnosti: uroki, vyzovy i perspektivy [Interaction and Cooperation of the SCO Member States in the Context of Regional Security: Lessons, Challenges and Prospects] // *Ekonomika regiona*, No. 4: 237—243.

“Islamskoe gosudarstvo” zayavilo o vvode v obraschenie sobstvennoi valyuty [“Islamic State” Announced the Introduction of its Own Currency], RBC. 31.08.2015. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55e37f829a7947e7b5d81219> (accessed: 26.10.2020).

Kokoshina, Z.A. (2017). Rol’ Shangkhaiskoi organizatsii sotrudnichestva v protivodeistvii terrorizmu i ekstremizmu na postsovetском prostranstve [The role of the Shanghai Cooperation Organization in Countering Terrorism and Extremism in the Post-Soviet States] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, V. 9, No. 4: 97—123.

Konarovskiy, M.A. (2016). Rossiya — SHOS: nekotorye elementy strategii [Russia — SCO: Some Elements of Strategy] // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, V. 11, No. 4: 149—161.

Kupriyanov, A. BRICS, SHOS i terrorizm v Kashmire [BRICS, SCO and Terrorism in Kashmir], RIAC. 08.04.2019, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-shos-i-terrorizm-v-kashmire/> (accessed: 21.10.2020).

Nikitenko, V.I. (2018). Evraziiskie vektory sotrudnichestva stran — uchastnikov Shangkhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniyu mezhdunarodnoi i regional’noi bezopasnosti [Eurasian Vectors of Cooperation of the Member Countries of

---

the Shanghai Cooperation Organization to Ensure International and Regional security] // *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*, No. 1 (14): 25—34.

Ob uchastii delegatsii ispolnitel'nogo komiteta RATS v virtual'noi kontrterroristicheskoi nedele Organizatsii Ob'edinennykh Natsii [On the Participation of the Delegation of the RATS Executive Committee in the Virtual Counter-Terrorism Week of the United Nations], Ecrats.org. URL: <http://ecrats.org/ru/news/7571> (accessed: 26.10.2020).

Strany SHOS nakhodyatsya na peredovom flange protivostoyaniya mezhdunarodnomu terrorizmu [The SCO Countries are on the Forefront of Confronting International Terrorism], Infoshos.ru. 18.01.2018, URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=17786> (accessed: 25.10.2020).

Ю.В. Кулинцев

ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЕКТУ СОПРЯЖЕНИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье проанализированы результаты двустороннего сотрудничества России и Китая по сопряжению интеграционных инициатив Москвы и Пекина. Автор раскрыл основное содержание вопросов торгово-экономического, политического и гуманитарного взаимодействия. Особый акцент был сделан на приоритетных задачах российско-китайского сотрудничества в повестке 2020—2021 гг.

С 2016 г. Росси выступает со своим собственным интеграционным проектом — Большое евразийского партнерства (БЕП). Данный расширенный интеграционный формат выстраивается в соответствии с принципами равенства, уважения различных национальных моделей развития, взаимной выгоды.

В статье отмечается, что БЕП представляет собой сеть региональных организаций, а также комплекс соглашений (в том числе о свободной торговле) и совокупность крупных инфраструктурных проектов, экономических коридоров, зон опережающего роста.

В этом контексте Москва придает большое значение сопряжению инициативы Пояса и пути с планами развития ЕАЭС. Это качественно новая модель экономического сотрудничества на Евразийском пространстве. В статье высказываются предложения о форми-

рованию Дорожной карты сопряжения, а также отмечается необходимость создания двусторонней Группы высокого уровня, которая курировала бы процесс сопряжения.

Автор делает вывод, что к 2021 г. обе страны в процессе сопряжения с одной стороны, накопили опыт сотрудничества, с другой стороны — признали, что страны оказались перед новыми реалиями. Предложенная Россией концепция БЕП означает новый контекст для процесса сопряжения. Теперь уже возможно говорить о сопряжении инициативы Пояса и пути с Евразийской интеграцией и тем как формируется БЕП.

Ключевые слова: Россия, Китай, сопряжение, Большое евразийское партнерство, инициатива Пояса и пути, международные отношения.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Kulintsev Y. V.

Five years of the conjugation project: results and prospects of Russian-Chinese cooperation

Abstract. The article analyzes the results of bilateral cooperation between Russia and China in order to combine the integration initiatives of Moscow and Beijing. The author reveals the main content of the issues of trade, economic, political and humanitarian interaction. Particular emphasis places on the priority tasks of Russian-Chinese cooperation in the 2020—2021 agenda.

Since 2016, Russia has been launching its own integration project — the Greater Eurasian Partnership (GEP). This expanded integration format is being built in accordance with the principles of equality, respect for various national development models, and mutual benefit.

The article notes that the GEP is a network of regional organizations, as well as a set of agreements (including on free trade) and a set of large infrastructure projects, economic corridors, and outstripping growth zones.

In this context, Moscow attaches great importance to the conjunction of the Belt and Road Initiative with the EAEU development plans. This is a qualitatively new model of economic cooperation in the Eurasian space.

The article makes suggestions on the formation of a roadmap for conjugation, and also notes the need to create a bilateral high-level group that would oversee the interfacing process.

The author concludes that by 2021, both countries, in the process of conjunction, on the one hand, have accumulated experience of cooperation, on the other hand, they have recognized that the countries are facing new realities. The GEP concept proposed by Russia means a new context for the pairing process. Now it is already possible to talk about pairing the Belt and Road Initiative with Eurasian integration and how the GEP is being formed.

Keywords: Russia, China, conjugation, Greater Eurasian Partnership, Belt and Road Initiative, international relations.

Author: Yury V. KULINTSEV, research fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru).

В мае 2020 г. исполнилось пять лет совместному российско-китайскому заявлению о сотрудничестве по строительству Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, в котором на официальном уровне было введено в оборот термин «сопряжение» [Совместное заявление РФ и КНР, 2015].

Данное заявление стало важным общеполитическим документом, который определил дальнейшее направление развития взаимодействия между странами как в двустороннем, так и в многосторонних форматах.

Активизация интеграционных инициатив в Евразии происходит параллельно с глобализацией международных проблем и процессов этого региона, отмечается усиление конкуренции в отношениях между ведущими геополитическими акторами, что оказывает значительное влияние на региональные политические и экономические процессы.

На сегодняшний день крупнейшими интеграционными проектами на пространстве Евразии являются Большое евразийское партнерство (БЕП), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и китайская инициатива Пояса и пути, а точнее ее сухопутная составляющая «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП).

Россия поддерживает шаги, предпринимаемые Китаем в рамках инициативы ЭПШП. В Москве исходят из того, что данная концепция выходит за рамки торгово-экономического взаимодействия и реализации одних лишь инфраструктурных проектов. Говоря о сопряжении, всегда подразумевается более широкая сфера сотрудни-

чества, к которой включает в себя укрепление гуманитарных обменов; развитие взаимодействия в цифровой сфере, в области общественного здравоохранения, что приобрело особую актуальность в нынешних условиях.

С 2016 г. Росси выступает со своим собственным интеграционным проектом Большого евразийского партнерства [Путин призвал...]. Данный расширенный интеграционный формат выстраивается в соответствии с принципами равенства, уважения различных национальных моделей развития, взаимной выгоды. БЕП позиционируется как широкая сеть региональных организаций и соглашений, включая соглашения о свободной торговле, а также масштабные инфраструктурные проекты, международные экономические коридоры, зоны опережающего роста и развития.

В данном контексте Москва придает большое значение сопряжению строительства ОПОП с планами развития Евразийского экономического союза. Ожидается, что в результате будет создана качественно новая модель экономического сотрудничества на Евразийском пространстве. Вслед за вступлением в силу в октябре 2019 г. поэтапного соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [Соглашение о торгово-экономическом...], ЕЭК как исполнительный орган союза, Правительство РФ и Госсовет КНР уже приступили к работе по формированию совместных рабочих органов.

Лидеры России и Китая в совместных документах также регулярно отмечают необходимость координации внешнеполитических усилий. В совместном заявлении В. Путина и Си Цзиньпина от 2019 г. указано [Совместное заявление...], что китайская инициатива ЭПШП и проект БЕП могут развиваться параллельно и скоординировано, они будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонним и многосторонним интеграционным процессам в Евразии и АТР. Это означает, что российская сторона поддерживает инициативу «Один пояс, один путь», а китайская сторона поддерживает инициативу формирования Большого Евразийского партнерства.

На период сопряжения пришелся на важный юбилей, это 70-летие установления дипломатических связей между Россией и Китаем. За это время двусторонние отношения между Москвой и Пекином

достигли беспрецедентно высокого уровня, который характеризуется как всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие.

Официальные лица двух стран поддерживают регулярные контакты: обмениваются двусторонними визитами, тесно сотрудничают в рамках международных организаций, развивают сотрудничество во всех сферах, включая политическое взаимодействие, экономические проекты и гуманитарное сотрудничество. При этом по каждому направлению сотрудничества у Москвы и Пекина существуют эффективные механизмы взаимодействия.

С одной стороны, накоплен опыт, с другой стороны, появились новые реалии. Предложенная Россией концепция БЕП означает новый контекст для процесса сопряжения. При этом сохраняется ощущение, что процесс сопряжения движется, но не так быстро, как хотелось бы участвующим сторонам. Тут следует отметить, что обе страны еще находятся на первом этапе сопряжения.

По итогам 2020 г. Китай вышел на первое место по внешнеторговому обороту среди партнеров России. Суммарный уровень взаимной торговли превысил 100 млрд долл. Официальные лица не снимают с повестки двустороннего экономического сотрудничества совместную цель — доведение товарооборота до 200 млрд долл. к 2024 г.

В рамках инвестиционного взаимодействия со стороны китайских компаний вложено более 22 млрд долл. в проекты на российской территории, при этом около 3,5 млрд проинвестировано в территории опережающего развития на российском Дальнем Востоке. В Приморском крае обсуждается проект по созданию совместного сельскохозяйственного холдинга, заявленных объем инвестиций которого превышает 10 млрд рублей.

За период сопряжения Москва и Пекин приложили значительные усилия для повышения объемов расчетов в национальных валютах. В 2019 г. было подписано межправительственное соглашение, нацеленное на стимулирование использования рубля и юаня при реализации совместного торгово-экономического сотрудничества [Соглашение между Правительством...].

Максимальными темпами развивается сотрудничество России и Китая в области энергетики. Москва уже традиционно становится

основным поставщиком нефти для Пекина. По итогам 2018 г. в Китай было экспортировано более 67 млрд т нефти, в 2019 — более 80 млрд т нефти, в 2020 — более 83 млрд т сырья [Россия стала...]. Набирает темпы сотрудничество в сфере поставок природного газа. В декабре 2019 г. введен в эксплуатацию газопровод «Сила Сибири» для поставок трубопроводного газа в Китай по восточному маршруту. Пропускная способность газопровода рассчитана на 38 млрд кубометров газа в год, сырье в КНР поставляется из Якутии с Чаяндинского месторождения и из Иркутской области с Ковыктинского месторождения, контракт между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) будет действовать в течение 30 лет [Дан старт поставкам...].

Параллельно развивается сотрудничество по добыче, переработке и транспортировке сжиженного газа. Введена в эксплуатацию третья очередь терминалов в рамках проекта «Ямал СПГ», где 29,9 % акций принадлежит китайским партнерам. Активно развивается взаимодействие и в рамках еще одного масштабного арктического проекта «Арктик СПГ 2» [Заявления для прессы...].

Реализуются совместные программы в атомной сфере. На контрактной основе с 2019 г. при непосредственном участии российской стороны в Китае реализуются проекты по строительству третьего и четвертого блоков АЭС «Сюйдапу» в провинции Ляонин. Церемония запуска строительства новых энергосистем российского дизайна состоялась по видео связи в мае 2021 г., строительство новых атомных блоков в Китае было запущено лидерами двух стран. Кроме того, российский «Росатом» уже реализовал в Китае проект демонстрационного ядерного реактора на быстрых нейтронах CEFR, а также приступил к сооружению энергоблока с реактором на быстрых нейтронах CFR-600 [Заявления для прессы...].

В сфере промышленности продвигается сотрудничество по строительству автомобильных заводов на территории России. Например, в Тульской области открыт завод, выпускающий автомобили китайской марки Great Wall. Мощность автопроизводителя рассчитана на 80 тыс. машин в год, при этом реализуется обязательное условие по локализации производства, уровень которого превышает 70 %.

Отдельного упоминания заслуживают ставшие уже традиционными двухлетние периоды тематического взаимодействия между

Россией и Китаем. Началось все с перекрестных годов российского туризма в Китае (2012) и китайского туризма в России (2013), далее состоялись годы молодежных обменов между КНР и РФ (2014—2015), затем в 2016—2017 гг. были проведены перекрестные годы обмена между китайскими и российскими СМИ. 2018 и 2019 годы стали перекрестными годами межрегионального сотрудничества России и Китая. Именно тогда был создан первый российско-китайский формат регионального сотрудничества «Волга—Янцзы», в котором стали участвовать китайские провинции верхнего и среднего течения реки Янцзы, а российская сторона была представлена Приволжским федеральным округом. Затем были учреждены два новых формата межрегионального взаимодействия: ЦФО РФ — Север Китая и Северо-Западный ФО России — приморские провинции юго-восточного макрорегиона КНР.

2020—2021 годы посвящены развитию научно-технического и инновационного сотрудничества между двумя странами. Таким образом, ряд соответствующих проектов в авиакосмической отрасли, в сферах биотехнологий, фармацевтики и других научных отраслях получили дополнительное внимание и финансирование со стороны правительств двух стран.

Особое внимание уделяется крупным инфраструктурным проектам, поскольку они рассчитаны на длительный период реализации, требует масштабных инвестиций и тщательного планирования. К таким проектам относятся международные транспортные коридоры (МТК). В частности, Москва и Пекин заявляют о совместных планах дальнейшего развития Транссиба и БАМа, активно участвуют в освоении потенциала Северного морского пути в российской Арктике.

Развивается приграничная инфраструктура. Именно в период сопряжения были реализованы два проекта по строительству автомобильного и железнодорожного мостов через Амур в районе городов Благовещенск — Хэйхэ и на участке Нижнеленинское — Тунцзян. Ожидается, что железнодорожный мост будет введен в эксплуатацию в третьем квартале 2021 г. Хотя пролеты российской и китайской моста были соединены в марте 2019 г., перенос сроков начала работы моста был связан с необходимостью углубления русла реки Амур, проходящему по российской территории. Срок реа-

лизации данного проекта составил 8 лет, при затрате российской стороны уже составили около 9 млрд руб. Инвесторами проекта выступили Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, которые оплатили 25 % расходов, и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ), которому через Российско-китайский фонд стало принадлежать 75 % акций проекта [РЖД включается...].

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений двустороннего сотрудничества России и Китая является гуманитарное взаимодействие. В 2017 г. Межправительственная российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству приняла Программу взаимодействия в гуманитарной сфере [Россия и КНР...]. Успешными примерами реализации гуманитарного сотрудничества является запуск в КНР российского телеканала «Катюша», создание 52 пар городов-побратимов в России и Китае, установление партнерских контактов между вузами двух стран, открытие совместных университетов. Деятельность совместной межправкомиссии охватывает различные сферы, включая туризм, образование, здравоохранение, развитие молодежной политики, культурные обмены, кинематограф и т. п.

Тем не менее, успешная реализация идеи сопряжения зависит и от развития многосторонних форматов сотрудничества. Выдвигая идею инициативы Пояса и пути, председатель КНР Си Цзиньпин призывал к пяти взаимосвязанным действиям — к координации политических усилий, к развитию инфраструктурного взаимодействия, к организации свободной торговли, к усилению коммерческой интеграции и к укреплению связей между людьми [Кулинцев].

Большая часть из более чем ста стран, которые участвуют в инициативе Пояса и пути, они присоединились к китайскому мегапроекту. Однако Россия и ее партнеры по ЕАЭС выбрали для себя другой путь — путь сопряжения.

При этом процесс сопряжения заключается в координации сотрудничества, в выработке совместных эффективных и взаимовыгодных механизмов сотрудничества. Процесс сопряжения нуждается в последовательной реализации, которая невозможна без детального и своевременного стратегического планирования.

Именно этот подход отражен в «Дорожной карте сопряжения евразийской экономической интеграции и инициативы Пояса и пути»,

подготовленной в рамках совместной аналитической записки Российского совета по международным делам (РСМД) и Китайской академии общественных наук (КАОН) [Сопряжение ЕАЭС и ИПП...].

Следует признать обоснованными выводы экспертов двух стран по определению конечной цели сопряжения, то есть того, к чему стремятся ЕАЭС, Россия и Китай. А это создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Концепция БЕП также подразумевает формирование ЗСТ, задает вектор движения того, как продвигаться к данной поставленной цели.

В данном контексте возникает вопрос по стратегическому планированию. Этот вопрос актуален для всех участников сопряжения, так как они все находятся на этом начальном этапе. В настоящее время ведется активная работа Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) со своим партнером в КНР. Результатом данной работы стало подписание многостороннего торгово-экономического соглашения между ЕАЭС и КНР [Соглашение о торгово-экономическом...]. Данная работа ведется параллельно с двусторонним, российско-китайским треком сопряжения, подробный анализ которого был приведен выше.

Среди рекомендаций по дальнейшему продвижению сопряжения представляется целесообразным отметить необходимость создания комиссии, которая курировала бы процесс сопряжения. Процесс сопряжения должен быть упорядоченным. Как минимум с российской стороны, нужен единый координирующий центр. Например, в Министерстве экономического развития в Департаменте евразийской интеграции есть специальный отдел по сопряжению. И там специалисты занимаются вопросами сопряжения евразийской интеграции и инициативы Пояса и пути. Но они не занимаются двусторонним треком. Этим вопросом в Министерстве экономического развития занимается другое подразделение в другом департаменте. Кроме того, вопросами сопряжения занимаются в российском МИДе, в Управлении делами Президента, в ЕЭК.

Координирующая комиссия могла бы быть создана под эгидой Министерства экономического развития РФ, у которого есть опыт и традиции многостороннего взаимодействия. Не следует забывать, что именно Минэкономразвития продвинуло закон о стратегическом планировании РФ. Эта комиссия могла бы стать постоянно

действующим координационным центром, объединяющим работу других заинтересованных министерств и ведомств — МИД, администрации президента, представителей президента по БЕП и по сопряжению.

Вторая рекомендация касается необходимости разрабатывать документы стратегического планирования. У всех стран — членов ЕАЭС есть планирующие документы о своем развитии, стратегии национального развития. Для эффективного осуществления сопряжения требуется координация данных стратегий. Возможной отправной точкой может стать построение матрицы соответствий целей и механизмов национальных стратегий. На ее основе можно переходить уже к более детальной разработке, это выработке Дорожной карты, то есть определению в каких направлениях и по каким секторам осуществлять развитие. Отдельные элементы данной работу осуществлялись в течение всех пяти лет сопряжения, но эта работа не носила комплексного и целенаправленного характера.

И конечно, если такая координационная комиссия будет работать в России, то ей потребуется партнер с китайской стороны. Возможно, под эгидой Госкомитета по реформам и развитию при Госсовете КНР.

Кроме того, следует использовать потенциал ШОС, которая считается наиболее перспективной площадкой для продвижения процессов сопряжения. При условии принятия положительного решения о создании национальных координационных комиссий по сопряжению, было бы полезным приглашать представителей Секретариата ШОС для участия в совместных заседаниях этих комиссий.

Библиографический список

Дан старт поставкам российского газа в Китай по восточному маршруту. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62163> (дата обращения: 25.02.2021).

Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60672> (дата обращения: 25.02.2021).

Кулинец Ю.В. «Один пояс — один путь»: инициатива с китайской спецификой. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-initsiativa-s-kitayskoy-spetsifikoy/> (дата обращения: 25.02.2021).

Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. URL: <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (дата обращения: 25.02.2021).

РЖД включается в достройку ж/д моста через Амур в Китай в Еврейской АО. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8766373> (дата обращения: 25.02.2021).

Россия и КНР поставили серьезные задачи по гуманитарному сотрудничеству. URL: <https://ria.ru/20170912/1504303222.html> (дата обращения: 25.02.2021).

Россия стала крупнейшим экспортером нефти в Китай из стран вне ОПЕК в 2019 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8020949> (дата обращения: 25.02.2021).

Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 25.02.2021).

Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 25.02.2021).

Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о расчетах и платежах от 5 июня 2019 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906100046> (дата обращения: 25.02.2021).

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. URL: <https://eec.eaunion.org/comission/direction/trade/soglashenie-s-kitaem.php> (дата обращения: 25.02.2021).

Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/sopryazhenie-caes-i-ipp-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения: 25.02.2021).

References

Dan start postavkam rossijskogo gaza v Kitaj po vostochnomu marshrutu [Start of Russian gas supplies to China via the eastern route]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62163> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Kulintsev Y.V. (2015). «Odin poyas — odin put'»: iniciativa s kitajskoj specifikoj [“One Belt, One Road”: an initiative with Chinese characteristics]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-initsiativa-s-kitajskoj-spetsifikoy/> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Putin prizval sozdat' bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo [Putin called for a great Eurasian partnership]. URL: <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Rossiya i KNR postavili ser'eznye zadachi po gumanitarnomu sotrudnichestvu [Russia and China set serious tasks for humanitarian cooperation]. URL: <https://ria.ru/20170912/1504303222.html> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Rossiya stala krupnejshim eksporterom nefiti v Kitaj iz stran vne OPEK v 2019 godu [Russia became the largest exporter of oil to China from non-OPEC countries in 2019]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8020949> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

RZHD vklyuchaetsya v dostrojku zh/d mosta cherez Amur v Kitaj v Evrejskoj AO [Russian Railways is involved in the completion of a railway bridge across the Amur to China in the Jewish Autonomous Region]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8766373> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom RF i Pravitel'stvom KNR o raschetah i platezhah ot 5 iyunya 2019 goda [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the PRC on settlements and payments dated June 5, 2019]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906100046> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Soglashenie o torгово-ekonomicheskom sotrudnichestve mezhdru EAES i KNR [Agreement on trade and economic cooperation between the EAEU and the PRC]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/direction/trade/soglashenie-s-kitaem.php> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Sopryazhenie EAES i IPP: problemy i perspektivy [Conjugation of the EAEU and the BRI: Problems and Prospects]. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/sopryazhenie-eaes-i-ipp-problemy-i-perspektivy/> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva EAES i EPSHP [Joint statement of the Russian Federation and China on cooperation in conjugating the construction of the EAEU and SREB]. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o razvitii otnoshenij vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu [Joint statement of the Russian Federation and the PRC on the development of relations of comprehensive partnership and strategic interaction, entering a new era]. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-kitajskih peregovorov [Press statements following Russian-Chinese talks]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60672> (accessed: 25 February, 2021) (In Russian).

И.В. Олейников

«СИБИРСКОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ»: ФАКТОР КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе воздействия фактора Китая на международное сотрудничество Иркутской области в конце второго десятилетия XXI в. Предпринята попытка определить сферы и особенности воздействия: туризм, проблемы привлечения инвестиций из КНР в экономику региона, конструкты и наслоения исторической памяти. Выявлены элементы, оказывающие негативное влияние на восприятие Китая в Восточной Сибири.

Отмечено, что федеральный центр влияет на международную деятельность регионов, причем развитие идет вразрез с официальными декларациями. Фактор КНР влияет на изменение экономической политики холдингов, на которую правительство Иркутской области повлиять не способно, и, в некоторой степени, на доходы местного бизнеса, связанного с туристической индустрией. Отражено, что регион не может реализовать программы развития самостоятельно, без участия федеральных властей. Выявлена тенденция использования антикитайских настроений во внутривластном процессе на уровне области.

Сделан вывод о том, что федеральный центр влияет на международную деятельность регионов, причем развитие идет вразрез с официальными декларациями. Фактор КНР влияет на изменение экономической политики холдингов, на которую правительство Иркутской области повлиять не способно, и, в некоторой степени, на доходы местного бизнеса, связанного с туристической индустрией. Региональные власти вынуждены балансировать между стратегиями развития, направленными на активизацию сотрудничества с КНР и реальной ситуацией, в которой определяющими являются интересы крупных бизнес-игроков.

Ключевые слова: Китай, Иркутская область, международное сотрудничество, балансирование, бизнес, инвестиции, парадипломатия.

Автор: Олейников Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета; доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета.
E-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Oleynikov I. V.

«Siberian Balancing»: China's Factor in International Cooperation of the Irkutsk region at the end of the second decade of XXI century

Abstract. The purpose of this study was to analyze the influence of the China factor on international cooperation of the Irkutsk region at the end of the second decade of XXI century. An attempt was undertaken to identify the spheres and features of the impact — the tourism sector, the problems of attracting investments from China to the region's economy, constructs and layers of historical memory that influence the perception of China in Eastern Siberia. Elements that have a negative impact on the perception of China in Eastern Siberia are identified. The region cannot implement development programs independently, without the participation of federal authorities. The tendency to use anti-Chinese opinions in the internal political process at the regional level is revealed.

The conclusion is made that the federal center influences the international activities of the regions, and the development is contrary to the official declarations. The factor of the PRC affects the change in the economic policy of the holdings, which the government of the Irkutsk region

is not able to influence, and to some extent — on the income of local businesses related to tourism industry. Regional authorities are forced to balance between development strategies aimed at enhancing cooperation with the PRC and the real situation in which the interests of large business players are decisive.

Keywords: China, Irkutsk region, international cooperation, balancing, business, investment, paradiplomacy.

Author: Ilya V. OLEYNIKOV, Ph.D. (History), Associate Professor, History Faculty, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University (e-mail: ilyavasilich@yandex.ru).

На протяжении первых десятилетий XXI в. все более явным и значимым становится влияние фактора Китая на международное сотрудничество регионов Восточной Сибири, в том числе и для Иркутской области. Изучение влияния КНР на международное позиционирование Приангарья представляется актуальным в условиях активизации стратегии «поворота на Восток» правительства РФ. Российское правительство на протяжении ряда лет пытается вовлечь отдаленные территории Сибири и Дальнего Востока во взаимодействие с сопредельными странами и регионами, надеясь привлечь стабильные инвестиции для создания опорных точек роста. Внешнее финансирование из стран АТР представляется определяющим ресурсом для развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока. Эта идея воплощается и в выступлениях российских политиков и бизнесменов — от Байкальских экономических форумов первого десятилетия XXI в. и саммита АТЭС 2012 г. до мероприятий ВЭФ во Владивостоке. Действительно, международное сотрудничество регионов при реализации внешней политики государства выступает в качестве дополнительного инструмента — субъекты Федерации участвуют в субнациональном взаимодействии для реализации национальных интересов при формальном или неформальном одобрении правительства.

Наряду с предложениями федерального центра, важными во взаимодействии с КНР являются и проекты российских корпоративных бизнес-структур, вертикально интегрированных холдингов («En+ Group», Группа «Илим»), региональных компаний (ООО «ИНК»), направленные на сотрудничество с внешними контрагент-

тами на территории Китая. Отметим, что логика бизнес-процессов активно способствует созданию форм общественного мнения, оказывающих влияние на текущие практики международного сотрудничества, в которых участвуют как региональные власти, так и центр.

Значительное давление на развивающиеся процессы международного сотрудничества на китайском направлении оказывают и устоявшиеся конструкты, факторы и наслоения исторической памяти. Помимо этого, периферийность сибирских регионов, их оторванность от очагов модернизации способствует их «консервации», слабостью вовлеченности в глобальные мирополитические процессы, что формирует локальные паттерны восприятия иностранных контрагентов (туристов, бизнесменов) в регионах Восточной Сибири. Руководство Китая, в свою очередь, продвигает инициативу «Один пояс. Один путь», являющуюся, при всей нечеткости и размытости, вариантом «глобализации с китайским знаменателем». Близость регионов Сибири к государственной границе Российской Федерации формирует необходимость поиска оптимального баланса между экономическими интересами и интересами безопасности, что ставит дополнительную задачу аналитического осмысления происходящего.

Таким образом, Иркутская область, как и прочие сибирские регионы, балансирует между логикой поощрения сотрудничества с сопредельными провинциями КНР и фокусом на безопасности, понимаемой в координатах защиты интересов национального бизнеса от проникновения мощных конкурентов извне.

Рассмотрим фактор китайского туризма, сформировавший ряд возможностей и вызовов перед региональными властями и бизнесом. Присутствуют системные проблемы развития туристической инфраструктуры — транспорт, номерной фонд в гостиницах, подготовка гидов. Основной поток туристов из КНР практически не задерживается в Иркутске, который представляет собой всего лишь точку транзита в их дальнейшем путешествии на оз. Байкал. Инфраструктура — ключевой вызов, у приезжающих возникает потребность в сети недорогих гостиниц, хостелов, ведь количество туристов в период с 2014 по 2020 г. росло. Развитие «Международного аэропорта Иркутск», деятельность по привлечению новых рейсов из КНР и стран Восточной Азии, осуществлявшаяся на протяжении

последних пяти лет, приводит к необходимости модернизации и расширения аэропортовой инфраструктуры, что требует значительных финансовых вливаний и управленческого мастерства региональных властей [Китайские туристы в Иркутске...]. Следствием является недостаточная заинтересованность иностранных партнеров в сотрудничестве в силу комплексных инфраструктурных ограничений, отнюдь не ограничивающихся состоянием воздушной гавани.

Туристы, прибывающие из КНР, самостоятельно прокладывают свой маршрут, соответственно, местный турбизнес не получает дополнительной прибыли. Кроме того, китайский бизнес действует по традиционной схеме: покупая туристические базы на Байкале с целью организации самостоятельных туров [Степанов]. Естественно, что такое положение дел невыгодно для иркутских компаний. Значительный приток туристов из Китая, строительство нелегальных гостиниц, замкнутый цикл экономики китайского туризма вызывал недовольство жителей прибайкальских поселков и территорий, местного бизнеса [MacFarquhar].

Вместе с тем отметим: локдаун весны 2020 г., вызванный новой коронавирусной инфекцией «COVID-19», существенно снизил приток туристов из КНР, что серьезно ударило по локальному туристическому бизнесу, лишившегося ручейка финансовых средств, оставляемых китайскими туристами, произошло сокращение доходов местного населения, зарабатывающего в основном извозом и продажей продуктов питания — что иллюстрирует постепенно складывающаяся комплексную взаимозависимость между Иркутской областью и Китаем [Остров Ольхон опустел...], [Вовчек].

Анализируя фактор привлечения китайских инвестиций в регион, отметим, что в начале 2019 г. Иркутская область стала точкой притяжения внимания региональных, федеральных и международных масс-медиа. Активные дискуссии разгорелись в январе-феврале 2019 г. из-за строительства завода по розливу питьевой воды на Байкале с привлечением инвестиций из КНР. Китайские инвестиции в освоении водных ресурсов Байкала для региональных властей и бизнеса Иркутской области представляли собой фактор конфликта или реальный шанс для взаимодействия? В силу каких причин стало преобладать протекционистское мышление, блокирующее доступ на региональный рынок иностранных инвестиций?

Общий объем инвестиций в проект по строительству завода по розливу бутилированной байкальской воды составлял 1,5 млрд руб. Разрешение на строительство было получено ООО «АкваСиб» в январе 2017 г., проект получил положительные заключения строительной и государственной экологической экспертиз. Руководство компании отмечало, что завод обеспечит жителям из Слюдянки, Култукка и Иркутска 150 новых рабочих мест. 20 % водных ресурсов компания планировала продавать на российском рынке, а 80 % предполагалось экспортировать не только в КНР, но и в Монголию, Южную Корею, другие страны АТР.

Вскоре в социальных сетях началась кампания с призывами спасти уникальное озеро, остановить строительство завода, размещались петиции, шел сбор подписей, проводились митинги. 12 марта 2019 г. на ситуацию обратили внимание федеральные власти, российский премьер-министр Д. Медведев [Телегина]. После его высказываний была начата прокурорская проверка, по результатам которой было выявлено несоответствие стройки нормам, наличие экологических нарушений. По итогам проверки строительство завода по производству питьевой воды на берегу Байкала было приостановлено.

Следующий ракурс проблемы — использование повестки строительства завода китайскими бизнесменами со стороны оппонентов губернатора Иркутской области С.Г. Левченко (КПРФ) из партии «Единая Россия», Законодательного собрания Иркутской области и Государственной думы РФ. «Партия власти» использовала указанный инфоповод для интенсивной атаки на позиции оппозиционного губернатора. Парадоксальным образом проблема получения долгожданных иностранных инвестиций из КНР стала важным элементом политической борьбы на внутрирегиональном и федеральном уровне. Прецедент был создан и в сентябре 2020 г. на выборах губернатора Иркутской области в отношении кандидата от КПРФ — М. Шапова была реализована кампания по распространению ложной информации — на улицах Иркутска появились баннеры с иероглифической надписью на китайском языке «Шапов — наш». Задача конкурентов заключалась в использовании антикитайских настроений как ресурса в напряженной предвыборной борьбе в Иркутской области.

Фактор китайских инвестиций связан и с конкуренцией между бизнес-субъектами. В феврале 2019 г. — в разгар кампании против строительства завода ООО «АкваСиб» в Култуке — структуры олигарха Олега Дерипаски выразили заинтересованность в строительстве заводов по розливу байкальской воды для последующего экспорта в Китайскую Народную Республику [Титов]. В 2016 г. компании олигарха использовали тему возможных китайских инвестиций в размере 11 млрд долл. США в развитие туристической инфраструктуры на Байкале в качестве попытки привлечения внимания федерального центра и получения дополнительного финансирования. Таким образом, можно зафиксировать следующий прагматический тренд: в случае соответствия иностранных инвестиций интересам крупных российских холдингов они позиционируются в качестве необходимых для развития ресурсов, в случае же если присутствует гипотетическая конкуренция — иностранный инвестор жестко выдвигается с рынка, несмотря на официальную риторику.

Помимо указанных кейсов последнего времени, у элит и населения региона присутствуют и традиционные установки, связанные с феноменом «желтой опасности», страхами, связанными с неконтролируемой миграцией из северо-восточных провинций КНР, полукриминальными схемами, лесозаготовительным бизнесом и вывозом древесины [Ковальская, с. 103—115].

Существующая парадигма муниципалитетов Иркутской области (Иркутск — Шэньян, Усть-Илимск — Ханьдань) не выступают в качестве непосредственного драйвера для развития внешнеэкономических контактов. Их основная задача заключается в создании реализации преимущественно административных и гуманитарных связей. Можно констатировать, что международное сотрудничество с провинциями КНР на муниципальном уровне оказывает косвенное влияние на процессы международного сотрудничества — с помощью побратимских связей и народной дипломатии повышается уровень международного доверия.

В ситуации вынужденного «закрытия» границ области в 2020 г. под воздействием пандемии коронавируса, выступившей в качестве «черного лебедя», международное сотрудничество на субнациональном уровне уходит из повестки областного правительства, но вместе с тем формирует запрос на продолжение сотрудничества с Китаем у

местного бизнеса, испытывающего системные проблемы под воздействием разворачивающейся экономической рецессии. Наблюдается тенденция к закреплению схемы «инерционного развития» и инфраструктурной отсталости территорий Байкальской Сибири — из-за отсутствия значительных федеральных и иностранных инвестиций, реализации противоречивого курса федерального центра в отношении Иркутской области.

Таким образом, попытки региональных властей преодолеть инертность на китайском направлении сотрудничества непоследовательны. Присутствует явное влияние федерального центра на международную деятельность регионов, идущее вразрез с официальными декларациями — формируется асимметрия контактов. В ситуации такого рода бюрократия Иркутской области не обладает реальными рычагами влияния на развитие контактов на субнациональном уровне, любые серьезные жизнеспособные инициативы должны проходить долгую и сложную цепочку согласований, в которых решающее слово остается за федеральным центром и корпорациями. Фактор КНР влияет на изменение экономической политики вертикально интегрированных холдингов, на которую правительство Иркутской области повлиять не способно, и в некоторой степени — на доходы местного бизнеса, связанного с туристической индустрией, в последнее время — используется как дополнительный козырь во внутрирегиональной политической борьбе. Региональные власти — как областные, так и муниципальные, в этой ситуации вынуждены балансировать между стратегиями развития, направленными на активизацию сотрудничества с КНР и реальной ситуацией, в которой определяющими являются правительственные стратегии и интересы крупных бизнес-игроков.

Библиографический список

Вовчек А. Туризму на Байкале грозит кризис. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20200217/tourism/> (дата обращения: 17.11.2020).

Китайские туристы в Иркутске интересуются Тальцами и не забывают о шопинге. URL: <http://irktorgnews.ru/baikalland-kommentarii/kitayskie-turisty-v-irkutsk-e-interesuyutsya-talbitsami-i-ne-zabyvayut-o-shoppinge> (дата обращения: 12.09.2020).

Ковальская М. Н. Трудовая деятельность китайских мигрантов на страницах иркутских газет: некоторые итоги пилотного исследования // Восток-Запад в контексте мировой истории: взгляд из Сибири: материалы. Иркутск: ИГУ, 2011. С. 103—115.

Остров Ольхон опустел без китайских туристов. URL: <https://vestiirk.ru/news/society/250303/> (дата обращения: 17.11.2020).

Степанов П. Мы теряем Байкал: кто ухудшает экологию, как выживают местных и причем тут Дерипаска? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7kTZFPcZw20> (дата обращения: 12.09.2020).

Телегина Н. Ксенофобия под видом экологии. Как китайский завод на Байкале по разливу питьевой воды стал объектом всеобщей ненависти. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/08/zavod-prevratilsya-v-shaybu> (дата обращения: 17.11.2020).

Тумов С. Вода от Дерипаски. Структуры миллиардера запускают новый бизнес на Байкале. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/372889-voda-ot-deripaski-struktury-milliardera-zapuskayut-novyy-biznes-na-baykale> (дата обращения: 20.09.2020).

MacFarquhar N. As Chinese Flock to Siberia's Lake Baikal, Local Russians Growl. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/02/world/europe/chinese-lake-baikal-tourism-russia.html> (accessed: 15.10.2020).

References

Kitajskie turisty v Irkutske interesuyutsya Tal'cami i ne zabyvayut o shoppinge [Chinese tourists in Irkutsk are interested in Tal'tsi and do not forget about shopping]. URL: <http://irkorgnews.ru/baikalland-komentarii/kitayskie-turisty-v-irkutske-interesuyutsya-talbitsami-i-ne-zabyvayut-o-shoppinge> (accessed: 12 September, 2020) (In Russian).

Koval'skaya M. N. Trudovaya deyatel'nost' kitajskih migrantov na stranichah irkutskih gazet: nekotorye itogi pilotnogo issledovaniya [The Labor activity of Chinese migrants on the pages of Irkutsk newspapers: some results of the pilot study]. Vostok-Zapad v kontekste mirovoj istorii: vzglyad iz Sibiri: materialy [East-West in the context of world history: a view from Siberia]. Irkutsk: IGU, 2011. P. 103—115. (In Russian).

MacFarquhar N. As Chinese Flock to Siberia's Lake Baikal, Local Russians Growl. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/02/world/europe/chinese-lake-baikal-tourism-russia.html> (accessed: 15 October, 2020) (In Russian).

Ostrov Ol'hon opustel bez kitajskih turistov [Olkhon island is empty without Chinese tourists]. URL: <https://vestiirk.ru/news/society/250303/> (accessed: 17 November, 2020) (In Russian).

Stepanov P. My teryaem Bajkal: kto uhudshaet ekologiyu, kak vyzhivayut mestnyh i prichem tut Deripaska? [We are losing Baikal: who is making the environment worse, how do the locals survive, and what does Deripaska have do with it?]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7kTZFPcZw20> (accessed: 12 September, 2020) (In Russian).

Telegina N. Ksenofobiya pod vidom ekologii. Kak kitajskij zavod na Bajkale po rozlivu pit'evoy vody stal ob"ektom vseobshchej nenavisti [Xenophobia under the guise of ecology. How the Chinese plant on lake Baikal for bottling drinking water became the object of universal hatred]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/08/zavod-prevra-tilsya-v-shaybu> (accessed: 17 November, 2020) (In Russian).

Titov S. Voda ot Deripaski. Struktury milliardera zapuskayut novyj biznes na Bajkale [Water from Deripaska. The structure of the billionaire launching a new business on lake Baikal]. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/372889-voda-ot-deripaski-struktury-milliardera-zapuskayut-novy-biznes-na-baykale> (accessed: 20 September, 2020) (In Russian).

Vovchek A. Turizmu na Bajkale grozit krizis [Tourism on lake Baikal is facing a crisis]. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20200217/tourism/> (accessed: 17 November, 2020) (In Russian).

Л.А. Печищева

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО ИНДИИ И ЯПОНИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу индийско-японского стратегического партнерства как важного фактора обеспечения национальных интересов двух стран и региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2000-е гг. стали новой отправной точкой в развитии индийско-японского стратегического сотрудничества, которое вышло за рамки сугубо декларативного и приобрело более тесный характер. Заключенные в 2000-х гг. договоры и соглашения между Индией и Японией о региональном и глобальном партнерстве поэтапно реализовываются, поскольку для Японии Индия имеет огромное значение не столько как экономический партнер, сколько как политический союзник, с которым есть вероятность более успешного ограничения китайского политического и торгово-экономического влияния в АТР.

Однако в будущем возможно и расширение экономической повестки, поскольку активно развивающийся индийский рынок уже сейчас обладает высокой ёмкостью для дорогостоящих потребительских товаров, среди которых — автомобили, цифровая техника, различные телекоммуникационные системы. Что касается геополитических аспектов, то тут многое будет зависеть от складывающегося нового баланса сил в регионе, в рамках которого Индия и Япония в настоящий стремятся нащупать выгодную для себя перспективу. С одной стороны, Индия по-прежнему стремится придерживаться

политики неприсоединения, с другой же, наблюдая за усилением КНР в Южной Азии, особенно путем вовлечения Пакистана и Бангладеш в орбиту китайской инициативы «Новый Шёлковый путь», понимает, что Япония, чьи интересы во многом схожи с индийскими, станет надежным стратегическим партнером не только в АТР, но и в Южной Азии.

Ключевые слова: Индия, Япония, стратегическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанский регион, инициатива КНР «Новый Шёлковый путь».

Автор: Печищева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: mayflower-85@inbox.ru

Pechishcheva L.A.

India-Japan strategic partnership in the Asia-Pacific region

Abstract. The article is devoted to India-Japan strategic partnership as an important factor in ensuring the national interests of the both countries and regional security in the Asia-Pacific region. The 2000s became a new starting point in the development of India-Japan strategic cooperation that had highly a declarative character. Treaties and agreements between India and Japan were gradually implemented on regional and global partnership in the 2000s, as for Japan, India is of a great importance not only as an economic partner, but as a political one, which is likely more successful to restrict China's political and economic influence in the Asia-Pacific region.

However it is possible that in the future the economic agenda will be expanded, since the rapidly developing Indian market already has a high capacity for expensive consumer goods, including cars, digital equipment, and various telecommunications systems. As for the geopolitical matters, its status will depend much on the emerging new balance of power in the region, within which India and Japan are currently trying to find a favorable perspective for themselves. On the one hand, India still strives to adhere to the non-alignment politics, on the other hand, taking a look at the strengthening of China in South Asia, especially by involving Pakistan and Bangladesh in its "New Silk Road" Initiative, India understands that Japan, whose interests are similar to India's in many aspects, will become a reliable strategic partner not only in the Asia-Pacific region, but also in South Asia.

Keywords: India, Japan, strategic partnership, Asia-Pacific region, China's "New Silk Road" Initiative.

Author: Liudmila A. PECHISHCHEVA, Cand. of Sciences (History), Assistant Professor of the Department of Foreign Regional Studies and International Relations, Russian State University for the Humanities. (e-mail: mayflower-85@inbox.ru).

Индия и Япония: границы стратегического сотрудничества

После распада биполярной системы международных отношений Индия не рассматривалась японским правительством как один из ключевых политических и экономических партнеров. Поэтому в 1990-х гг. взаимная политическая риторика индийского и японского лидеров носила общий характер и не подразумевала конкретных шагов по укреплению двустороннего сотрудничества. В этот период правительство Японии обращало внимание больше на урегулирование внутренних социально-экономических вопросов в стране, выстраивало торгово-экономические отношения с американскими и западноевропейскими партнерами, а также расширяла рынки сбыта для своей промышленной и IT-продукции. Индия, претворив в жизнь экономические реформы 1990-х гг., стремительно развивалась, в политическом плане продолжая придерживаться курса «неприсоединения» и избегая создавать какие-то союзы и внешнеполитические блоки [Rajon].

Однако благодаря стремительным геополитическим преобразованиям в мире, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, изменился и баланс сил на международной арене. Набирающий политическую и экономическую мощь Китай стал активно продвигать свои национальные интересы, стремясь занять место регионального лидера, отодвигая Японию на второй план [Fung].

Неслучайно Япония в 2000-х гг. разворачивает свой внешнеполитический курс в сторону Индии, подписав с ней в августе 2000 г. документ под названием «Японо-индийское глобальное партнёрство в XXI в». К концу 2000-х гг. прагматичная и последовательная внутренняя политика позволила Индии войти в десятку ведущих экономик мира, а значит, улучшить инвестиционный климат и уровень

жизни вкупе с покупательной способностью населения [Japan-India Joint Declaration...].

В 2006 г. Индия и Япония подписали «Совместное соглашение о японо-индийском стратегическом и глобальном партнёрстве», в котором была заложена институциональная основа для последующих встреч и консультаций на высоком и высшем уровне. К тому же, в документе были прописаны и совместные военно-морские учения, как в закрытом режиме, так и с участием третьих стран при наличии общего согласия на такие шаги. В 2007 г. правительство Японии провозгласило новую внешнеполитическую стратегию «Ось свободы и процветания», в которой особая роль была отведена Индии, крупнейшей «азиатской демократии», разделяющей такие демократические ценности, как права и свобода человека, а также принципы рыночной экономики [Japan-India Partnership in a New Asian Era...].

В 2015 г. между Индией и Японией было заключено соглашение об «Особом стратегическом и глобальном партнёрстве», которое еще больше расширило положения предыдущего документа. Так, Индия, занимающая геостратегически выгодное положение и стремящаяся сохранить политическую гибкость, становилась для Японии своего рода гарантом региональной стабильности в Южной Азии и АТР. Поэтому соглашение было направлено на развитие индийско-японского сотрудничества в области безопасности, а также создало механизм работы в формате «два плюс два», который подразумевает ежегодные обмены визитами министров обороны и иностранных дел [Тоkyo Declaration...].

Более того, ещё с 1990-х гг. индийским правительством проводился курс «Смотри на Восток» (LookEast), цель которого — расширить торгово-экономические отношения и политическое взаимодействие со странами Юго-Восточной Азии. При Нарендре Моди этот курс был преобразован в концепцию «Действуй на Востоке» (ActEast), которая предполагала изменение статуса Индии не только как регионального, но и глобального игрока, а также укрепление стратегического сотрудничества с ключевыми партнерами в АТР, в том числе с Японией и Австралией [Шелест].

С 2017 г. стали проводиться регулярные встречи в формате «два плюс два», и в 2019 г. на индийско-японском саммите должно было состояться подписание соглашения по военно-транспортному со-

трудничеству. Однако этого не случилось, саммит перенесли на неопределённый срок, хотя этот документ однозначно укрепил бы и без того тесное военное взаимодействие между двумя странами, в результате чего Япония могла бы получить доступ к индийским военно-морским базам на Андаманских и Никобарских островах, а Индия — к японским военно-морским объектам в Джибути (Восточная Африка) [Нiu].

С начала 2000-х гг. КНР как один из глобальных акторов системы международных отношений, стремится укрепить свои позиции в различных регионах мира. Си Цзиньпин анонсировал в 2013 г. инициативу «Новый Шёлковый путь», нацеленную на оптимизацию пространственной структуры экономического развития всего евразийского региона [Кулинцев]. Как США, так и Япония с Индией обеспокоены возрастающим политическим и экономическим влиянием КНР не только в мире, но и в АТР, поэтому заключают различные блоки и союзы. В период президентства Барака Обамы были сняты персональные санкции с победившего на индийских выборах премьер-министра Нарендры Моди, наложенные на него в 2005 г. при президенте США Дж. Буше-младшем после мусульманских погромов в штате Гуджарат в 2002 г. (Моди занимал тогда должность главного министра штата Гуджарат) [Строкань]. По мнению правозащитных организаций, властям штата необходимо было сделать всё возможное, чтобы не допустить многочисленных жертв.

В период президентства Дональда Трампа в 2016 г. США и Индия подписали соглашение по военной логистике «ЛЕМОА», благодаря чему упрочились союзнические отношения между ними. Были анонсированы и некоторые военно-технологические договорённости (о статусе главного партнёра, предоставлении военной техники на уровне стран НАТО и Израиля, возможной передаче списанного, но действующего авианосца и т. д.) [Лебедева]. К тому же, по заявлениям Нарендры Моди, США можно рассматривать как ключевого партнера для социально-экономического преобразования Индии.

Если взять во внимание региональные проблемы, то и у Индии есть неразрешенные территориальные споры с КНР в Гималаях, и Япония пока не договорилась с Китаем о закрытии территориальных вопросов в Восточно-Китайском море. С целью сохранения стабильности и региональной безопасности в АТР, Индия и Япо-

ния, заключая новые соглашения и договоры, укрепляют сотрудничество в области торговли и экономики, а также в военной сфере. «В свою очередь, Южная Азия является наиболее безопасным для Японии регионом для демонстрации внешнеполитической самостоятельности в отличие от Юго-Восточной Азии, где сильны негативные настроения относительно усиления Японии» [Стапран].

10 сентября 2020 г. было подписано соглашение о взаимном обеспечении поставок и услуг между военными структурами Индии и Японии с целью обеспечения региональной безопасности и экономического развития. «Соглашение устанавливает такие рамки, как процедуры урегулирования для взаимного предоставления поставок и услуг между силами самообороны Японии и индийскими вооруженными силами», — говорится в заявлении японского внешнеполитического ведомства [Whedon].

Таким образом, стратегическое сближение Индии и Японии неслучайно, поскольку оно продиктовано политической, социально-экономической нестабильностью и стремительно меняющейся расстановкой сил в АТР.

Будущее индийско-японского стратегического сотрудничества

Перспективы индийско-японского стратегического сотрудничества, находящегося сегодня в стадии поступательного развития, преимущественно будет зависеть от того, какую нишу займут Индия и Япония в формирующейся новой региональной системе международных отношений.

Нарендра Моди стремится сделать Индию не только влиятельным региональным центром, но и вывести страну на новый уровень. К примеру, это активное участие Индии совместно с Японией, Германией и Бразилией в Группе 4 (G4), цель которой заключается в модернизации ООН посредством расширения числа постоянных членов Совета Безопасности Организации [Страны группы четырёх призвали...]. К тому же, это и активное участие Индии в международных делах и международных организациях (ВТО, МВФ, Большая 20, ШОС и т. д.), а также в крупных объединениях таких, как

БРИКС. Став премьер-министром Индии, Моди провозгласил программу «Делай в Индии» (Make in India!), призванную запустить новый этап индустриализации страны, стимулировать темпы роста индийской экономики, развивать промышленность, а также сделать всё возможное, чтобы Индия добилась мирового признания. С такими глобальными планами возросла и конкуренция между Индией и Китаем.

Для Японии важно иметь сильного и надежного партнера в АТР с целью проведения комплексной политики по ограничению роста китайского влияния в Южной и частично Юго-Восточной Азии. Поэтому на стыке XX-XXI вв. начался новый виток развития стратегического сотрудничества двух стран. С 2005 г. стали ежегодными индийско-японские встречи на высшем уровне. Важным шагом является и подписание в 2006 г. стратегического документа — «Японо-индийской совместной декларации о стратегическом и глобальном партнерстве».

Для Японии и Индии необходимо укреплять и торгово-экономические отношения в АТР. Индия, однако, в 2019 г. не стала участвовать в принятии окончательного варианта соглашения по Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) странами-участницами АСЕАН, так как индийское правительство опасалось перенасыщения внутреннего рынка более дешевыми китайскими товарами после снятия ввозных пошлин [Индия не стала подписывать соглашение...]. В итоге, 15 ноября 2020 г. страны-участницы АСЕАН пока без Индии подписали соглашение по Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли, на долю которой приходится практически треть населения земного шара, ВВП и глобальной торговли [Страны Азии подписали соглашение...]. По прогнозам экспертов, в рамках ВРЭП Япония сможет расширить рынки сбыта своей продукции и увеличить экспорт технологий, запустить инфраструктурные проекты, а также укрепить сотрудничество со странами-участницами этого соглашения в различных областях.

Оба государства имеют тесные отношения с США, ЕС, РФ, кроме того, они стремятся сохранить баланс сил в АТР, укрепить региональную безопасность, решить территориальные споры с КНР и

расширить двустороннее гуманитарное сотрудничество. Стремясь сохранить внеблоковый статус, Индия, тем не менее, понимает выгоды союзнических отношений с Японией, поскольку обе страны обеспокоены растущей геополитической нестабильностью в АТР. Кроме того, у Индии не решены территориальные противоречия и с Пакистаном, с которым Китай укрепляет политические и торгово-экономические отношения, что также не может не волновать индийское правительство, наблюдающее активное участие Пакистана совместно с Бангладеш во многих проектах в рамках китайской инициативы «Новый Шёлковый путь».

Библиографический список

Индия не стала подписывать соглашение об участии в торговом блоке ВРЭП // Коммерсантъ. 04.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4148466> (дата обращения: 10.10.2020).

Кулинецв Ю. «Один пояс — один путь»: инициатива с китайской спецификой // РСМД, 22.05.2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-initsiativa-s-kitayskoy-spetsifikoy/?sphrase_id=35137676 (дата обращения: 10.10.2020).

Лебедева Н.Б. Индия—АСЕАН: двадцать пять лет спустя (границы отношений и внешние факторы) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 35. С. 78—101.

Старран Н.В. Стратегическое партнерство Японии и Индии // Ежегодник Япония. 2008. № 37. С. 68—79.

Страны Азии подписали соглашение о крупнейшей зоне свободной торговли // РИА новости. 15.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201115/strany-1584687609.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Страны «группы четырех» призвали не медлить с реформой Совбеза ООН // РИА новости. 25.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191125/1561580292.html> (дата обращения: 13.10.2020).

Строкань С. Индийский премьер закликает Америку // Коммерсантъ. 01.10.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2579123> (дата обращения: 15.10.2020).

Шелест Д. Политика Нарасимха Рао «Смотри на Восток» как инструмент формирования будущего Индии // РСМД. 09.05.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/34158/> (дата обращения: 15.10.2020).

Fung K; Iizaka H; Siu A. Japanese Direct Invest in China // *China Economic Review*, 2003, Volume 14, Issue 3. P. 304—315.

Hui T; Hussain N. Japan-India: An Indigenous Indo-Pacific Axis // *The Diplomat*, March 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/japan-india-an-indigenous-indo-pacific-axis/> (дата обращения: 17.10.2020).

Japan-India Joint Declaration. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/joint0112.html> (дата обращения: 15.10.2020).

Japan-India Partnership in a New Asian Era: Strategic Orientation of Japan-India Global Partnership. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/partner0504.html> (дата обращения: 17.10.2020).

Pajon C; Saint-Mezard I. The Japan-India Economic Partnership. A Politically Driven Process. Paris: IFRI Centre for Asian Studies Report, 2018. 35 p.

Tokyo Declaration for India-Japan Special Strategic and Global Partnership. Ministry of External Affairs, Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/23965/Токьо+Declaration+for+India++Japan+Special+Strategic+and+Global+Partnership> (дата обращения: 08.10.2020).

Whedon B. India and Japan, Both in Territorial Disputes with China, Sign Military Cooperation Pact // *Breitbart.com*. 10.09.2020. URL: <https://www.breitbart.com/asia/2020/09/10/india-japan-sign-military-cooperation-pact/> (дата обращения: 21.10.2020).

References

Fung K; Iizaka H; Siu A (2003). Japanese Direct Invest in China // *China Economic Review*, Volume 14, Issue 3. P. 304—315.

Hui T; Hussain N (2020). Japan-India: An Indigenous Indo-Pacific Axis // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2020/03/japan-india-an-indigenous-indo-pacific-axis/> (accessed: 17 October, 2020).

Indiya ne stala podpisivat soglasenie ob uchastii v trgovom bloke VREP. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4148466> (accessed: 10 October, 2020) (In Russian).

Japan-India Joint Declaration. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/joint0112.html> (accessed: 15 October, 2020).

Japan-India Partnership in a New Asian Era: Strategic Orientation of Japan-India Global Partnership. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/partner0504.html> (accessed: 17 October, 2020).

Kulintsev Yu (2015). «Odin poyas — odin put»: initsiativa s kitaiskoi spetsifikoi // *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas->

odin-put-initsiativa-s-kitayskoy-spetsifikoy/?sphrase_id=35137676 (accessed: 10 October, 2020) (In Russian).

Lebedeva N (2017). Indiya — ASEAN: dvadtsat pyat let spustya (grani otnoshenii i vneshnie factory) // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*, № 35. P. 78—101. (In Russian).

Pajon C; Saint-Mezard I (2018). The Japan-India Economic Partnership. A Politically Driven Process. Paris: IFRI Centre for Asian Studies Report, 35 p.

Shelest D (2018). Politika Narasimkha Rao “Smotri na Vostok” kak instrument formirovaniya buduschego Indii // *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/34158/> (accessed: 15 October, 2020) (In Russian).

Stapran N (2008). Strategicheskoe partnerstvo Yaponii i Indii // *Ezhegodnik Yaponiya*, № 37. P. 68—79. (In Russian).

Strany Asii podpisali soglasenie o krupneishei zone svobodnoi trgovli. URL: <https://ria.ru/20201115/strany-1584687609.html> (accessed: 15 November, 2020) (In Russian).

Strany “gruppy chetyrekh” prizvali ne medlit s reformoi Sovbeza OON // URL: <https://ria.ru/20191125/1561580292.html> (accessed: 13 October, 2020) (In Russian).

Strokan S (2014). Indiiskiy premir zaklinaet Ameriku // *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2579123> (accessed: 15 October, 2020) (In Russian).

Tokyo Declaration for India-Japan Special Strategic and Global Partnership. Ministry of External Affairs, Government of India. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/23965/Tokyo+Declaration+for+India++Japan+Special+Strategic+and+Global+Partnership> (accessed: 08 October, 2020).

Whedon B (2020). India and Japan, Both in Territorial Disputes with China, Sign Military Cooperation Pact // *Breitbart.com*. URL: <https://www.breitbart.com/asia/2020/09/10/india-japan-sign-military-cooperation-pact/> (accessed: 21 October, 2020).

А.Л. Поленова

УЧАСТИЕ КНДР В РАБОТЕ ООН

Аннотация. Внешняя политика КНДР часто рассматривается в контексте выстраивания отношений с державами, с соседями по региону, а также в контексте развития её ракетно-ядерной программы. Тем не менее важно учитывать и другие направления внешнеполитической активности Северной Кореи. В последние годы Пхеньян формулирует нормативные представления об устройстве международных отношений, «основанных на справедливости»: с акцентом на горизонтальные связи, большую включённость стран глобального Юга и т. д. В этом контексте важно рассмотреть взаимодействие КНДР с международными организациями, участие Пхеньяна в крупных международных проектах и инициативах. Представляется важным взглянуть на этот вопрос на примере ООН, являющейся важнейшим структурообразующим институтом международных отношений на современном этапе.

Участие КНДР в работе структур ООН распадается на два сегмента: в рамках Генеральной ассамблеи и Совета Безопасности, либо же в рамках специализированных организаций. В первом случае Пхеньян получает площадку для выражения собственной позиции по принципиальным вопросам (ГА), однако отстранён от участия в принятии решений в рамках СБ, что показывает определённую дискриминационность Совета. Во втором же случае КНДР показывает себя как рациональный, способный к коопера-

ции актор, по мере возможностей участвующий в культурно-гуманитарном сотрудничестве. В числе позитивных примеров — работа северокорейских экспертов в проектах ЮНЕСКО, направленных на сохранение мирового культурного наследия; участие в региональных программах ВОЗ по борьбе с корью и туберкулёзом; принятие на себя обязательств по снижению эмиссии углекислого газа в рамках работы по достижению целей Парижского соглашения.

Ключевые слова: КНДР, внешняя политика, ООН, международные институты, культурно-гуманитарное сотрудничество.

Автор: Поленова Анна Львовна, младший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru

Polenova A.L.

DPRK' Participation in the UN

Abstract. The DPRK's foreign policy is often viewed in the context of relations with the great powers, with its regional neighbors, as well as in the context of the development of its nuclear and missile program. Nevertheless, it is important to take into account other areas of North Korea's foreign policy. In recent years, Pyongyang has declared its understanding of the structure of international relations as “based on justice”: with an emphasis on horizontal ties, greater involvement of the countries of the global South, and so on. In this context, it is important to consider the DPRK's interaction with international organizations, Pyongyang's participation in major international projects and initiatives. It seems important to look at this issue using the example of the UN, which is the most important structure-forming institution of international relations at the present stage.

The DPRK's participation in the work of UN structures falls into two segments: within the framework of the General Assembly and the Security Council, or within the framework of specialized organizations. In the first case, Pyongyang receives a platform for expressing its own position on fundamental issues (GA), but is barred from participating in decision-making within the Security Council, which shows a certain discriminatory nature of the Council. In the second case, the DPRK shows itself as a rational, cooperative actor, participating as much as possible in cultural and humanitarian cooperation. Positive examples include the work of North Korean experts in UNESCO projects aimed at preserving the world cultural heritage; participation in WHO regional programs for measles and tuberculosis control; taking on commitments to reduce car-

bon dioxide emissions as part of the work to achieve the goals of the Paris Agreement.

Keywords: DPRK, foreign policy, UN, international organizations, cultural-humanitarian cooperation.

Author: Anna L. POLENOVA, Junior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: polenova.a.l@my.mgimo.ru).

Внешняя политика КНДР часто рассматривается узко, через призму развития американо-северокорейских, китайско-северокорейских или межкорейских отношений, либо же в контексте значення развития ракетно-ядерной программы Пхеньяна. В силу обстоятельств эти вопросы — в частности, выстраивание отношений с мировыми державами, ядерное разоружения — занимают первоочередное место во внешнеполитической деятельности Пхеньяна. Тем не менее это не означает, что приоритет иерархических связей по сравнению с горизонтальными или повышенное внимание к силе в её реалистском понимании воспринимаются КНДР как норма.

Содержание выступлений председателя Ким Чен Ына и тексты заявлений северокорейского МИДа обрисовывают контуры «миропорядка, основанного на справедливости» [Striving for...], который представляется Пхеньяну предпочтительной основой для выстраивания взаимодействия между акторами на международной арене. В этом контексте интересно рассмотреть, как КНДР относится к важнейшим институтам, существующим в рамках текущей системы международных отношений (МО), какой видит их работу, насколько участвует в ней. Видение Пхеньяна заслуживает внимания особенно в связи с тем, что формирование таких нормативных представлений об устройстве МО актуально в контексте сохранения полипарадигмальности в науке о МО [Lake] и продолжающейся дискуссии о трансформации мирового порядка [Тимофеев].

Оценки значения и роли институтов в международных отношениях представлены в трудах широкого круга исследователей-теоретиков. Дискуссионными для авторов являются вопросы о перспективах кооперации акторов, о возможностях организаций действовать как самостоятельный актор и не транслировать при этом интересы крупных держав и т. д. В то время как реалисты предстают

в данном случае скептиками [Mearsheimer], варианты ответа, предлагаемые либерализмом, более оптимистичны; наиболее глубоко тема разработана в разработках последователей институционального либерализма [Keohane & Martin], функционализма, теории режимов и т. д.

Вне зависимости от теоретической парадигмы ООН воспринимается как один из важнейших международных институтов, поэтому позиция КНДР по отношению к Организации и опыта Пхеньяна по участию в её работе, вовлечённость в деятельность ключевых структур в рамках ООН и готовность участвовать в совместных проектах представляется важным вопросом при исследовании северокорейской внешней политики.

На сегодняшний день КНДР состоит в 21 организации семьи ООН, в том числе во Всемирной организации здравоохранения, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Международном союзе электросвязи и т. д. Участником большинства специализированных учреждений ООН, в работе которых Пхеньян сейчас участвует, он стал в 1970—1980-е гг. Тем не менее, проблемы международного признания, а также попытки решить вопрос о раздельном или же совместном вступлении двух корейских государств в Организацию привели к тому, что Северная и Южная Корея присоединились к ООН лишь в 1991 г. как два отдельных участника.

Генассамблея для КНДР является важным способом донесения своей позиции. Выступления официальных представителей Северной Кореи касаются, как правило, критичных для Пхеньяна вопросов. Например, последние реплики Ким Сона касались недопущения военных действий на Корейском полуострове, сохранения ядерной угрозы в отношении КНДР, а также критики резолюции Третьего комитета ГА ООН, касающейся нарушения прав человека в Северной Корее. Тем не менее, в этих выступлениях заметен выход на более общую тематику: вопросы нераспространения ОМУ, вопросы использования правозащитной риторики для урегулирования военно-политических конфликтов и т. д. [United Nations...] Иными словами, эти выступления можно рассматривать не только как сугубо реактивное поведение, но и как попытку представить своё понимание тех или иных проблем, возникающих в международном пространстве.

При всём этом нужно отметить, что в настоящее время хотя Пхеньяну представляется площадка для выступления, КНДР воспринимается скорее как аутсайдер: страна находится под сильным санкционным давлением, часто становится объектом критики. В сравнении с РК её доступ к участию в работе ООН значительно меньше. Дискриминационность Организации заметна, например, в возможности присоединиться в качестве непостоянного члена к Совету Безопасности (РК участвовала в его работе в качестве представителя региональной группы дважды, в 1996—1997 и 2013—2014, КНДР ни разу). Сложно связать это со статусом КНДР как непризнанной ядерной державы: непостоянными членами Совбеза неоднократно становились Индия и Пакистан.

КНДР неоднократно выражала свою позицию по данному вопросу, подчёркивая, что нынешний состав Совета Безопасности не соответствует требованиям современности: необходимо расширить круг наблюдателей в СБ таким образом, чтобы в Совете были представлены развивающиеся государства и государства — члены Движения неприсоединения: это сделало бы процесс обсуждения более демократичным. При этом, по мнению КНДР, нельзя допускать Японию в круг постоянных членов Совета [DPRK's Stand...]. Решения СБ ООН регулярно подвергаются критике за игнорирование принципов Хартии ООН, а также за двойные стандарты.

Что касается участия в работе специализированных учреждений, то КНДР часто видится исключительно реципиентом программ гуманитарной помощи, однако она также вносит посильный вклад в решение самых разных общих задач в рамках организаций ООН.

Можно отметить её участие в работе ЮНЕСКО по сохранению мирового культурного наследия. Последний проект, в котором участвовали северокорейские эксперты — состоявшийся в 2015 г. в Берлине международный семинар по реставрации настенных росписей с участием исследователей из 13 стран [UNESCO Expert Workshop...]. В 2008—2015 гг. был реализован международный проект по изучению способов хранения и реставрации бумаг [Long-term Paper Conservation...]; подготовлен доклад об истории изготовления бумаги в Корее и способах её хранения и реставрации; в Пхеньяне проведено 5 международных семинаров, посвящённых этому вопросу. При поддержке Пекинского офиса ЮНЕСКО составлено руково-

дство по реставрации бумаги. Проект считается важным как часть большой работы по привлечению внимания к культурному наследию Восточной Азии. КНДР в данном случае выступает в качестве источника ценных экспертных знаний, так как у северокорейских специалистов есть положительный опыт работы с ценными источниками на бумаге: в Историческом музее гор Мёхянсан в стеклянных боксах хранятся буддийские тексты, отпечатанные с деревянных блоков.

КНДР участвует и в работе ВОЗ, опять-таки, вопреки распространённому мнению, являясь не только получателем помощи. Пхеньян делает регулярные взносы в бюджет организации, участвует в региональных проектах в области здравоохранения, направленных на сдерживание распространения заболеваний, в частности, кори, туберкулёза [Contributors: Democratic People's Republic of Korea].

Если приводить другой пример работы на общее дело, то стоит упомянуть усилия по вкладу в борьбу с экологическими угрозами и изменением климата.

Северная Корея подписала Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (также Киотский протокол и Парижское соглашение). Статистика показывает, что в КНДР стабильно снижается эмиссия углекислого газа в тоннах на душу населения (с 12 т в 1995 г. до 3 т в 2010 г.), в 2016 г. Пхеньян взял на себя обязательство к 2030 г. снизить эмиссию парниковых газов на 8 % за счёт собственных ресурсов и выразил готовность снизить её на 40,25 % при поддержке извне. На период 2021—2030 гг. для этого запланировано принятие Пхеньяном новых национальных стратегий в области развития сельского хозяйства, научно-технического развития и т. д. [Intended Nationally Determined Contribution...].

Суммируя всё вышесказанное, можно сформулировать следующий вывод. Вопрос участия КНДР в работе ООН распадается на два сегмента. Вовлечённость Пхеньяна в работе специализированных организаций представляется довольно важным моментом. Пхеньян как в публицистических материалах, так и часто в статьях исследователей описывается как актер непредсказуемый и неспособный на конструктивное взаимодействие. Тем не менее, мы видим примеры, свидетельствующие об обратном. На неготовность КНДР идти на взаимодействие по неполитическим вопросам часто выражается в

связи с отказом от культурных, гуманитарных проектов совместных с Сеулом — но, как представляется, в этом случае такое нежелание идти на контакт вызваны иными факторами.

В то же время участие в работе ключевых структур, Генассамблеи, СБ ООН характеризуется серьёзными недостатками. КНДР, возможно, стоит более подробно представлять своё видение недоучётов в выстраивании взаимодействия между государствами. С другой стороны, её пример явно показывает, как в рамках, казалось бы, общих, направленных на минимально дискриминационное взаимодействие, структур может происходить маргинализация отдельных членов международного сообщества.

Библиографическое описание

Тимофеев И. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка // РСМД. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-anarkhiya-stsenarii-dinamiki-mirovogo-poryadka/> (дата обращения: 04.09.2020).

Contributors: Democratic People's Republic of Korea, 2018—2019 // World Health Organization. URL: <https://open.who.int/2018-19/contributors/contributor?name=Democratic%20People%27s%20Republic%20of%20Korea> (дата обращения: 15.11.2020).

DPRK's Stand on Reform of UNSC Clarified // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 12.11.2017. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/dprks-stand-on-reform-of-unsc-clarified/> (дата обращения: 20.11.2019).

Intended Nationally Determined Contribution of Democratic People's Republic of Korea // UNFCCC, September 2016. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Democratic%20People%27s%20Republic%20of%20Korea%20First/DPRK-INDC%20by%202030.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).

Keohane, R., & Martin, L. (1995). The Promise of Institutionalist Theory // International Security, 1995, vol. 20(1). P. 39—51. DOI: 10.2307/2539214.

Lake, D.A. Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in International Relations // European Journal of International Relations, 2013, vol. 19(3). P. 567—587. DOI: 10.1177/1354066113494330.

Long-term Paper Conservation and Paper Making Traditions in East Asia Platform launched // UNESCO. 25.01.2016. URL: <https://en.unesco.org/news/long-term-paper-conservation-and-paper-making-traditions-east-asia-platform-launched> (дата обращения: 12.11.2020).

Mearsheimer, J.. The False Promise of International Institutions // *International Security*, 1994, vol. 19(3). P. 5—49. DOI:10.2307/2539078.

Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK) // Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea. 16.05.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-principal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-koreadprk/> (дата обращения: 20.05.2019).

UNESCO Expert Workshop: Conservation of Mural Paintings — Research, Access and Conservation // UNESCO. 02.06.2015. URL: <https://whc.unesco.org/en/news/1326> (дата обращения: 15.10.2020).

United Nations General Assembly Seventy Fifth Session Official Records. A/75/PV.15. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/250/29/PDF/N2025029.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

References

Contributors: Democratic People's Republic of Korea, 2018—2019. *World Health Organization*. URL: <https://open.who.int/2018-19/contributors/contributor?name=Democratic%20People%27s%20Republic%20of%20Korea> (accessed: 15 November, 2020).

DPRK's Stand on Reform of UNSC Clarified. *Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea*. November 12, 2017. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/dprks-stand-on-reform-of-unsc-clarified/>. (accessed: 15 November, 2020).

Intended Nationally Determined Contribution of Democratic People's Republic of Korea. UNFCCC, September 2016. URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Democratic%20People%27s%20Republic%20of%20Korea%20First/DPRK-INDC%20by%202030.pdf> (accessed: 12 November, 2020).

Keohane, R., & Martin, L. (1995). The Promise of Institutional Theory. *International Security*, 20(1), 39—51. DOI: 10.2307/2539214.

Lake, D.A. (2013). Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in International Relations. *European Journal of International Relations*, 19(3), 567—587. DOI: 10.1177/1354066113494330.

Long-term Paper Conservation and Paper Making Traditions in East Asia Platform launched. *UNESCO*, January 25, 2016. URL: <https://en.unesco.org/news/long-term-paper-conservation-and-paper-making-traditions-east-asia-platform-launched> (accessed: 15 November, 2020).

Mearsheimer, J. (1994). The False Promise of International Institutions. *International Security*, 19(3), 5—49. DOI:10.2307/2539078.

Striving for Realization of Genuine International Justice Holds Principal Position in Foreign Policy of Democratic People's Republic of Korea (DPRK). *Ministry of Foreign Affairs Democratic People's Republic of Korea*. 16.05.2019. URL: <http://www.mfa.gov.kp/en/striving-for-realization-of-genuine-international-justice-holds-principal-position-in-foreign-policy-of-the-democratic-peoples-republic-of-koreadprk/> (accessed: 20 May, 2019).

Timofeev, I. (2019). Novaya anarkhiya? Stsenarii dinamiki mirovogo poryadka [A New Anarchy? Scenarios for World Order Dynamics], *Russian International Affairs Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/a-new-anarchy-scenarios-for-world-order-dynamics/> (accessed: 4 September 2020).

UNESCO Expert Workshop: Conservation of Mural Paintings — Research, Access and Conservation. *UNESCO*, 2 June, 2015. URL: <https://whc.unesco.org/en/news/1326> (accessed: 15 October, 2020).

United Nations General Assembly Seventy Fifth Session Official Records. A/75/PV.15. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/250/29/PDF/N2025029.pdf> (accessed: 20 October, 2020).

В.О. Попова

РАЗНОГЛАСИЯ В ПОДХОДАХ РОССИИ И ЯПОНИИ ПО ВОПРОСУ ДЕНУКЛЕАРИЗАЦИИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Аннотация. В статье рассматриваются противоположные подходы России и Японии по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова и урегулирования кризисной ситуации на долгосрочную перспективу.

Для эффективной защиты государства, Япония проводит жёсткую санкционную политику в отношении КНДР, которая должна способствовать полному её разоружению. Являясь союзником США в военно-политической сфере, Япония не может быть абсолютно самостоятельным участником в переговорном процессе, направленном на решение кризиса на Корейском полуострове. В условиях военных угроз со стороны КНДР, Япония вынуждена полагаться на военные возможности своего союзника в деле защиты от ракетно-ядерного удара со стороны КНДР.

Являясь государством, граничащим с КНДР, Россия видит решение корейского кризиса в использовании политико-дипломатических средств в рамках международного права, так как очевидно заинтересована в том, чтобы не допустить развязывания крупного вооружённого конфликта вблизи своих границ. Мир на Корейском полуострове экономически выгоден для России. Снятие санкций и ослабление напряжённости позволит реализовать трёхсторонние проекты между Россией, Южной и Северной Кореями.

Исходя из проведенного анализа позиций двух государств, автором делается вывод о перспективности российского подхода с применением политико-дипломатических средств. Обеспечить разрядку на Корейском полуострове и региональную безопасность, возможно благодаря шестистороннему формату переговоров по денуклеаризации Северной Кореи, с участием Южной Кореи, России, Китая, Японии и США, а также совместной инициативе России и Китая в виде «дорожной карты». Жёсткое санкционное давление, подразумевающее изоляцию и экономическую блокаду КНДР, не позволит в обозримом будущем решить проблему ракетно-ядерной программы КНДР, а может лишь усугубить в дальнейшем ситуацию.

Ключевые слова: ракетно-ядерная программа КНДР, ядерное оружие, ядерное разоружение, Россия, Япония, Корейский полуостров.

Автор: Попова Валерия Олеговна, аспирант исторического факультета, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». E-mail: valeria.popova12@mail.ru

Попова В.О.

Differences in the approaches of Russia and Japan on the issue of denuclearization of the Korean Peninsula

Abstract. The article examines the opposite approaches of Russia and Japan on the issue of denuclearization of the Korean Peninsula and the long-term settlement of the crisis situation.

To effectively protect the state, Japan is pursuing a tough sanctions policy against the DPRK, which should contribute to its complete disarmament. As an ally of the United States in the military-political sphere, Japan cannot be an absolutely independent participant in the negotiation process aimed at resolving the crisis on the Korean Peninsula. In the face of military threats from the DPRK, Japan is forced to rely on the military capabilities of its ally to defend against a nuclear missile strike from the DPRK.

As a state bordering on the DPRK, Russia sees the solution to the Korean crisis in the use of political and diplomatic means within the framework of international law, since it is obviously interested in preventing the outbreak of a major armed conflict near its borders. Peace on the Korean Peninsula is economically beneficial for Russia. The lifting of sanctions and the easing of tensions will allow the implementation of trilateral projects between Russia, South and North Korea.

The author based on the analysis of the positions of the two States concludes that the Russian approach to resolving this issue, namely through predominantly political and diplomatic methods is promising. The six-party talks on the denuclearization of North Korea, involving South Korea, Russia, China, Japan, and the USA, as well as the implementation of the joint initiative of Russia and China in the form of the road map could ensure detente of the Korean Peninsula and provide regional security. The harsh sanctions pressure, which implies isolation and economic blockade of the DPRK, could not solve the problem of the DPRK's nuclear and missile programs in the foreseeable future, and may only worsen the situation in the future.

Keywords: North Korea's nuclear and missile programs, nuclear weapons, nuclear disarmament, Russia, Japan, the Korean Peninsula.

Author: Valeria O. POPOVA, Graduate Student of the Faculty of History, SCE HPE “Donetsk National University”
(e-mail: valeria.popova12@mail.ru).

Современная военно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии характеризуется нарастанием противостояния региональных государств, формированием коалиций по причине наращивания военной мощи Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Вопрос ядерного разоружения Корейского полуострова остаётся в международной повестке на протяжении последних лет с момента первого официального объявления лидера КНДР о проведении работ по разработке оружия с применением ядерных технологий. Мир балансирует на грани войны, ввиду того, что попытки наладить диалог мирового сообщества с Северной Кореей оканчиваются провалом.

В переговорном процессе по денуклеаризации КНДР, в частности принимают активное участие Россия и Япония. Проблема Корейского полуострова непосредственно касается России, граничащей с северокорейским государством, и Японии, в сторону которой неоднократно производились запуски ракет. Однако на современном этапе существуют разногласия в подходах России и Японии по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова.

Ракетно-ядерная программа КНДР в Голубых книгах по дипломатии Японии обозначена одной из ключевых угроз в сфере безопасности [Diplomatic Bluebook]. Токио осуждает наращивание

Пхеньяном своего ядерного и ракетного потенциала. Постоянные запуски ракет в сторону японских островов вызывают серьёзную озабоченность Японии, вследствие чего программа КНДР рассматривается как угроза национальной безопасности страны. Наряду с ядерной угрозой, существует проблема похищений японских граждан спецслужбами Северной Кореи в конце 1970-х — начале 1980-х гг., которая существенно осложняет диалог между двумя государствами [Гринюк, с. 47—66]. Японское руководство в стремлении вернуть на родину своих соотечественников, часто увязывает данную проблему с прогрессом в переговорах по северокорейской ракетно-ядерной программе.

Для эффективной защиты государства, Япония проводит жёсткую санкционную политику в отношении КНДР, которая должна способствовать полному её разоружению. Являясь союзником США в военно-политической сфере, Япония не может быть абсолютно самостоятельным участником в переговорном процессе, направленном на решение кризиса на Корейском полуострове. В условиях военных угроз со стороны КНДР, Япония вынуждена полагаться на военные возможности своего союзника в деле защиты от ракетно-ядерного удара со стороны КНДР. Парадоксально, что как страна, испытывавшая на себе последствия атомных бомбардировок со стороны США, где ещё живы *хибакуся* (жертвы атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки), имеющие проблемы со здоровьем передающиеся последующим поколениям, Япония продолжает опираться на «ядерный зонтик» США. В случае если Япония подвергнется атаке со стороны КНДР, США обязаны принять все необходимые меры и нанести ответный удар по позициям противника. Следует отметить, что в Японии отсутствует прямой законодательный запрет на обладание ядерным оружием. Идея создания такого рода вооружений крайне непопулярна среди населения, однако в силовом истеблишменте довольно много сторонников «ядерного выбора» страны. В случае соответствующего политического решения, Япония в кратчайшие сроки может самостоятельно разработать ядерные вооружения, так как имеет все экономические и технические возможности для этого [Муратшина, с. 6—23]. На принятие подобного решения может повлиять утрата доверия Японией в отно-

шении американского «ядерного зонтика», вызванного ослаблением американо-японского альянса.

В настоящее время противоракетная оборона Японии многоуровневая. Система Aegis, развёрнутая на кораблях ВМС США и Японии, позволяет перехватить ракеты в высоких слоях атмосферы. Уничтожение ракет в низких слоях атмосферы осуществляется благодаря наземным зенитным комплексам Patriot [Белая книга обороны].

Защита государственной безопасности, вынуждает японское руководство пристально следить за ходом событий по денуклеаризации Корейского полуострова, а именно соблюдением США в полном объёме обязательств в рамках альянса с Японией. Находясь в непосредственной близости от государства, обладающего ядерным оружием и проводящего недружелюбную политику, Япония опасается заключения сделки без учёта её интересов. Прямой угрозой для Японии является ликвидация Северной Кореей только межконтинентальных баллистических ракет (МБР) при сохранении ракет средней и малой дальности, радиус действия которых полностью охватывают территорию японских островов. Не остались без внимания и недавние встречи лидеров США и КНДР. Так в июне 2018 г. в Сингапуре впервые прошли прямые переговоры между президентом США Дональдом Трампом и высшим руководителем КНДР Ким Чен Ыном. По условиям переговоров Пхеньян взял на себя обязательства по денуклеаризации полуострова, в обмен на предоставление гарантий безопасности. В феврале 2019 г. в Ханое между лидерами США и КНДР снова прошли переговоры о сокращении ракетно-ядерного арсенала КНДР, но разногласия в подходах сторон стали причиной досрочного завершения саммита [Трамп и Ким Чен Ын...]. Для КНДР ядерное оружие служит щитом своей безопасности и отказ от такой защиты в обмен на международные гарантии сохранения неприкосновенности своих границ и независимости будет серьёзным шагом.

Являясь государством, граничащим с КНДР, Россия видит решение корейского кризиса в использовании политико-дипломатических средств в рамках международного права, так как очевидно заинтересована в том, чтобы не допустить развязывания крупного вооружённого конфликта вблизи своих границ. Кроме того, мир на

Корейском полуострове экономически выгоден для России. Например, снятие санкций и ослабление напряжённости позволит реализовать трёхсторонние проекты между Россией, Южной и Северной Кореями. Президент России Владимир Путин во время пресс-конференции по итогам встречи с лидером КНДР Ким Чен Ыном в апреле 2019 г. упоминал о прямом железнодорожном сообщении, прокладке трубопровода [Пресс-конференция по итогам...]. Как следствие появления в перспективе единой Кореи, готовой поддерживать с Россией отношения добрососедства и сотрудничества, отвечает интересам Москвы. Объединение Кореи в обозримом будущем создало бы условия для налаживания ситуации и способствовало бы формированию многополярного баланса сил в Северо-Восточной Азии. Другой вопрос заключается в том, под чьим началом произойдёт данный процесс. Сценарий, в котором создание единой Кореи, под преобладающим влиянием США, не может устроить Россию. Идеальным вариантом стала бы суверенная Корея, не находящаяся в сфере влияния ни одной из держав. Идея объединения двух государств отличает позицию России от Японии, которая не заинтересована в возникновении сильного в экономическом и военном отношении единого государства возле своих границ.

Выступая против жёсткого санкционного давления, подразумевающего изоляцию и экономическую блокаду КНДР, Москва считает недопустимыми какие-либо односторонние шаги в этом вопросе. В целях урегулирования кризисной ситуации на долгосрочную перспективу в переговорном процессе, по мнению Москвы должны принимать участие все заинтересованные стороны. Так, обеспечить разрядку на Корейском полуострове и региональную безопасность, возможно благодаря шестистороннему формату переговоров по денуклеаризации Северной Кореи, с участием Южной Кореи, России, Китая, Японии и США. Созданный ещё в 2003 г. шестисторонний формат позволял Северной Кореи ощущать себя более уверенно, ввиду того, что устанавливал механизм «сдержек и противовесов» государств в Северо-Восточной Азии [Лукин, с. 32—40]. Это отличает дипломатию двусторонних саммитов, которой придерживаются США, существенным недостатком которой является дефицит доверия между сторонами. Двусторонние переговоры могут привести к подозрениям о скрытых мотивах сторон и в должной мере не спо-

собны гарантировать выполнение достигнутых договорённостей, как это было бы обеспечено многосторонним форматом.

Заинтересованные в установлении мира на Корейском полуострове Россия и Китай выдвигают совместные инициативы по урегулированию кризисной ситуации на Корейском полуострове. В 2017 г. в Совместном заявлении МИД России и Китая были обнародованы основные положения «дорожной карты» корейского урегулирования. План предусматривает на первом этапе добровольный мораторий КНДР на ядерные испытания, сокращение масштабов или приостановление американо-южнокорейских учений, на втором — заключение двусторонних соглашений между КНДР и США, КНДР и РК об общих принципах взаимоотношений, и на третьем — начало многосторонних переговоров с целью создания системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии [Совместное заявление...]. Следует отметить успехи, несмотря на известные трудности на первых двух этапах плана. По мнению России и Китая, они позволяют перейти к третьему этапу, предусматривающего многостороннее взаимодействие по урегулированию всего спектра проблем Корейского полуострова. В связи с этим Москва и Пекин в 2019 г. приступили к разработке нового документа — «плана действий» [Лавров: план РФ и Китая...].

Между Россией и Японией установлен постоянный диалог по вопросам безопасности на высоком уровне. Проводятся встречи не только глав государств, но и министров иностранных дел и обороны в формате «2+2». Сотрудничество государств в области безопасности показывает общность интересов относительно ситуации на Корейском полуострове, несмотря на расхождения во мнениях по данному вопросу. Предложенный Россией шестисторонний формат переговоров не может быть осуществлен без присутствия Москвы и Токио. Россия и Япония обладают достаточными рычагами для урегулирования ситуации на Корейском полуострове, следовательно, их сотрудничество в рамках такого формата может оказаться довольно продуктивным, а также позволит улучшить свои позиции в регионе. Однако, Япония в настоящее время, полагаясь на США в деле решения корейского кризиса, действия которых направлены, прежде всего, на установление региональной гегемонии в Северо-Восточной Азии для сдерживания Китая, рискует попасть в ситуацию, когда переговорный процесс по денуклеаризации КНДР будет проходить без

учёта её позиции. Жёсткое санкционное давление, нежелание идти на уступки без создания системы международных гарантий безопасности КНДР, вынуждает Пхеньян продолжать наращивать военную мощь страны. Более того, в случае реальной опасности у КНДР могут появиться основания для превентивного удара и целями в данном случае, в первую очередь, станут военные базы США в Японии и Южной Корее. Такой удар может обернуться катастрофой не только для граничащих с Северной Кореей государствами, но и для региона в целом. Японии необходимо отойти от политики давления на КНДР, а также поддержание США в деле демонстрации силы может привести к необратимым последствиям. За действиями США и Японии не просматривается долгосрочная стратегия в отношении урегулирования корейского кризиса. Следовательно, для нормализации отношений с Пхеньяном перед японским руководством стоит задача пересмотреть свою позицию относительно Северной Кореи, выстроив разумный баланс между соблюдением своих союзнических обязательств и следованием национальных интересов.

В то же время, Россия выступает за установление прочного и стабильного мира на Корейском полуострове. В отличие от США, которые стремятся установить гегемонию в Северо-Восточной Азии, российские геостратегические планы направлены на формирование многополярного баланса сил в данном регионе.

Российский подход с использованием политико-дипломатических средств и применением трёхступенчатого плана действий, изложенного в «дорожной карте», позволит начать процесс разоружения и снять военную напряжённость. Для достижения результата потребуются длительное время, однако именно российский подход, предусматривающий уважение интересов сторон и позволит избежать военного решения кризиса и эскалации конфликта. Ядерная программа КНДР требует решения, поскольку в дальнейшем может дестабилизировать ситуацию в Северо-Восточной Азии и привести как к военному столкновению на Корейском полуострове, так и к гонке ядерных вооружений регионе.

Противоречия в подходах заинтересованных государств в урегулировании сложившейся кризисной ситуации, в частности России и Японии, осложняют и тормозят процесс урегулирования корейского кризиса.

Библиографический список

Белая книга обороны Японии. 2019. URL: <https://www.mod.go.jp/e/index.html> (дата обращения: 19.11.2020).

Гринюк В.А. Япония—КНДР: попытка возобновить диалог // Япония наших дней. 2014. № 4(22). М.: ИДВ РАН, 2015. С. 47—66.

Лавров: план РФ и Китая по корейской проблеме рассматривается заинтересованными странами // ТАСС. 08.11.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7092755> (дата обращения: 19.11.2020).

Лукин А.Л. Урегулирование ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове: интересы России и перспективы многостороннего формата // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 32—40. DOI: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/32-40](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/32-40).

Муратшина К.Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6—23. DOI: [10.24411/2500-2872-2019-10025](https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10025).

Пресс-конференция по итогам российско-северокорейских переговоров // Президент России. 25.04.2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60370> (дата обращения: 21.11.2020).

Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова от 04.07.2017 г. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/2807662 (дата обращения: 19.11.2020).

Трамп и Ким Чен Ын не достигли договорённости в Ханое // Ведомости. 28.02.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/28/795242-kim> (дата обращения: 20.11.2020).

Diplomatic Bluebook of Japan, 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/index.html> (дата обращения: 20.11.2020).

References

Belaya kniga oborony Yaponii (2019) [Japan Defense White Paper] // Ministry of Defense URL: <https://www.mod.go.jp/e/index.html> (accessed: November 19, 2020) (In Russian).

Diplomatic Bluebook of Japan, 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/index.html> (accessed: November 19, 2020).

Grinyuk, V.A. (2015) Yaponiya-KNDR: popytka vozobnovit' dialog [Japan-DPRK: Attempt to Resume Dialogue] / V.A. Grinyuk // Yaponiya nashikh dney. № 4(22), 2014. M.: IDV RAN, 47—66 pp. (In Russian)

Lavrov: plan RF i Kitaya po koreyskoy probleme rassmatrivayetsya zainteresovannymi stranami [Lavrov: the plan of the Russian Federation and China on the Korean problem is being considered by interested countries] // TASS. 8.11.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7092755> (accessed: November 19, 2020) (In Russian).

Lukin, A.L. (2018) Uregulirovaniye raketno-yadernogo krizisa na Koreyskom poluostrove: interesy Rossii i perspektivy mnogostoronnego formata [Settlement of the nuclear missile crisis on the Korean Peninsula: Russia's interests and prospects for a multilateral format] / A.L. Lukin // Izvestiya Vostochnogo instituta. № 2. 32—40 pp. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/32-40](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/32-40) (In Russian).

Murashina, K.G. (2019) Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons] // Yaponskiye issledovaniya. № 4. 6—23 pp. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10025 (In Russian).

Press-konferentsiya po itogam rossiysko-severokoreyskikh peregovorov [Press conference following Russian-North Korean talks] // Prezident Rossii. 25.04.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60370> (accessed: 21.11.2020) (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii i Ministerstva inostrannykh del Kitayskoy Narodnoy Respubliki po problemam Koreyskogo poluostrova ot 4.07.2017 [Joint statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the problems of the Korean Peninsula dated July 4, 2017]. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/2807662 (accessed: November 19, 2020) (In Russian).

Tramp i Kim Chen Yn ne dostigli dogovoronnosti v Khanoye [Trump and Kim Jong Un haven't reached an agreement in Hanoi] // Vedomosti. 28.02.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/28/795242-kim> (accessed: November 19, 2020) (In Russian).

В.А. Скосырев

СОВРЕМЕННЫЕ КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ ПРИЧИН РАСПАДА СССР

Аннотация. В статье рассматриваются китайские оценки причин распада СССР. Анализируются пять статей по теме, опубликованных между 2016—2018 гг. на сайте Академии общественных наук КНР, в партийном журнале «Цюйши» и ряде других источников. В целом, китайские ученые выделяют идеологические, институциональные, экономические и внешнеполитические факторы советского коллапса.

Китаисты, которые изучали эту тему ранее, приходили к выводу, что изучение советского опыта позволило китайскому руководству предпринять меры для улучшения системы партийно-государственного управления. Иными словами, подобные исследования оказывали непосредственное влияние на политику. При Си Цзиньпине вслед за «оживлением» партийной идеологии китайские исследователи стали уделять больше внимания идеологическим, а не институциональным аспектам советского упадка. Это позволяет нам сделать предположение о том, что китайские исследования причин распада СССР определяются тенденциями идеологического развития в КНР. В силу этого их влияние на политику КНР представляется ограниченным.

В статье обращается внимание на схожесть современных китайских и позднесоветских идеологических текстов. Отмечается, что, парадоксальным образом, китайские исследования причин распада СССР пишутся на языке позднесоветского идеологического дискурса. Из этого автор делает вывод о том, что рефлексия исследователей из КНР о советском упадке ограничена. Возможно, она действительно позволяет китайцам делать полезные выводы о партийно-государственном управлении. Однако она не способна обнаружить общие процессы в современной китайской и позднесоветской идеологии.

Ключевые слова: идеология, КНР, распад СССР, китайские оценки

Автор: Скосырев Владимир Алексеевич, аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com

Skosyrev V.A.

Modern Chinese perspectives on causes of Soviet collapse

Abstract. In this article we look into modern Chinese views on causes of Soviet collapse. The author analyzes five articles published between 2016—2018 by Chinese Academy of Social Sciences, party journal “Qiushi” and some other sources. Generally, Chinese social scientists emphasize ideological, institutional, economic and foreign policy drivers of Soviet decay.

China scholars who have looked into this topic earlier come to the conclusion that studies of soviet collapse have allowed the Chinese leadership to improve party-state governance. In other words, these studies influenced Chinese politics. In the era of Xi Jinping we have witnessed the process of ideological revival. Chinese scholars started to pay more attention to ideological, rather than institutional factors of Soviet decline. This fact allows us to suggest that it is ideological and political development of China that influences the studies of Soviet collapse, rather than the other way around.

In this article we note that Chinese and Soviet ideological texts are similar to each other. Paradoxically, Chinese scholars study the Soviet Collapse using the language similar to the ideological language of late USSR. Thus we come to the conclusion that Chinese reflection on Soviet collapse is limited. Probably, it really has allowed Chinese leaders to implement some successful governance reforms. Yet, this reflection has failed

to detect some common processes in the development of modern Chinese and late Soviet ideologies.

Keywords: China, ideology, Soviet collapse, Chinese perspectives.

Author: Vladimir A. SKOSYREV, postgraduate student in the Institute of Asian and African studies (e-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com).

Для китайцев причины развала СССР — вопрос практический, а не академический. Как отмечает американский китаевед Дэвид Шамбо, анализ советских ошибок позволил китайскому руководству предпринять конкретные политические шаги для сохранения режима [Shambaugh, 2008]. Изучение советского опыта в КНР прошло через несколько этапов:

В 1986—1987 гг. после студенческих демонстраций и отставки Ху Яобана в Китае началась кампания против буржуазной либерализации. Китайцы отнеслись к реформам Горбачева скептически.

С 1987—1989 на посту генсека находился Чжао Цзыян. Идеологическая атмосфера в Китае стала более либеральной. Китайские исследователи хвалили Горбачева за отказ от брежневского догматизма, но оставляли открытым вопрос о результатах реформ. Критика излишней централизации власти в СССР, по-видимому, была направлена и на КПК.

После событий 1989 г. китайцы относились к горбачевской «перестройке» критически. После «августовского путча» в СССР редактор «Жэньминь Жибао» Гао Ди обвинил Горбачева в политическом либерализме, а членов ГКЧП в том, что они не арестовали Ельцина и Горбачева. Затем Гао Ди перечислил уроки для КПК: сохранять руководство партии, контроль над армией, диктатуру пролетариата, коллективную собственность, не допускать идеологического плюрализма, продолжать политику реформ и открытости.

С 1991 по 2004 гг. происходит систематический анализ причин развала СССР. Исследуются экономические, политические, социальные, культурные и международные факторы.

Из этого анализа китайские исследователи сделали выводы о том, что нужно делать, чтобы избежать краха китайского социализма по советскому сценарию:

- адаптировать марксизм-ленинизм к новым условиям;
- улучшать систему управления партией;

- бороться с коррупцией;
- развивать экономику;
- разрешать этнические, религиозные и общественные проблемы;
- сохранять контроль партии над вооруженными силами;
- сопротивляться стратегии Запада по осуществлению «мирной эволюции» в Китае;
- решать проблемы крестьян и интеллектуалов;
- проводить внешнюю политику в интересах народа;

В Решении 4-го пленума 16-го созыва «Об укреплении строительства управленческих способностей партии» (中共中央关于加强党的执政能力建设的决定 2004 г. китайское руководство поставило задачу реформировать партийный аппарат на местах, бороться с коррупцией, продвигать внутривнутрипартийную демократию и проводить внепартийные консультации. Эти меры должны были позволить КПК избежать ошибок КПСС, которая оказалась неспособной к изменениям. За реализацию «Решения» отвечал Цзэн Цинхун — первый Секретарь ЦК КПК и глава Центральной партийной школы [Shambaugh, 2008].

К 2009 г. намечился поворот консервативной линии. Цзэн Цинхун ушел в отставку. В 2008 г. начались волнения в Тибете, а в 2009 г. — в Синьцзяне. В условиях подготовки к Олимпийским играм 2008 г. и 60-летию со дня основания КНР в 2009 г. китайское руководство предприняло меры по усилению госбезопасности. В результате усилилось влияние органов внутренней безопасности, военных и госпредприятий [Shambaugh, 2016].

Изучение негативного опыта КПСС продолжилось при Си Цзиньпине. Несмотря на централизацию власти и усиление идеологического контроля, распад СССР по-прежнему беспокоит китайских исследователей.

Бывший глава Организационного отдела ЦК КПК Чжан Цюаньцзин (张全景) в статье «Некоторые размышления о гибели советской партии и государства» [Чжан Цюаньцзин, 2016] утверждает, что причина краха социализма — отрицание истории и вождя партии. Автор обвиняет Хрущева, Брежнева и Горбачева в отрицании заслуг Сталина, Октябрьской революции и советской истории в целом. Хрущев повинен в разоблачении культа личности на 20-м съезде.

Горбачев же от отрицания Сталина перешел к отрицанию Ленина, социалистического строя, истории СССР и руководства партии.

Автор обращает внимание на деградацию партийной организации в СССР: «Организационная жизнь партии была расхлябанной, произошел отказ от критики и самокритики. У многих членов партии не хватало коммунистических идеалов и веры в социализм... Многие вступали в партию не для осуществления ее программы и борьбы, а чтобы добиться карьерного продвижения и материального благополучия».

Исследователь из Академии общественных наук (АОН) КНР Оуян Сянин (欧阳向英) [Оуян Сянин, 2018] связывает идеологическое разложение СССР с «историческим нигилизмом». Хрущев подчеркивал ошибки Сталина и не упоминал его достижений. Брежнев усилил цензуру, но не предотвратил развитие диссидентства. Горбачев принял закон о либерализации СМИ. В результате распространились печатные издания, критикующие партию, социализм и марксизм. СССР пустил идеологический контроль на самотек. Во время «демократизации» и «открытости» либералы захватили «дискурсивную власть» (话语权). Они выступили против однопартийного правления КПСС и поддержали отделение России от СССР.

Как отмечает автор, «исторический нигилизм» создает ошибочное историческое мировоззрение и хаос в идеологической сфере. В результате социалистический строй и политическая власть теряют легитимность. Чтобы избежать этого следует придерживаться исторического материализма и делать выводы на основе достоверных источников и кропотливого анализа.

Еще один исследователь из АОН КНР Хуан Синцин (黄星清) [Хуан Синцин, 2016] утверждает, что Запад успешно осуществил в СССР «мирную эволюцию» (和平演变). Капиталистические державы пытались задуть новое советское государство в зародыше. Затем его пыталась уничтожить фашистская Германия. Попытки разрушить СССР извне провалились. В 1970-е гг. на Западе распространился неолиберализм. Он стал официальной идеологией и инструментом достижения мировой гегемонии. Американцы не просто вели пропаганду, но выстраивали внутри КПСС «пятую колонну». Запад взрастил своих агентов внутри СССР и позже с их помощью осуществил «реформу» против социализма.

Идеология КПСС была ревизионистской после прихода Хрущева к власти. С 1984 г. неолиберализм проник в круги партийного руководства. Он привел к отказу от марксизма-ленинизма. «Социализм с человеческим лицом» Горбачева означал отрицание классово-вой борьбы и беспринципный компромисс с капиталистическими странами. Компартия из «руководящего ядра» превратилась в «политический авангард» и, в конечном счете, стала буржуазной парламентской партией.

Неолиберализм повлиял на мышление советских экономистов. Они перестали отличать социализм и капитализм и навязали широким народным массам частную собственность, которая была выгодна «ничтожному меньшинству» (极少数) капиталистов. В результате советское руководство провело экономическую реформу, которая подорвала социалистическую экономику.

По мнению автора, Запад намерен осуществить «мирную эволюцию» в Китае. Чтобы избежать этого, китайцам следует остерегаться политической демократизации; экономической приватизации, маркетизации (市场化) и либерализации; идеологического плюрализма. Реформы должны быть направлены на совершенствование социалистического строя. Партия ни в коем случае не должна терять контроль в идеологической сфере. Следует противостоять попыткам Запада навязать Китаю «универсальные ценности», «конституционную демократию» и «исторический нигилизм». Подчеркивается важность противостояния «ошибочным идейным течениям» в Интернете.

Исследователь из Института марксизма Университета Цинхуа Сюэ Янь (薛燕) [Сюэ Янь, 2016] считает, что развал СССР — результат провального партийного строительства. КПСС начала отходить от марксистско-ленинских принципов в эпоху Хрущева. К 1991 г. компартия стала защищать «универсальные ценности» и «свободу». Теперь ее целью был не коммунизм, а «социализм с человеческим лицом». Отмечается: «Основная причина развала СССР и гибели КПСС в том, что от группы Хрущева до группы Горбачева произошел постепенный отказ от марксизма, социализма и коренных интересов самых широких народных масс». Исходя из этого, автор называет первый урок для КПК: «Придерживаться марксистского руководства».

Сюэ Янь отмечает, что в СССР не существовало «нормальной и законной системы смены руководства». В результате в партии появились «неподходящие» кадры и «могильщики» (掘墓人) вроде Горбачева. Поэтому Китаю следует «установить нормальную систему смены руководства, обеспечить отбор благонадежных и качественных руководителей».

Внутри КПСС образовалось привилегированное сословие, которое «безудержно захватывало госсобственность и обладало исключительными правами». Коррупция привела к тому, что компартия утратила народную поддержку. Впоследствии привилегированное сословие, повинное в «гибели партии и государства», стало главным выгодополучателем от развала страны. Поэтому Китай должен «усилить строительство неподкупного аппарата и не допустить появления привилегированного сословия».

КПСС не признавала ошибок. При Сталине были не только крупные успехи, но и просчеты. Вместо того чтобы исправить ошибки предшественника, Хрущев полностью отрицал Сталина, что привело к «идеологическому смятению». Брежнев исправил некоторые ошибочные реформы Хрущева, однако допустил новые ошибки «централизации власти и формирования привилегированного сословия». Горбачев не только не исправил накопленных ошибок, но провел реформы в неверном направлении. Поэтому КПК следует «быть готовой признавать ошибки и самостоятельно их исправлять».

Советское руководство не контролировало реформы. Хрущев не исправил недостатков сталинской модели. Его преобразования были волюнтаристскими. При Брежневе накопились скрытые кризисные явления. Горбачев решил провести реформу, означавшую отказ от социализма. В силу этого китайцам следует «усиливать способность управления реформами».

Наконец, Сюэ Янь отмечает, что крах СССР — типичный пример западной политики «мирной эволюции». Поэтому Китаю необходимо «вести мудрую международную политику и противостоять “мирной эволюции” западного капиталистического мира».

Исследователь из Юго-Западного научно-технического университета Линь Яньху (林彦虎) и профессор из АОН КНР Фэн Яньли (冯颜利) [Линь Яньху, Фэн Яньли, 2016] также подчеркива-

ют, что в распаде СССР повинен Горбачев, который отказался от марксизма и осуществил «деидеологизацию». По мнению авторов, распад СССР — неудача мирового социалистического движения, но не его конец. В будущем на смену капитализму все равно придет социализм.

Исследователи выделяют три основных урока, которые китайцы должны извлечь из распада СССР: 1) укреплять марксистскую идеологию; 2) усиливать марксистскую «дискурсивную власть» и «мягкую силу» страны; 3) придерживаться уверенности в пути социализма с китайской спецификой, в теории, в системе и в культуре.

Анализ современных китайских исследований причин распада СССР позволяет сделать следующие выводы.

При Си Цзиньпине не произошло кардинального пересмотра причин распада СССР. Однако китайские исследователи делают больший акцент на идеологических причинах краха советского социализма, нежели на институциональных аспектах.

По нашему мнению, это связано с тем, что Си Цзиньпин уделяет идеологии больше внимания, чем его предшественники. Как представляется, исследования советского опыта не столько влияют на политику КПК, сколько политика КПК определяют акценты этих исследований.

Обращает на себя внимание схожесть китайских текстов о причинах советского краха. Исследований по теме написано много, но их выводы однообразны. В них присутствуют одинаковые цитаты и речевые обороты. Если бы мы изложили содержание еще нескольких текстов по теме, то не обнаружили бы новых моментов.

Подобная формализация языка характерна для китайского идеологического дискурса. Она также была присуща советским текстам. Парадоксальным образом, китайские исследования причин распада СССР пишутся на языке позднесоветского идеологического дискурса. Это говорит о том, что китайская рефлексия о причинах советского упадка ограничена. Да, эта рефлексия позволила КПК укрепить собственную власть. Однако идеологический язык не позволяет китайским исследователям подняться над ним и обнаружить его сходство с советским дискурсом. Таким образом, общие процессы китайской и советской идеологии оказываются невидимыми для исследователей из КНР.

Библиографический список

Линь Яньху, Фэн Яньли. Дуй Сулянь цзети цзяосюнь дэ цзай жэньши [Переосмысление уроков распада СССР]. 09.09.2016. URL: <http://www.haijiangzx.com/2016/0909/1325287.shtml> (дата обращения: 06.12.2020). (на кит.).

Оуян Сянин. Цун Сулянь цзети кань лиши сюйучжуй дэ вэйхай [О вреде исторического нигилизма на примере распада СССР]. // Цюйши, 23.03.2018. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2018-03/23/c_1122577442.htm (дата обращения: 06.12.2020). (на кит.).

Сюэ Янь. Сулянь цзети дуй макэсычжуй чжичжэндан цзяньшэ дэ цзинши [Предостережение марксистским правящим партиям в связи с распадом СССР]. // Цюйши. 05.02.2016. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0205/c143844-28113950.html> (дата обращения: 06.12.2020). (на кит.).

Хуан Синцин. Цун Сулянь цзети кань синь цзыючжуй дуй шэхуэйчжуй гайгэ дэ вэйхайсин [О вреде неолиберализма для реформы социализма с точки зрения распада СССР]. 25.09.2016. URL: <https://www.kunlunce.net/llyj/fl1/2016-09-25/108190.html> (дата обращения: 06.12.2020). (на кит.).

Чжан Цюаньцин. Дуй Сулянь вандан ванго дэ цзидянь сыкао [Некоторые размышления о гибели советской партии и государства]. 19.03.2016. URL: http://www.cssn.cn/zt/zt_zh/zgtsshzy/sljtyu/lfsf/201603/t20160319_2929352.shtml (дата обращения: 06.12.2020). (на кит.).

Shambaugh D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation // University of California Press, 2008.

Shambaugh D. China's Future // Cambridge: Polity Press, 2016.

References

Huang Xiqing. Cong Sulian jieti kan xin ziyoushuyi dui shehuizhuyi gaige de weihaixing [On the harm of neoliberals reform on the example of Soviet collapse]. // www.kunlunce.net, 25.09.2016. URL: <https://www.kunlunce.net/llyj/fl1/2016-09-25/108190.html> (accessed: 06.12.2020). (in Chinese).

Lin Yanhu, Feng Yanli. Dui Sulian jieti jiaoxun de zai renshi Линь Яньху, Фэн Яньли. Дуй Сулянь цзети цзяосюнь дэ цзай жэньши [Reevaluation of the lessons of Soviet collapse]. 09.09.2016. URL: <http://www.haijiangzx.com/2016/0909/1325287.shtml> (accessed: 06.12.2020) (in Chinese).

Ouyang Xiangying, Cong Sulian jieti kan lishi xuwuzhuyi de weihei [Studying the harm of historical nihilism on the example of Soviet collapse]. // Qiushi, 23.03.2018.

URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2018-03/23/c_1122577442.htm (accessed: 06.12.2020). (in Chinese).

Shambaugh D. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. // University of California Press, 2008.

Shambaugh D. China's Future. // Cambridge: Polity Press, 2016.

Xue Yan. Sulian jieti dui makesizhuyi zhizhengdang jianshe de jinshi [Message of Soviet collapse to Marxist ruling parties] // Qiushi, 05.02.2016. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0205/c143844-28113950.html> (accessed: 06.12.2020) (in Chinese).

Zhang Quanjin, Dui Sulian wangdang wangguo de jidian sikao [Deliberations on the demise of Soviet party and state]. 19.03.2016. URL: http://www.cssn.cn/zt/zt_zh/zgtsshzy/sljtyy/lfsf/201603/t20160319_2929352.shtml (accessed: 06.12.2020). (in Chinese).

А.С. Старшинов

ДИХОТОМИЯ ХУЧЖИНГУК-СОНЧЖИНГУК И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. В статье рассматриваются одна из идеологем, возникших в эпоху Пак Чонхи — дихотомия *хучжингук-сончжингук* («неразвитая/отстающая страна — развитая страна») и её влияние на политический дискурс Республики Корея. Изначально эта дихотомия появилась как средство идеологической мобилизации в контексте политики модернизации, и достижение статуса *сончжингук* рассматривалось в качестве основной цели развития страны. Тем не менее, несмотря ни на экономический рост, ни на переосмысление политического языка, произошедшее после демократизации, *хучжингук-сончжингук* осталась одной из ключевых идей корейского политического дискурса в 1990-е и продолжает оставаться ей до сих пор.

Цель данной работы состоит в том, чтобы ретроспективно и тезисно показать трансформацию этой дихотомии после окончания периода военного правления и определить современное состояние проблематики, связанной с ней. В качестве иллюстрирующих примеров в статье приводятся высказывания самих политиков Республики Корея и статьи южнокорейских медиа. Дихотомия *сончжингук-хучжингук* играет роль своеобразной «рамки» для политики в

Республике Корея — дискурс «отставания страны» активно используется как условно правыми политиками и медиа, так и условно левыми. Попытки обозначить Южную Корею как *сончжингук* не дали какого-либо результата, и эти понятия продолжают употребляться при разговоре о существующих проблемах в разных сферах жизни. Тем не менее, в гораздо большей степени этот дискурс продиктован особенностями восприятия собственной страны, нежели объективными экономическими показателями. Снятие данной проблематики возможно только при полном реформатировании политического дискурса в Республике Корея.

Ключевые слова: сончжингук; хучжингук; политический дискурс; Республика Корея, модернизация.

Автор: Старшинов Александр Сергеевич, магистрант, НИУ ВШЭ. E-mail: alex.starshinov@gmail.com

Starshinov A. S.

Hujinguk-seonjinguk dichotomy and its influence on the political discourse of the Republic of Korea

Abstract. The article discusses one of the narratives that emerged in the era of Park Chung-hee's rule, the *hujinguk-seonjinguk* dichotomy ("underdeveloped/developing country-developed country") and its influence on the political discourse of the Republic of Korea. This dichotomy emerged as a means of ideological mobilization in the context of modernization policy, and the achievement of *seonjinguk* status was perceived as the main goal of the country's development. Nevertheless, despite the economic growth and the partial revoke of the political language after democratization, *hujinguk-seonjinguk* remained one of the key ideas of Korean political discourse in the 1990s and later.

The aim of this paper is to retrospectively outline the transformation of this dichotomy and to examine its current state. The article uses the statements from South Korean politicians and media articles as examples of using such terms. The *seonjinguk-hujinguk* dichotomy plays the role of framework for politics in the Republic of Korea and the discourse of "lagging behind" is actively used by both right-wing and left-wing politicians and media. Several attempts to designate South Korea as *seonjinguk* have not given any results, and these concepts are still used while talking about problems in different spheres of life. This discourse is determined by the features of Koreans' perception of their own country rather than

by objective economic indicators. This dichotomy can only disappear with complete revoke of the political discourse in the Republic of Korea.

Keywords: seonjinguk; hujinguk; political discourse; Republic of Korea; modernization.

Author: Alexander S. STARSHINOV, master's program student, HSE University (e-mail: alex.starshinov@gmail.com).

Время правления Пак Чонхи оказало решающее влияние не только на экономическое положение Республики Корея, но и на остальные сферы общественной жизни, среди которых — политический язык, способы описания как места страны в мире, так и самого мира вокруг. В отличие от части идеологем его эпохи, собственно дискурс модернизации и развития в широком смысле не был откинут в 1990-е, и его влияние наблюдается до сих пор.

Частью этого дискурса является дихотомия *сончжингук-хучжингук*, которая возникла в 1960-е годы и по нескольким параметрам отличалась от предшествующих ей модернизационных дискурсов [Kim, 2014, pp. 388—390]. В частности, наиболее важным отличием является большая (по крайней мере на первых этапах) ориентация на материальную сферу, на собственно экономическую, а также контекст политики развития, в котором она существовала. Данная дихотомия делит страны мира на две категории — неразвитые страны (кор. 후진국 — *хучжингук*; бедные, не прошедшие модернизацию государства с неэффективной экономикой, в число которых входила на момент возникновения идеологемы и сама Республика Корея) и развитые страны (кор. 선진국 — *сончжингук*; богатые, модернизированные государства, в основном такие страны, как США и Япония). Признавая факт отставания, правительство Пак Чонхи надеялось стимулировать общую экономическую модернизацию (кор. 조국 근대화, *чогук кындэхва*), основным элементом которой было развитие страны путём форсированной индустриализации и экспортоориентированной экономики. На первых этапах доминантным было именно мобилизующее значение этой дихотомии, так как Республика Корея во что бы то ни стало должна была стремиться достичь желаемый статус *сончжингук*.

В начале 1970-х годов, с первыми серьёзными экономическими успехами, в отношении Республики Корея начинает употребляться переходное понятие *чунчжингук* (кор. 중진국, русск. «страна среднего

уровня развития», то есть уже не *хунжсингук*, но ещё не *сончжингук*) [Kim, 2014, p. 401]. Однако показательно, что какими-либо чёткими критериями ни эта категория, ни упомянутые выше не обладали, и уже тогда это делало их использование ситуативным и субъективным. Понятие *чунжсингук* в этом смысле исполняло двойную роль — признавало, что страна развивается в нужном направлении, но вместе с тем призывало не останавливаться на пути движения в лагерь развитых стран.

С приходом к власти Чон Духвана (и с дальнейшим экономическим ростом) в политическом языке Республики Корея начинают акцентироваться новые элементы, свойственные развитым государствам, такие как *чонисахвэ кухён* (кор. 정의사회구현, русск. «создание справедливого общества»), *покчи кукка* (кор. 복지국가, русск. «государство всеобщего благосостояния») [Кан Чжоньин, Чон Сынхён, с. 16]. Эти элементы во многом являются прямыми заимствованиями из политико-экономического дискурса западных стран. Однако важно указать на то, что экономические успехи Южной Кореи не конвертировались в сам статус *сончжингук*, напротив, правительство подчеркивало недостаточность усилий, отставание в темпах развития. К тому же, как отмечают Кан Чжоньин и Чон Сынхён, в этом присутствовал и политический подтекст: риторика «отставания в достижении статуса *сончжингук*» (кор. 선진국 진입의 낙오) хотя и начала появляться сразу после его прихода к власти, но особенно активизировалась с 1985 по 1987 годы, чтобы помешать развитию демократического движения [Кан Чжоньин, Чон Сынхён, с. 14].

Говоря о 1980-х годах, также необходимо заострить внимание на Летних Олимпийских играх 1988 г., которые были проведены в Сеуле — Олимпиада имела очень большое значение для поддержания такого дискурса (после Мексики Республика Корея стала второй страной, не входящей в лагерь «развитых стран», которой доверили проведение Олимпийских игр, что, например, подчёркивается в той же Энциклопедии корейской культуры [Соуль Оллимпхик тэхве...]). Показательно, что такая же оценка присутствует и в современных медиа — как пишет одна из газет, «Одним словом, сеульская Олимпиада, открывши Корее путь вступления в [лагерь] *сончжингук* из [лагеря] *чунжсингук*, привела к ускорению процесса развития [страны]» [Соуль Оллимпхикхва Пхёнчхан оллимпхигэ...]. Однако и в

сам период Олимпиады корейцы прекрасно осознавали то, что это событие способно изменить образ страны в глазах мирового сообщества (который до этого долгое время был связан с образом неразвитой страны и не обладал явными визуальными коннотациями), и активно пытались проводить то, что Джон Ли называет «управлением [производимым] впечатлением» [Lie, p. 153].

С демократизацией конца 1980-х и последующим приходом к власти Ким Ёнсама в 1990-е, новое правительство начинает пересматривать авторитарное наследие Республики Корея, как в прямом смысле (ослабляя роль военных в обществе и иницируя уголовные дела в отношении бывших руководителей страны), так и в смысле дискурсивном. При этом дихотомия *хучжингук-сончжингук*, являясь наследием той самой авторитарной эпохи, не исчезает, а продолжает существовать, лишь подвергнувшись некоторым изменениям. Если на первых этапах своего развития, как было указано раньше, эта дихотомия концентрировалась лишь на экономическом аспекте, то с начала 1990-х понятие *сончжингук* начинает распространяться на все остальные сферы корейской жизни. В рамках политики *сегехва* (кор. 세계화, русск. «глобализация») Ким Ёнсама это означало соответствие мировым стандартам, как в экономике (свободный рынок) и политике (демократия), так и культуре (которой надлежало стать индустрией) и других сферах, например, трудовых отношениях. Связь между *сегехва* и *сончжингук* открыто подчеркивается самим президентом: «Путём изменений и реформ, глобализации и информатизации, мы должны построить *сончжингук*» [Ким Ёнсам тэтхоннён, сегехваро...].

Однако даже с увеличением доходов населения, вступлением в ВТО и, что более важно, ОЭСР (организацию экономически развитых стран) Республика Корея не определяется как *сончжингук*, а лишь как *сончжингук мунтхок* (кор. 선진국 문턱, русск. «почти что развитое государство», «на пороге [получения статуса] развитого государства»).

Разделение на *сончжингук* и *хучжингук* оставалось ключевым для корейского политического дискурса на протяжении и 2000-х, и 2010-х годов (даже после таких событий, как вступление в Комитет содействия развитию, в рамках которого развитые страны оказывают помощь развивающимся, или успешное проведение саммита G20

в Сеуле в 2010 г.). Вместе с этим у этой дихотомии появляется и более явное применение в качестве политической критики, проявляющееся, например, при оценке действий Ким Дэчжуна и Но Мухёна, которые якобы не смогли привести Республику Корею к заветному статусу «развитой страны»,

Однако наиболее интересные изменения, связанные с этим дискурсом, происходят при попытке использовать свой исторический опыт модернизации как «мягкую силу». Ещё в 2004 г. создается Программа по обмену знаний (англ. KSP — Knowledge Sharing Program), в рамках которой Республика Корея делится знаниями с развивающимися странами. Начинает активную работу и Центр *Сэмабль ундон* (кор. 새마을운동중앙회), который также распространяет опыт Южной Кореи по модернизации, индустриализации и искоренению бедности, напрямую отсылая к одноимённой политике Пак Чонхи («Движение за новую деревню»). Характерно, что и условно правые и условно левые партии солидарны в необходимости функционирования центра с таким названием и такими коннотациями, несмотря на традиционно критическое отношение к периоду военного управления у левых. Так текущий президент Республики Корея Мун Чжэин, который считается прогрессивным политиком в рамках корейской политической системы, вообще говорит о том, что «*Сэмабль ундон* — это основа современной Республики Корея» [2019 нён чонгук *Сэмабль чидочжа...*]. В связи с такого рода продвижением, однако, важно отметить не сколько противоречивую сущность самого *Сэмабль ундон* 1970-х годов (а также того, что с этим движением произошло в 1980-е), сколько продолжающийся с тех времен упор на изменении коллективных ценностей и «духе развития», то есть на вещах предельно субъективных и связанных с восприятием самой страны, что имеет решающее значение и в дихотомии *хучжингук-сончжингук*. Симптоматично и парадоксально то, что сами корейцы хотят, чтобы мировое сообщество воспринимало их страну как развитую, при этом во внутривнутриполитическом дискурсе страны такое безоговорочное обозначение практически не встречается.

Одна из первых крупных попыток обозначить Республику Корею в качестве *сончжингук* принадлежит Ли Мёнбаку — он объявляет об этом в 2012 г. [67 хве Кванбокчоль...]. Важно отметить время,

когда было сделано это заявление — конец его президентского срока, что может свидетельствовать о попытке ретроспективно оправдать уже проведённую политику. Тем не менее, и после этого (а в особенности после того, как сам Ли Мёнбак оказался в тюрьме из-за коррупционных скандалов) *хучжингук* или не-*сончжингук* продолжает употребляться в отношении Республики Корея, например, при разговоре о проблемах социального обеспечения. В целом само использование этой дихотомии довольно редко ставилось и ставится под сомнение, хотя иногда появляются и критические статьи, пытающиеся указать на иллюзорность самого достижения статуса *сончжингук* [‘Advanced’ Republic of Korea...].

На современном этапе президент Мун Чжэин также пытается окончательно определить Республику Корея как развитую страну (тем не менее, в довольно сдержанных выражениях по типу «граждане [Республики Корея] говорят, что наша страна уже стала *сончжингук*» [Мун Чжэин тэтхонён «Ими уринын сончжингук»...]), в особенности после успехов в борьбе с распространением коронавирусной инфекции (и этот опыт сразу же начал использоваться в качестве «мягкой силы»). Тем не менее, при наличии проблем в той или иной сфере понятие *хучжингук* возвращается. Так комментируя количество смертей в результате несчастных случаев на строительных площадках (60 % которых приходится на падение с высоты), Мун Чжэин говорит о том, что это постыдно по причине того, что такие случаи «характерны для *хучжингук*» [Мун Чжэин тэтхонён «Консольхёнчжан чхуракса»...].

Таким образом, являясь рудиментом болезненной модернизации и эпохи авторитарного управления, дихотомия *хучжингук-сончжингук* не исчезла из политического дискурса Республики Корея. Она всё также является широко используемой, однако вместе с этим подверглась некоторым изменениям: само понятие *сончжингук* стало гораздо более абстрактным, могущим употребляться в отношении разных стран, превосходящих РК (не только США и Япония, но и, например, Финляндия, если разговор ведётся об образовании). Такая риторика используется как условно правыми партиями или медиа, так и условно левыми, что говорит о том, что эти термины представляют из себя определённую «рамку» или фрейм для всей политики в Республике Корея.

Несмотря на экономические успехи и на официальный статус, подтверждаемый, например, вхождением в Комитет содействия развитию или открытием собственных программ для помощи развивающимся странам, в подавляющем большинстве случаях Южная Корея продолжает не обозначаться как *сончжингук*. Как и в эпоху военного правления, Республике Корея необходимо стремиться к этому статусу, который теперь переносится на другие сферы, где существуют какие-либо проблемы и к которым применяется риторика «отставания». Тем не менее, очевидно, что предельная размытость этого понятия и отсутствие чётких критериев оценки делает его недостижимым на практике, и это явление в гораздо большей степени психологическое, завязанное на субъективном восприятии действительности. И хотя на современном этапе развития страны были приняты попытки строго обозначить Южную Корею как развитую страну, реальное и окончательное получение статуса *сончжингук* в глазах самих корейцев требует смены всей политической матрицы в Республике Корея.

Библиографический список

2019 нён чонгук Сэмабль чидочжа тэхве чхукса : [Поздравительная речь Мун Чжэина на Конференции лидеров Сэмабль в 2019 г.]. URL: <https://bit.ly/37ew3pI> (дата обращения: 12.11.2020). (На кор.)

67 хве Кванбокчоль... МВ, Тэханмингук сончжингук чиньип сонон : [67-я годовщина Дня независимости... Ли Мёнбак объявляет о вхождении в [лагерь] сончжингук]. URL: <https://bit.ly/2JVQxhU> (дата обращения: 12.11.2020). (На кор.)

Кан Чжоньин, Чон Сынхён. Хангук хёндэ чончхиэ кынбон оно: мангук, кэчжо, сончжингугэ тамнон : [Фундаментальный язык современной корейской политики: дискурсы кризиса государства, государственных реформ и развитого государства] // Хангук чончхи ёнгу, че 20 чип, че 3 хо, 2011. С. 1—27.

Ким Ёнсам тэтхоннён, сегехваро сончжингук консоль танбу : [Президент Ким Ёнсам поручает построить сончжингук]. URL: <https://bit.ly/3gXaFZD> (дата обращения: 14.11.2020). (На кор.)

Мун тэтхоннён «Консольхёнчжан чхуракса, чонхёнчжогин хучжингукхён саго» : [Президент Мун Чжэин: «Смерти от падения на строительных площадках — происшествия, характерные для хучжингук»]. URL: <https://bit.ly/37gvsDU> (дата обращения: 12.11.2020). (На кор.)

Мун Чжэин тэтхоннён «Ими урины сончжингук»: [Президент Мун Чжэин: «Мы — уже сончжингук»]. URL: <https://bit.ly/3a9bbSB> (дата обращения: 12.11.2020). (На кор.)

Соуль Олимпхикква Пхёнчхан Олимпхигэ кукка пальчончжок ыйи : [Значение олимпиады в Сеуле и олимпиады в Пхёнчхане для развития страны]. URL: <https://bit.ly/34addhH> (дата обращения: 13.11.2020). (На кор.)

Соуль Олимпхик тэхве : [Олимпийские игры в Сеуле]. URL: <https://bit.ly/34afpFX> (дата обращения: 12.11.2020). (На кор.)

‘Advanced’ Republic of Korea, our still elusive goal. URL: <https://bit.ly/3njDxgL> (дата обращения: 12.11.2020).

Kim, Jongtae. South Korea's Developmentalist Worldview: Representations and Identities in the Discourse of “Seonjinguk” // *Asian Journal of Social Science*, Vol. 42. No. 3/4. 2014. P. 383—408. DOI: 10.1163/15685314-04203007.

Lie, John. *Han Unbound* // Palo Alto: Stanford University Press, 2000. 255 p.

References

2019 nyeon jeonguk Saemaoul jidoja daehoe chuksa [Congratulatory Remarks by President Moon Jae-in at 2019 National Saemaul Leaders' Convention]. URL: <https://bit.ly/37ew3pI> (accessed: 12 November, 2020). (In Kor.)

67 hoe gwangbokcheol...MB, Daehanminguk seonjinguk jinip seoneon [67th Anniversary of the Liberation Day... Lee Myong-bak declares that Korea became seonjinguk]. URL: <https://bit.ly/2JVQxuO> (accessed: 12 November, 2020). (In Kor.)

‘Advanced’ Republic of Korea, our still elusive goal. URL: <https://bit.ly/3njDxgL> (accessed: 12 November, 2020).

Kang Jeong-in, Cheong Seung-hyeon. (2011). *Hanguk hyeondae cheongchiui geunbon coneo: mangguk, kaejo, seonjingugui tamnon* [The Fundamental Language of Contemporary Korean Politics: Crisis of the State, Reform of the State, and the Advanced Country], *Hanguk cheongchi yeongu*, je 20 jip, je 3 ho: 1—27.

Kim Young-sam daetongnyeong, segyehwaro seonjinguk geonseol dangbu [President Kim Young-sam orders to build seonjinguk]. URL: <https://bit.ly/3gXaFZD> (accessed: 14 November, 2020). (In Kor.)

Kim, Jongtae. (2014). South Korea's Developmentalist Worldview: Representations and Identities in the Discourse of “Seonjinguk”. *Asian Journal of Social Science*, Vol. 42, No. 3/4: 383—408. DOI: 10.1163/15685314-04203007.

Lie, John. Han Unbound: The Political Economy of South Korea. Stanford University Press, 1998. 255 p.

Moon daetongnyeong “Geonseol hyeonjang jurakssa, jeonhyeongjeogin hujingukhyeong sago” [Deaths from falling on construction sites are accidents typical for hujinguk] URL: <https://bit.ly/37gvsDU> (accessed: 12 November, 2020). (In Kor.)

Moon Jae-in daetongnyeong imi uri-neun seonjinguk [President Moon Jae-in “We have already become seonjinguk”] URL: <https://bit.ly/3a9bbSB> (accessed: 12 November, 2020). (In Kor.)

Seoul ollimpik daehoe [Seoul Olympic Games]. URL: <https://bit.ly/34afpFX> (accessed: 12 November, 2020). (In Kor.)

Seoul ollimpikkwa Pyeongchang ollimpigui gukkka baljeonjeok uiui [Significance of the Seoul Olympics and Pyeongchang Olympics for National Development]. URL: <https://bit.ly/34addhH> (accessed: 13 November, 2020). (In Kor.)

А.Л. Тащилин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КНР: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье автор, основываясь на эмпирических данных, анализирует особенности трансформации политической элиты КНР с 1949 по 2020 годы, и выделяет три этапа трансформации элит, и их особенности.

Первый этап — «Винтовка рождает власть». Коммунисты пришли к власти в Китае завоевав победу в Гражданской войне, этим и объясняется состав высшей политической власти первых лет существования нового Китая. Второй этап — «Скрывать способности и ждать своего часа». Новый период в истории нового Китая начинается с приходом к власти прагматического крыла компартии во главе в Дэн Сяопином, и началом политики реформ и открытости. В этот период страной управляет политическая элита 3-го и 4-го поколений, соотносящаяся с периодами пребывания в качестве Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, соответственно. Третий этап — «Китайская мечта о великом возрождении нации». Китаю больше нет нужды, как завещал Дэн Сяопин, «скрывать свои способности в тени». Китай стал одной из сильнейших экономик мира, одной из ведущих космических держав, реализующей проекты, которые не удавались Западным державам.

Автор приходит к выводу, что КНР, в отличие от других однопартийных режимов двадцатого века, удалось создать эффективную модель рекрутизации и ротации политических элит, позволяющую сохранять монополию КПК на власть в условиях активной экономической модернизации государства.

Ключевые слова: Китай, Политическая элита, Модернизация, Трансформация элит, КПК.

Автор: Тащилин Алексей Львович, аспирант Департамента Политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: alexey.tashchilin@gmail.com

Tashchilin A.L.

China's Political Elites: Transformation in a One-Party State

Abstract. In this article, the author, based on empirical data, analyzes the features of the transformation of the PRC's political elite from 1949 to 2020, and identifies three stages of the transformation of the elite, and their features.

The first stage — “The rifle gives birth to power.” The communists came to power in China after winning a victory in the Civil War, and this explains the composition of the highest political power in the first years of the existence of the new China. The second stage — “Conceal abilities and wait in the wings.” A new period in the history of new China begins with the coming to power of the pragmatic wing of the Communist Party, headed by Deng Xiaoping, and the beginning of a policy of reform and opening up. During this period, the country was ruled by a political elite of the 3rd and 4th generations, corresponding to the periods of Jiang Zemin and Hu Jintao as General Secretary of the CPC Central Committee, respectively. The third stage is “The Chinese Dream of the Great Revival of the Nation.” China no longer needs, as Deng Xiaoping bequeathed, “to hide its abilities in the shadows.” China has become one of the strongest economies in the world, one of the leading space powers, implementing projects that the Western powers did not succeed in.

The author concludes that the PRC, unlike other one-party regimes of the twentieth century, managed to create an effective model of recruiting and rotating political elites, which allows the CPC to maintain its monopoly on power in the context of active economic modernization of the state.

Keywords: China, Political Elite, Modernization, Elite Transformation, CCP.

Author: Alexey L. TASHCHILIN, Postgraduate Student, Department of Political Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: alexey.tashchilin@gmail.com).

Объектом и предметом исследования в данной работе выступают политическая элита КНР, и ее трансформация, соответственно. Говоря о политической элите в контексте научных исследований, нельзя не отметить трудность в дефиниции самого понятия. Сложность формулирования всеобъемлющего, емкого определения, в полной мере отражающего сущность феномена, является распространенной проблемой в гуманитарных науках, в том числе и политологии. Политолог Алан Цукерман, в своей статье 1977 г., посвященной проблеме определения термина «политическая элита», отмечал, что в политологии не существует консенсуса по определению и использованию термина «политическая наука», а имеющиеся определения не отражают сущность феномена в полной мере [The Journal of Politics... p. 327]. Ч. Миллс определял политические элиты как «людей, занимающих позиции, позволяющие им принимать решения, которые влекут за собой большие последствия. (Эти люди) находятся во главе крупных иерархий и организаций общества» [The power Elite, p. 3—4]. Г. Лассуэлл называл политическими элитами высший правящий класс, политическое руководство и общественные образования, из которых выходят будущие лидеры, и которые сохраняют свое значение на протяжении настоящего поколения [Agenda for the Study of Political Elites p.66.]. Говоря о политической науке в Китае, можно выделить два термина, которые в переводе на русский язык дадут значение «политическая элита». Первое, наиболее часто используемое, — 政治精英 [чжэнчжи цзиньин], состоит из слов «политика» + «лучшее/меритократическое/выдающееся/элитное». Второе — 决策者 [цзюэцэчжэ] — «те, кто принимают решения». Таким образом, в китайском языке термином политические элиты описывают людей, обладающих некими выдающимися качествами, обладающих правом принятия политических решений.

Проблема исследования политических элит современного Китая обусловлена несколькими факторами. Во-первых, политический

процесс в Китае носит закрытый характер, и особенности механизма принятия ключевых политических решений скрыты от посторонних глаз. Во-вторых, наличием дихотомии партийная/государственная власть, где формальный статус политика далеко не всегда соответствует его иерархии и роли в процессе принятия политических решений.

Для описания сложившейся политической системы страны исследователями политических процессов в современном Китае часто используется понятие «однопартийное государство ленинского типа» (Leninist Party-state). Такие ученые как Глен Тифферт, Ричард МакГрегор, в частности, давая характеристику подобным режимам отмечали, что правящая партия в таком государстве проникает в каждый уголок политической, экономической, социальной, религиозной и культурной жизни страны, и не терпит организации, которую она не может отслеживать или контролировать [McGregor]. Состояние слияние партийного и государственного аппаратов. Примат партии над другими государственными институтами. Несмотря на то, что согласно конституции КНР, высшим органом государственной власти в стране является ВСНП, на деле ключевые решения принимаются членами ПК Политбюро ЦК КПК.

В ходе исследования автором были проанализированы биографии представителей высшей партийной политической элиты КНР с 1949 по 2020 гг. (члены ПК Политбюро ЦК КПК 1—5 поколений), и проведен сравнительный анализ уровней и типов образования политической элиты с целью выявления существенного характера трансформации. Термин трансформация имеет довольно обширное значение, различающееся в зависимости от применения его в той или иной научной дисциплине. Однако семантическое ядро слова неизменно, и предполагает качественное преобразование. В контексте изучения политических элит, трансформация понимается как изменение характеристик элиты, которые можно измерить эмпирическим путем (уровень и тип образования, национальная принадлежность, партийная принадлежность, квази-клановая принадлежность, возраст, политические установки, вероисповедование, пул рекрутизации, карьерная траектория и др.). Все это может дать представление об особенностях процесса рекрутизации, отбора из большой массы людей тех, кто по какой-то причине возносится над себе

подобными (подобными хотя бы номинально) и обретает власть оказывать влияние на жизни людей, народов, и в конечном итоге, целого мира.

1 октября 2019 г. председатель Китая Си Цзиньпин в своей речи по случаю празднования 70-летия со дня образования КНР заявил, что «никакая сила в мире не может поколебать статус великого Китая, и никакая сила не может остановить прогресс китайского народа и китайской нации» [Мэйю жэньхэ лилян...]. Ровно 70 лет назад, на этом же самом месте на площади Тяньаньмэнь в Пекине, одетый в такой же серый френч Мао Цзэдун провозгласил образование КНР. Несмотря на формальную схожесть ритуала, Китай 1949 г. и Китай 2019 г. — это совершенно разные страны с точки зрения социально-экономического состояния. Сегодня в Китае можно встретить немало людей, родившихся 70 лет назад, и на их примере хорошо видно, как изменилась страна. В течение одной жизни, условный стереотипный житель КНР, стрелял из рогатки по воробьям во имя осуществления «Большого скачка», выплавлял низкокачественный чугун в кустарных глиняных печах с целью «догнать и перегнать» Западные страны, маршировал с «маленькой красной книжицей» и развешивал на стенах университета дацзыбао с призывом критиковать профессоров, участвовал в студенческих волнениях на площади Тяньаньмэнь, развивал свой маленький бизнес в одной из открытых специальных экономических зонах, и к 2020 г. для него обычным делом является покупка одного из самых инновационных в мире гаджетов отечественного производства путем бесконтактной оплаты с помощью скана собственного лица. Такой внушительный «прогресс китайской нации» не мог не отразиться и на трансформации правящих элит, которые в силу своей специфической роли одновременно выступают в роли объекта и субъекта модернизации. Трансформацию политических элит КНР можно условно разделить на три этапа.

Первый этап. «Винтовка рождает власть». Коммунисты пришли к власти в Китае завоевав победу в Гражданской войне, этим и объясняется состав высшей политической власти первых лет существования нового Китая. Среди членов ПК Политбюро ЦК КПК менее половины имели высшее образование, большинство были или военные, или же прошли обучение основам ленинизма в СССР. Такой состав политической элиты отвечал ключевым задачам, стоявшим

перед молодой республикой, главной из которой было обеспечение обороноспособности государства.

Второй этап. «Скрывать способности и ждать своего часа». Новый период в истории нового Китая начинается с приходом к власти прагматического крыла компартии во главе в Дэн Сяопином, и началом политики реформ и открытости. В этот период страной управляет политическая элита 3-го и 4-го поколений, соотносящаяся с периодами пребывания в качестве Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, соответственно. Из анализа состава ПК Политбюро ЦК КПК видно, как изменилась характеристика правящей элиты по сравнению с поколениями Мао и Дэна. Во-первых, уровень наличия высшего образования возрос с 48 % до 77 % в 3-м поколении, и до 100 % в 4-м поколении. Кроме того, изменился и тип образования политиков. Если политическая элита времен Мао состояла, в основном, из военных или политиков, изучавших основы ленинизма, диалектический материализм и военное дело в учебных заведениях Коминтерна в СССР, то высшая партийная элита второго периода почти полностью состоит (85 % в 3-м и 92 % в 4-м) из выпускников технических специальностей. Такой технократический состав политической элиты полностью отвечал главным задачам развития КНР тех времен — ликвидация последствий социо-экономических экспериментов времен Мао Цзэдуна, вывод сотен миллионов китайцев из-за черты бедности, развитие промышленности. Главным критерием истинности объявляется практика, и социалистическая идеология обретает «китайскую специфику». На смену тезиса о неизбежности классового боя в Китае из «маленькой красной книжицы» приходит тезис об индифферентности к цвету кошки, ловающей мышей, который находит свое практическое отражение в концепции «трёх представительств» Цзян Цзэминя, членство КПК становится открытым для представителей бизнеса (сегодня, как ни парадоксально членом коммунистической партии является один из богатейших людей мира, основатель Alibaba Group Ма Юнь) [Цзай Ма Юнь...].

Третий этап. «Китайская мечта о великом возрождении нации». С приходом к власти нового поколения политической элиты КНР во главе с Си Цзиньпином начинается качественно новый этап в истории страны. Китаю больше нет нужды, как завещал Дэн Сяопин,

«скрывать свои способности в тени». Китай стал одной из сильнейших экономик мира, одной из ведущих космических держав, реализующей проекты, которые не удавались Западным державам, вроде посадки исследовательского зонда на обратную сторону Луны [China lands spacecraft...]. В ходе реформы и модернизации НОАК, вооруженные силы Китая стали одной из самых развитых и технически оснащенных армий мира, и аналитики из Пентагона в своих докладах, заявляют, что Китай в своем военном строительстве уже обошел США по целому ряду направлений, включая развитие флота [Military and Security Developments...]. Китай выходит на первые места в области науки, и занимает ведущие позиции в области развития технологий, включая квантовые и телекоммуникационные технологии. Китай активно продвигает свою «мягкую силу», в том числе посредством открытия Институтов Конфуция, продвигая китайский язык по всему миру, даже в самых отдаленных от Китая уголках мира (как пример, осенью 2020 г. Китай подписал соглашение с кубинскими властями по развитию китайского языка на острове) [Cuba Launches Mandarin...]. Инициатирует глобальные проекты в планетарных масштабах — «Один пояс, один путь». Перечислять все достижения модернизации, которую КНР прошла за 70 лет можно долго, но суть ясна — Китай вышел из тени, и вступил в новую фазу развития, предполагающую становление в качестве ведущей мировой державы. «Столетие унижений» осталось в прошлом, и теперь Китай может снова занять свое историческое место «срединного государства», то есть центральной экономической, политической, военной и технологической силы.

Для руководства Китаем в этот новый период необходима соответствующая, компетентная элита, отвечающая новым вызовам и задачам. Из анализа характеристики элит 5-го поколения видно, как изменился тип образования политиков по сравнению с эпохой Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. На место технократов пришла группа профессиональных политологов и экономистов (их доля в составе ПК Политбюро ЦК КПК возросла с 8 % в 4-м поколении до 66 %), что отвечает планам Китая по смене модели экономического роста, и реализации масштабных экономических и инфраструктурных проектов.

За 70 лет КНР проделала уникальный путь, превратившись из беднейшей страны, пережившей гражданскую войну, вторжение и

оккупацию со стороны другой державы, и разрушительные маоистские экономические эксперименты, в одну из ведущих мировых держав. Китаю удалось быстрее других стран восстановить свою экономику от последствий эпидемии COVID-19 (об этом свидетельствует хотя бы проведение в ноябре в Шанхае III импортного ЭКСПО), и это еще один показатель того, что при в рамках однопартийного режима, при сохранении жесткой монополии на политическую власть, Китаю удалось выработать модель рекрутизации элит с «китайской спецификой», позволяющую отбирать элиту, способную эффективно решать самые сложные задачи развития государства. С развитием Китая, основываясь на заложенных еще многие столетия назад с конфуцианскими чиновничьими экзаменами принципах меритократии, партия становится более профессиональной, меняясь адекватно изменениям в самой стране.

Приложения

Таблица 1. Тип образования членов ПК Политбюро ЦК КПК 1-го и 2-го поколений*

Тип образования		
Гуманитарное	Инженерно-техническое	Политэкономическое
17 %	25 %	58 %

* Уровень наличия высшего образования среди представителей политической элиты — 48 %.

Таблица 2. Тип образования ПК Политбюро ЦК КПК 3-го поколения¹

Тип образования		
Гуманитарное	Инженерно-техническое	Политэкономическое
0 %	85 %	15 %

Уровень наличия высшего образования среди представителей политической элиты — 77 %.

¹ Более подробный анализ характеристик политической элиты КНР 3—5 поколений автор приводит в следующей статье: Ташилин А. Л. Трансформация современной китайской политической элиты в условиях модернизации Китая // Теории и проблемы политических исследований — 2019. Т. 8. №6А. С. 54—62.

Таблица 3. Тип образования ПК Политбюро ЦК КПК 4-го поколения

Тип образования		
Гуманитарное	Инженерно-техническое	Политэкономическое
0 %	92 %	8 %

Уровень наличия высшего образования среди представителей политической элиты — 100 %.

Таблица 4. Тип образования членов ПК Политбюро ЦК КПК 5-го поколения

Тип образования		
Гуманитарное	Инженерно-техническое	Политэкономическое
17 %	17 %	66 %

Уровень наличия высшего образования среди представителей политической элиты — 100 %.

Библиографический список

Мэйю жэньхэ лилян нэнгоу цзудан чжунго жэньминь хэ чжунхуаминьцзу дэ цянъцинь буфа [Никакая сила не сможет остановить прогресс китайского народа]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-10/10/c_1125084954.htm (дата обращения: 10.11.2020). (на кит.).

Тацзин А. Л. Трансформация современной китайской политической элиты в условиях модернизации Китая // Теории и проблемы политических исследований — 2019. Т. 8. №6А. С. 54—62.

Цзай Ма Юнь “Чжунгундан юань” дэ цзяньли чжун дучу чжэннэнлян [Позитивный опыт биографии Ма Юня в качестве члена КПК] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/1203/c40531-30438208.html> (дата обращения: 10.11.2020). (На кит.).

«Agenda for the Study of Political Elites» ed. Dwaine Marvick, Political Decision-Makers (Glencoe: The Free Press, 1961). С. 66.

McGregor Richard. The Party: The Secret World of China's Communist Rulers. Penguin Books, 2013.

China lands spacecraft on 'dark' side of moon in world first. URL: <https://www.nbcnews.com/mach/news/chinese-spacecraft-makes-first-landing-moon-s-far-side-ncna954066> (дата обращения: 10.11.2020).

Cuba Launches Mandarin Chinese Classes In High Schools [Китайский язык будут преподавать в школах Кубы]. URL: <https://havana-live.com/cuba-launches-mandarin-chinese-classes-in-high-schools/> (дата обращения: 10.11.2020).

Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020. Annual Report to Congress. URL: https://media.defense.gov/2020/Sep/01/20024_88689/-1/-1/1/2020-dod-china-military-power-report-final.pdf (дата обращения: 10.11.2020).

The Journal of Politics Vol. 39. No. 2 (May, 1977). С. 327.

The power Elite (New York: Oxford University Press, 1959). С. 3—4.

References

«Agenda for the Study of Political Elites» ed. Dwaine Marvick, Political Decision-Makers (Glencoe: The Free Press, 1961). P. 66.

China lands spacecraft on 'dark' side of moon in world first URL: <https://www.nbcnews.com/mach/news/chinese-spacecraft-makes-first-landing-moon-s-far-side-nca954066> (access: 10 November, 2020).

Cuba Launches Mandarin Chinese Classes In High Schools URL: <https://havana-live.com/cuba-launches-mandarin-chinese-classes-in-high-schools/> (access: 10 November, 2020).

McGregor Richard. The Party: The Secret World of China's Communist Rulers. Penguin Books, 2013.

Meiyou renhe liliang nenggou zudang zhongguo renmin he zhonghua minzu de qianjin bufa [No force can stop the progress of the Chinese People]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-10/10/c_1125084954.htm (access: 10 November, 2020). (In Chinese).

Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020. Annual Report to Congress URL: https://media.defense.gov/2020/Sep/01/20024_88689/-1/-1/1/2020-dod-china-military-power-report-final.pdf (access: 10 November, 2020).

Tashchilin A. L. Transformation of the Chinese Political Elite in the Context of Modernization // Theories and Problems of Political Studies — 2019. Vol 8. Issue 6A. P. 54—62.

The Journal of Politics Vol. 39, No. 2 (May, 1977). P. 327.

The power Elite (New York: Oxford University Press, 1959). P. 3—4.

Zai Ma Yun zhonggongdang yuan de jianli zhong duchu zheng nengliang [Positive Biography of Ma Yun as a CCP Member] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/1203/c40531-30438208.html> (access: 10 November, 2020). (In Chinese).

Э.Р. Ширгазина

ТИБЕТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН В ПОЛИТИКЕ КНР

Аннотация. За последнее десятилетие произошло некоторое переосмысление подхода Правительства КНР к интеграционным процессам между регионами, а также представителями 56 этнических групп, составляющих китайскую нацию. Между тем, следует отметить, правительственная линия в отношении Тибетского автономного района определяется, с одной стороны, общим курсом по развитию отстающих регионов с акцентом на повышение уровня благосостояния местного населения и углубление взаимосвязей с соседними регионами. С другой стороны, отличается спецификой взаимодействия центральной власти с местным сообществом и опирается на исторический фундамент. Настоящая черта обусловлена принадлежностью к исторически установившемуся яркому и достаточно сильному религиозному и культурному поясу Тибета.

Основополагающими особенностями ситуации в регионе, которые оказывают несомненное влияние на формирование повестки дня, являются переплетение общего внутривосточного курса Китая с религиозными, этническими вопросами и геополитическими интересами самого Пекина и, что немаловажно, вероятностное внешнее вмешательство третьих сторон. При дальнейшем ужесточении конкуренции на международной арене и сохранении целого ряда противоречий с Индией поддержание стабильности в Тибетском автономном районе и поясе будет приобретать критически важное значение для Китая. Для этой цели наряду с классическими

экономическими, административно-политическими, военно-оборонными инструментами все более значительную роль приобретают «мягкие» инструменты гуманитарного характера посредством проведения образовательной, воспитательно-патриотической и идеологической работы с населением региона.

Ключевые слова: Китай, Тибетский автономный район, Индия, буддизм, внутренняя политика, геополитика.

Автор: Ширгазина Эльза Рифовна, аспирант ИМЭМО РАН.
E-mail: elvenelanor@mail.ru.

Shirgazina E. R.

Tibetan autonomous area in PRC politics

Abstract. Over the past decade, there has been some rethinking of the Chinese Government's approach to integration processes between regions, as well as representatives of the 56 ethnic groups that make up the Chinese nation. Meanwhile, it should be noted that the government's policy towards TAR is determined, on the one hand, by the general course for the development of lagging regions, with an emphasis on improving the well being of the local population and deepening relations with neighboring regions. On the other hand, it differs in the specifics of interaction between the Central government and the local community and is based on a historical foundation. This feature is stipulated with belonging to the historically established bright and quite potent religious and cultural belt of Tibet.

The fundamental characteristics of the situation in the region, which undoubtedly influence the formation of the agenda, are the intertwining of China's general domestic policy with religious, ethnic issues and geopolitical interests of both Beijing itself and, importantly, the potential external interference of third parties. With increasing competition in the international arena and a number of contradictions with India remaining, maintaining stability in the Tibet autonomous region and its belt will become crucial for China.

For this purpose, along with classical economic, administrative-political, military-defense tools, “soft” tools of a humanitarian nature are becoming increasingly important through educational, patriotic and ideological work with the population of the region.

Keywords: China, Tibet Autonomous Region (TAR), India, Buddhism, Internal policy, geopolitics.

Author: Elsa R. SHIRGAZINA, post-graduate student, IMEMO RAS (E-mail: elvenelanor@mail.ru).

В свете тлеющего противостояния в китайско-индийском приграничье Тибет, на долю которого приходится большая часть линий соприкосновения двух государств, будет сохранять свое ключевое значение для Китайской Народной Республики. В последнее десятилетие Правительство КНР произвело некоторое переосмысление подхода к интеграционным действиям в регионе.

Проблема взаимоотношений Китая и Тибета привлекает к себе внимание экспертов-востоковедов не одно десятилетие. Очень многие работы концентрируют внимание на истории, не рассматривая вопрос комплексно в условиях современных реалий. В числе фундаментальных трудов по теме можно назвать работы Е.И. Кычанова, Б.Н. Мельниченко [Е.И. Кычанов, Б.Н. Мельниченко, 2005], Л.С. Савицкого [Е.И. Кычанов, Л.С. Савицкий], Н.С. Кулешова Н.С. [Кулешов], М. Гольдштейна [Melvyn C. Goldstein] и ряда других исследователей. Настоящий доклад ставит своей целью анализ основ и современные приоритеты политической линии Правительства КНР в отношении Тибетского автономного района (ТАР) в аспекте геополитического соперничества первого с Республикой Индия. Анализ проводится посредством системного, дискурсивного и исторического методов, а также ситуационного анализа на основе открытых источников информации (СМИ, официальные издания и сайты государственных органов и ведомств) о проводимых мероприятиях в отношении региона.

Ретроспектива китайского присутствия в регионе

Как известно, первые связи Китая с Тибетским государством были зафиксированы еще в VII в. при правлении династии Тан. Последовавшая достаточно сложная история контактов двух древних государств свидетельствует о постепенном формировании специфичной системы взаимоотношений в рамках модели «покровитель религии — гуру», основой которой послужил буддизм. Однако религиозный фактор, определявший основы государственности Тибета, в конечном счете был не решающим для Китая. Традиционный китаецентричный взгляд на мир по умолчанию определил подход к Тибету как периферийной области Срединного царства (Чжунго) и хотя вплоть до начала XVIII в. активного вмешательства во внутри-

тибетские дела Китай не предпринимал, с указанного периода империя начинает постепенно наращивать свое присутствие в поясе, расширять свои территории в южном и юго-западном направлениях. Однако уже с начала XIX в. и без того значительно шаткие позиции империи Цин в самобытном субрегионе в результате серьезных внутренних проблем и активного вмешательства Великобритании значительно пошатнулись. Британская империя в стремлении прочно закрепиться в гималайском поясе сначала вынудила тибетскую сторону подписать Лхасскую конвенцию, а затем по итогам продолжившихся переговоров между двумя империями в Конвенции о Тибете 1906 г. Лондон обязался не аннексировать территории Тибета и не вмешиваться в вопросы управления Тибетом, а Пекин — не допускать вмешательство в дела региона других держав. Таким образом, один из документов, изначально направленных на сдерживание потенциальных интересов Российской империи в регионе, по сути, зафиксировал признание зависимого положения Тибета от Китая третьей стороной. Попытки находившейся на закате своего существования империи Великая Цин закрепиться в Тибете результатов не имели ввиду нарастания внутреннего конфликта и революционного движения в китайском обществе.

После так называемого «мирного освобождения Тибета» Народно-освободительной армией Китая (НОАК) и подписания 23 мая 1951 г. Соглашения между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета (Соглашение) был намечен основополагающий курс политики КНР в отношении региона. Согласно документу, региональные властные структуры были наделены преимущественно административными полномочиями, а внутривластный курс сконцентрирован на необходимости экономического развития с отнесением вопросов внешних связей и безопасности к ведению столицы [Чжунъян жэньминь...].

Политический курс КНР в современную эпоху

Сегодня стабилизация ТАР как никогда важна для КНР. Значение региона подразумевает работу по нескольким тесно взаимосвязанным аспектам.

1. Геополитический аспект и выработка официального правительственного курса. Сложная история взаимоотношений Китая с Тибетом в нынешнее время, пожалуй, служит не только обоснованием интересов КНР, но одновременно включает достаточно противоречивые факты для такового. Вместе с тем, в изменившихся условиях существования эпохи новейшего времени стратегическая важность региона для Китая сохранилась, что подтолкнуло к активным действиям по установлению и укреплению контроля над ним.

В настоящий момент, ситуация продолжает осложняться внешними факторами. С одной стороны, по итогам президентских выборов в США уже можно утверждать, что ни один из кандидатов не настроен на конструктивную работу с Пекином. Если с Д. Трампом противостояние идет больше на поле экономики, то в случае утверждения кандидатуры Д. Байдена помимо введения санкций в отношении официальных лиц Китая вероятность использования инструментов информационного воздействия, а также финансирования так называемых оппозиционных сил в разы возрастает.

С другой стороны, зачастую неоднозначная позиция Индии в отношении Тибета и неурегулированность территориально-пограничного вопроса не способствуют уверенности в Пекина в южном партнере. Штаб-квартира так называемого правительства Тибета в изгнании базируется на территории штата Химачал-Прадеш в Дхарамсале. Индийской стороной так или иначе поддерживаются контакты с данной организацией, что вкупе с американской выборной лихорадкой данной структурой планируется использовать для лоббирования своих интересов и оказания давления на КНР [Sikyong embarks...]. Кроме того, изменение статуса Джамму и Кашмира, проведенное индийской стороной в августе 2019 г., закономерно привело к столкновению держав в текущем году. Причиной этого стала не только поддержка союзника КНР в лице Пакистана, но и территории, которые оспариваются региональными гигантами, в связи с чем Пекин не признал преобразование Ладакха в союзную территорию [Foreign Ministry Spokesperson...], равно как и суверенитет Индии над большей частью Аруначал-Прадеша, который относится к Южному Тибету.

Ключевые направления предстоящей работы вырабатываются в рамках заседаний Центрального совещания по работе с Тибетом

(Центральное совещание), проводящихся с 1980 г. Большинство из них стали уже традиционными и сохраняют свою актуальность по сей день: стабильное экономическое развитие региона и повышение уровня жизни населения, обеспечение его безопасности, укрепление межэтнического единства. Между тем, за прошедшие десятилетия спектр способов и инструментов для достижения поставленных целей расширился наравне с возможностями финансирования. Седьмое заседание Центрального совещания, прошедшее 28—29 августа 2020 г. обозначило следующие главные задачи:

- обеспечение национальной безопасности и укрепление пограничной безопасности;
- обеспечение постоянного повышения уровня жизни людей;
- сплочение общества и гармонизация взаимоотношений его групп;
- адаптацию тибетского буддизма к социалистическому обществу и его синицизация;
- культивация патриотизма;
- обеспечение благоприятной экологической обстановки.

Собственно, эти задачи и определяют круг мероприятий, проводимых в регионе правительством КНР.

2. *Военно-стратегический*. Несомненно, большую роль в присоединении, и впоследствии поддержании контроля и порядка сыграла НОАК, которая и сегодня сохраняет свое значение как инструмента проведения государственной политики в регионе, для борьбы с сепаратистскими ячейками. Инвестиции в развитие военной инфраструктуры планомерно наращивались в течение последних лет, вводились в эксплуатацию автоматизированные системы пограничного контроля, орудия и техника с использованием новейших систем и спутникового наведения, планомерно проводились военные учения, адаптированные к экстремальным климатическим условиям горной местности. В то же время аналогичные действия южного соседа воспринимаются китайской стороной с резкой силой, что во многом и привело к новому витку конфликта в текущем году. В свете эскалации ситуации в приграничье с Индией, разумеется, в первую очередь внимание привлекает наращивание и движение контингента обеих стран в точках наибольшего напряжения по линии общей границы. Несколько раундов переговоров прошли безрезультатно, хотя

последние новости на момент написания настоящего материала вызывают осторожную надежду на деэскалацию. По итогам восьмого раунда переговоров стороны предварительно пришли к согласию о необходимости отведения боевой техники, а за ним постепенного сворачивания войск в северной части озера Пангонг-Цо и на заключительном этапе — уход с позиций занятых вдоль южного берега озера [LAC standoff may be resolved...].

Отдельно следует отметить наличие у Индии Специальных пограничных сил (Special Frontier Force), которые были сформированы при поддержке ЦПУ после войны 1962 г. Сегодня они состоят прежде всего из этнических тибетцев и непальских гуркхов. Первоначально комплектовались для еще одного «освобождения Тибета», только теперь уже от «китайской оккупации» с использованием сил внешних игроков [The SFF is under the government...]. В функционал обособленного подразделения входит проведение боевых и тайных разведывательных операций в условиях высокогорной местности против НОАК.

В целом, любые действия направленные на поддержку сепаратизма и движения «независимости Тибета» закономерно трактуются Пекином как враждебные. Сложившееся положение с ростками конфликта изначально не способствует дружественности и доверию в отношениях с Нью-Дели. В связи с чем в рамках седьмого Центрального совещания, внимание акцентировано именно на дальнейшем укреплении безопасности границ ТАР и помимо военно-стратегических мероприятий предполагает сплочение общества.

3. Социально-экономический. В целом, стабильное экономическое развитие традиционно является базовым условием обеспечения стабильности ТАР в понимании Правительства КНР. С самых первых дней присутствия НОАК в Тибете в политике страны был намечен курс на обеспечение самодостаточного уровня производства в регионе, что позволило бы обеспечить не только вооруженные силы провиантом, но улучшить условия жизни местного населения [Мао Tse-tung, p. 254—257]. Однако, несмотря на данные планы, развитие здесь шло достаточно медленно. В период включения в состав КНР край с сохраняющимися феодальными пережитками значительно отставал в уровне развития даже от некоторых китайских регионов, пострадавших в результате иностранной интервенции и продолжи-

тельных военных действий. К основным проблемам его развития относились труднодоступность территории, отсутствие дорожной инфраструктуры, неопытность местного населения и его специализация на сельском хозяйстве.

Тибет — не только работа с собственно Тибетским автономным районом, но и с тибетским этносом, населяющим территории современных провинций Сычуань, Юньнань, Ганьсу и Цинхай. Повышение уровня доходов, обеспечение доступа к бесплатному образованию — главные задачи, а расширение инфраструктурной и экономической связности с соседними регионами может послужить основой для углубления тесной взаимозависимости.

После присоединения в 1951 г. система образования здесь по большому счету была создана заново, так как доступа к образованию у населения, за исключением небольшой наиболее обеспеченной прослойки общества, не было, да и занятия, проводившиеся монахами, должного уровня новых научных знаний не обеспечивали. Сегодня система бесплатного общего образования покрывает не только расходы на обучение, но и полный пансион для детей, а для отдаленных местностей привлекаются преподаватели из других регионов.

Крупных промышленных центров в ТАР нет, здесь преобладает сельское хозяйство, преимущественно скотоводство. По этой причине созданию рабочих мест в отрасли уделяется наибольшее внимание. Вводятся системы подготовки и переподготовки работников, на период которых предоставляются субсидии. Другой перспективной отраслью, приносящей хороший доход, постепенно становится туризм, причем как внутренний, так и внешний, что в свою очередь требует дальнейшего развития транспортной инфраструктуры, на которое в ближайшие годы планируется потратить более 1 трлн юаней [China set for 1 trillion yuan...].

4. *Духовно-идеологический аспект* является, пожалуй, наиболее чувствительным в отношениях региона с центральным правительством, а также чаще всего критикуемым со стороны разного рода либералов и оппозиционеров из-за рубежа. На пространстве, где некогда существовало независимое теократическое государство с религиозным деятелем во главе, фактор буддизма остается чрезвычайно важным. После антикитайских выступлений и бегства Далай-ла-

мы XIV в 1959 г. в Индию, правительство приложило немало усилий по преодолению его влияния на общество, а вслед за ним возможность внешнего информационного и идеологического воздействия. Вместе с тем, работу по преодолению последствий культурной революции 1966—1976 гг., когда уничтожались монастыри, храмы и памятники культуры, и принимались иные достаточно резкие решения по контролю религиозно-духовной составляющей жителей ТАР, еще предстоит продолжать. Уже сейчас Пекин выбрал своего кандидата на роль Панчен-ламы в противовес кандидату, выдвинутому Далай-ламой XIV. Таким же образом, очевидно, в соответствующий момент торжественно передаст титул самого Далай-ламы удобному преемнику. В целом, тибетский буддизм, считает руководство КПК, должен адаптироваться к современным реалиям Китая и социалистической идеологии.

В условиях возрастающих рисков внешнего информационного воздействия идеологической работе с населением придается большое значение. Причем, в результате извлечения уроков из истории внутренней и внешней политики страны за истекшее десятилетие круг последних приобрел более разнообразные и вместе с тем всеобъемлющие формы. Программа включает в себя идеологическую и просветительскую работу с представителями духовенства, поддержку ресурсами, воспитание патриотических чувств, симпатии к китайской культуре и истории, расширение образовательных, культурных и языковых инициатив с молодым поколением.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Специфичная политическая традиция Китая восприятия взаимоотношений в рамках модели «Срединное государство — вассал» и, как следствие, отсутствие делимитации границ характеризовала отношения Китая с Тибетом вплоть до начала XX в. Однако в результате столкновения с имперскими амбициями западных держав, в первую очередь Великобритании, Пекин был вынужден воспринять «линейный» подход пограничью. Отныне положение о принадлежности тибетского народа к китайской семье должно подтверждаться закреплением в регионе и усилением контроля территории. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. и необходимости упрочнения своих позиций в системе международ-

ных отношений, структура и законы функционирования которой были приняты государствами Европы, настоящая традиция окончательно закрепилась в политическом курсе КНР, равно как и необходимость утверждения своего суверенитета над территориями, которые воспринимались как часть китайского мира.

2. В целом, внутривластный курс КНР в отношении ТАР достаточно консервативен. Сегодня он опирается, с одной стороны, на уходящую вглубь веков историю, а с другой — в результате переосмысления внутренней и внешней политики страны, особенно за последнее десятилетие, приобрел более мягкие и вместе с тем всеобъемлющие формы, включающие идеологическую и достаточно мягкую работу с буддийской общиной.

3. Религиозная составляющая жизни тибетцев пронизывает всю историю настоящего региона и является одной из важнейших в жизни общества. Вместе с тем, она же — самая удобная для попыток давления на КНР внешними игроками. Прямое вмешательство Пекина в дела духовные вероятней всего будет восприниматься как минимум настороженно большей частью населения еще некоторое время. Представляется, что при сохраняющейся тенденции повышения уровня жизни тибетцев и синицизации региона активность противников режима будет постепенно снижаться. Между тем, каждый случай участия Пекина и КПК в деятельности религиозных институтов, несомненно, будет использоваться в качестве информационного повода для вмешательства во внутреннюю политику КНР.

Библиографический список

Кулешов Н.С. Россия и Тибет: [В нач. XX в.] / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука; Вост. лит., 1992. 271 с.

Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: Наука. 1975. 304 с.

Чжунъян жэньминь чжэнфу хэ сицзан дифан чжэнфу гуаньюй хэпин цзефан сицзан баньфа дэ сеи: [Соглашение между Центральным народным правительст-

вом Китая и местным правительством Тибета о мерах по мирному освобождению Тибета]. Бэйцзин, 23.05.1951. URL: <https://baike.baidu.com/item/中央人民政府和西藏地方政府关于和平解放西藏办法的协议?fromtitle=十七条协议&fromid=294657> (дата обращения: 31.10.2020). (На кит.).

China set for 1 trillion yuan spending to tighten Tibet's integration. URL: <https://www.tibetanreview.net/china-set-for-1-trillion-yuan-spending-to-tighten-tibets-integration/> (дата обращения: 09.11.2020).

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 13, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1823606.shtml (дата обращения: 25.10.2020).

LAC standoff may be resolved before Diwali as India, China agree on time-bound disengagement plan. URL: https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-disengagement-plan-lac-standoff-resolved-diwali-ladakh-1740030-2020-11-11?utm_source=recengine&utm_medium=web&referral=yes&utm_content=footerstrip-1&utm_source=recengine&t_medium=web&t_content=footerstrip-1&t_psl=False (дата обращения: 13.11.2020).

Mao Tse-tung. The writings of Mao Zedong, 1949—1976. Volume I (September 1949 — December 1955). Edited by Michael Y.M.Kau, John K. Leung. M.E. Sharpe, Inc. in association with East Gate Books, 1986. 769 p.

Melvyn C. Goldstein. The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama. University of California Press, 1999. 165 p.

Sikyong embarks on official visit to Delhi and Washington DC: Tibet Policy and Support bill on key agenda. URL: <https://tibet.net/sikyong-embarks-on-official-visit-to-delhi-and-washington-dc-tibet-policy-and-support-bill-on-key-agenda/> (дата обращения: 13.11.2020).

The SFF is under the government of India, it's very secretive: Claude Arpi. India Today Insight. URL: <https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/the-sff-is-under-the-government-of-india-it-s-very-secretive-claude-arpi-1717542-2020-09-01> (дата обращения: 10.11.2020).

References

China set for 1 trillion yuan spending to tighten Tibet's integration. URL:<https://www.tibetanreview.net/china-set-for-1-trillion-yuan-spending-to-tighten-tibets-integration/> (accessed: 09 November, 2020).

Kulešov N.S. (1992). *Rossiâ i Tibet: [V nač. XX v.] [Russia and Tibet [in the beginning of XX century]]*, Moscow: Nauka: Publishing company "Vost. lit.", 271 p. (In Russian).

Kučanov E.I., Melničenko B.N. (2005). Istorîâ Tibeta s drevnejših vremen do naših dneĵ [History of Tibet from ancient times to the present day]. Moscow: Publishing company “Vost. lit.”, 351 p. (In Russian).

Kučanov E.I., Savickij L.S. (1975). Lûdi i bogi strany snegov. Očerĵ istorii Tibeta i ego kultury [People and gods of the land of snow. Essay on the history of Tibet and its culture]. Moscow: Nauka, 304 p. (In Russian).

LAC standoff may be resolved before Diwali as India, China agree on time-bound disengagement plan. URL: https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-disengagement-plan-lac-standoff-resolved-diwali-ladakh-1740030-2020-11-ge?utm_source=recengine&utm_medium=web&referral=yes&utm_content=footerstrip-1&t_source=recengine&t_medium=web&t_content=footerstrip-1&t_psl=False (accessed: 13 November, 2020).

Mao Tse-tung. (1986). The writings of Mao Zedong, 1949—1976. Volume I (September 1949 — December 1955). Edited by Michael Y.M.Kau, John K.Leung. M.E. Sharpe, Inc. in association with East Gate Books, 1986. 769 p.

Melvyn C. Goldstein. (1999). The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama. University of California Press, 1999. 165 p.

The SFF is under the government of India, it's very secretive: Claude Arpi. India Today Insight. URL: <https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/the-sff-is-under-the-government-of-india-it-s-very-secretive-claude-arpi-1717542-2020-09-01> (accessed: 10 November, 2020).

Zhōngyāng rénmin zhèngfǔ hé xīzàng dìfāng zhèngfǔ guānyú hépíng jiěfàng xīzàng bànfǎ de xiéyì ( ). Бэйцзин (Beijing), 23.05.1951. URL: <https://baike.baidu.com/item/中央人民政府和西藏地方政府关于和平解放西藏办法的协议?fromtitle=十七条协议&fromid=294657> (accessed: 31 October, 2020). (In Chinese).

А.В. Дертев

КИТАЙСКИЙ ИГРОВОЙ РЫНОК И ГОСУДАРСТВО: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрена эволюция отношения руководства КНР к игровой индустрии: от начальных шагов правового регулирования до масштабного стимулирования экспорта идеологии и политических взглядов при помощи игровых продуктов. Кроме этого, автором даны прогнозы развития игровой промышленности КНР в среднесрочной перспективе на 3—5 лет.

Развитие отношений руководства КНР к игровой индустрии разделена автором на 3 этапа: с 1970-х годов до 2000 г.; с 2000 г. по 2010 г.; с 2010 г. по настоящее время. Каждый из этих периодов проанализирован. Здесь отдельное внимание уделено законодательному регулированию и режиму цензуры игровых продуктов. Кроме этого, на примере ряда продуктов рассматривается использование Китаем видеоигр как инструмента как внутри, так и внешнеполитической пропаганды.

Среди основных выводов исследования стоит отметить следующее: 1) пропаганда превосходства силы Китая и мощи НОАК распространена в играх, но неэффективна; 2) до начала 2000-х Китай рассматривал видеоигры как фактор, оказывающий негативное влияние на молодежь и дестабилизирующий общественный порядок; 3) игры, как и другая информация, активно цензурируются: КПК вносит в черный список иностранные игры, которые не соот-

ветствуют идеалам, которые официальный Пекин пытается распространять; 4) правительство КНР активно инвестирует миллионы юаней в виде грантов и налоговых льгот в национальную игровую индустрию.

Ключевые слова: Китай, видеоигры, видеоигры в Китае, Информационные технологии, технологическое развитие, игровая индустрия, цензура .

Автор: Дертев Алексей Васильевич, магистр факультета Мировой Экономики и Мировой Политики НИУ ВШЭ.
E-mail: alexey@dertev.cf

Dertev A.V.

Chinese games market and state: past, present and future

Abstract. This article examines the evolution of the attitude of the Chinese leadership to the gaming industry: from the initial steps of the legislative regulation to large-scale promotion of the export of ideology and political views with the help of game products. Besides, the author gives the forecasts of the Chinese gaming industry development in the medium term for 3—5 years.

The author into 3 stages divides the development of relations between the Chinese leadership and the gaming industry: from 1970s to 2000; from 2000 to 2010; from 2010 to the present. Each of these periods has been analyzed. Here, special attention is paid to the legislative regulation and censorship regime of gaming products. In addition, the use of video games as a tool for both domestic and foreign policy propaganda is considered by the example of several products.

Among the main findings of the study is the following: 1) The propaganda of the superiority of Chinese power and the power of PLA is common in games, but ineffective. 2) Until the early 2000s, China viewed video games as a factor that negatively affects young people and destabilizes public order. 3) Games, like other information, are actively censored: PDA blacklists foreign games that do not meet the ideals that the official Beijing is trying to spread. 4) The Chinese government actively invests millions of yuan in grants and tax reliefs in the national game industry.

Keywords: China, video games, video games in China, information technology, technological development, game industry, censorship.

Author: Alexey V. DERTEV, Master's student at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: alexey@dertev.cf).

На протяжении минувшего сорокалетия бурная экспансия мировой игровой компьютерной индустрии на базе галолирующего совершенствования программно-аппаратных средств превратили видеоигры в мощную самостоятельную отрасль промышленно-художественного производства и наиболее динамично развивающуюся сферу рекреационной сферы для потребителя, в особенности, для молодежи. Достаточно сказать, что на рынке средств организации досуга эта продукция по своим финансовым результатам с успехом вытеснила традиционные комиксы, ТВ-программы, а также игровое и мультипликационное кино.

Столь широкое распространение и форсированное развитие предопределили то, что видеоигры уже с начала 21 века рассматриваются как эффективный инструмент распространения мягкой силы государства, оказывающего с его помощью серьезное психологическое, идеологическое и эмоциональное воздействие на потребителя. Не случайно, развитие и использование национального игрового рынка в последнее десятилетие вызывает возрастающий интерес у руководства КНР. Отмеченная тенденция явилась объектом внимания многих западных [Liboriussen & Martin, 2016] и китайских [Gao & Liu, 2007] специалистов.

На фоне процессов глобализации перевод фокуса внимания политического руководства страны на игровую индустрию вполне укладывается в формулу современной конкурентной борьбы, согласно которой неоспоримые преимущества получают державы, контролируемые медиапространство. Несомненно, важнейшим условием при этом остается качество и эффективность самих инструментов и средств этого контроля.

В целом в ходе развития игровой индустрии КНР можно выделить три ключевых этапа:

- С конца 1970-х годов до 2000 г. — низкий интерес государства к видеоиграм, политика прогибиционизма.
- С 2000 г. до 2010 г. — борьба с видеоиграми, дискредитация геймеров.
- С 2010 г. по настоящее время — «игровой бизнес» под контролем государства и становится инструментом идеологического воздействия на внутреннем и внешнем рынке рекреационной сферы.

Этап до 2000 г. — запреты и зачатки интереса

Национальная индустрия и рынок видеоигр зародились в Китае достаточно поздно, если сравнивать страну с Америкой и Японией. Это объясняется отсутствием реальных предпосылок для формирования центров разработки программного обеспечения для гражданского населения в начальный период политики «реформ и открытости». Вообще, до 2000-х годов руководство страны не было заинтересовано в развитии национальной игровой отрасли. Напротив, с помощью таможенных мер и строгой цензуры правительство пыталось минимизировать проникновение зарубежной продукции в Китай. Как пример, можно отметить импортный таможенный тариф в 130 % на аппаратное обеспечение и игры наряду с налогом на добавленную стоимость, что делало итоговую цену как аппаратного, так и программного обеспечения непомерно высокой для конечного потребителя [Fung, 2015].

В конце 1980-х в КНР была выпущена первая консоль, к которой предлагались клоны популярных на то время игр от японской компании Nintendo. Хотя импортные консоли были доступны в Китае уже в 1990-х годах, большинство геймеров предпочитали играть в игровые автоматы, так как иметь приставку дома было непозволительной роскошью. Невероятный рост популярности консольных игр в Китае пришелся на 1988—1991 годы. В этот период они официально могли импортироваться из Японии, а на их базе создавались местные подделки невысокого уровня, которые хлынули на рынок, создавая высококонкурентную среду. Однако даже нелегальные копии японской консоли NES не были доступны большинству китайцев, живущих за пределами мегаполисов. Национальный рынок игровых продуктов находился в зачаточном состоянии и объективно не требовал институционального государственного надзора и контроля. Хотя в конце 1980-х и начале 1990-х годов не было принято никаких конкретных мер по регулированию зарождающейся индустрии, потенциал новой технологии закономерно притягивал внимание партийно-правительственной элиты.

Всю суть неприятия нового культурного феномена государством демонстрирует то, что в СМИ игры назывались «электронным героино́м», компьютерные клубы сравнивались с наркопритонами, а

подростков с игровой зависимостью отправляли в лагеря перевоспитания [Цун «Дяньцзы хайлоинь»...] [Philips, 2017].

Запрет консолей наложился на появление доступного интернета в городах. Следствием этого стал бум популярности компьютерных клубов и интернет-кафе. Посещение таких заведений было значительно доступнее, чем покупка компьютера. Этот фактор способствовал стремительному росту популярности сессионных онлайн игр, т. е. тенденции, с которой уже нельзя было бороться запретительными мерами, как с консолями. Для решения этой задачи Главному управлению по делам печати и издательств КНР и Министерству культуры КНР были делегированы функции по цензурированию онлайн игр, импортируемых в Китай [Zhang, 2012]. Выше уже отмечалось, что, когда онлайн-игры впервые появились на китайском рынке, в стране еще не существовало специальных законов, регламентирующих порядок публикации и распространения игр. Однако уже к 2000 г. была введена жесткая предпродажная цензура. В дальнейшем под лозунгом защиты подростков от антиобщественного поведения, транслируемого детям, была введена первая общая модель цензурирования и контроля игровых продуктов на территории Китая.

Конец 20 века стал вехой в истории развития китайской индустрии видеоигр. Именно в это время в Китае была массово протестирована инновационная бизнес-модель: местная компания заключала контракт с издателем и становилась агентством по импорту и локализации иностранных игр. Часто в процессе такой локализации удалялись некорректные (с политической, культурной либо идеологической точки зрения) элементы из игр. Например, излишняя жестокость, сексуальность, и что самое важное — любое негативное изображение Китая корректировалось в желательной для власти редакции.

Этап с 2000 по 2010 г. — смена приоритетов

В 2000 г. произошло ключевое событие, оказавшее влияние на развитие игрового рынка КНР — был принят под названием «Мнение об отношении осуществления управления специальных игровых залов» (关于开展电子游戏经营场所专项治理的意见), запретивший импорт

игровых консолей в Китай. Как и в большинстве случаев запрет оказался малоэффективным: контрабандные игры и устройства начали незаконно ввозить из Гонконга и Японии [Opinions concerning...]. Кроме того, это сопровождалось тем, что большинство потребителей сменило платформу и обратилось к компьютерным играм.

У такого принудительного «перепрофилирования» рынка были и положительные последствия. Рост популярности персональных компьютеров стимулировал волну возникновения национальных компаний-разработчиков игр под эту платформу. Параллельно с этим в Китае начали формироваться центры разработки мирового уровня, в стране начали открывать филиалы крупные зарубежные издатели: Ubisoft, 2K, EA.

Несмотря на урегулирование законодательства, на фоне непрозрачных рекомендаций по цензуре игр и потенциального риска того, что продукт будет запрещен цензорами, китайские переводчики и локализаторы начали применять очень строгую форму самоцензуры, иногдаходящую до абсурда. Так, в пошаговой стратегии Sid Meier's Civilization IV, где игрок управляет нацией с древнейших времен до современности, локализаторами была проведена тотальная самоцензура по отношению к Китаю: название страны было заменено на выдуманное княжество Цзю-Дин, а имена всех известных персоналий — от Конфуция до Мао Цзэдуна — были удалены. Кроме того, цензуре подверглись даже достопримечательности. В частности, цензоры заменили Великую китайскую стену и ГЭС «Три ущелья» на обычную крепостную стену и Дамбу Гувера [Xiaochun, 2012].

Этап с 2010 г — переход к фронтальной политике

С распространением доступности компьютеров и интернета число геймеров в КНР стало увеличиваться — с 2010 по 2020 год рост составил почти 330 % (с 196 по 640 млн) [Total number...]. В свою очередь 15 лет без консолей в Китае сформировали рынок, поделенный на 3 большие подгруппы, включающие в себя компьютерные, мобильные и веб-игры. Лидерство среди указанных сегментов (до последнего времени) сохранялось за компьютерными игра-

ми. Полный запрет на импорт игровых консолей был снят лишь в 2015 г., что было связано с учреждением зоны свободной торговли в Шанхае.

В 2018 г. по решению КПК был сформирован Комитет по этике в онлайн-играх на базе Министерства культуры КНР. Этот исполнительный орган создавался для исследования влияния и решения проблемы игровой зависимости у подростков. Кроме того, задачей комитета стало проведение модерации этических аспектов игр [China sets up...]. Но цензурой и контролем над проблемой игровой зависимости все не ограничивается — правительство КНР также видит игры в качестве мощного инструмента пропаганды и, проявляя озабоченность по поводу проблем со здоровьем потребителей, использует их для дальнейшего контроля над китайскими интернет-компаниями и наблюдения за поведением своих граждан. Система социального кредита также связана с видеоиграми — обязательная регистрация для игроков по паспортным данным позволяет китайским властям сопоставлять действия, предпринятые во время игры, включая поведение, общение и продолжительность игры. Отслеживание внутриигровой активности может быть использовано компартией для наказания или вознаграждения отдельных игроков за их игровое поведение и привычки.

Связанные с китайским правительством компании разрабатывают игры как инструмент внутривластной пропаганды. Это так называемые «красные игры» или «патриотические игры» (爱国游戏, где Китай всегда побеждает. Несмотря на их очевидную предвзятость и низкую популярность среди геймеров, они все же являются важной частью игровой культуры КНР [Red Games...]. Основная идея состоит в том, чтобы воспитывать и внушать игрокам добродетели Китая и коммунистической партии. Характерно, что «красные игры» обычно выполнены во временном промежутке от Второй мировой войны до Корейской войны и лишь немногие из них основаны на современной эпохе. В таком продукте игрок обычно берет под свой контроль солдата китайской армии, товарищи которого, и он сам никогда не будет изображен раненым или умирающим (а тем более трусом или дезертиром). Более того, в таком виде игр персонаж никогда не может проиграть, особенно американским и японским войскам. С появлением все большего количества многопользова-

тельских онлайн-игр после 2005 г. популярность красных игр начала снижаться, но сама пропаганда в игровой индустрии не исчезла. Поменялся лишь формат — так на смену патриотическим бравадам пришли более изощренные методы.

Как уже отмечалась, компартия требует, чтобы игры, которые выходят в Китае, согласовывались с режимом цензуры, включающий в себя элементы агитации. Если игра не соответствует таким условиям, она должна быть переработана, либо окончательно запрещается к распространению в КНР. Одним из самых ярких примеров такой политики может служить случай с Player's Unknown Battle-grounds (PUBG). Эта популярная мобильная игра в жанре «королевская битва» первоначально была жестко раскритикована за несоответствие основным социалистическим идеалам, после чего в соглашении с первоначальным издателем игры была переиздана компанией Tencent в более «патриотичной» форме. Тут уже пропаганда встречала игрока на загрузочном экране: бюро по набору персонала ВВС НОАК сотрудничало с Tencent для опубликования объявления о наборе в военно-воздушные силы на экране входа в игру. Кроме того, время ожидания игры фон оригинального заброшенного аэропорта изменили на сцену китайского павильона международной выставки обороны (IDEX). Кроме того, американский военно-транспортный самолет «С-130», десантирующий игроков, был заменен на самолёт «Xian Y-20» производства КНР, а на аэродроме был выставлен новейший истребитель 5 поколения J-20. Этот тренд подхватили и другие компании — после первоначального разгрома PUBG была создана масса нелегальных клонов шутера, в которых были включены политические лозунги генерального секретаря Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина, а игровой процесс был изображен как китайские военные учения, где акцент был сделан на мощи НОАК [Исследование военной культуры...].

Будущее китайской игровой промышленности

С началом бума китайского IT-сектора, разработчики в основном концентрировались на быстро растущем внутреннем рынке и игнорировали зарубежную аудиторию. Тем не менее, скоро этот

сверхбыстрый рост подойдет к концу, и компаниям придется искать аудиторию за границей, если они хотят расширить свою долю рынка.

Экспансия страны на внешние рынки началась как составная часть пути Китая к IT-величию: Tencent в феврале 2011 г., за 400 млн долл. приобрел 93 % акций Riot Games, и выкупил оставшиеся 7 % в конце 2015 г.; кроме этого, компания владеет 40 % акций Epic games, 84 % акций Supercell и является миноритарным акционером в ряде других крупных компаний. Perfect World Games, NetEase, Duoyi Network сотрудничают с рядом крупных западных издателей по локализации игр в КНР. При продолжении настоящего тренда по приобретению долей в западных компаниях и росте популярности игр среди населения, с большой вероятностью можно утверждать, что видеоигры в среднесрочном периоде станут самым удобным инструментом экспорта культуры Китая на Запад [Video games may become...]. Однако методы мягкой силы, используемые на внешнем рынке, будут кардинально отличаться от пропаганды на домашнем поле. На нынешнем этапе главным инструментом по «открытию Китая» для иностранной аудитории станут игры, основанные на китайской традиционной культуре.

Игры по азиатской культуре — очень успешная тема среди западной аудитории: так японские проекты, посвященные героям прошлого (Призрак Цусимы, Nioh, Sekiro Shadows Die Twice) собирают большие продажи и высоко оцениваются критиками. Из перспективных китайских проектов такой игрой может стать высокобюджетный проект «Black Myth: Wu Kong» от китайской студии Game Science, чей сюжет основан на романе «Путешествие на Запад». Игровой ролик собрал более 10 миллионов просмотров на Bilibili и 2 млн просмотров на YouTube, в комментариях зрители активно делились своими эмоциями от просмотра. Игровая промышленность КНР в рамках стратегии «Сделано в Китае 2025» при дальнейшем переходе экономики КНР в постиндустриальную эпоху, вполне может стать если не мировым лидером, то значимым игроком в мировой игровой промышленности. На фоне экономической войны и эскалации конфронтации КНР с США разумно предположить, что развитие игрового рынка будет занимать лидирующие позиции в сфере IT-продуктов, где все больше будет цениться цифро-

вой суверенитет. Политизация этого сектора экономики не оставляет сомнений, тем самым доказывая, что актуальность игр, как нового проводника мягкой силы (и пропаганды) будет только расти.

Библиографический список

Лю Сяомин, Е Сяофэн. Цзечжу Шоуцзи Юси Схуаньбо Цзюньши Вэньхуа Чутань : [Исследование военной культуры с помощью мобильных игр]. URL: <https://bit.ly/2Jsnzlx> (дата обращения: 20.10.2020) (На кит.)

Цун «Дяньцзы хайлоинь» Дао «Чжунго схуанцао»: [От «электронного героя» до «сделано в Китае»]. URL: <https://bit.ly/2GgDeTF> (дата обращения: 20.10.2020) (На кит.)

Fung A. Y. H., Liao S. X. The Emergence of Youth Culture in China and the Rise of the Chinese Game Market. Video Games Around the World, 2015. P. 119—124

Jou Eric. Red Games Are Patriotic Communist Games That Always Have China Winning. URL: <https://bit.ly/2T17ObZ> (дата обращения: 20.10.2020).

Liboriussen B., Martin P. Games, and gaming in China // Games and Culture, 2016. Pp. 227—232. DOI:10.1177/1555412015615296

Liu Caiyu. China sets up online game ethics committee. URL: <https://bit.ly/2HQU3oI> (дата обращения: 20.10.2020).

Minter Adam. Video games may become China's best cultural export. URL: <https://bit.ly/2THO5sZ> (дата обращения: 20.10.2020).

Philips Tom. «Electronic heroin»: China's boot camps get tough on internet addicts. URL: <https://bit.ly/2HTpUWd> (дата обращения: 20.10.2020).

Total number of game users in China from 2008 to 2019 // Statista 2020 URL: <https://bit.ly/2TPe55z> (Дата обращения 20.10.2020).

Opinions concerning Launching a Special Campaign to Bring Electronic Gaming Business Venues under Control. URL: <https://bit.ly/31YoCQw> (дата обращения: 20.10.2020).

Xiaochun Zhang. Censorship and Digital Games Localization in China // Translators' Journal, 2012. P. 338—350. DOI: 10.7202/1013949ar

Xiaochun Zhang. 'Harmonious' games localization for China // Bristol Multilingual Computing, 2008. P. 47—50.

Yanshu, Gao Yingtong Liu. Soft Power and the Online Games: A View on the Concept of Moral Education // Studies in Foreign Education, 2007. P. 12—24.

References

Cong “dianzi hailuoyin” dao “zhongguo chuangzao”: [From “Electronic Heroin” to “Made in China”]. URL: <https://bit.ly/2GgDeTF> (accessed: 20 October, 2020) (In Chinese).

Fung A. Y. H., Liao S. X. (2015) The Emergence of Youth Culture in China and the Rise of the Chinese Game Market. Video Games Around the World. P. 119—124.

Jou Eric Red Games Are Patriotic Communist Games That Always Have China Winning. URL: <https://bit.ly/2T17ObZ> (accessed: 20 October, 2020).

Liboriussen B., Martin P. (2016) Games, and gaming in China. *Games and Culture*. Pp. 227—232. DOI: 10.1177/1555412015615296

Liu Caiyu China sets up online game ethics committee. URL: <https://bit.ly/2HQU3oI> (accessed: 20 October, 2020).

Liu Xiaoming, Ye Xiaofeng Jiezhū shouji youxi chuanbo junshi wenhua chutan: [A Preliminary Study on Spreading Military Culture by Means of Mobile Games]. URL: <https://bit.ly/2Jsnzlx> (accessed: 20 October, 2020) (In Chinese).

Minter Adam Video games may become China's best cultural export. URL: <https://bit.ly/2THO5sZ> (accessed: 20 October, 2020).

Philips Tom «Electronic heroin»: China's boot camps get tough on internet addicts. URL: <https://bit.ly/2HTpUWd> (accessed: 20 October, 2020).

Total number of game users in China from 2008 to 2019 // Statista 2020. URL: <https://bit.ly/2TPE55z> (accessed 20 October, 2020).

Opinions concerning Launching a Special Campaign to Bring Electronic Gaming Business Venues under Control. URL: <https://bit.ly/31YoCQw> (accessed: 20 October, 2020).

Xiaochun Zhang (2012) Censorship and Digital Games Localization in China *Translators' Journal*. Pp. 338—350. DOI: 10.7202/1013949ar.

Xiaochun Zhang (2008) 'Harmonious' games localization for China *Bristol Multilingual Computing*. P. 47—50.

Yanshu, Gao Yingtong Liu (2007) Soft Power and the Online Games: A View on the Concept of Moral Education *Studies in Foreign Education*. P. 12—24.

Л.В. Захарова

ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ КНДР КАК СЛЕДСТВИЕ ОБОСТРЕНИЯ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2016—2017 гг.¹

Аннотация. В статье рассматривается изменение структуры внешней торговли КНДР после введения в отношении нее односторонних и международных санкций в 2016—2017 гг. Официальные северокорейские данные о структуре товарооборота не доступны, поэтому в исследовании используются статистические материалы, ежегодно собираемые и публикуемые южнокорейской государственной организацией КОТРА, а также данные Министерства объединения РК по межкорейской торговле.

Проводится сравнительный анализ товарной и географической структуры внешней торговли КНДР до введения санкций (2015—2016 гг.) и после него (2019 гг.). В результате введенных СБ ООН ограничений товарная структура экспорта КНДР ожидаемо изменилась: резко сократилась доля минеральных продуктов, текстильных изделий и сельскохозяйственных товаров. В этих условиях северные корейцы попытались нарастить незапрещенные виды экспорта, увеличив, например, вывоз часов, париков, медицинских инстру-

---

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020

ментов, обуви и головных уборов. Из-за запрета со стороны СБ ООН КНДР фактически перестала покупать различные виды промышленного оборудования, а также средства наземного транспорта. Сделан вывод о замыкании экономических связей Северной Кореи на Китае.

Пхеньян довольно быстро приспособился к изменению условий торговли, находя лазейки и серые зоны в санкционном режиме, а также используя информационные технологии для заработка валюты и проведения необходимых внешнеторговых операций. При этом для покрытия двухмиллиардного дефицита внешнеторгового баланса необходимо получать внешнее содействие в виде помощи или кредитов (прежде всего, со стороны Китая), либо зарабатывать валюту нелегальными способами.

Ключевые слова: КНДР, внешняя торговля, санкции, китайско-северокорейская торговля, межкорейское сотрудничество.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, и.о. ученого секретаря ИДВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Zakharova L. V.

Changes in the DPRK's Foreign Trade as a Consequence of Tensions on the Korean Peninsula in 2016—2017¹

Abstract. The article examines changes in the structure of the DPRK's foreign trade after the introduction of unilateral and international sanctions against the country in 2016—2017. Official North Korean data on the trade structure are not available, so the study is based on statistical materials annually collected and published by KOTRA (South Korean government organization), as well as data on inter-Korean trade from the Ministry of Unification of the Republic of Korea.

The author carries out a comparative analysis of the commodity and geographical structure of the DPRK's foreign trade before the sanctions were introduced and after it. As a result of the UN Security Council sanctions the share of mineral products, textiles and agricultural products dropped sharply in the DPRK's exports. In these conditions, North Koreans have tried to increase non-banned exports, for example, by increasing the export of watches, wigs, medical instruments, shoes and hats.

---

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00020.

Due to the ban of the UN Security Council, the DPRK almost stopped buying various types of industrial machinery, as well as transportation vehicles. The article concludes that North Korea's external economic ties are currently fixed on China.

Pyongyang needs to take various measures to finance the significantly increased deficit of foreign trade as a result of the restrictions adopted by the ROK and the UN Security Council. North Korea quickly adapted to the changing conditions, finding loopholes and gray areas in the sanctions regime, as well as using modern technology to earn currency and conduct necessary foreign trade operations. To cover the two billion deficit in the foreign trade, the DPRK requires external assistance in the form of grants or loans (primarily from China), or has to earn currency by illegal means.

Keywords: DPRK, foreign trade, sanctions, Sino-North Korean trade, inter-Korean cooperation.

Author: Liudmila V. ZAKHAROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: ludmila_hph@rambler.ru).

Первая половина 2010-х гг. ознаменовалась существенным ростом общего объема внешней торговли КНДР: он увеличился с 6 млрд долл. в 2010 г. до почти 9 млрд долл. в 2015 г. (включая межкорейский товарообмен). Среди особенностей этого периода можно выделить:

- хронический дефицит торгового баланса, который покрывался в том числе за счет экспорта услуг рабочей силы;
- основу экспорта составляли полезные ископаемые (прежде всего, уголь-антрацит), а также текстильные товары (производимые по каналам сотрудничества на давальческом сырье);
- прирост объема импорта в значительной мере достигался за счет ввоза товаров обрабатывающей промышленности;
- важным партнером была Южная Корея по линии кооперации в Кэсонском промышленном комплексе, а более 90 % всего товарооборота приходилось на двух главных партнеров — Китай и РК. При этом модель экономического сотрудничества КНДР с РК имела более прогрессивный характер для Северной Кореи, чем торговля с главным партнером Китаем. В северокорейском экспорте в РК две трети составляла именно гото-

вая продукция (текстильные товары и детали электрооборудования). В то же время большая часть экспорта КНДР в Китай приходилась на полезные ископаемые и продукцию с низкой степенью обработки [Захарова, 2013].

Несмотря на закрепившейся в массовом сознании образ Северной Кореи как закрытой страны, КНДР отнюдь не оказывалась от расширения внешнеэкономических обменов. Лидер страны Ким Чен Ын подчеркивал, что необходимо укреплять доверие и устранять однобокость во внешней торговле, а также улучшать структуру торговли в направлении увеличения доли экспорта готовых товаров, технологий и услуг. Однако 2016—2017 гг. ознаменовались для КНДР рядом событий, оказавших существенное влияние на ее внешнюю торговлю совсем в ином направлении. Проведенные ядерные испытания (6 января 2016 г., 9 сентября 2016 г., 3 сентября 2017 г.), а также запуски межконтинентальных баллистических ракет вызвали резко негативную реакцию окружающих стран и СБ ООН. Введённые в ответ международные и односторонние санкции привели к кардинальной смене структуры товарооборота Северной Кореи с внешним миром, а также резкому сокращению его объемов.

10 февраля 2016 г. Южная Корея объявила о своем решении закрыть Кэсонский промышленный комплекс, годовой объем производства которого в 2015 г. превысил 500 млн долл. Это привело к полному прекращению экономического сотрудничества между Северной и Южной Кореей.

Пять санкционных резолюций СБ ООН 2016—2017 гг. затронули около 90 % северокорейского экспорта и 30 % импорта страны. В результате введенных ограничений доступа на мировой рынок лишились основные экспортные товары КНДР, а импорт энергоносителей и многих видов промышленных товаров оказался ограничен или даже запрещен [Захарова, 2019].

Еще одним фактором, оказывающим влияние на внешнеэкономические связи КНДР, являются американские экономические санкции, действие которых насчитывает уже несколько десятков лет. При этом с 2016 г. Вашингтон начал использовать «вторичные санкции» против юридических и физических лиц третьих стран (например, Китая или России), ведущих торговлю с Северной Кореей [Koen and Veom]. Опасность оказаться в «черном списке» США вы-

нуждает многих иностранцев отказываться от любых операций, в которых фигурирует КНДР.

Официальные северокорейские данные о структуре товарооборота не доступны, однако информацию о состоянии связей КНДР с отдельными государствами можно также получить у ее торговых партнеров — в виде их таможенной статистики. Аккумулятиванием и анализом этой «зеркальной» статистики занимается южнокорейская государственная организация КОТРА. Полученные результаты публикуются в ее ежегодном докладе «Тенденции внешней торговли Северной Кореи» [КОТРА]. При этом они не учитывают межкорейскую торговлю, которая в 2015 г. составляла 2,71 млрд долл. [Ministry of Unification]. Данные о товарообмене между Севером и Югом собираются и публикуются Министерством объединения РК. Объединенная статистика из двух указанных источников приведена в табл. 1.

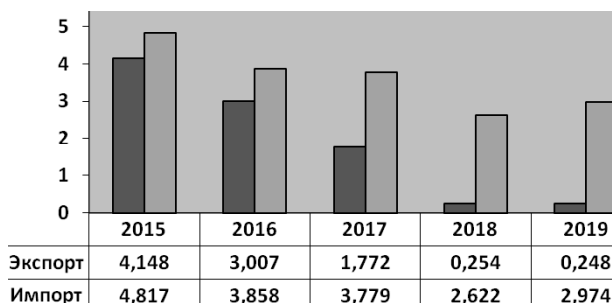
Таблица 1. Внешний товарооборот КНДР в 2010—2019 гг., млрд долл.

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт*	1,513	2,789	2,880	3,218	3,164	2,696	2,821	1,772	0,243	0,278
Экспорт в Южную Корею**	1,044	0,914	1,074	0,615	1,206	1,452	0,186	0	0,011	0
Общий экспорт	2,557	3,703	3,954	3,833	4,370	4,148	3,007	1,772	0,254	0,248
Импорт*	2,661	3,568	3,931	4,126	4,446	3,555	3,711	3,778	2,601	2,967
Импорт из Южной Кореи**	0,868	0,800	0,897	0,521	1,136	1,262	0,147	0,001	0,021	0,007
Общий импорт	3,529	4,368	4,828	4,647	5,582	4,817	3,858	3,779	2,622	2,974
Внешний товарооборот*	4,174	6,357	6,811	7,344	7,610	6,251	6,531	5,550	2,843	3,245
Межкорейская торговля**	1,912	1,714	1,971	1,136	2,343	2,714	0,333	0,001	0,031	0,007
Общий внешний товарооборот	6,086	8,071	8,782	8,480	9,952	8,961	6,865	5,551	2,876	3,222
Баланс общего товарооборота	-972	-665	-874	-814	-1,212	-669	-851	-2,007	-2,368	-2,726

Источники: составлено автором на основе данных КОТРА и Министерства объединения РК.

* [КОТРА, 2020].

** [Ministry of Unification].

Диаграмма 1. Динамика экспорта и импорта КНДР в 2015—2019 гг. (включая межкорейскую торговлю), млрд долл.

Из табл. 1 (и диаграммы 1) видно, что с 2016 г. начинается резкое снижение общего объема внешнего товарооборота КНДР: в 2016 г. сокращение составило около 23 % (по сравнению с предшествовавшим годом), в 2017 г. — 19 %, в 2018 г. — 48 %. Особенно сильно падение коснулось экспортных поставок: с 2015 г. по 2018 г. общий объем экспорта сократился на 93 % (с 4,1 млрд долл. до 254 млн долл.), в то время как импорт снизился на 45 % (с 4,8 млрд долл. до 2,6 млрд долл.). В 2019 г. объем экспорта стабилизировался на уровне 248 млн долл. (-2 %), а импорт увеличился на 13 % до 2,974 млрд долл. В результате дефицит торгового баланса КНДР с 2017 г. стал устойчиво превышать 2 млрд долл. Об источниках финансирования столь значительного дефицита было высказано большое количество предположений — от продолжения запрещенных санкциями видов деятельности (экспорт угля и рабочей силы, например) для заработка иностранной валюты до махинаций с криптовалютами и хакерских атак на финансовые учреждения [Толорая, Коргун и др.].

Изменение структуры внешней торговли КНДР: товарная номенклатура

После прекращения сотрудничества по линии Кэсонского промышленного комплекса (КПК) из товарооборота КНДР выпал импорт сырьевых и промежуточных товаров из Южной Кореи, а также

экспорт в РК произведенных из них готовых изделий. За пределами КПК в 2016 г. экспорт Северной Кореи более чем на 75 % состоял из полезных ископаемых и текстильных изделий. Структура импорта в 2016 г. была более диверсифицирована и включала как сырье и товары производственного назначения, так и продукцию широкого потребительского спроса (табл. 2 и 3 это наглядно демонстрируют).

Таблица 2. Доля 5 крупнейших категорий в экспорте КНДР в 2016–2019 гг. (по данным КОТРА), в % от общего объема экспорта (без межкорейской торговли)

Основные категории экспорта	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Минеральные продукты	51,67 %	36 %	20 %	12 %
Текстильные изделия	26,67 %	33 %	1,3	1,7 %
Продукция животного происхождения	6,97 %	9 %	0,2 %	0,3 %
Продукция растительного происхождения	2,5 %	6 %	5 %	0,8 %
Недрагоценные металлы и изделия из них	5,09 %	5 %	16 %	14,5 %
Машины, оборудование и механизмы	2,57 %	3 %	5 %	6,1 %
Часы; инструменты и аппараты оптические, медицинские и т. п.	0,5 %	1 %	19 %	25 %
Обувь и головные уборы	0,2 %	1 %	12 %	15 %
Продукция химической промышленности	1,2 %	1,4 %	6 %	8 %

Источники: составлено авторов по данным [КОТРА, 2017], [КОТРА, 2020].

В результате введенных СБ ООН санкций товарная структура экспорта КНДР ожидаемо изменилась (по крайней мере, по официальным данным таможенных органов стран-партнеров): резко сократилась доля минеральных продуктов, текстильных изделий и сельскохозяйственных товаров, так как большая часть из них была запрещена к вывозу. В этих условиях северные корейцы попытались нарастить незапрещенные виды экспорта, увеличив, например, вывоз часов, париков, медицинских инструментов, обуви и головных уборов. Однако объем этого экспорта в 2019 г. составил лишь около 10 % от экспорта КНДР за 2015 г.

Таблица 3. Доля 5 крупнейших категорий в импорте КНДР в 2016—2019 гг., по данным КОТРА, в % от общего объема импорта (без межкорейской торговли)

Основные категории импорта	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Текстильные изделия	20 %	21 %	21 %	22 %
Машины, оборудование и механизмы	16 %	16 %	0,6 %	0,2 %
Минеральные продукты	12 %	11 %	14 %	12 %
Пластмассы и резина	8 %	8 %	11 %	11 %
Недрагоценные металлы и изделия из них	7 %	5,9 %	0,2 %	0,1 %
Транспортные средства	7 %	5,5 %	0,1 %	0 %
Жиры и масла	5,6 %	8 %	15 %	14 %
Продукты растительного происхождения	4,8 %	4,3 %	8,5 %	10 %
Продукция химической промышленности	5 %	5 %	10 %	9 %

Источники: составлено авторов по данным [КОТРА, 2017], [КОТРА, 2020].

В импорте Северной Кореи произошли менее разительные, но крайне важные для экономики страны перемены. Из-за запрета со стороны СБ ООН КНДР фактически перестала покупать различные виды промышленного оборудования, средства наземного транспорта и некоторые металлы.

Здесь необходимо сделать важное уточнение. Цифры официальной статистики таможенных служб торговых партнеров Северной Кореи могут не отражать всей полноты картины внешних связей страны. КНДР не признает законность введенных против нее международных ограничений и продолжает вести внешнеэкономическую деятельность всеми доступными способами, включая перевалку грузов с судна на судно в открытом море, нелегальные поставки запрещенных товаров, использование посредников и подставных фирм для проведения расчетов. Г.Б. Булычев и И.А. Коргун считают, что перевод внешнеэкономической деятельности КНДР в нелегальную сферу стал основным достигнутым эффектом санкций [Булычев, Коргун].

В докладе Группы экспертов, учрежденной резолюцией СБ ООН 1874 (2009), от 02.03.2020, в частности, отмечается, что КНДР нарушает санкции, незаконно импортируя нефть и продукты нефтепереработки сверх установленных пределов, продолжает закупать предметы роскоши и другие предметы, подпадающие под санкции, включая автомобили класса «люкс», алкогольные напитки и промышленных роботов, а также незаконно экспортирует по морю сырьевые товары, в частности уголь и песок. Однако масштабы подобной «теневого торговли» не могут превышать показателей «до-санкционного» периода, поскольку требует существенно больших расходов на транзакционные издержки и в целом носят рискованный характер, так как все меньше зарубежных компаний согласны иметь связи с Северной Кореей.

Изменение структуры внешней торговли КНДР: круг партнеров

Круг ключевых внешнеторговых партнеров КНДР ожидаемо сузился. Если в 2015 г. на Китай приходилось почти 64 % всего товарооборота Северной Кореи (5,71 млрд долл.), а на Южную Корею — 30 % (2,71 млрд долл.), то в 2016 г. на Китай пришлось уже 88 % (6,06 млрд долл.), а на РК — менее 5 % (0,3 млрд долл.). В 2019 г. доля Китая составила уже более 95 % (3,1 млрд долл.), а доля РК — 0 %.

В 2015 г. в первую десятку торговых партнеров КНДР с долей более 1 %, по данным КОТРА, входили Россия (1,35 %) и Индия (1,22 %), с долей менее 1 % — Тайланд (0,8 %), Украина (0,57 %), Тайвань, Сингапур, Филиппины, Пакистан, Гонконг. В 2019 г. на втором месте после Китая по-прежнему была Россия (1,5 %). Далее следовали Вьетнам (0,86 %), Индия (0,36 %), Бразилия (0,33 %), Бангладеш (0,1 %), Швейцария, Пакистан, ЮАР, Нигерия. Таким образом, в результате введенных в 2016—2017 гг. ограничений внешняя торговля КНДР окончательно замкнулась на Китае при статистически маргинальной доле остальных партнеров. При этом и до ужесточения санкций КНДР часто играла для Северной Кореи роль своеобразного «окна в мир», через которое Пхеньян мог купить/

продать многие товары некитайского производства. А после введения жестких ограничений появлялись сообщения о возможном ре-экспорте северокорейских товаров в Европу и другие регионы мира, а также отправке в КНДР запрещенных товаров роскоши через китайские таможенные склады [Fromer].

* * *

На первый взгляд, изменения во внешней торговле КНДР полностью соответствуют ожиданиям авторов санкционных ограничений. Коммерческий товарооборот с РК полностью прекратился, экспорт КНДР сократился более чем на 90 %, а импорт — почти на 50 %. Эксперты Института экономики РАН оценивают общий негативный эффект санкций (включая экспортные ограничения и запрет на использование труда северокорейских рабочих за рубежом) в 4,6—8,2 млрд долл., что составляет примерно 20—25 % оценочного значения ВВП КНДР [Толорая, Коргун]. В то же время Пхеньян довольно быстро приспособился к изменению условий торговли, находя лазейки и серые зоны в санкционном режиме, а также используя современные технологии для заработка валюты и проведения необходимых для государства внешнеторговых операций.

Еще одним важным фактором стало благосклонное отношение Пекина к экономическим отношениям с Северной Кореей в 2018—2019 гг., несмотря на введенные санкции СБ ООН. При этом для покрытия двухмиллиардного дефицита внешнеторгового баланса КНДР необходимо получать внешнее содействие в виде помощи или кредитов (прежде всего, со стороны Китая), либо зарабатывать валюту нелегальными способами.

Библиографический список

Бульчев Г.Б., Коргун И.А. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 64—75.

Захарова Л.В. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14 .№ 2. С. 223—244.

Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в 21 веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2013. С. 82—97.

Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.

Fromer J. Millions of dollars' worth of exports to China likely rerouted to North Korea. // NK PRO. May 12, 2020. URL: <https://www.nknews.org/pro/millions-of-dollars-worth-of-exports-to-china-likely-rerouted-to-north-korea/> (дата обращения: 12.05.2020).

Koen, V. and J. Beom (2020), "North Korea: The last transition economy?" OECD Economics Department Working Papers, No. 1607, OECD Publishing, Paris. 47 p. (p. 19). URL: <https://doi.org/10.1787/82dee315-en> (дата обращения: 10.10.2020).

KOTRA (Korea Trade-Investment Promotion Agency). 2016 пукхан тэвэмүёк тонхян: [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2016 г.]. Сеул. 2017. (на кор. яз.) URL: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataList.do?setIdx=249> (дата обращения: 15.11.2020).

KOTRA (Korea Trade-Investment Promotion Agency). 2019 пукхан тэвэмүёк тонхян: [Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2019 г.]. Сеул. 2020. (на кор. яз.) URL: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataList.do?setIdx=249> (дата обращения: 15.11.2020).

Ministry of Unification, Republic of Korea. Inter-Korean Exchanges & Cooperation. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/ (дата обращения: 15.11.2020).

References

Bulychev, G.B., Korgun, I.A. (2019). Sanktsii i ikh posledstviya dlya trgovli i ekonomiki KNDR [Sanctions and Their Implications for the DPRK's Trade and Economy] // *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5 (2), p. 64—75.

Fromer, J. (2020). Millions of dollars' worth of exports to China likely rerouted to North Korea // NK PRO. URL: <https://www.nknews.org/pro/millions-of-dollars-worth-of-exports-to-china-likely-rerouted-to-north-korea/> (accessed: May 12, 2020).

Koen, V. and J. Beom (2020), "North Korea: The last transition economy?" OECD Economics Department Working Papers, no. 1607, OECD Publishing, Paris. 47 p. URL: <https://doi.org/10.1787/82dee315-en> (accessed: October 10, 2020).

KOTRA (2017). 2016nyon pukhan daewoemuyok donghyang [Trends in North Korea's foreign trade in 2016]. Seoul. URL: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/>

---

kotranews/787/globalBbsDataList.do?setIdx=249 (accessed: November 15, 2020) (In Korean).

KOTRA (2020). 2019nyon pukhan daewoemuyok donghyang [Trends in North Korea's foreign trade in 2019]. Seoul. URL: <https://news.kotra.or.kr/user/globalBbs/kotranews/787/globalBbsDataList.do?setIdx=249> (accessed: November 15, 2020) (In Korean).

Ministry of Unification, Republic of Korea. Inter-Korean Exchanges & Cooperation. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/ (accessed: November 15, 2020).

Toloraya, G.D., Korgun, I.A., Gorbacheva, V.O. (2020). Sanktsii v otnoshenii KNDR: analiz posledstviy i uroki. Nauchnyi doklad. [Sanctions against DPRK: Consequences and Lessons. Scientific report], Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 46 p.

Zakharova, L.V. (2013). Vneshneekonomicheskie svyazi KNDR v 21 veke i perspektivy ikh razvitiya pri Kim Chen Yne [Foreign Economic Relations of the DPRK in the 21st Century and the Prospects for their Development under Kim Jong-un] // *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 82–97.

Zakharova, L.V. (2019). Vliyaniye sanktsii Soveta Bezopasnosti OON na ekonomiku KNDR [The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy]. *International Organizations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 192–211. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-09.

К.А. Корнеев

ИНСТИТУТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ

Аннотация. Восточноазиатские экономики характеризуются сильной институциональной инерцией. Это значит, что изменения в институциональной структуре имеют больше догоняющий, а не опережающий характер. Для «догоняющей» модели свойственна ситуация, когда новый институт закрепляет уже фактически осуществившиеся изменения. «Опережающая» же модель подразумевает, что институт сам по себе может стимулировать такие изменения. Каждая из стран Восточной Азии обладает определённой институциональной спецификой, однако в настоящей статье речь пойдёт об институтах энергетической политики Японии. Данные институты неоднократно претерпевали существенные изменения под воздействием эволюционных преобразований (реформ), а также после техногенных катастроф, крупнейшей из которых является авария на АЭС «Фукусима-1».

Без сомнения, Япония и раньше сталкивалась с такого рода вызовами, но эта крупнейшая авария заставила правительство страны серьёзно пересмотреть стандарты безопасности атомной энергетики и усилить роль формальных институтов в управлении работой

АЭС, внести существенные коррективы в энергетические планы и стратегии, а также расширить государственную поддержку частного энергетического бизнеса. Законы, регулирующие деятельность электроэнергетических компаний, также подверглись значительному пересмотру и актуализации. На первый план после 2011 г. вышла проблема достижения хотя бы частичной энергетической независимости, для чего требовалась разработка государственных научно-технических программ, не считая дополнительных мер по стимулированию развития возобновляемой и водородной энергетики. Другие страны региона, преимущественно Китай и Республика Корея, в формировании своей энергетической политики во многом опираются на этот актуальный японский опыт.

Ключевые слова: Япония, внутренние энергетические рынки, институты энергетической политики, стратегическое развитие.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: k_korneev@mail.ru

Korneev K.A.

Energy Policy Institutions of East Asian countries by the example of Japan

Abstract. East Asian economies are characterized by a strong institutional inertia. This means that changes in the institutional structure are mostly passive than complementary. The “passive” model is defined by a situation when the new institution fixes the changes that have actually been implemented. The “complementary” model implies that the institution itself can encourage such changes. Each of the East Asian countries has a certain energy specificity, which directly affects the institutional structure. However, this article focuses on Japan’s energy policy institutions. Such institutions have repeatedly undergone significant changes under the influence of evolutionary transformations, as well as after man-made disasters, the largest of which is the Fukushima nuclear disaster.

No doubt Japan has faced this kind of challenge before, but this destructive accident forced the Japanese government to seriously review nuclear safety standards and strengthen the role of formal institutions in managing nuclear power plants, make significant adjustments to energy plans and strategies, and expand government support for private energy business. Laws regulating the activities of electric power companies have

also been significantly revised and updated. After 2011, the problem of achieving at least partial energy independence became highly urgent, and it required the development of state scientific and technical programs, not mentioning additional measures to stimulate the development of renewable and hydrogen energy sectors. Other countries in the region, mainly China and the Republic of Korea, rely heavily on this relevant Japanese experience in shaping their energy policy.

Keywords: Japan, domestic energy markets, energy policy institutions, strategies of development.

Author: Konstantin A. KORNEEV, Cand. of Sciences (World History), Senior Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: k_korneev@mail.ru).

Для стран Восточной Азии (ВА) формирование и проведение взвешенной энергетической политики является первоочередным вопросом национальной безопасности. Однако главным объединяющим фактором является всё же зависимость стран ВА от импорта энергоресурсов. Если в Китае есть собственные запасы нефти, угля и природного газа, что позволяет ему обеспечивать около трети потребности в первичных энергоресурсах, то Япония и Республика Корея практически полностью зависят от поставок из-за рубежа.

Акцент на исследовании именно японского опыта объясняется не только статусом Японии как крупной энергетической державы, добившейся высокого уровня развития в сложных природно-географических условиях, но и наличием чёткой стратегии перспективного развития энергетики, учитывающей большое значение новых энергетических технологий для успешного осуществления запланированных изменений в будущем.

По основным показателям надёжности энергетики Японии стабильно занимает одно из ведущих мест в мире. Серьёзное отношение к энергетической безопасности в Японии объясняется высокой вероятностью землетрясений и цунами, которые неоднократно наносили существенный ущерб инфраструктуре страны. Самым сложным испытанием для японской энергетики стала авария на АЭС «Фукусима», произошедшая в марте 2011 г. В результате аварии все атомные электростанции (до 30 % в общей структуре выработки электроэнергии в 2010 г.) были постепенно остановлены.

Однако вывод АЭС из эксплуатации не стал причиной серьёзного энергетического кризиса. Электроэнергетические компании задействовали все имеющиеся «горячие» резервы на ТЭС, а также расконсервировали и запустили находящиеся в «холодном» резерве топливные станции постройки 1960—1980 гг. Норматив содержания «холодных» резервов в Японии составляет порядка 20—30 % (один из самых высоких показателей среди развитых стран) в зависимости от префектуры, и, как показала практика, безусловная необходимость в этом имеется [Vivoda].

Важной характеристикой институтов управления японской энергетикой вообще является то, что изменение формальной части институциональной структуры — законов и подзаконных актов — носит догоняющий характер. В большинстве случаев это выглядит как неспешное реагирование на сигналы рынка. В качестве примера можно привести допуск независимых производителей электроэнергии (НПЭ) к торговле электроэнергией с потребителями напрямую, минуя региональных монополистов. Потребовалось более 10 лет (с середины 1990-х до середины 2000-х), чтобы порядка 70 % промышленных и коммерческих потребителей в Японии (розничный рынок либерализации не подвергался) получили формальное право выбора поставщика [Kooyama].

Необходимо также выделить особенность институциональной вертикали японской энергетики: префектуры обладают большими полномочиями. Без разрешения правительства префектуры невозможно сооружение и эксплуатация крупных объектов энергетической инфраструктуры. В свою очередь, власти префектур опираются на такой неформальный институциональный фактор, как *общественное мнение* проживающих на их территории граждан. Именно поэтому правительству до сих пор не удалось запустить АЭС в большинстве префектур, хотя влиятельные представители правящей Либерально-демократической партии Японии неоднократно высказывались за частичное возобновление атомной генерации [Nuclear Power in Japan...].

Из этого можно сделать вывод, что общественное мнение может оказывать существенное влияние на текущую энергетическую политику Японии. Этот фактор не является статичным и со временем подвергается значительной трансформации в результате изменения

внутриэкономической и политической конъюнктуры. Тем не менее, очевидно, что при анализе влияния институциональной структуры на формирование контуров энергетической политики Японии в долгосрочной перспективе этот фактор должен обязательно учитываться.

Базовым законом, определяющим основные принципы управления электроэнергетической отраслью, является закон «Об Электроэнергетике», принятый в 1952 г. (по ссылке доступна редакция 1964 г.). В него неоднократно вносились поправки, однако системообразующими необходимо признать поправки от 1999 и 2003 гг., которые и определили современное состояние японской электроэнергетики как «монополии с ограниченной конкуренцией в сфере генерации». Закон формирует общие контуры, текущее же регулирование осуществляется с помощью подзаконных актов центрального правительства, а также постановлений органов власти префектур [Japan Electricity Business Act].

Ещё одним важным документом, на основе которого осуществляется деятельность электроэнергетических компаний, является акт «О деятельности на электроэнергетическом рынке». Этот документ определяет границы ответственности электроэнергетических компаний в сфере генерации, передачи и распределения электроэнергии, формирует правовую среду для взаимодействия компаний с центральными и региональными контролирующими организациями, обуславливает базовые принципы тарифообразования [Japan Electricity Utility Industry Law].

Эти два закона формируют чёткую структуру японской электроэнергетической отрасли и регулируют сложную систему взаимосвязей между монопольным сегментом, в который входят 10 региональных вертикально-интегрированных компаний (70 % генерирующих мощностей, 100 % контроля над ЛЭП и распределительной сетевой инфраструктурой), и рыночным (около 30 % генерирующих мощностей). Значение и масштаб последнего постепенно возрастало в результате проводимых с конца 1990-х гг. реформ, и, согласно плану японского правительства, к 2025 г. в стране должен заработать полностью конкурентный электроэнергетический рынок, причём доля независимых производителей электроэнергии составит не менее 60 % от суммарной ежегодной выработки [Wang].

Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в июле 2018 г. одобрило очередную редакцию Основного энергетического плана (ОЭП) — комплексного документа, охватывающего ключевые направления развития энергетики страны до 2035 г. Следует отметить, что впервые такой план был принят японским правительством в середине 1970-х гг; ни в Китае, ни в Южной Корее аналогичного по масштабам и значению документа долгое время не существовало, а отраслевые (либо общие правительственные) планы носили прикладной характер и не в полной мере отвечали задачам стратегического развития энергетики этих стран. Лишь с начала 2000-х гг. Республика Корея и Китай стали уделять должное внимание комплексному энергетическому планированию, но здесь необходимо добавить, что в Китае до сих пор нет единого Министерства энергетики, и его функции неравномерно распределены между другими министерствами и ведомствами.

Согласно японскому ОЭП, к 2030 г. доля возобновляемой генерации в общей структуре выработки электроэнергии (ГЭС, ГАЭС, другие ВИЭ, распределённая генерация населения и коммерческого сектора) должна вырасти до 22—24 % с 11 % в 2017 г. Доля ТЭС, работающих на нефти, газе и угле составит 54—56 %, доля атомной энергетики — 20—22 %. Структурные изменения, однако, не приведут к существенному росту генерации и потребления электроэнергии. Это связано с продолжающейся стагнацией японской экономики, старением населения и практически полным исчерпанием как экстенсивного, так и интенсивного путей стимулирования экономического роста вообще и внутреннего потребления в частности [Japan Strategic Energy Plan].

Основной энергетический план декларирует компромиссный вариант: генерация на АЭС остаётся, но в меньших масштабах, а задача по снижению зависимости от импорта энергоресурсов решается за счёт возобновляемой энергетики. Дополнительным фактором служит ускоренное развитие технологий возобновляемой (и водородной) энергетики. Считается, что активное развитие сектора ВИЭ к тому же станет драйвером роста для сопряжённых отраслей экономики Японии, таких как химическая промышленность и машиностроение.

Понимая, что в силу климатических факторов и высокой сейсмической активности на японских островах отказ от поддержания больших резервов приведёт к энергетическому коллапсу в результате вероятной техногенной катастрофы, японское правительство сформировало институциональную базу для частного энергетического бизнеса в сфере возобновляемой энергетики. В 2009 г. был принят закон, согласно которому региональные компании-монополисты обязывались приобретать электроэнергию у независимых производителей электроэнергии из возобновляемых источников по специальным ценам, превышающим сбалансированную цену по региону на 2—3 % (FIT-тариф). В 2012 г. была разработана гибкая тарифная схема для генераторов возобновляемой энергии в зависимости от типа (сухопутная, морская) и номинальной мощности установок [Feed-in Tariff Scheme in Japan].

Однако долговременного эффекта эти меры не дали — частный бизнес в сфере ВИЭ постоянно сталкивался с противодействием со стороны региональных компаний-монополистов, а также испытывал сложности с привлечением банковских кредитов из-за невысокой ставки возврата инвестиций (в среднем около 10 лет). Поэтому в 2018 г. закупочные тарифы для производителей возобновляемой энергии на основе солнца и ветра были в очередной раз оптимизированы, и составили в среднем 21 йены за кВт·ч, что в целом сопоставимо с аналогичными уровнями в странах ЕС [Japan Reduces FIT Rates for PV Systems...].

Более того, японское правительство приняло программу, поощряющую иностранные инвестиции в возобновляемую энергетику. В 2012—2017 гг. в страну пришли крупные американские, немецкие, датские и норвежские компании. Они активно участвуют в строительстве генерирующих мощностей на основе ВИЭ, оказывают консультационные и проектные услуги. К началу 2018 г., иностранными компаниями было построено примерно 1,4 ГВт возобновляемых мощностей на территории Японии [Japan Wind Farms].

Институты регулирования деятельности компаний в области генерации электроэнергии на основе ВИЭ дополнительно усилили и без того внушительный пакет законодательно-правовых мер, нацеленных на выстраивание эффективной системы управления энергетикой с учётом высоких требований к энергетической безопасности.

Следует повторить, что вопрос безопасности критически важен для Японии, особенно в текущей ситуации непредсказуемости и нестабильности мировых цен на энергоносители, а также общей неустойчивости тенденций развития глобальной экономики в среднесрочной перспективе.

В 2014 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в дополнение к Основному энергетическому плану представило и новый план устойчивого энергетического развития — 3E+S. К нему прилагался список предпочтительных источников энергии — ВИЭ, ядерная энергия и водород. Наличие водорода обуславливалось четырьмя преимуществами: потенциально большой вклад в процесс декарбонизации экономики, снижение зависимости от зарубежных поставщиков ископаемого топлива, возможность использования практически неисчерпаемого источника энергии и также хорошие возможности для развития технологий в смежных отраслях. Затем, в 2017 г., была принята Базовая стратегия развития водородной энергетики — первая в мире государственная стратегия такого рода. Основная цель — сделать Японию передовой «водородной нацией» к 2035—2040 гг. [Arias].

В качестве мер по снижению капитальных затрат на развитие водородной энергетики предлагалось применить два метода: 1) покупка необходимого количества водорода за рубежом в дополнение к внутреннему производству; 2) производство требуемого количества водорода с использованием возобновляемых источников энергии в других странах в кооперации с местными компаниями. Однако на данный момент в Японии пока нет каких-либо законодательных актов и правил, разработанных специально для нужд водородной энергетики. В целом, водород рассматривается как летучий и взрывоопасный газ и подпадает под юрисдикцию закона «О мерах безопасности при эксплуатации газовой инфраструктуры». Например, для производства или хранения водорода требуется разрешение губернатора префектуры, в котором прописываются чёткие объёмы производства и сроки хранения. Кроме того, водород должен транспортироваться и храниться в соответствии с определенными техническими стандартами, перечисленными в положениях закона [Basic Hydrogen Strategy].

К числу принципиально важных документов следует отнести и Стратегию энергетической безопасности Японии. Согласно этой стратегии, предполагается максимальная диверсификация поставок первичных энергоресурсов из-за рубежа, а также общее снижение зависимости от импортируемого топлива. Основная цель — умеренное балансирование страны между ключевыми экспортёрами энергоресурсов в Японию, к которым сейчас относятся монархии Персидского залива и некоторые государства Юго-Восточной Азии (например, Индонезия). Должно увеличиться и значение России — в дополнение к существующим совместным проектам в энергетике (Сахалин-1, Сахалин-2) появятся новые, преимущественно в области производства на российских заводах и транспортировки в Японию сжиженного природного газа (Арктик СПГ-2) [Zhihai].

Таким образом, институты энергетической политики Японии можно считать наиболее развитыми в восточноазиатском регионе. Помимо наличия хорошо проработанных законов, стратегий и планов развития энергетики в целом и отдельных её отраслей, необходимо отметить и чёткую вертикальную структуру управления отраслью. Наверху находится Министерство экономики, торговли и промышленности, в рамках которого действует Агентство природных ресурсов и энергетики — профильный орган, ответственный как за координацию текущей работы, так и за долгосрочное стратегическое планирование. Далее выстроена цепочка к энергетическим компаниям, операторам транспортных систем и провинциальным властям. Достаточно развиты и различные отраслевые союзы — например, в пределах территориальной ответственности региональных компаний-монополистов их деятельность координируется Федерацией электроэнергетических компаний (FEPC) [Electricity Regulation in Japan].

Таким образом, полномочия руководящих структур и механизмы их взаимодействия чётко прописаны в законах и регулирующих актах, также хорошо отработан алгоритм действий в условиях чрезвычайных ситуаций различного характера. Японский опыт, без сомнения, можно считать уникальным даже по мировым меркам, поэтому другие страны региона Восточной Азии, обладающие, как уже упоминалось в начале статьи, схожей энергетической специфи-

кой — в первую очередь Китай и Республика Корея — внимательно этот опыт рассматривают, оценивают и применяют в реализации своих национальных энергетических стратегий.

Библиографический список

Arias, Jonathan. Hydrogen and Fuel Cell in Japan. Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation, 2019. 134 p.

Basic Hydrogen Strategy. Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases, December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_00 (дата обращения: 23.11.2020).

Electricity Regulation in Japan: Overview. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/5-630-3729> (дата обращения: 25.11.2020).

Feed-in Tariff Scheme in Japan. METI Official Presentation Materials, 2012. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/renewable/pdf/summary201207.pdf (дата обращения: 19.11.2020).

Japan Electricity Business Act. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=&vm=02&id=51 (дата обращения: 18.11.2020).

Japan Electricity Utility Industry Law. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/category/electricity_and_gas/electric/summary/regulations/pdf/electricity_utilities_industry_law2003.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry 5th Strategic Energy Plan. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf (дата обращения: 19.11.2020).

Japan Reduces FIT Rates for PV Systems, Down to 21 Yen per kWh. EQ International, March 2017. URL: <https://www.eqmagpro.com/japan-reduces-fit-rates-for-pv-systems-down-to-21-yen-per-kwh/> (дата обращения: 19.11.2020).

Japan Wind Farms Data. URL: https://www.thewindpower.net/country_windfarms_en_11_japan.php (дата обращения: 23.11.2020).

Koyama, Ken. Inside Japan's long-term energy policy // IEEJ Special Article 2, September 2015. P. 42—45.

Nuclear Power in Japan. Critical Mass. The Economist, November 2014. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21630808-country-lurches-towards-nuclear- comeback-critical-mass> (дата обращения: 15.11.2020).

Vivoda, Vlado. Japan's energy security predicament post Fukushima // Energy Policy, 2012. Vol. 46. P. 135—143.

Wang N.; Mogi G. Deregulation, market competition, and innovation of utilities: evidence from Japanese electric sector // *Energy Policy*. 2017. Vol. 111. P 403—413.

Zhihai, Xie. Rethinking Japan's Energy Security 8 Years After Fukushima // *The Diplomat*, March 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/rethinking-japans-energy-security-8-years-after-fukushima/#:~:text=In%20July%202018%2C%20the%20government,to%2024%20percent%20in%202030> (дата обращения: 25.11.2020).

References

Arias, Jonathan (2019). *Hydrogen and Fuel Cell in Japan*. Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation, 134 p.

Basic Hydrogen Strategy. Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases, December 2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_00 (accessed: 23 November, 2020).

Electricity Regulation in Japan: Overview. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/5-630-3729> (accessed: 25 November, 2020).

Feed-in Tariff Scheme in Japan. METI Official Presentation Materials, 2012. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/renewable/pdf/summary201207.pdf (accessed: 19 November, 2020).

Japan Electricity Business Act. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/la/w/detail_main?re=&vm=02&id=51 (accessed: 18 November, 2020).

Japan Electricity Utility Industry Law. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/category/electricity_and_gas/electric/summary/regulations/pdf/electricity_utilities_industry_law2003.pdf (accessed: 18 November, 2020).

Japan's Ministry of Energy, Trade and Industry 5th Strategic Energy Plan. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf (accessed: 19 November, 2020).

Japan Reduces FIT Rates for PV Systems, Down to 21 Yen per kWh. *EQ International*, March 2017. URL: <https://www.eqmagpro.com/japan-reduces-fit-rates-for-pv-systems-down-to-21-yen-per-kwh/> (accessed: 19 November, 2020).

Japan Wind Farms Data. URL: https://www.thewindpower.net/country_windfarms_en_11_japan.php (accessed: 23 November, 2020).

Koyama, Ken (2015). Inside Japan's long-term energy policy // *IEEJ Special Article 2*, P. 42—45.

Nuclear Power in Japan. *Critical Mass*. *The Economist*, November 2014. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21630808-country-lurches-towards-nuclear-co-meback-critical-mass> (accessed: 15 November, 2020).

Vivoda, Vlado (2012). Japan's energy security predicament post Fukushima // *Energy Policy*, Vol. 46. P. 135—143.

Wang N., Mogi G (2017). Deregulation, market competition, and innovation of utilities: evidence from Japanese electric sector // *Energy Policy*, Vol. 111. P. 403—413.

Zhihai, Xie (2019). Rethinking Japan's Energy Security 8 Years After Fukushima // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/rethinking-japans-energy-security-8-years-after-fukushima/#:~:text=In%20July%202018%2C%20the%20government,to%2024%20percent%20in%202030> (accessed: 25 November, 2020).

Ван Цзинвэй, С.Л. Сазонов

ШИРОКОЕ ВНЕДРЕНИЕ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ ФОРМАТА 5G В КИТАЕ СТИМУЛИРУЕТ РАЗВИТИЕ АВТОНОМНОГО ВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В наши дни китайские производители автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, стремятся ворваться на стремительно развивающийся рынок беспилотных автомобилей по степени автономности управления уровнями L-4 и L-5, то есть предусматривающий полную независимость машины от водителя. Сегодня в Китае развитие автоматизации трафика происходит поэтапно — от появления встроенных в автомобиль умных девайсов и установки систем автоматической поддержки контроля автомобилей до частичной автоматизации контроля за их движением.

Внедряемый в Китае в настоящее время новый стандарт связи 5G в разы увеличивает скорость обмена информацией в системе подключенного транспорта и обеспечивает эксплуатацию беспилотных автомобилей в условиях реального трафика. Автомобили смогут коммуницируют между собой и самостоятельно принимать мгновенные решения о состоянии трафика на основе информации посредством системы связи формата 5G, полученной от других автомобилей или центрального сервера (в сетях связи формата 4G обеспечить подобный сервис невозможно, так как задержка сигнала слишком велика для принятия решения в режиме реального време-

ни). Согласно плану Госсовета КНР, в 2022 г. не менее 50 % всего объема продаж новых «зеленых» автомобилей должны составлять «умные» автомобили, оснащенные технологиями частичного или полностью беспилотного вождения, а в 2027 г. этот показатель должен возрасти до 85—90 %.

Ключевые слова: Китай, система связи формата 5G, автомобильная промышленность, датчики, беспилотное (автономное) вождение, трафик, интерактивная информация, технология передачи данных, «новая инфраструктура».

Авторы: Ван Цзинвэй (*КНР*), аспирант Института Дальнего Востока РАН; E-mail: wjw07@yandex.ru;

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН; E-mail: sazonovch@mail.ru

Wang Jingwei, Sazonov S.L.

Widespread introduction of 5G mobile communication in China propels the autonomous driving' development

Abstract. In our days, Chinese manufacturers of cars, using alternative energy sources, are trying to break into the rapidly developing market of self-driving cars of the L-4 and L-5 levels' degree of control autonomy, providing the car's complete independence from the driver. Today, the development of traffic automation in China emanates gradually — from the appearance of smart devices, built into the car, and the installation of automatic support systems for cars' monitoring to partial automation of their movement control.

The new 5G communication standard, currently being implemented in China, significantly increases the speed of information exchange in the connected transport system and ensures the operation of driverless cars in real traffic conditions. Cars will be able to communicate with each other and independently make instant decisions about the state of traffic based on information via a 5G communication system received from other cars or Central server (in 4G communication networks, it is impossible to provide such a service, because the signal delay is too long for making decisions in real time). According to the plan of the PRC State Council, in 2022 at least 50 % of all sales of new «green» cars should be accounted for by «smart» cars equipped with technologies of partial or completely unmanned driving, and in 2027 this figure should increase to 85—90 %.

Keywords: China, 5G communication system, automotive industry, sensors, driverless (autonomous) driving, traffic, interactive information, data transfer technology, «new infrastructure».

Authors: Jingwei WANG (PRC), Postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences;
E-mail: wjw07@yandex.ru;

Sergey L. SAZONOV, candidate of economic sciences, Leading researcher of the Centre for Socio-Economic Research of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: sazonovch@mail.ru).

Беспроводная сеть мобильной связи 5-го поколения (5G) обещает более быструю скорость, меньшую задержку или «зависание» при подключении к сети, а также возможность подключения многих устройств к Интернету, не перегружая систему (максимальная плотность подключенных к сети устройств — 1 млн устройств/кв. км в городских условиях, и возможность работы автономных датчиков не менее 10 лет без подзарядки и поддержке мобильности при скоростях движения устройств до 500 км/ч). «Умная» скоростная автомагистраль на базе системы связи формата 5G позволит собирать информацию о транспортном потоке в реальном времени и делать прогнозы на основе интеллектуальной агрегации и анализа больших объемов данных («Больших данных»). Сети мобильной связи пятого поколения обеспечивают ещё большие, чем в сетях 4G скорости передачи данных, сверхнизкие задержки и возможность одновременного подключения миллионов устройств. Одним из бенефициаров от широкого внедрения системы связи формата 5G безусловно является автомобильная промышленность КНР, которая получает прочную подоснову для создания автомобилей, управляемых без помощи водителей. Такие автомобили, оборудованные сотнями различных датчиков, могут самостоятельно (без помощи человека) получать информацию о трафике и избегать столкновений с людьми, животными, дорожной инфраструктурой и прочими участниками движения — эти технологии получили название V2V (Vehicle-to-vehicle, связь автомобиля с другим транспортным средством), V2X (Vehicle-to-everything, передача информации от автомобиля любому объекту, который может оказать влияние на транспортное средство, и наоборот), V2I (Vehicle-to-infrastructure, автомобиль — дорожная инфра-

структура). Установленные на автомобилях сенсоры будут собирать информацию о дорожной ситуации, препятствиях и объектах, находящихся вблизи автомобиля. Далее собранные данные будут либо анализироваться вычислительным устройством, установленным непосредственно в автомобиле, либо будут направляться в облако для централизованной обработки. И именно второй путь более предпочтителен, так как позволяет при принятии решения о том или ином маневре автомобиля принимать в расчет не только локальную информацию, но и данные, собранные с сенсоров, размещенных на других автомобилях и элементах инфраструктуры.

В период 2019—2021 гг. КНР будет проводить масштабные испытания стандарта мобильной связи 5G, которые будут способствовать развитию не только телекоммуникаций, но и IoT для автомобильных приложений — эта технология будет обеспечивать реальную скорость работы: около 20 Гбит/с (для загрузки данных) и более 10 Гб/с (для передачи данных). Также технология связи 5G будет способна обрабатывать запросы более 1 млн устройств на 1 кв. км [Cao Yingying]. Следует учитывать, что при движении одной автомашины она может использовать сеть со скоростью передачи 4G/LTE, но если на дороге несколько сотен или тысяч машин, то пропускной способности этой системы будет явно недостаточно. Автомобили должны быть подключены сети связи 5G и коммутировать между собой, определять положение и скорость соседних автомобилей (чтобы избежать столкновений), получать и передавать информацию о трафике (например, выявлять состояние дорожного полотна, работу светофоров, наличие пешеходов на переходах и т. п.). Система связи 5G будет стимулировать развитие Интернета вещей, поддерживая взаимодействие и функционирование беспилотных автомобилей, с минимальным вмешательством человека или вообще без его участия, а приложения для автономных автомобилей будут обеспечивать связь автомобилей с окружающей средой посредством их подключения к информационной сети, которая применяет систему управления движением. Одно из главных преимуществ этих систем состоит в уменьшении возможных рисков ошибки водителей во время движения на больших скоростях, а главным фактором безопасности автономной поездки является отсутствие проблем с передачей данных, а также время отклика, которое должно стремиться к нулю.

В сетях системы 4G даже при оптимальных условиях автомобилю нужно около 20 миллисекунд для взаимодействия с другими автотранспортными средствами — поэтому, для обеспечения нужного уровня дорожной безопасности такие значения должны быть сокращены до нескольких миллисекунд. Помимо решения проблемы временного отклика (т. е. сетевых задержек), эти приложения должны обладать самой высокой степенью надежности для адекватного решения задачи по автоматизации автомобилей — эти требования могут быть выполнены за счет обеспечения 100 % сетевого покрытия с охватом всей автодорожной инфраструктуры [Riding the 5G...].

В марте 2020 г. Китай обнародовал амбициозный план по разработке собственных стандартов для автономных транспортных средств к 2025 г., которые, по мнению аналитиков, создадут обширные инвестиционные возможности и трансформируют автомобильную промышленность страны. В общей сложности 11 министерств и ведомств, Государственный комитет по делам развития и реформ (ГКРР) и Министерство промышленности и информационных технологий КНР обнародовали документ под названием «Стратегия разработки интеллектуальных транспортных средств». Согласно документу, Китай к 2025 г. в основном завершит разработку своего набора стандартов для автономных автомобилей, использующих альтернативные источники энергии (АИАИЭ), охватывающего такие аспекты, как технологические инновации, дорожная инфраструктура, законодательство, надзор и безопасность сетей. В частности, в стране поставлена задача по реализации «масштабного производства АИАИЭ, способных к условному автономному вождению» и ожидается, что в 2025 г. будет достигнут прогресс в программах «умный» транспорт и «умный» город. Согласно плану, некоторые регионы страны будут иметь полный доступ к беспроводной сети LTE-V2X для АИАИЭ, а беспроводная сеть нового поколения для транспортных средств 5G-V2X будет постепенно внедряться в некоторых городах и скоростных автомагистралях уже после 2025 г. (в течение последних нескольких лет некоторые китайские и иностранные компании, в том числе Audi, Changan и GM, тестируют технологии V2X в КНР). В документе отмечается, что «У Китая есть стратегические преимущества для разработки автономных АИАИЭ, в стране есть несколько телекоммуникационных и интернет-гигантов мирового

класса, Китай лидирует в сфере коммуникационных и навигационных систем мобильной связи 5G и является крупнейшим в мире рынком АИИИЭ». Ли Цзюнь, член Китайской инженерной академии, отметил, что, помимо автомобильного сектора, от новой стратегии выиграют многие отрасли, включая производство микросхем и датчиков, разработка и внедрение систем и алгоритмов ИИ, а после обнародования Стратегии стоимость акций многие компаний в соответствующих секторах стремительно выросла [Smart vehicle strategy...].

По мнению китайских аналитиков, в процессе внедрения базовых станций мобильной связи 5G возникают проблемы, связанные с высоким уровнем потреблением электроэнергии и необходимостью обновления программного обеспечения, однако в Китае эти проблемы решаются при помощи государственной поддержки. По данным China Tower (основного национального поставщика услуг на базах систем связи 4G и 5G), одна базовая станция связи 5G потребляет около 3500 Вт, а станция связи 4G — всего 1300 Вт. Местные операторы, включая China Mobile, China Telecom и China Unicom, уже потратили более 4 млрд юаней (5,9 млрд долл.) на развитие технологий связи 5G, а центральные и местные органы власти ввели политику поддержки 5G, включая меры по дотированию затрат на электроэнергию для базовых станций связи, использующих технологию связи 5G и увеличению инвестиций в обновление программного обеспечения [Yin Yeping]. В период 2014—2019 гг. правительство Китая инвестировало более 720 млрд юаней в разработку технологий связи 4G, а в период 2020—2025 гг. рассчитывает вложить от 900 млрд юаней (134 млрд долл.) до 1,5 трлн юаней в развитие технологий связи 5G, что позволит к 2025 г. создать более 3 млн новых рабочих мест в стране. В 2019 г. объем мирового рынка технологий 5G оценивался в 24 млрд долл, а доля Китая составляла 9,2 %. Китайские аналитики утверждают, что развитие технологии передачи данных 5G будет стимулировать увеличение темпов роста ВВП КНР на 0,1 процентных пункта в 2020 г. и на 5,8 процентных пункта в 2030 г. Согласно прогнозу аналитиков Китайской ассоциации автопроизводителей, в 2025 г. объем мирового рынка автомобилей, оборудованных системами автономного вождения и IoV, составит 72,5 млн ед. общей стоимостью 1,48 трлн юаней (221 млрд долл.), ежегодные темпы рос-

та этого рынка составят 10 %, а на Китай придется около 45 % объема этого рынка. По оценкам China Mobile, к 2030 г. в Китае количество автомобилей, оснащенных системами мобильной связи 5G, достигнет 50 млн ед., что предполагает большой потенциал развития беспилотного вождения [Li Xiaoyang]. Аналитики Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT) полагают, что к 2025 г. объем инвестиций в строительство сети связи 5G достигнет 1,2 трлн юаней (172,66 млрд долл.), что обеспечит генерирование мультипликативного эффекта в сопряженных отраслях промышленности в размере 3,5 трлн юаней (504 млрд долл.), а в течение следующих пяти лет экономический рост, косвенно обусловленный развитием технологии связи 5G в КНР, составит 24,8 трлн юаней (3,5 трлн долл.) [New Infrastructure...].

Согласно утвержденному в апреле 2018 г. постановлению Государственного Совета КНР «О развитии инновационных автомобилей, оборудованных системой автоматического управления» базовая платформа для производства беспилотных автомобилей в Китае должна быть создана в 2020 г., а в 2025 г. 80 % производимых новых инновационных автомобилей «должны обладать функциями, обеспечивающими автономное вождение». В 2018 г. ГКРП Госсовета КНР объявил, что обнародует трехлетний план действий по развитию таких технологий для автомобилей с ИИ, как чипы и автоматические системы управления. Согласно международным оценкам, в 2030 г. парк трех ведущих мировых рынков беспилотных автомобилей КНР, США и стран Европейского Союза будет насчитывать 81 млн личных автомобилей, причем на Китай будет приходиться большая часть или около 40 % мирового парка беспилотных автомобилей, или, согласно оценкам компании PwC (Pricewaterhouse Coopers), являющейся одной из ведущих мировых компаний, представляющая услуги консалтинга и аудита, около 36 млн ед. Причем, судя по опросам, проведенным международной консалтинговой компании McKinsey (специализируется на решении задач, связанных со стратегическим управлением), в крупнейших городах Китая около 60 % опрошенных китайских респондентов были уверены, что их семьи будут пользоваться беспилотными автомобилями, тогда как показатель опроса в США выявил лишь 43 % положительных ответа, в Германии — 31 %. Принятая Государственным советом КНР

«Программа развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики (2011—2020)», призвана ориентировать автомобильную отрасль КНР к переходу на массовое производство принципиально нового вида автомобилей, стимулировать инновационный прорыв в смежных отраслях, создавая там новые рабочие места, а также постепенно ослаблять негативные последствия, вызванные загрязнением окружающей среды. Эта Программа 4 января 2018 г. была дополнена не менее амбициозным планом правительства КНР — Госсовет КНР объявил, что в 2022 г. не менее 50 % всего объема продаж новых автомобилей, использующие альтернативные источники энергии, должны приходиться на «умные» автомобили, оснащенные технологиями частичного или полностью беспилотного вождения, а в 2027 г. этот показатель должен возрасти до 85—90 %. По мнению главы корпорации Байду (Baidu Inc.) Ли Яньхуна, полномасштабное коммерческое использование беспилотных автомобилей в Китае может быть внедрено с опережением — в течение ближайших 3—5 лет [China's 5G...].

В целях минимизации последствий вспышки коронавируса COVID-19 и стимулирования экономического развития на фоне растущего негативного давления со стороны глобальной рецессии, в марте 2020 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК было принято решение об ускорении развития «новой инфраструктуры», которая в отличие от традиционной транспортной инфраструктуры создает ключевые предпосылки для развития цифровой трансформации, интеллектуального обновления и инновационное развития и разделяется на три категории: *информационная инфраструктура*, поддерживающая научные исследования и инновационные разработки, обеспечивающие преодоление ограничений и устранение неэффективности независимой разрозненной структуры системы хранения данных и вычислительных ресурсов в традиционной IT-инфраструктуре; *конвергентная инфраструктура*, обеспечивающая расширение внедрения технологий систем мобильной связи 5G и 6G, Интернета вещей, промышленного и спутникового Интернета, облачных вычислений, «Больших данных», технологий блокчейн и искусственного интеллекта; и *инновационная инфраструктура*, стимулирующая развитие центров обработки данных, интеллектуальных вычислительных центров, создание «интеллекту-

альных» транспортных средств и «интеллектуальной» транспортной инфраструктуры. В апреле 2020 г. ГКРП принял решение об инвестировании в период 2020 г. дополнительно более 1 трлн юаней (141 млрд долл.) в «новые инфраструктурные проекты» в области разработки зарядных устройства для АИИЭ, строительства базовых станций мобильной связи формата 5G, крупных дата-центров, развития искусственного интеллекта и промышленного Интернета [Li Xiaoyang].

Библиографический список

Cao Yingying. Carmakers embrace 5G technology to boost future mobility. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/11/WS5c60ebf4a3106c65c34e8a8e.html> (дата обращения: ???).

China's 5G development reports marked progress despite COVID-19 disruptions. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-04/24/content_75970006.htm (дата обращения: 24.04.2020).

Li Xiaoyang. New infrastructure projects expected to boost economy. URL: http://www.bjreview.com/Business/202004/t20200422_800201690.html (дата обращения: 22.02.2020).

New Infrastructure Construction to Push Economic Growth. China's construction of new infrastructure is expected to create new drivers for economic growth. URL: http://www.bjreview.com/Business/202003/t20200315_800197102.html (дата обращения: 17.03.2020).

Riding the 5G express in 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201912/23/WS5e002a79a310cf3e3557ffc4.html> (дата обращения: 25.12.2019).

Smart vehicle strategy set to put China strides ahead. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-03/02/content_75763236.htm (дата обращения: 04.04.2020).

Yin Yeping. Govt support can resolve 5G base stations' cost challenges: analyst URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1174666.shtml> (Global Times: Published: 2019/12/24) (дата обращения: 27.12.2019).

References

Cao Yingying. Carmakers embrace 5G technology to boost future mobility. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/11/WS5c60ebf4a3106c65c34e8a8e.html> (accessed: 12 February, 2019).

China's 5G development reports marked progress despite COVID-19 disruptions. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-04/24/content_75970006.htm (accessed: 24 April, 2020).

Li Xiaoyang. New infrastructure projects expected to boost economy. URL: http://www.bjreview.com/Business/202004/t20200422_800201690.html (accessed: 22 February 2020).

New Infrastructure Construction to Push Economic Growth. China's construction of new infrastructure is expected to create new drivers for economic growth. URL: http://www.bjreview.com/Business/202003/t20200315_800197102.html (accessed: 17 March, 2020).

Riding the 5G express in 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201912/23/WS5e002a79a310cf3e3557ffc4.html> (accessed: 25 December, 2019).

Smart vehicle strategy set to put China strides ahead. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-03/02/content_75763236.htm (accessed: 4 March, 2020).

Yin Yeping. Govt support can resolve 5G base stations' cost challenges: analyst URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1174666.shtml> (Global Times: Published: 2019/12/24) (accessed: 27 December, 2019).

Е.М. Сербина

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНОГО БАНКА КИТАЯ В БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ В ПЕРИОД 13-й ПЯТИЛЕТКИ (2016—2020 гг.)

Аннотация. Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк Китая) входит в число «политических»¹ банков и делает значительный вклад в реализацию общенациональной задачи по искоренению бедности, обозначенной среди основных для воплощения в 13-й пятилетке (2016—2020 гг.). Банк успешно использует широкую линейку специальных финансовых программ и инструментов, направленных на содействие социально-экономическому развитию бедных районов. Банк применяет разнообразные подходы к сокращению бедности в зависимости от специфики конкретного региона Китая.

Несмотря на преобладающее участие в крупномасштабных проектах, что подразумевается основной банковской и государственной стратегиями, Эксимбанк уделяет внимание и работе с ма-

---

¹ «Политические» банки КНР включают Эксимбанк и Банк развития сельского хозяйства Китая. Государственный банк развития Китая входил в этот список до марта 2015 г., в настоящее время находится в статусе «банка развития». Все три банка контролируются Госсоветом КНР, функции банков предусматривают финансирование крупных государственных стратегических проектов внутри Китая и за рубежом.

лым и микробизнесом, что отражает планы правительства по постепенному расширению функций «политических» банков, а также помощи компаниям в бедных районах Китая, где преобладают предприятия небольшого масштаба.

Важной частью борьбы с бедностью является финансирование Эксимбанком проектов сельского хозяйства, переоснащение производства и переориентации на изготовление альтернативной, более выгодной, продукции.

Будучи банком, ориентированным на поддержку экспортно-импортной деятельности и внешнеторговых операций, Эксимбанк оказывает помощь сельскохозяйственным компаниям по экспорту продукции за рубеж, акцентируя внимание на странах инициативы «Пояса и пути».

Автор делает вывод о значительной роли банка в борьбе с бедностью в период 13-й пятилетки. В условиях COVID-19 в Китае отмечается рост внимания к внутреннему потреблению в связи с трудностями экспорта, что обозначено в выдвинутой правительством концепция «двойной циркуляции» (продолжение развития внешней торговли и стимулирование внутреннего рынка). Эта тенденция позволяет предположить дальнейшее углубление работы банка с малыми и микропредприятиями, что также окажет весомый вклад в продолжение искоренения бедности.

Ключевые слова: Китай, Экспортно-импортный банк Китая, борьба с бедностью, 13-я пятилетка, политические банки, малый и микробизнес, сельское хозяйство.

Автор: Сербина Екатерина Михайловна, аспирант Центра экономических и социальных исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: serbinakate@gmail.com

Serbina E.M.

Towards the Question of the Export-Import Bank of China's Role in the Fight against Poverty during the 13th Five-Year Plan (2016—2020)

Abstract. The Export-Import Bank of China (Eximbank of China) is a policy bank¹, which has made significant contributions to the national task of poverty alleviation, designated as one of the main priorities for the period of 13th Five Year Plan (2016—2020). The Bank successfully uses a wide range of special financial programs and instruments which are targeting social and economic development cooperation within poor districts.

The Eximbank of China has applied different approaches in order to fight against poverty in various regions.

In spite of participation in large-scale projects which are considered by banking and government strategies the Bank has also developed partnerships with small and micro businesses. This activity reflects the authority's plans devoted to gradual expansion of policy banks' functions as well as assistance to enterprises in poor districts where small companies take precedence predominate.

The Eximbank of China finances projects in the agricultural sector which have become an important part for a poverty alleviation program, with special attention to the stimulation of production lines' re-equipment and reorientation towards the manufacture of alternative, more profitable, products. Within the framework of the bank's focus on supporting export-import operations and foreign trade operations, the Bank helps agricultural companies enhance export opportunities, mostly towards the countries under the Belt and Road Initiative.

The author concludes that the Eximbank of China has played a significant role in poverty alleviation during the 13th Five Year Plan. In the context of COVID-19, in China the attention to domestic consumption has been growing dramatically due to difficulties of export, which is indicated in the government concept of "double circulation" (entails development of foreign trade and a stimulation of domestic market simultaneously). This direction would suggest a further intensifying of cooperation between the Bank and small and microbusinesses, which would also make a principal contribution into future poverty alleviation.

Keywords: China, Export-Import Bank of China, poverty alleviation, the 13th Five Year Plan, policy banks, small and micro businesses, agriculture.

Author: Ekaterina M. SERBINA, PhD student (Econ.) of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science (e-mail: serbinakate@gmail.com).

Построение общества «сяокан» (малого благоденствия) является ключевым приоритетом 13-й пятилетки (2016—2020 гг.), важное место в этом процессе занимает борьба с бедностью. Задача по искоре-

---

¹ PRC policy banks include Eximbank of China, Agricultural Development Bank of China, China Development Bank has been also on the list till March 2015, currently has a status "development bank". All three banks are controlled by State Council of PRC. The banks provide funding for large projects in China and abroad.

нению бедности в сельских районах к 2020 г. была озвучена во время 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (марта 2016 г.) [Островский, Китай становится экономической сверхдержавой, с. 55—56].

Начиная с 2012 г., когда на XVIII съезде КПК была определена тема искоренения бедности, Китай демонстрирует очевидные успехи — уровень бедности сократился с 10,2 % до 0,6 %. Ежегодный чистый среднедушевой доход каждой ранее бедствующей семьи увеличился с 3416 юаней (ок. 475 долл.) в 2015 г. до 9808 юаней (ок. 1360 долл.) в 2019 г., [Цзинь Ту, с. 23] тем самым выполнив цели, поставленные на сессии в марте 2016 г., число бедных на конец 2019 г. составило 5,51 млн человек (98,99 млн человек в 2012 г.).

Среди действенных методов решения проблемы бедности была названа разработка специальных мер финансовой политики, в частности, выдача кредитов [Островский, Ожидает ли китайскую экономику «жесткая посадка»]. В связи с этим банки Китая, и в первую очередь, «политические», оказались активно вовлеченными в процесс. Особенная миссия этих банков связана с их ролью в банковско-финансовой системе Китая. Эти финансовые институты были созданы в 1994 г. для кредитования значимых проектов стратегического характера как внутри Китая, так и за рубежом.

Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк Китая) является одним из «политических» банков и выполняет функцию государственного кошелька для выдачи кредитов под особые проекты, играет ключевую роль в финансировании экспортно-импортных операций. В 13-ю пятилетку банк продолжает уделять особое внимание не только внешнеторговым сделкам и крупным проектам внутри страны, что в общих чертах способствует сокращению бедности, но и фокусным инвестициям для улучшения жизненного уровня, например, оказывая поддержку малому, среднему и микробизнесу, сельскому хозяйству.

В 2016 г. Эксимбанк Китая выпустил «План реализации кредитного сотрудничества для сокращения бедности в бедных районах». Банк использует индивидуальный подход для финансирования определенных отраслей с наибольшим потенциалом развития. Например, предоставление специальных ссуд на проекты, включая ирригационные работы, медицинское обслуживание и развитие инфраструктуры.

В банке создан Департамент комплексных финансовых услуг, который отвечает за планирование и управление кредитованием малого и микробизнеса. Было проведено экспериментальное открытие десков в региональных отделениях банка по оказанию услуг с целью сбора информации о нуждах малого и микробизнеса, разработки механизма предоставления услуг, соответствующих нишевому спросу.

Эксимбанк Китая сотрудничает с региональными средними и малыми коммерческими банками для осуществления перекредитования малых и микропредприятий. Такая межбанковская деятельность позволяет местным банкам получить дополнительный источник ликвидности и экспертизу. Банк снизил ставки для перекредитования, разработал и внедрил новые механизмы ускорения процедуры согласования предоставления кредитов. К концу 2018 г. 5126 малых и микропредприятий получили таким образом финансовую поддержку в размере примерно по 5,16 млн юаней каждый. Например, в 2018 г. Эксимбанк Китая выдал 1 млрд юаней Сельскому коммерческому банку Циндао (г. Циндао), которые были использованы для кредитования 108 малых и микрокомпаний сельскохозяйственного сектора [Чжунго цзиньчукоу иньхан люйсэ...].

Банк успешно создал систему микрозаймов для предпринимателей с учетом ситуации и потребностей конкретного клиента. Банк применяет анализ больших данных для подготовки специальных финансовых продуктов, задействованных в осуществлении цепочек поставок. Эксимбанк Китая активно внедряет цифровые инновации в обслуживание клиентов малого и микробизнеса. Например, создана цифровая платформа, на которой банк выступает в качестве посредника между бизнесом и государством, т. е. берет на себя финансовые риски при заключении сделок.

Эксимбанк Китая специализируется на предоставлении финансирования экспорта и импорта, делая тем самым вклад в приумножение внешнеторговых связей Китая, осуществление стратегии «цзоучуцю» (выхода вовне), в связи с этим, уделяет особое внимание кредитованию экспорта, предлагает широкий спектр услуг по торговому финансированию (аккредитив, банковская гарантия, инкассо и др.), и одновременно увеличивает состав своих клиентов за счет малых и микропредприятий.

В 2018 г. с целью стимулирования экспорта банк совместно с Комиссией по делам коммерции Тяньцзиня, Департаментом финансов Тяньцзиня и государственной страховой компанией *Sinosure* запустил «Пилотный проект по финансированию экспорта» — программу по кредитованию небольших торговых компаний, предоставляющих услуги по логистике, таможенному оформлению товаров. Были выбраны две компании, расположенные в Тяньцзине (крупный город-порт), *Zimaotong (Tianjin Free Trade Service Co., Ltd.)* и *Beimaotong (NIBS Co., Ltd.)*, объем инвестиций банка составил 160 млн юаней [Чжунго цзиньчукоу иньхан луйсэ...]. Предполагается, что поддержка посреднических платформ поспособствует улучшению качества и расширению наименований предоставляемых ими услуг, и в свою очередь будет активизировать рост экспорта китайских товаров. Банк не только стимулирует экспорт, но и увеличивает число клиентов, так как ориентирован на финансирование внешнеторговых контактов и выступает в роли гаранта сделок.

Кроме того, в связи с возникающими в настоящее время (ноябрь 2020 г.) у некоторой части компаний затруднениями на внешнем рынке, обусловленными COVID-19, возрастает тенденция к развитию внутреннего рынка. В документе Канцелярии Госсовета КНР, опубликованном в июне 2020 г. отмечается необходимость принятия мер для доступности внутреннего рынка для экспортных товаров [Гоуюань баньгун...]. Можно предположить рост внимания Эксимбанка Китая к малому и микробизнесу, ориентированному на экспорт, предоставление им помощи в поиске правильных ниш для размещения экспортных товаров на внутреннем рынке.

Банк разработал и успешно внедряет схему, при которой налаживает взаимодействие между местными властями и бизнесом, а также финансирует компании-посредников, которые в свою очередь берут шефство над отдельными компаниями-производителями и выступают в роли кредитора, осуществляют модернизацию и переоснащение производства, запуск изготовления новых товаров, изменение и расширение ассортимента и др. Кредитная нагрузка по проектам также находится в ответственности компании-посредника. Такая схема получила название «*чжэньиньбао + сяовэйцие*» (правительство, банк, гарант + малый и микробизнес).

К концу 2018 г. объем кредитных линий, открытых Эксимбанком Китая компаниям-посредникам в бедных уездах Миньсянь (провинция Ганьсу) и Юньян (под юрисдикцией города центрального подчинения Чунцин) достигли 500 млн юаней. В рамках программы в уезде Миньсянь банк наладил контакты между местными властями, компаниями и 13-ю компаниями-посредниками, включая *Gansu Province Power Investment Group*, которая не только финансирует местные предприятия, но и оказывает посреднические услуги в развитии гостиничного бизнеса и закупках сельскохозяйственной продукции.

Эксимбанк Китая создал систему оценки кредитоспособности малых и микропредприятий, выделил специальный резерв для финансирования этого сектора, у компаний появилась возможность получения новых ссуд при имеющихся непогашенных после проведения полной проверки (*due diligence*).

На конец 2017 г. остаток по ссудам малых и микропредприятий вырос на 31 % (75,2 млрд юаней) по сравнению с 2016 г. и составлял 323,9 млрд юаней [Сяовэй цзе]. Остаток по ссудам на конец 2018 г. составлял 370 млрд юаней [Чжунго цзиньчукоу иньхан 2018-нянь...].

Эксимбанк Китая не только выдает кредиты, но и оказывает благотворительную помощь уездам, входящим в число бедных. В 2016 г. банк безвозмездно предоставил 5,3 млн юаней уездам Юньян и Миньсянь для развития инфраструктурных проектов, ремонта домов и хозяйственных построек, благодаря чему 300 домохозяйств в этих уездах вышли из бедности. 2 млн юаней было пожертвовано уезду Юньян для создания специального фонда оплаты медицинских услуг малоимущим, также банк профинансировал учебу 24 местных студентов в университетах Пекина. Ссылки на интернет-магазины, продающие товары двух уездов размещены в официальном аккаунте банка в мессенджере *WeChat*. К концу 2018 г. общая сумма накопленных инвестиций банка в уезды Юньян и Миньсянь составила 378,4 млн юаней, в уезде Миньсянь 43 деревни, 5750 домохозяйств, 23 942 жителя вышли из числа бедных [Чжунго цзиньчукоу иньхан люйсэ...] и весь уезд выбыл из списка бедных уездов [Хайшэн 293 тьянь...].

К концу 2016 г. банк совместно с Руководящей группой Госсовета КНР по оказанию помощи в развитии бедных районов запустил

347 проектов, направленных на рост производства экспортной продукции. Сумма одобренных кредитов составила 16,7 млрд юаней, общий остаток по ссудам — 8,15 млрд юаней [Чжунго цзиньчуоку иньхан 2016-нянь...]. К концу 2017 г. сумма кредитов увеличилась до 17 млрд юаней [Чжунго цзиньчуоку иньхан 2017-нянь...].

Среди направлений, обозначенных на XIX съезде КПК в октябре 2017 г., и касающихся «политических» банков, выделяется и помощь для решения проблемы «саньнун» (сельское хозяйство, деревня и крестьяне), которая является ключевой в борьбе с бедностью. Эксимбанк Китая разработал стратегию возрождения сельских районов, предпринимает конкретные действия, используя собственные мощные ресурсы. Банк не только кредитует сельскохозяйственные работы, но и внедряет программы по переориентированию на культивирование других, более пригодных для данного региона видов продукции, профессиональную переподготовку местных жителей, развитие смежных отраслей, например, стимулирование роста обрабатывающих отраслей. Например, в 2018 г. банк профинансировал в провинции Юньнань разведение тилапии, посадку овощей и чая.

Посредством кредитования и инвестиций были переоснащены и получили вторую жизнь многие предприятия аграрного сектора. Банк финансирует внедрение высоких технологий в таких сферах как семеноводство, разработка и производство сельхозтехники, обработка продукции и уделяет особое внимание передовым технологиям хранения и транспортировки продукции.

В рамках расширения финансирования экспорта Эксимбанк Китая успешно углубляет сотрудничество в области сельского хозяйства с развивающимися странами, входящими в проекты инициативы «Пояса и пути». Банк оказывает поддержку местным компаниям, занимающимся производством и сбытом аграрной продукции, по выходу на зарубежные рынки посредством кредитования покупки новейшего оборудования, обучения сотрудников, повышения и изменения стандартов продукции для соответствия международным требованиям. Банк выступает гарантом во внешнеторговых сделках для бизнеса, сопровождает сделки M&A. Например, в 2018 г. сопровождала покупку американского лидера в производстве и переработке свинины — *Smithfield Foods* крупнейшей в Китае компанией по переработке мяса *Huanghui/WH Group* (провинция Хэнань).

Эта сделка будет способствовать освоению китайской стороной американских технологий и повышению качества выпускаемой в Китае продукции, что увеличит ее популярность как на внутреннем, так и, в долгосрочной перспективе, внешнем рынке.

Эксимбанк Китая вкладывает в аграрную индустриализацию, финансируя производителей сельхозтехники, глубокой переработки сельхозпродукции. Например, благодаря предоставленному банком торговому финансированию, компания *Hengtong Guozhi* (провинция Шэньси) стала в 2018 г. ведущим мировым поставщиком концентрата яблочного сока. Банк профинансировал производителя лекарств традиционной китайской медицины *Gansu Jiuzhou Tianrun* (провинция Ганьсу). Благодаря финансовым вложениям выручка этой небольшой компании в 2018 составила 45,17 млн юаней [Чжунго цзиньчукоу иньхан луйсэ...].

В 2018 г. банк выступил организатором обучающей программы по повышению конкурентоспособности аграрной продукции на международном рынке. Мероприятия состоялись в г. Хэфэй (столица провинции Аньхуэй), г. Куньмин (столица провинции Юньнань) и г. Наньчан (столица провинции Цзянси). Местные сельскохозяйственные компании получили информацию об имеющихся тенденциях на мировом рынке аграрной продукции, правилах сертификации и др. К концу 2018 г. банк профинансировал 105 проектов, одобренных и рекомендованных Министерством сельского хозяйства и сельских дел КНР.

К концу 2017 г. остаток по сельскохозяйственным ссудам достиг 334,7 млрд юаней, что на 29,8 % выше, чем в 2016 г. Было профинансировано более 70 компаний, задействованных в осуществлении 200 проектов [Чжунго цзиньчукоу иньхан 2017-нянь...]. К концу 2018 г. остаток по ссудам возрос до 360 млрд юаней.

Таким образом, можно заключить, что в период 13-й пятилетки Эксимбанк Китая предпринимает конкретные шаги для искоренения бедности посредством финансирования различных объектов в бедных районах, в том числе в области сельского хозяйства и кредитования малого и микробизнеса.

Борьба с бедностью будет продолжена в следующей, 14-й пятилетке (2021—2025 гг.), что вписывается в обозначенные на 5-м пленуме ЦК КПК (октябрь 2020 г.) задачи пятилетки в целом и выдвигаются

нутой (в мае 2020 г.) стратегии «двойной циркуляции» в частности. «Двойная циркуляция» подразумевает продолжение завоевания международных рынков и, одновременно, сосредоточение на развитии внутреннего потребления, а значит и усиление мер по росту благосостояния населения. Функции «политических» банков, изначально ориентированных на осуществление концепции «выход вовне», расширились за счет финансирования не только крупных проектов, но и малого и микробизнеса, что стало причиной развития и укрепления последних, а также повышения жизненного уровня местных жителей. Также допустимо увеличение проектов банка, связанных с оказанием помощи в поиске внутреннего потребителя производителям продукции, идущей на экспорт. Это отвечает новым ориентирам в экономике (стимулирование внутреннего спроса), обозначенным для реализации в следующей пятилетке. Кроме того, в связи с тем, что в условиях COVID-19 малый и микробизнес оказались наиболее пострадавшими по причине оттока клиентов, нарушения цепочек поставок и др., можно предположить усиление внимания банка к таким предприятиям посредством не только в виде прямого кредитования, но и посредством разработки новых стратегий для стимулирования развития малого и микробизнеса в Китае.

Библиографический список

Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: ИДВ РАН; МБА, 2020. С. 65—66.

Островский А.В. Ожидает ли китайскую экономику «жесткая посадка» в годы 13-й пятилетки (2016—2020 гг.)? //13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» (4—5 апреля 2017 г.). URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4-conferences/2117-syaokan> (дата обращения: 12.11.2020)

Цзин Ту. В авангарде борьбы с бедностью // Китай. Пекин: Жэньминь Жибао. 2020. № 10. С. 23.

Гоюань баньгун тин гуанюй чжичи чукоу чаньпинь чжуаньнэйсяо дэ шиши ицзянь : [Канцелярия Госсовета КНР «Мнение о поддержке реализации экспортной продукции на внутреннем рынке»]. 22.06.2020. URL: <http://www.gov.cn/>

zhengce/content/2020-06/22/content_5521078.htm (дата обращения: 12.11.2020) (На кит.)

Сяоэй цибэ : [Малые и микропредприятия]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/responsibility/samb/> (дата обращения: 12.11.2020) (На кит.)

Хайшэн 293 тянь, хайю чжэ 52 гэ пинькунь сянь: [Еще осталось 293 дня, еще есть 52 бедных уезда] // *Синьлан цзиньзи*: [*Sina Finance*]. URL: <https://finance.sina.com.cn/wm/2020-03-13/doc-iimxyqwa0164531.shtml> (дата обращения: 12.11.2020) (На кит.)

Чжунго цзиньчукоу иньхан 2016-нянь няньду баогао: [Годовой отчет Эксимбанка Китая за 2016 г.]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/aboutExim/annals/2016/201806/P020180610508677212813.pdf> (дата обращения: 15.10.2020) (На кит.)

Чжунго цзиньчукоу иньхан 2017-нянь няньду баогао : [Годовой отчет Эксимбанка Китая за 2017 г]. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2017/201812/P020181205388465253449.pdf> (дата обращения: 15.10.2020) (На кит.)

Чжунго цзиньчукоу иньхан 2018-нянь няньду баогао : [Годовой отчет Эксимбанка Китая за 2018 г]. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2018/201912/P020191216390734628082.pdf> (дата обращения: 15.10.2020) (На кит.)

Чжунго цзиньчукоу иньхан луйсэ цзиньжун хэ шэхуэй цзэжэнь байпишу 2019: [Белая книга о зеленых финансах и социальной ответственности Эксимбанка Китая за 2019 г.]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/info/WhitePOGF/> (дата обращения: 15.10.2020) (На кит.)

References

Guowuyuan bangong ting guangyu zhichi chukou chanpin zhuanneixiao de shishi yijian [Implementation Opinions of the General Office of the State Council on Supporting the Transfer of Export Products to Domestic Market]. 22.06.2020. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-06/22/content_5521078.htm (accessed: 12 November, 2020) (In Chinese).

Haisheng 293 tian, haoyou zhe 52 ge pinkun xian: [There are 293 days left, there are still 52 impoverished villages] // *Xinlang jingji*: [*Sina Finance*] URL: <https://finance.sina.com.cn/wm/2020-03-13/doc-iimxyqwa0164531.shtml> (accessed: 12 November, 2020) (In Chinese).

Jing Tu, (2020). At the Front of the Fight // *China*. Beijing: Renmin Ribao, Vol. 10. p. 23. (In Russian).

Ostrovskii, A.V. (2020). Kitai stanovitsya ekonomicheskoi sverderzhavoi. [China is on it's Path to Economic Superpower], Moscow: MBA PH. Pp. 65–66. (In Russian).

Ostrovskii, A.V. (2017). Ozhidaet li kitaiskuyu ekonomiku zhestkaya posadka v gody 13-i pyatiletki (2016—2020 gg.) [Does Chinese economy expect a “hard landing” during 13th Five Year Plan (2016—2020)?]. *13-ya pyatiletka (2016—2020 gg.) — vazhneishiy etap postroeniya v Kitae obchestva malogo blagodenstviya “xiaokang” (4—5 aprelya 2017 g.)* [The 13th Five Year Plan — the most important stage in building China’s “xiaokang” (small prosperity) society (4—5 April, 2017)], М, IFES RAS. 2018. URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4-conferences/2117-syaokan>. (accessed: 18 October, 2020) (In Russian).

Xiaowei qiye [Micro and Small Enterprises]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/responsibility/samb/> (accessed: 18 October, 2020) (In Chinese).

Zhonguo jinchukou yinhang 2016 nian niandu baogao [The Eximbank of China, Annual Report. 2016]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/aboutExim/annals/2016/201806/P020180610508677212813.pdf> (accessed: 18 October, 2020) (In Chinese).

Zhonguo jinchukou yinhang 2017 nian niandu baogao [The Eximbank of China, Annual Report. 2017]. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2017/201812/P020181205388465253449.pdf> (accessed: 18 October, 2020) (In Chinese).

Zhonguo jinchukou yinhang 2018 nian niandu baogao [The Eximbank of China, Annual Report. 2018]. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2018/201912/P020191216390734628082.pdf> (accessed: 18 October, 2020) (In Chinese).

Zhongguo jinchukou yinhang luse jinrong he shehui zeren baipishu 2019 [White Paper on Green Finance and Social Responsibility 2019. The Export-Import Bank of China]. URL: <http://www.eximbank.gov.cn/info/WhitePOGF/> (accessed: 18 October, 2020) (In Chinese).

А.Ф. Синякова

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ КРИТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МУН ЧЖЭ ИНА СО СТОРОНЫ ОППОЗИЦИИ

Аннотация. Рейтинг поддержки президента Мун Чжэ Ина упал с 80 % до 45 %. Для новейшей истории южнокорейских лидеров такое снижение уровня поддержки населения к середине срока полномочий не уникально. В случае президента Муна падение рейтинга особенно существенно на фоне первоначально высокого уровня одобрения. Заявленная экономическая политика последовательно реализуется в трех основных направлениях: реформирование рынка труда (повышение минимальной заработной платы, сокращение продолжительности рабочих часов, создание новых рабочих мест), реформирование крупнейших конгломератов, развитие социального сектора. Перечисленные меры выглядят очень привлекательными и значимыми, нацеленными на сокращение разрыва в доходах, однако на практике они лишь усугубили его.

Увеличение оплаты труда ощутимо ударило по владельцам малого и среднего бизнеса, о приоритетности которого тоже было заявлено среди экономических целей, в результате предприниматели стали сокращать число наемных работников, что привело к дальнейшему росту конкуренции на рынке труда. Безработица среди молодежи продолжила расти, неудовлетворенность граждан экономи-

ческой ситуацией и политикой президента тоже растет. Реальный ВВП сокращается, государственные расходы на социальную сферу, здравоохранение растут, выросли налоги на доходы физических лиц и корпораций — всё перечисленное, что непосредственно влияет на национальную экономику, является предметом критики оппозиции. Факторы международной экономической конъюнктуры, в числе которых рост протекционизма во внешней торговле, торговое противостояние США и Китая, ухудшение экономических отношений с Японией, пандемия COVID-19 стали вызовом для международных экономических отношений Южной Кореи.

Ключевые слова: Республика Корея, экономика РК, социально-экономическая политика, рынок труда, пандемия, безработица, налоги.

Автор: Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России.
E-mail annasinyakova@yandex.ru.

Sinyakova A.F.

Is Moon Jaemin's economic policy justly criticized on behalf of the opposition?

Abstract. The support rate of president Moon fell from 80 % to mere 45 %. We have seen shattered ratings of South Korean presidents before, however this particular decrease seems more drastic as the hopes of the voters were higher with this president. Declared economic policy reforms three different aspects: labor market (raising the minimum wage, reducing working hours, creating new jobs), largest conglomerates, and developing of social policy. On the paper declared measures looked rather attractive and solid, however reality turned out disappointing.

Owners of small and medium businesses found increase of salary unprofitable thus were forced to cut down employees. This led to a further increase in competition in the labor market. Youth unemployment continued to grow, and dissatisfaction with the economic situation grew deeper. Opposition is dissatisfied with shranked real GDP, government spending on the social sphere, health care, increase in individual and corporate taxes. World economic environment, including the growth of protectionism in foreign trade, US-China trade war, deterioration of economic relations with Japan, and COVID-19 pandemic have become a challenge for South Korean international economic relations as well.

Keywords: The Republic of Korea, Korean economy, social and economic policy, labor market, pandemic, unemployment, taxes.

Author: A.F. SINYAKOVA PhD of Sciences (Economics), Associate Professor, MGIMO University (e-mail: annasinyakova@yandex.ru).

Президент Мун Чжэ Ин пришел к власти в 2017 г. в результате победы на досрочных выборах после импичмента Пак Кынхе. По аналогии с названием экономической политики японского премьера «абэномика» экономическую политику президента Муна называют J-номика (кор. 제이노믹스) [Чжеиномикс.], название образовано от англоязычного написания первой буквы имени президента.

В основе экономического курса, заявленного изначально президентом, лежат вопросы социальной сферы, ориентированные на потребности граждан. Основной целью президента Мун Чжэ Ина был выбран устойчивый экономический рост, при котором одновременно могло быть обеспечено справедливое распределение доходов. В числе экономических задач были определены: создание рабочих мест для стимулирования экономического роста за счет доходов граждан; формирование справедливой экономики для работающих граждан и среднего класса; развитие инновационных и технологичных направлений; инновационный рост на базе стартапов и среднего и малого бизнеса; пропорциональное региональное развитие и развитие сельских территорий; развитие программ социального обеспечения для всех граждан, а также необходимость отойти от системы, когда опорой экономического роста являются крупные корпорации.

Выбор социальных приоритетов в экономической политике обусловлен сочетанием внутренних и внешних факторов, при которых продолжение следования привычной модели развития экспортноориентированной экономики не представляется далее безусловно успешным. В национальной экономике наблюдается снижение темпов прироста реального ВВП (3,2 % в 2017 г., 2,7 % в 2018 г.) [Country...], номинальный ВВП за 2019 г. вырос на 1,1 % [KOSIS...], прогнозные показатели темпов прироста реального ВВП на 2020 г. минимальны. Темп прироста населения по-прежнему низкий: 0,14 % в 2020 г., доля пожилого населения (старше 65 лет) неуклонно ежегодно увеличивается: с 13,2 % в 2016 г. до 15,7 % в 2020 [KOSIS 100다...]. Стратегия догоняющего развития уходит в прошлое, в традиционных

южнокорейских экспортных отраслях всё большую активность проявляют китайские производители, которые составляют серьезную конкуренцию, уменьшается объем внутренних инвестиций. На протяжении последнего десятилетия в Южной Корее стало заметным расслоение населения по уровню благосостояния. В совокупном доходе на 10 % самых бедных граждан приходится доля в размере 2,6 %, на 10 % самых богатых корейцев приходится доля в размере 23,8 %. Несмотря на то что коэффициент Джинни составляет 30,7 % [Мировой...], сравнительно не высоко в мировых сопоставлениях, но для РК, где на протяжении нескольких десятилетий развития расслоение было минимальным, это весьма заметно и, будучи представленным в кинематографе в виде социальной сатиры (фильм «Паразиты»), нашло отклик у аудитории в РК и в мире [Cho]. Помимо разницы в доходах граждан, на протяжении продолжительного времени не теряет актуальности проблема непреодолимого разрыва между крупными корпорациями и средним и малым бизнесом, государство выделяет в числе собственных приоритетов поддержку среднего и малого бизнеса уже длительное время, но диспропорции по-прежнему очень велики. Возможности, которыми обладают корпорации, не сопоставимы с тем, что доступно средним и малым предприятиям: в суммарном объеме инвестиций в исследования и разработки доля конгломератов составляет 76 %, доля венчурного бизнеса — 11 %, доля малого и среднего бизнеса — 13 %. Президент Мун Чжэ Ин, имея уровень одобрения граждан 86 % в 2017 г. [Buchholz], выдвинул экономическую программу, которая была нацелена на преодоление накопившихся сложностей и дисбалансов. Осенью 2020 г. уровень одобрения упал до 45 % [President's...]. Такое снижение поддержки и уменьшение одобрения действующего президента не является уникальным для южнокорейских лидеров в середине срока полномочий. Однако в случае президента Муна и его экономической политики у всех экономических субъектов есть неудовлетворенность результатом реализованных реформ.

Ключевым инструментом социальных преобразований была выбрана фискальная политика: налоговые поступления должны стать и основой для роста, и инструментом для преодоления экономических диспропорций.

Создание рабочих мест, по задумке инициаторов реформы, должно повысить занятость, улучшить благосостояние населения, привести к росту потребления, стимулировать внутренние инвестиции и промышленное производство для удовлетворения растущего спроса, отдельное внимание поддержке занятости пожилых людей и женщин. Меры экономической политики также нацелены на улучшение качества рабочих мест в сфере услуг и уменьшение разницы в оплате труда в производственной сфере и сфере услуг. В 2017 г. государством было создано 63 тыс. новых рабочих мест, в 2018 г. — 9,5 тыс., в 2019 г. — 18 тыс [Fergier]. Показатель безработицы находится на минимальном уровне за последние несколько лет, однако занятость уменьшается в сферах производства, строительства и продаж, а людям старше 40 лет сложно найти работу. Одновременно в РК, известной как страна, где работают едва ли не больше всех в мире, была сокращена максимальная продолжительность рабочей недели с 68 часов до 52 и повышена минимальная оплата труда в час с 6470 вон (5,7 долл.) до 8350 вон (7,37 долл.). Принятые меры должны были бы привести к росту занятости, однако в итоге вызвали обратный эффект, когда найм каждого дополнительного работника становится затратным и невыгодным для работодателя. Больше всего реформа затронула компании среднего и малого бизнеса и категорию временно занятых работников, то есть тех экономических субъектов, которые являются основной целевой группой в реализации мер обеспечения справедливого благосостояния. В итоге средний и малый бизнес, а также категория временных работников, изначально поддерживавших президента Муна, оказались в неблагоприятной ситуации в связи с реализацией мер экономической политики и ощутили ее как дополнительное бремя. Примечательно, что согласно опросам общественного мнения, около 72 % «белых воротничков» высказывается в поддержку уменьшения количества часов трудовой недели, а около половины «синих воротничков», высказываются за увеличение рабочего времени [Song]. Временные рабочие, являющиеся наименее защищенной категорией работников, оказались в еще более невыгодной ситуации, когда работодатель не то, что не увеличивает найм, а наоборот, еще больше сокращает его и увольняет работников, чтобы не терпеть убытки, связанные с изменением минимальной оплаты труда. Мультипликативный рост по-

требления и внутреннего инвестирования вслед за реализованными мерами практически отсутствует. Не улучшается и ситуация с национальным рынком недвижимости и системой залоговой долгосрочной аренды жилья 전세 (Чонсе), которая длительное время служила источником внутренних капиталовложений. Цены на жилье, особенно в столичном регионе, перегреты, уровень сбережений не позволяет большинству корейцев оперативно приобрести жилье. Система залога за арендуемую квартиру с одной стороны давала арендатору возможность в течение двух лет сберегать и откладывать деньги на приобретение собственного жилья, с другой, предоставляя крупную денежную сумму арендодателю, также стимулировала инвестиции: приобретение недвижимости, вложения в бизнес и др., то есть уже подтверждавший свою эффективность в южнокорейских реалиях метод. Сейчас величина залога только растет однонаправленно со стоимостью жилья и не дает возможности людям улучшать свои жилищные условия. Поскольку аренда на двухлетний срок на основании выплаты собственнику жилья залоговой стоимости, достигающей и даже превышающей размер половины цены квартиры, преимущественно относится к жилью в многоквартирных комплексах, ориентированных на семейное проживание, то в связи с неуклонным подорожанием и недоступностью для граждан становится объективным препятствием для создания семьи, что вызывает новый виток сокращения рождаемости и суммарных расходов. Увеличение суммы залога вслед за ростом цены жилья вызывает недовольство и критику со стороны граждан и оппозиции.

Одновременно правительство повышает налог на владельцев нескольких дорогостоящих объектов недвижимости, что призвано уменьшить число спекулятивных сделок на рынке недвижимости и улучшить ситуацию с социальным неравенством, но вызывает неизбежное недовольство у владельцев такого жилья.

Проблемы молодежи, связанные со сложностью трудоустройства после завершения учебы, и в целом безработица среди молодёжи непосредственно влияют на низкий уровень удовлетворенности жизнью (показатель, по которому РК занимает последние места среди стран ОЭСР), на достаточно пессимистический взгляд на экономические перспективы (около половины молодых людей считают, что их доходы будут ниже доходов поколения родителей), а также

вносят вклад в желание молодых корейцев уехать из страны, нежелание вступать в брак и брать на себя какие-либо обязательства, в том числе финансовые, дальнейшее снижение рождаемости и рост нагрузки на трудоспособное население за счет сокращения доли работающей молодежи. Все перечисленное также неизбежно вызывает критику.

Возможности экономического роста за счет увеличения доходов не являются безусловной, рост доходов на 10 % не означает такой же рост расходов. Эти средства могут быть вложены в пенсионные страховые программы, пойти на оплату налогов, выплату кредитов. Таким образом, сама идея реализуемости подобного экономического курса не может не подвергаться критике.

В сфере реформирования крупных конгломератов-чеболей экономическая политика заключается в том, чтобы сокращать возможность и степень их влияния на принятие политических решений, громкие скандалы последних лет, в центре которых представители семей, контролирующих крупные конгломераты, вероятно, особенно распространяются СМИ с целью увеличения репутационных рисков. Преэмптентность экономического курса, названного «справедливой экономикой», в отношении чеболей продолжает политику стимулирования более тесного сотрудничества крупного и среднего и малого бизнеса.

Поддержка инновационных отраслей, высокотехнологичных разработок должна быть реализована в виде поддержки ученых, исследований, конкурентоспособности традиционных ключевых отраслей, в том числе полупроводниковой, автомобилестроительной отрасли, развития возобновляемых источников энергии, кластера биотехнологий. На фоне достаточно эффективного сдерживания распространения COVID-19 южнокорейский опыт признан одним из лучших, и все страны заинтересованы в скорейшей стабилизации экономической ситуации, которая недостижима без улучшения эпидемиологической ситуации, в таких условиях есть предпосылки того, что биотехнологии и разработки в сфере здравоохранения действительно смогут стать новым фактором роста в среднесрочной перспективе.

В текущей экономической ситуации Мун Чжэ Ин пытается не допустить погружения южнокорейской экономики в стагнацию, из

которой чрезвычайно сложно выбраться, что демонстрирует экономика Японии. При этом налоговое бремя, рассчитанное как процент к ВВП, продолжало расти. Налог на доходы в процентном отношении к ВВП увеличился с 4,8 до 5,2 % от ВВП в 2017–2018 гг., налог на прибыль корпораций с 3,8 до 4,5 % за тот же период. По итогам 2019 г. налоговые сборы впервые за последние пять лет не смогли достичь плановых показателей, что привело к дефициту бюджета. Несмотря на то, что максимальная ставка налога на прибыль корпораций была увеличена с 22 до 25 %, из-за суммарного снижения прибылей, в том числе экспортных, особенно у производителей чипов, налоговые отчисления оказались существенно ниже запланированных в бюджете. Сборы подоходного налога и налога от операций с ценными бумагами тоже оказались меньше ожидаемых. При этом, согласно плановым показателям, налоговая нагрузка на душу населения будет продолжать расти, поскольку вплоть до 2023 гг. предполагается ежегодное повышение обязательных государственных отчислений на социальные программы на 8,9 %. Рост налогов, который затронул все экономические субъекты, не мог не вызвать критики. Судя по фактической ситуации в РК, недовольство осуществляемым экономическим курсом высказывает не только оппозиция, но и те, на кого политика направлена с целью улучшения их положения. Ни молодежь, ни пожилые люди, ни бедные, ни богатые, ни средний и малый бизнес, ни крупный бизнес в сложившейся беспрецедентно трудной и непрогнозируемой ситуации в экономике не удовлетворены и не могут быть удовлетворены экономической политикой.

Библиографический список

Мировой атлас данных. URL: <https://knoema.ru/atlas/Южная-Корея/Коэффициент-Джинни> (дата обращения: 11.11.2020).

Сон Чхунхён, Ю Сонёль, Ким Чжихён. Кёнчже пальчжон чонбу ёкхаль, ильчари хвакчхун-кючже хёксин-нодонсичжан кэхёксун: [Роль правительства в экономическом развитии: больше рабочих мест, модернизация регулирования, реформа рынка труда] // Тонаильбо 1.04.2020. URL: <https://www.donga.com/news/Economy/article/all/20200401/100440845/1> (дата обращения: 11.11.2020) (На кор.)

Чжеиномикс хэксим чу 52сиган кылло... чунсогиопын: [Основа чженомики 52-часовая рабочая неделя и средний и малый бизнес] // SBS. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SFeZSoHciT0> (дата обращения: 11.11.2020) (На кор.)

Buchholz, Katharina. President Moon's Approval Rating Is in Free Fall // Statista 29.05.2019. URL: <https://www.statista.com/chart/18207/president-moon-jae-in-approval-rating-south-korea/> (дата обращения: 11.11.2020).

Cho, Mansoo; Park, Sunhee. For South Korean Youth, Parasite Burrows Close to Home // The Globe And Mail 3.01.2020. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-for-south-korean-youth-parasite-burrows-close-to-home/> (дата обращения: 11.11.2020).

Country statistical profile: Korea 2020/1 // OECD. URL: <https://doi.org/10.1787/g2g9e9b4-en> (дата обращения: 11.11.2020).

Ferrier, Kyle. Moon Jae-in at the Halfway Mark // The Diplomat 14.11.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/moon-jae-in-at-the-halfway-mark/> (дата обращения: 11.11.2020).

KOSIS. URL: https://kosis.kr/conts/nsportalStats/nsportalStats_0102_Body.jsp?menuId=18&NUM=1183&searchKeyword=&freq=Y&cntUpdate=Y (дата обращения: 11.11.2020).

KOSIS 100тэ чипхё: [100 показателей]. URL: https://kosis.kr/conts/nsportalStats/nsportalStats_0101Body.jsp?menuId=all (дата обращения: 11.11.2020) (На кор.).

President Moon's Approval Rating Falls Amid Another Justice Minister Scandal // The Korea Herald 10.09.2020. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200910000296> (дата обращения: 11.11.2020).

References

Buchholz, Katharina. President Moon's Approval Rating Is in Free Fall, Statista May 29, 2019. URL: <https://www.statista.com/chart/18207/president-moon-jae-in-approval-rating-south-korea/> (accessed 11 November, 2020).

Cho, Mansoo; Park, Sunhee. For South Korean Youth, Parasite Burrows Close to Home, *The Globe And Mail* Jan 3, 2020. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-for-south-korean-youth-parasite-burrows-close-to-home/> (accessed 11 November, 2020).

Country statistical profile: Korea 2020/1, *OECD*. URL: <https://doi.org/10.1787/g2g9e9b4-en> (accessed 11 November, 2020).

Ferrier, Kyle. Moon Jae-in at the Halfway Mark, *The Diplomat* Nov 14, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/moon-jae-in-at-the-halfway-mark/> (accessed 11 November, 2020).

'Jeinomikseu' haeksim ju 52sigan keullo..jungsogieobeun [J-nomics: 52-hours working week...SME], *SBS*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SFeZSoHciT0> (accessed 11 November, 2020) (In Korean).

KOSIS. URL: https://kosis.kr/conts/nsportalStats/nsportalStats_0102Body.jsp?menuId=18&NUM=1183&searchKeyword=&freq=Y&cntUpdate=Y (accessed 11 November, 2020).

KOSIS 100 tae jipyo [100 indicators]. URL: https://kosis.kr/conts/nsportalStats/nsportalStats_0101Body.jsp?menuId=all (accessed 11 November, 2020) (In Korean).

Mirovoi atlas dannyykh [Global Data] URL: <https://knoema.ru/atlas/Южная-Корея/Коэффициент-Джинни> (accessed 11 November, 2020).

President Moon's approval rating falls amid another justice minister scandal, *The Korea Herald*, Sept 10, 2020. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200910000296> (accessed 11 November, 2020).

Song Chunghyeon; Yu Seongyeol; Kim Jihyeon. Kyeongjebaljeon jeongbu yeokhal, iljari hwakchung-kyuje hyeoksin-nodongsijang kaehyeoksun [The Role of Government in Economic Development: Job Creation, Regulation Innovations, Labor Market], *Tongailbo* Apr 1, 2020. URL: <https://www.donga.com/news/Economy/article/all/20200401/100440845/1> (accessed 11 November, 2020) (In Korean).

А.С. Андреева

СТРАТЕГИИ УСПЕХА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПОСТКРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Социально-экономический контекст XXI века был определен кризисами и трансформациями 1990-х гг. Они стали теми значимыми историческими событиями, которые оказали решающее влияние на формирование ценностей молодого поколения. Традиционные стратегии успеха были гендерно маркированы, так как сложились под влиянием системы пожизненного найма и опиравшейся на неё системы социального обеспечения. Кризис поставил молодых работников в невыгодное положение, и отшлифованный жизненный сценарий оказался неисполним: обе страны демонстрируют низкие показатели рождаемости, растущий процент безработных среди молодёжи и снижающуюся долю занятых на полную ставку. Молодёжь оказалась между молотом и наковальней: стандарты достижения успеха в обществе остались прежними; усилия, которые нужно было для этого затратить, увеличились во много раз и стали практически неосуществимы.

Цель настоящей работы — проанализировать, как молодёжь Японии и Республики Корея выстраивает стратегии успеха в посткризисном обществе. Для ответа на этот вопрос были обозначены следующие задачи: выявить традиционные стратегии успеха; обнаружить причину, по которой от них отказывается молодёжь; определить, как специфические особенности поколения влияют на фор-

мулирование новых стратегий успеха; проанализировать возможные пути решения проблемы. Применение поколенческого подхода может стать ключом к решению проблем демографического кризиса и маргинального положения молодежи на рынке труда, в связи с чем мы считаем необходимым его изучение. Исследование сконструировано как качественный контент-анализ, где анализируемые тексты взяты как из первичных источников (масс-медиа, ресурсы национальной статистики), так и из вторичных (научная литература на нескольких языках).

Ключевые слова: стратегии успеха, молодежь, Япония, Корея, поколенческий подход, посткризисное общество.

Автор: Андреева Анастасия Сергеевна, бакалавр НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. E-mail: asandreeva_7@edu.hse.ru

Andreeva A.S.

Success strategies of the youth of Japan and the Republic of Korea in the post-crisis society

Abstract. The socio-economic context of the XXIst century was determined by the crises and transformations of the 1990s. They came to be the historical events which influence became crucial for forming the young generation' values. The traditional success strategies were labeled with gender markers as they were determined by the lifetime employment system and social security system. The crisis put young people in a situation where the standard life scenario became impossible to perform. This is demonstrated by the fact that both countries show low fertility rates, a growing unemployment rate for young people, and a declining rate of full-time employees. The standards for success stayed the same while the amount of effort it takes to achieve them increased disproportionately.

This paper is aimed to analyze how young Japanese and South Koreans are building success strategies in a post-crisis world. To answer this question, the following sub-questions were placed: what are the traditional success strategies, why young people tend to reject them, how the specific characteristics of the generation are affecting the choice of new success strategies, what are the possible solutions to the problem. The generational approach may be the key to solving the problem of the demographic crisis and the youth's marginalization in the labor market. Qualitative content analysis was performed with materials studied being texts by international scholars as well as data from national surveys and statistic bases.

Keywords: success strategies, youth, Japan, Korea, generational approach, post-crisis society.

Author: Anastasiia S. ANDREEVA, bachelor, HSE Saint-Petersburg (e-mail: asandreeva_7@edu.hse.ru).

Если выбирать одно слово для характеристики молодого поколения Японии и Республики Корея, то таким словом станет «посткризисное». На турбулентные девяностые годы XX в. пришлось Азиатский экономический кризис и коллапс «пузыря мыльной экономики» Японии, которые прервали полосу экономического роста и ввергли страны в полосу рецессии. Безусловно, эти социально-экономические трансформации определили экономический и социальный контекст XXI в. Более того, следуя Инглхарту, мы можем утверждать, что они стали теми значимыми историческими событиями, которые оказали решающее влияние на формирование ценностей молодого поколения [Inglehart, p. 25]. Как указывают Смола и Суттон, социальный контекст, в котором формируется поколение, оказывает влияние на жизненные ценности и цели его представителей, их отношение к власти и рабочую этику [Smola & Sutton, p. 366].

Кризисы нанесли значительный урон национальным экономикам, что не могло не отразиться на социальной среде. Исследователь подчеркивает, что кризисы 1990-х привели к росту безработицы, повышению уровня бедности и поляризации общества [Ramesh, p. 83] (к примеру, Гордон отмечает, что японское общество в период с 1960-х по 1990-е было более эгалитарным, чем современное [Gordon, p. 13]). Рецессия сформировала поколение с дефляционным образом мышления: молодёжь не верит в возможность существенно поправить свое финансовое положение, не идет на экономические риски, не следует стратегии достижения успеха, десятилетиями шлифовавшейся послевоенной экономической системой. Молодое поколение оказалось между молотом и наковальней: стандарты достижения успеха в обществе остались прежними; усилия, которые нужно было для этого затратить, увеличились во много раз и стали практически неосуществимы [Кукмин ильбо].

В настоящей работе был поставлен следующий исследовательский вопрос: как молодёжь Японии и Республики Корея выстраивает стратегии успеха в посткризисном обществе? Для ответа на этот

вопрос были обозначены следующие задачи: выявить традиционные стратегии успеха; обнаружить причину, по которой от них отказывается молодёжь; определить, как специфические особенности поколения влияют на формулирование новых стратегий успеха; проанализировать возможные пути решения проблемы. Применение поколенческого подхода может стать ключом к решению проблем демографического кризиса и маргинального положения молодёжи на рынке труда, в связи с чем мы считаем необходимым его изучение. Исследование сконструировано как качественный контент-анализ, где анализируемые тексты взяты как из первичных источников (масс-медиа, ресурсы национальной статистики), так и из вторичных (научная литература на нескольких языках).

Традиционные стратегии успеха сложились под влиянием системы пожизненного найма и опиравшейся на неё системы социального обеспечения. При поддержке государства и бизнеса (которые, нужно отметить, часто прорастали друг в друга, достаточно вспомнить «национальных чемпионов» чеболей и кэйрэцу) сформировался корпоративный гендерный контракт, предполагающий нуклеарную семью, состоящую из мужа-добытчика и жены-домохозяйки [Goldstein-Gidoni, p. 838]. Эти системы институционализировали гендерное разделение труда (кормильцам семьи, которыми, как правило, были мужчины, полагалась семейная заработная плата, налоговые льготы и прочие бонусы), вследствие чего стратегии успеха также были гендерно маркированы. «Мужская» стратегия предусматривала вступление в систему пожизненного найма, женитьбу, деторождение и дальнейшее продвижение по службе (в корейском варианте ещё одним обязательным этапом было прохождение военной службы). «Женская» — прохождение социализации на фирме, вступление в брак и последующее увольнение, чтобы целиком посвятить себя дому и детям.

На протяжении последних нескольких десятилетий для Японии и Республики Корея характерна так называемая М-образная кривая занятости женщин. Наибольший процент занятости наблюдается среди девушек 20—29 лет, недавно закончивших университет и ещё не вступивших в брак с последующим деторождением и увольнением, и среди женщин старше 40 лет, уже сложивших с себя обязанности по круглосуточному уходу за ребёнком. В целом доля работаю-

ших женщин на 20 % меньше доли работающих мужчин (50,5 % против 70,6 % для Японии и 55,2 % против 73,2 % для Кореи); более того, многие женщины заняты неполный день [Gender Inequality Index]. В отсутствие закона о равной заработной плате средняя зарплата женщин составляет 70 % от мужской для Японии и 53 % для Кореи [The Global Gender Gap Report].

Система пожизненного найма, краеугольный камень экономического чуда, в реалиях XXI в. показала себя негибкой и неспособной адекватно адаптироваться к новым условиям, особенно в контексте глобализации и расширения спектра моделей трудоустройства во всём мире. Конкуренция на рынке труда стала ожесточённое, молодые и неопытные сотрудники первыми попадали под сокращение и были вынуждены перейти на частичную занятость, не дававшую социальных гарантий. Хотя цифры показателей занятости молодёжи в Японии и Корее разнятся между собой, причины, объясняющие появление этих цифр, свидетельствуют о схожести ситуаций в двух странах. Согласно данным Всемирного Банка, в 2019 г. уровень безработицы молодёжи в Японии составил 4,07 % (первое повышение за 9 лет, с 2010 по 2018 г. уровень стабильно снижался с 9,47 до 3,61, что составило исторический минимум с момента коллапса экономики мыльного пузыря), в Республике Корея — 10,28 (уровень безработицы колебался между показателями 8—10 с начала двухтысячных годов) [TheGlobalEconomy]. Ситуация в Корее представляется ещё хуже, если учесть мужчин, отбывающих обязательную воинскую службу, и студентов, занятых на подработках.

Поступление на службу в фирму перестало быть залогом безбедного будущего: финансовых возможностей одного мужчины-кормильца более не было достаточно для обеспечения неработающей жены и ребёнка. Переизбыток людей с высшим образованием и недостаток рабочих мест, способных удовлетворить их требованиям (в 2016 г. доля людей с дипломом о высшем образовании составила 70 % в Корее и 60 % в Японии), разрыв в заработной плате, предоставляемой предприятиями крупного, среднего и малого бизнеса, — всё это факторы, вынуждающие молодёжь отказываться от традиционных стратегий успеха [Statistics Korea, Ministry of Health, Labour and Welfare].

Взросление в условиях рецессии сформировало поколение, кардинально отличающееся от предыдущих. Экономическая реальность ставит японскую и корейскую молодёжь перед тяжёлым выбором: положить свою юность на алтарь тяжёлого труда или жить на иждивении у родителей, не в силах прокормить себя самостоятельно. Профессор Токийского университета Исида Хироси дал такую характеристику ситуации: «Экономические факторы лишили молодых людей стимулов покинуть дом, покупать машины, жениться, завести детей, рисковать и в целом взрослеть» [Lewis].

Для молодых людей нехарактерны амбиции как личные, так и общенациональные (престиж и благосостояние родины не мотивируют на преданный труд людей, родившихся после того, как экономика прошла свой пик и перешла в стадию рецессии); идея выполнения долга перед страной, будь то посредством службы в фирме или воспитания будущего поколения, также не является приоритетом; в непереносимое вознаграждение за усердные труды молодёжь больше не верит [The Global Youth Wellbeing Index]. Построение собственной нуклеарной семьи также не является более приоритетным жизненным проектом для многих молодых людей [Абэ, Кукмин ильбо].

Хотя существует широко распространённое мнение, что современная молодёжь, отдаляясь от коллективистской корпоративной культуры, становится эгоистична и замкнута на себе, многие исследователи отстаивают противоположную позицию. Так, Чун даёт следующий комментарий о японской молодёжи: «Свежая кровь из молодого поколения стремится быть частью политических партий, нацеленных на то, чтобы озвучивать желания молодёжи и создавать движение к лучшему в обществе» [Chung]. Ким отмечает, что молодое поколение придерживается более либеральных и прогрессивных взглядов в экономических вопросах, чем другие возрастные когорты, и является ведущей силой в становлении Кореи более социально ориентированной страной [Kim]. Если предыдущие поколения интересовали наращивание экономической мощи страны и северо-корейская угроза, то «отказавшееся поколение» больше сконцентрировано на перераспределении благ и достижении эгалитарности.

Поскольку имеющаяся корпоративная система чересчур ригидна, многие молодые люди избегают её вовсе. По результатам иссле-

дования 2015 г., почти 30 % японской молодёжи не хочет работать в корпорации и лишь 17,3 % планируют проработать всю жизнь в одной компании [Murai]. Это разительная перемена в мировоззрении для страны, в которой последние полвека царствовала идеология системы пожизненного найма. «Будет нечестно, если я буду целиком посвящать себя фирме, как-никак, в наше время едва ли стоит ждать прибавки к зарплате», — вот характерная позиция для молодого поколения [Dale].

Экономики Японии и Кореи тяготеют к традиционной занятости, малый и средний бизнес находится под давлением больших корпораций, развитие молодёжного предпринимательства затруднено. Молодые люди ищут альтернативные формы занятости. Особенной популярностью пользуются те, что, в противоположность устойчивейшей культуре труда, предполагают свободный график и свободу самовыражения (в том числе блоггинг, стриминг, виртуальный спорт).

Закономерно возникает вопрос: сможет ли занятость в этих областях составить достойную альтернативу работе на полную ставку со стабильной заработной платой? Несомненно, всеобъемлющая цифровизация, подъём экономики впечатлений, расширение сферы услуг создают условия для роста спроса на контент, производимый блогерами, стримерами, виртуальными спортсменами и работниками шоу-бизнеса. Пандемия COVID-19, которой пророчат глобальную трансформацию экономики, создаёт спрос на развлекательные онлайн-продукты, что обещает оптимистичное будущее контент-мейкерам. Однако подобные формы занятости не предполагают возможности отложить достаточно накоплений для комфортной старости, зависят от быстротечной моды, что делает их ненадёжными. Проблему нестабильной трудоустроенности молодёжи, впрочем, должны решать не молодые люди, а государство и бизнес, которые и сформировали такую систему занятости, которая ставит в невыгодное положение молодёжь.

В современных экономических и социальных условиях возвращение к традиционным траекториям успеха невозможно по причине их неэффективности. Оптимальным выходом видится пересмотр концепции успеха и переход к активно распространяющимся в глобальном пространстве гибким формам занятости. Национальными

правительствами уже предпринимаются шаги в этом направлении (например, сокращение максимально рабочей недели в Республике Корея), но их эффективность остается ограниченной. Как указывает профессор Государственной политологической аспирантуры Курокава Киёси, ригидная система пожизненного найма и традиционный корпоративный этикет, по умолчанию помещающие молодых работников на позицию «нижнего звена», — главные препятствия на этом пути [Dale].

Библиографический список

«Апхын чхончхун ... опхо чхильпхо номо «п-пхо сэдэ' чвачжоль» [Большая молодость ... От поколения опхо до поколения чхильпхо, отчаяние поколения "п-пхо"] // Кукмин Ильбо. Дата обновления: 28.08.2015. URL: <http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923219431&code=11131100&cp=nv> (дата обращения: 11.09.2019) (На кор.)

Абэ, Рёскэ. (2019) 2040-нэн санвари косу ко:рэй; микон касоку дзэн тодо:фу-кэн дэ [В 2040 г. более 30 % домохозяйств во всех префектурах будут состоять из пожилых и неженатых людей] / Абэ Рёскэ // Майнити симбун. Дата обновления: 20.04.2019. URL: <https://mainichi.jp/articles/20190420/ddm/001/040/140000c> (дата обращения: 09.12.2019) (На яп.).

Chung, Rye. (2018) Who can save Japan from the after-effects in the “Lost decades”? // Medium. Дата обновления: 18.05.2018. URL: <https://medium.com/@ryechung/who-can-save-japan-from-the-after-effects-in-the-lost-decades-f750c4a58242> (дата обращения: 15.11.2019).

Dale, Craig. (2010) Hanging out with Japan's 'lost generation' // CBC News. Дата обновления: 08.10.2010. URL: <https://www.cbc.ca/news/world/hanging-out-with-japan-s-lost-generation-1.893734> (дата обращения: 15.11.2019).

Goldstein-Gidoni, Ofra. The Japanese Corporate Family: The Marital Gender Contract Facing New Challenges // Journal of Family Issues, Vol. 40, No. 7 (February 2019), P. 835—864.

Gordon, Andrew. Making Sense of the lost decades: Workplaces and schools, men and women, young and old, rich and poor // Examining Japan's Lost Decades. London: Routledge, 2015. P. 1—32.

Inglehart, Ronald. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.

Kim, Jiyoan. South Korean Youth in Crisis. Implications for Political Leadership // Georgetown Journal of Asian Affairs. 2016. Vol. 2. P. 39—44.

Lewis, Leo. (2016) Japan: Deflated generation // Financial Times. Дата обновления: 13.01.2016. URL: <https://www.ft.com/content/1b24264e-b9d8-11e5-bf7e-8a339b6f2164> (дата обращения: 04.10.2019).

Ramesh, M. Economic Crisis and its Social Impacts: Lessons from the 1997 Asian Economic Crisis // Global Social Policy, Vol. 9, No.1 (September 2009). P. 79—99.

Smola, Karen, Sutton, Charlotte D. Generational Differences: Revisiting Generational Work Values for the New Millennium // Journal of Organizational Behavior, Vol. 23, No. 4 (June 2002), P. 363—382.

Murai, Shusuke. (2015) Almost 30 % of young people don't want to work for a company, survey finds // The Japan Times. Дата обновления: 14.08.2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/08/14/national/social-issues/almost-30-young-people-dont-want-work-company-survey-finds/#.XqgEXm5uI2w> (дата обращения: 15.11.2019).

Gender Inequality Index // United Nations Development Programme. Human Development Reports. 2018. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII> (дата обращения: 25.01.2020).

Ministry of Health, Labour and Welfare. 2019. URL: <https://www.mhlw.go.jp/index.html> (дата обращения: 18.10.2019).

Statistics Korea. 2019. URL: <http://kostat.go.kr/portal/korea/index.action> (дата обращения: 18.10.2019).

The Global Gender Gap Report // World Economic Forum. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 25.01.2020).

TheGlobalEconomy.com. 2019. URL: <https://www.theglobaleconomy.com/> (дата обращения: 28.09.2019).

The Global Youth Wellbeing Index. 2018. URL: <https://www.youthindex.org/> (дата обращения: 28.09.2019).

References

«Apeun cheongchun ... 5po → 7po neomeo 'npo sedae' jwajeol» [Painful youth ... From o-po generation to chil-po generation, despair of N-po generation] // Kookmin Ilbo. URL: <http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923219431&code=11131100&cp=nv> (accessed: 15 November, 2019). (In Korean).

Abe, Ryōsuke (2019) 2040-Nen, 3-wari kosu kōrei mikon kasoku zen todōfuku de [In 2040, more than 30 % of households will consist of elderly and unmarried people // Mainichi Shimbun. URL: <https://mainichi.jp/articles/20190420/ddm/001/040/140000c> (accessed: 15 November, 2019). (In Japanese).

Chung, Rye. (2018) Who can save Japan from the after-effects in the “Lost decades”? // Medium. 18 May 2018. URL: <https://medium.com/@ryechung/who-can-save-japan-from-the-after-effects-in-the-lost-decades-f750c4a582sa> (accessed: 15 November, 2019).

Dale, Craig. (2010) Hanging out with Japan's 'lost generation' // CBC News. 8 October 2010. URL: <https://www.cbc.ca/news/world/hanging-out-with-japan-s-lost-generation-1.893734> (accessed: 15 November, 2019).

Goldstein-Gidoni, Ofra (2019). The Japanese Corporate Family: The Marital Gender Contract Facing New Challenges // Journal of Family Issues, Vol. 40, No. 7: 835—864.

Gordon, Andrew (2015). Making Sense of the lost decades: Workplaces and schools, men and women, young and old, rich and poor // Examining Japan's Lost Decades. London: Routledge: 1—32.

Inglehart, Ronald (1997). Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press. 453 p.

Kim, Jiyeon (2016). South Korean Youth in Crisis. Implications for Political Leadership // Georgetown Journal of Asian Affairs. Vol. 2: 39—44.

Lewis, Leo. (2016) Japan: Deflated generation // Financial Times. 13 January 2016. URL: <https://www.ft.com/content/1b24264e-b9d8-11e5-bf7e-8a339b6f2164> (accessed: 04October, 2019).

Ramesh, M (2009). Economic Crisis and its Social Impacts: Lessons from the 1997 Asian Economic Crisis // Global Social Policy, Vol. 9, No.1: 79—99.

Smola, Karen, Sutton, Charlotte D (2002). Generational Differences: Revisiting Generational Work Values for the New Millennium // Journal of Organizational Behavior, Vol. 23, No. 4: 363—382.

Murai, Shusuke. (2015) Almost 30 % of young people don't want to work for a company, survey finds // The Japan Times. 14 August 2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/08/14/national/social-issues/almost-30-young-people-dont-want-work-company-survey-finds/#.XqgEXm5uI2w> (accessed: 15 November, 2019).

Gender Inequality Index // United Nations Development Programme. Human Development Reports. 2018. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII> (accessed: 25 January, 2020).

Ministry of Health, Labour and Welfare. 2019. URL: <https://www.mhlw.go.jp/index.html> (accessed: 18 October, 2019).

Statistics Korea. 2019. URL: <http://kostat.go.kr/portal/korea/index.action> (accessed: 18 October, 2019).

The Global Gender Gap Report // World Economic Forum. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (accessed: 25 January, 2020).

TheGlobalEconomy.com. 2019. URL: <https://www.theglobaleconomy.com/> (accessed: 28 September, 2019).

The Global Youth Wellbeing Index. 2018. URL: <https://www.youthindex.org/> (accessed: 28 September, 2019).

И.А. Дегтев

НАЦИОНАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ И ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Современные международные отношения демонстрируют отчетливый рост проявлений и востребованность национализма как идеологии, политической практики и инструмента консолидации общества. «Глобализация национализма» становится следствием обновления миропорядка, эрозии международных институтов, пересмотра роли государства в мировой политике и экономике, ускорения политических, экономических и социальных процессов. В Восточной Азии усиление позиций национализма происходит в контексте смены лидера и борьбы за политическое и экономическое доминирование между Китаем и Японией (в союзе с США). С утратой экономических позиций Японией теряется ее политический вес в регионе, в связи с этим возникает необходимость в сохранении своей конкурентоспособности. В этих условиях национализм становится востребованным ресурсом в руках политической элиты, средством внутренней пропаганды и в большинстве случаев работает на смещение внимания с социально-экономических проблем страны на поддержку электората в принятии решений во внешней и оборонной политике.

В данном контексте на передний план выходят и вопросы исторической памяти между Японией и ее восточноазиатскими соседями, сюжеты, связанные с деятельностью японских милитаристов и

их колониальной политикой в регионе. На этом фоне происходит столкновение интересов и борьба за «правильное» толкование истории, которая ведется по обеим сторонам: как на академическом и интеллектуальном, так и политическом уровнях.

На основе ретроспективного анализа автор статьи приходит к мнению, что исторический ревизионизм является важным идеологическим инструментом политической элиты Японии из числа националистов и консерваторов, а политика национализма — средством к достижению статуса «нормальной страны», направленным на избавление от синдрома «проигравшей нации» и самоограничений, наложенных в послевоенный период.

Ключевые слова: Япония, Синдзо Абэ, национализм, вопросы исторической памяти.

Автор: Дегтев Иван Андреевич, студент магистратуры Института истории, СПбГУ. E-mail: ivan.degtev@mail.ru

Degtev I.A.

Nationalism in Japan's Foreign Policy and the Issues of Historical Memory

Abstract. Contemporary international relations show a clear increase in the manifestations and relevance of nationalism as an ideology, political practice, and tool for consolidating society. “Globalization of nationalism” becomes a result of the change order, the erosion of international institutions to revise a role of state in world politics and economy, accelerating political, economic and social processes. In East Asia, the strengthening of nationalism is taking place in the context of a change of leader and the struggle for political and economic dominance between China and Japan (in alliance with the USA). With the loss of Japan's economic position, its political weight in the region is lost, and therefore there is a need to maintain its competitiveness. Under these conditions, nationalism becomes a popular resource in the political elite's hands, a means of internal propaganda, and in the most cases it works to shift attention from the country's socio-economic problems to support of electorate in making decisions in foreign and defense policy.

In this context, it comes to the fore issues of historical memory between Japan and its East Asian neighbors, themes, related to the activities of Japanese militarists and their colonial policy in the region. On this background, there is a clash of interests and a struggle for the “correct”

history interpretation, which is being happened on both sides: both at the academic and intellectual, and at the political levels.

Based on a retrospective analysis, the author concludes that historical revisionism is becoming an important ideological tool of Japan's political elite from among the nationalists and conservatives, and the policy of nationalism is a means to achieve the "normal country" status, aimed at getting rid of the "losing nation" syndrome and self-restrictions, imposed in the post-war period.

Keywords: Japan, Shinzo Abe, nationalism, issues of historical memory.

Author: Ivan A. DEGTEV, Master's degree student at Institute of history, St. Petersburg State University (e-mail: ivan.degtev@mail.ru).

Войны памяти, наблюдающийся отход от общих взглядов на события совместного пережитого прошлого становятся трендом современной международной политики, а преднамеренное искажение исторических фактов — инструментом политико-идеологической пропаганды в информационной войне друг против друга. В АТР эта проблема имеет важное значение, ведь именно здесь до сих пор сохраняются острые разногласия и противоречия в вопросах интерпретации событий региона. Курс, взятый на освобождение от оков мрачного и печального прошлого, усиление позиций национализма, приход к власти популистов усиливают субъективное восприятие истории. В этих условиях страны становятся менее уступчивыми, более жесткими в решении национальных задач и внешней политике.

В японской внутривнутриполитической повестке работа с историческим знанием является важным компонентом в деятельности политиков послевоенного поколения. На продвижение укоренения стереотипных представлений и предубеждений о своих соседях работают система школьного образования, японские масс-медиа, выступления ярких и тенденциозных лидеров общественного мнения, экспертов, политологов. Властями поддерживаются националистические группы и организации, будь то, например, из числа академиков и интеллектуалов, политический смысл образования которых заключается в необходимости перехода на «правильное преподавание» истории и воспитания у молодежи гордости за страну.

В XXI в. «развенчание» мифов исторического прошлого Японии, особенно тех, которые касаются колониальной политики и агрессивных действий в Азии, прочно закрепилось в качестве внешнеполитического приоритета. Обсуждение вопросов исторической памяти у Японии продолжается с Китаем и Республикой Корея. Большинство из проблем по историческим меркам относительно недавно стали предметом конфликта Японии с ее восточноазиатскими соседями. Вплоть до 1980—1990-х гг. они не так активно выходили на международный уровень и поднимались на повестку обсуждения, а то и вообще старались замалчиваться: это объяснялось послевоенным восстановлением и отсутствием необходимости в привлечении излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, коммунистический Китай, чтобы преодолеть дипломатическую изоляцию и лишний раз не обострять ситуацию, в своей стратегии сделал ставку на установление дружественных отношений с западным миром, включая и Японию. РК установила дипломатические отношения с Японией в 1965 г. К тому же страна, нуждавшаяся в инвестициях для своей экономики, со стороны Токио получила финансовую помощь в размере 500 млн долл., что явилось одним из факторов корейского экономического чуда.

Вместе с тем, как Япония пробуждалась из «мирного сна» и росли ее политические амбиции и претензии, в общественно-политическом дискурсе усиливалось националистическое крыло, выступавшее за отмену «мазохистского взгляда» на историю [Япония 2014, с. 20]. В контексте японо-китайских отношений, помимо проблемы территориальной принадлежности островов Сенкаку/Дяоюйдао, это коснулось пересмотра одной из острых тем — массовой резни в Нанкине 1937 г., где по разным подсчетам жертвами японской агрессии стали около 400 тыс. убитых и 80 тыс. изнасилованных, однако японские оценки на этот счет выглядят куда более скромными [Horvat, 2004, p. 144].

В появившемся в 2002 г. «Новом учебнике по истории», разработанном группой ученых под руководством историка-ревизиониста, профессора Токийского университета Нобукацу Фудзиока, «Нанкинская резня» именовалась «Нанкинским инцидентом», а война в Азии, которую вела Япония, — актом самозащиты, одной из задач

которой являлось освобождение азиатских народов от колониального рабства Запада. Выход учебника вызвал возмущение, однако это не помешало министерству образования его одобрить, но с требованием к составителям внести в текст свыше ста исправлений. Решение о включении учебника в школьную программу осталось за региональными комиссиями. Последствия, с которыми столкнулась Япония в международно-политической плоскости, оказались куда более значительными, чем предполагаемое влияние материала на формирование исторического сознания японцев. «Новый учебник по истории» получил долю внутреннего рынка в объеме лишь 0,4 % [Statement by MOFAT Spokesperson].

Ощутимое воздействие на развитие межгосударственных связей Японии и Южной Кореи оказывает проблема «женщин комфорта». В период японского милитаризма представительницы этой категории подвергались сексуальной эксплуатации со стороны солдат и офицеров японской армии. В так называемых «станциях утешения» — публичных домах — больше всего было представлено кореянок и филиппинок, находились женщины из Таиланда, Малайзии, Вьетнама.

Как объясняет российский японовед Д.В. Стрельцов, в начале 1990-х гг. проблема «женщин комфорта» получила широкую актуализацию в южнокорейской внешнеполитической повестке потому, что, во-первых, в связи с достигнутыми экономическими успехами последовал подъем национального самосознания и усиление политической и экономической борьбы за лидерство в регионе на фоне утраты этих позиций Японией; во-вторых, проблема привлекала к себе внимание в контексте международного интереса к правам человека и правозащитной деятельности; в-третьих, в связи с ростом популярности проблема «женщин комфорта» обрела роль важного внутриполитического ресурса южнокорейского истеблишмента, при чрезмерном использовании которого можно было успешно поддерживать его рейтинги [Япония 2014, с. 21—22]. Требование от японских властей соответствующих денежных компенсаций и покаяний оставшимся в живых южнокорейским жертвам стало лейтмотивом всего спора.

Несмотря на опубликованные в 1990 г. доказательства причастности японского руководства в организации «станций утешения» и

привлечении женщин оккупированных азиатских стран к оказанию сексуальных услуг военным японской армии, высказывания отдельных представителей официальной власти, разделяющих существующие факты, например, как это было в случае с генеральным секретарем кабинета министров Японии Е. Коно в 1993 г., Токио отвечает, что все вопросы о выплате компенсаций решены договором об основе отношений 1965 г. и последующими двусторонними соглашениями [Япония в поисках новой глобальной роли, с. 249]. Вместе с тем Япония не отказывается от решения гуманитарного аспекта проблемы, в частности такую позицию высказывал премьер-министр Е. Нода в ходе встречи с президентом Республики Корея Ли Мен Бак в декабре 2011 г.

Смена власти в Японии в результате победы на парламентских выборах ДПЯ в 2009 г. внушила надежды, что отношения между двумя восточноазиатскими соседями будут восстановлены и выведены на новый уровень. Если вначале и возникало ощущение, когда, казалось бы, заявления национальных лидеров о совместном преодолении исторических барьеров должны были способствовать улучшению климата двусторонних связей, то ближе к концу пребывания во власти ДПЯ небывалый энтузиазм исчез, страны вернулись к привычному для них конфликтному состоянию и общественному взаимному неприятию друг друга. Причиной тому явилось обострение ситуации вокруг спорных островов Такэсима/Токто, напоминание японскими политиками о юридически восстановленной чести преступников Второй мировой войны класса «А» и отход от изначально занимаемой позиции демократов относительно острых углов исторического прошлого двух наций.

В 2015 г. Токио и Сеулу все же удалось прийти к соглашению в решении проблемы «женщин комфорта». Несмотря на очередные официальные извинения Японии и соболезнования ее лидера и главы МИД оставшимся в живых южнокорейским женщинам, ни официальные извинения Токио пострадавшим женщинам и их родственникам, ни денежные компенсации так и не удовлетворили Сеул [Ардаев]. В настоящее время конфликт вышел за пределы государств и приобрел явно выраженный политизированный характер, что, несомненно, сказывается на всем спектре японо-южнокорейских отношений.

Остроту в списке вопросов исторического прошлого сохраняет проблема посещения японскими парламентариями и первыми лицами государства синтоистского храма Ясукуни, который странами Восточной и Юго-Восточной Азии воспринимается как символ японского милитаризма. Храм посвящен павшим воинам, отдавшим свои жизни за императора и страну на разных полях сражений, начиная с середины XIX в.: в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. или оккупации Китая. В числе святых значатся и 14 военных преступников класса «А», осужденные Токийским процессом. В контексте пропаганды идеологии национализма храм является важным элементом в системе военно-патриотического воспитания молодежи.

Критику китайского или южнокорейского руководства в связи с посещением храма японские националисты-консерваторы рассматривают как вмешательство во внутренние дела Японии. Об этом можно судить из речи бывшего премьер-министра Дз. Коидзуми в верхней палате японского парламента в апреле 2005 г., подчеркнувшего, что каждая страна имеет право чтить своих героев, погибших во время войны, и другие государства не должны вмешиваться в этот процесс [Varma, 2006, p. 41].

Коидзуми за время пребывания на посту премьер-министра совершил пять визитов в синтоистский храм. Последнее посещение Ясукуни в качестве главы правительства Японии ныне ушедшего в отставку с поста премьер-министра С. Абэ произошло в конце 2013 г. После этого он воздерживался от паломничества в храм, чтобы лишний раз не раздражать соседей и не обострять с ними отношения, ограничиваясь лишь ритуальным подношением от своего имени по случаю весенних и осенних праздников. Примечательно, что после сдачи полномочий в сентябре 2020 г. Абэ спустя несколько дней успел посетить храм. Его решение было аргументировано необходимостью сообщить духу о своей отставке [Абэ впервые за семь лет посетил храм — символ японского милитаризма].

* * *

Проблема вопросов исторической памяти является частным проявлением кампании японских националистов по пересмотру

итогов Второй мировой войны. Исторический ревизионизм стал важным политико-идеологическим инструментом японской политической элиты. Современные политики признают, что колониальное правление и агрессивные действия страны принесли много страданий и колоссальный ущерб азиатским народам, но вместе с этим они заявляют, что послевоенные поколения не должны бесконечно нести бремя вины за действия японской армии и быть обреченными на вечные извинения [Синдзо Абэ: японцы не должны бесконечно извиняться за войну]. Усилия, направленные на искажение истории и приукрашивание японского военного прошлого, интенсивно критикуются Китаем и Республикой Корея.

Давление со стороны местных и зарубежных общественных деятелей, журналистов, политологов вынуждает политиков из числа националистов-консерваторов действовать с учетом все еще преобладающих антивоенных настроений в стране, корректировать свои слова и позиции, чтобы окончательно не навредить своему внутриполитическому имиджу и не подвергнуться международному ostracismу.

В последнее время войны памяти стали выходить на новый виток, предпринимаются попытки концептуального реформатирования национального сознания. Из национальной истории берут все лучшее, вдохновляющее и укрепляющее силы собственного народа. Создаются новые образы и нарративы, конструируется основа будущей реальности. История о событиях Второй мировой войны и предвоенном периоде Японии сегодня все сильнее выступает продуктом политических манипуляций, государственных ритуалов, транслируемых в общественное сознание посредством системы образования, литературы, прессы.

Библиографический список

Абэ впервые за семь лет посетил храм — символ японского милитаризма // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3068015.html> (дата обращения: 04.10.2020).

Ардаев В. Призванные в бордели. «Женщины для утешения» мешают Сеулу дружить с Токио // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180309/1515967313.html> (дата обращения: 21.09.2020).

Синдзо Абэ: японцы не должны бесконечно извиняться за войну // Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150814_japan_wii_statement (дата обращения: 24.09.2020).

Япония 2014. Ежегодник. М.: АИРО—XXI, 2014. 340 с.

Япония в поисках новой глобальной роли = Japan in search of a new global role / Ин-т востоковедения РАН; Институт Дальнего Востока РАН; Ассоциация японоведов. М.: Вост. лит., 2014. 303 с.

Horvat, Andrew. Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // *The Brown Journal of International Affairs*. 2004. No. 1. P. 137—148.

Statement by MOFAT Spokesperson on the Announcement by the Japanese Ministry of Education on the Outcome of History Textbook Adoptions // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=298038&srchFr=&srchTo= (дата обращения: 22.09.2020).

Varma, Lalima. Japan's Policy Towards East and Southeast Asia: Trends in ReAsianization // *International studies*. 2006. No. 1. P. 33—49. DOI: 10.1177/002088170504300102.

References

Horvat, Andrew (2004). Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia, *The Brown Journal of International Affairs*, No. 1: 137—148.

Statement by MOFAT Spokesperson on the Announcement by the Japanese Ministry of Education on the Outcome of History Textbook Adoptions. Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=298038&srchFr=&srchTo= (accessed: 22 September, 2020).

Varma, Lalima (2006). Japan's Policy Towards East and Southeast Asia: Trends in ReAsianization, *International studies*, No. 1: 33—49. DOI: 10.1177/002088170504300102.

Abe впервые за сем? лет посетил храм — символ японского милитаризма [For the first time in seven years Abe have visited the temple — a symbol of Japanese militarism], NA Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3068015.html> (accessed: 4 October, 2020) (In Russian).

Ardaev V. Prizvannye v bordeli. «Zenshchiny dlya utesheniya» meshayut Seulu družhit' s Tokio [Called to brothels. “Comfort women” stops Seoul from being friends with Tokyo], RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20180309/1515967313.html> (accessed: 21 September, 2020) (In Russian).

Sindzo Abe: yaponcy ne dolzhny beskonechno izvinyat'sya za vojnu [Shinzo Abe: the Japanese don't have to endlessly apologize for the war], BBC Russian Service. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150814_japan_wwii_statement (accessed: 24 September, 2020) (In Russian).

Yaponiya 2014. Ezhegodnik [Japan in 2014. Yearbook] (2014), Moscow: “AIRO—XXI”, 340 p. (In Russian).

Yaponiya v poiskah novej global'noj roli [Japan in search of a new global role] (2014), Moscow: “Vostochnaya literatura” Publisher, 303 p. (In Russian).

И.В. Дьячков

ПРОБЛЕМА СКАЛ ЛИАНКУР В ЮЖНОКОРЕЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹

Аннотация. Один из наиболее устойчивых сюжетов южнокорейской внешней политики — активное распространение Сеулом своих взглядов на историю региона. В некоторых случаях у таких «дискурсивных» проблем есть вполне реальное измерение — как, например, у спора с Японией о принадлежности скал Лианкур (остров Токто/Такэсима). Объект фактически контролируется Республикой Корея с середины XX в., и накал внешне- и внутривнутриполитических страстей вокруг достаточно невзрачного острова трудно объяснить его объективной ценностью. Тем не менее, трата усилий на продвижение своей позиции по Токто объясняется не столько желанием защитить остров от посягательств, сколько необходимостью удерживать эту проблему в политической повестке. Ресурсом становится не сам остров, а дискуссия вокруг него, которая позволяет укреплять свой имидж, дискредитировать оппонента, а также, играя на националистических эмоциях, отвлекать население от внутренних проблем. В итоге и проблема Токто, и другие исторические вопросы остаются принципиально нерешёнными несмотря на периодические попытки Сеула и Токио их урегулировать. Стороны про-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (грант № 19-18-00017)

должают обмениваться колкостями, и, хотя конфликт конкретно по вопросу Токто сейчас малоактивен, в последние годы исторические споры ощутимо вредили южнокорейско-японским отношениям. Хочется надеяться, что Республика Корея и Япония будут воздерживаться от углубления политической эксплуатации проблемы Токто, остров не станет новой горячей точкой и без того беспокойного региона, а спор по его поводу не вдохновит другие конфликты как в южнокорейско-японских отношениях, так и между другими странами.

Ключевые слова: внешняя политика, Лианкур, территориальные споры, Такэсима, Токто, Республика Корея, Япония.

Автор: Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

Ilya Dyachkov

The Liancourt Rocks Issue in Relations between the Republic of Korea and Japan¹

Abstract. One of the most long-standing motifs of South Korean foreign policy is Seoul's actively promoting their own views on the region's history. In certain cases these 'discourse-related' problems spill over into reality, like the dispute with Japan over the Liancourt Rocks (also known as Tokto/Takeshima Island). The Republic of Korea controls the location since the middle of the twentieth century, and the island's material worth hardly explains the intensity of domestic and foreign policy discourse. Nonetheless, Seoul spends significant efforts to push the Korean view of the issue in order to keep it on the agenda rather than to keep the island itself. The goal is not Tokto itself, but the discourse surrounding it, since it allows politicians to promote their positive image, discredit their opponents and distract the public from domestic problems by exploiting nationalistic emotions. As a result, the Tokto dispute and other historical issues remain unresolved despite though Seoul and Tokyo periodically attempt to settle them. The parties exchange insults, and, even though the conflict over Tokto is subdued, in recent years history-related disputes significantly harmed relations between Japan and South Korea. Hopefully, Seoul and Tokyo will refrain from exploiting the controversial issue fur-

---

¹ The study is funded by Russian Science Fund (project no. 19-18-00017).

her, the island will not become another hot spot in the already troubled region, and the dispute will not inspire new conflicts between Japan and Korea or other countries.

Keywords: foreign policy, Japan, Liancourt, Republic of Korea, Takeshima, territorial disputes, Tokto.

Author: Ия В. ДЯЧКОВ, Ph.D. (History), Associate Professor, Dept. of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian, Dept. of Oriental Studies, MGIMO University; Researcher, Oriental Studies Institute, RAS.

В иерархии задач, которые ставит перед собой Республика Корея во внешней политике, есть проблемы разного порядка¹. Первый уровень — долгосрочная цель. Сеул последовательно движется к укреплению своей способности определять международную повестку — как в регионе, так и в мире. Второй уровень — «повседневные заботы»: государству необходимо обеспечивать свои интересы, в первую очередь, в области безопасности. Третий уровень — и эта категория тесно связана с первыми двумя — Южная Корея озабочена строительством и поддержанием выгодного имиджа. «Выделиться» здесь можно как в «конструктивном» смысле, наращивая потенциал мягкой силы, так и в «деструктивном», дискредитируя потенциальных конкурентов. Сюда, собственно, относится политическая эксплуатация исторических вопросов².

Это исключительно важное направление политики, особенно для отношений Республики Корея с Японией. Так, английская версия сайта южнокорейского внешнеполитического ведомства содержит прямые ссылки на разъяснение позиции только по трём вопросам [Ministry of Foreign Affairs...]. Логично предположить, что это и есть самые жизненные проблемы, стоящие перед Сеулом. Первая из них — ядерная — действительно ключевой региональный вопрос. Однако две других уже выглядят более экзотично и в целом несравнимо по масштабу (хотя бы потому, что они скорее двусторонние, чем региональные) — это проблема топонимики Японского моря и

---

¹ Аналогичным образом можно описать и японскую внешнюю политику.

² Следует заметить, что здесь и далее речь идёт не о самих исторических событиях или коллективных эмоциях по их поводу, а именно о *политической эксплуатации* первых и вторых.

вопрос о принадлежности скал Лианкур (корейское название — «остров Токто», японское — «Такэсима»)¹.

Спор по поводу Токто за прошедшие полвека шёл с разной степенью интенсивности, хотя фактический суверенитет над островами оставался в руках Сеула. Стороны подкрепляют свою позицию историческими аргументами, уходящими в раннее средневековье (корейскую эпоху трёх государств), и находят те или иные изъяны в утверждениях оппонента. Нередко Сеул и Токио ссылаются на одни и те же источники и факты, не отрицая их подлинность, но интерпретируя противоположным образом в своих интересах. Поэтому сама эта дискуссия интересна как живой пример конструирования квазиисторического нарратива в конкурентных условиях.

Также нередко в литературе повторяется тезис о высокой объективной ценности Токто для спорящих сторон. Действительно, его принадлежность будет определять морские границы двух государств, а сам остров может быть превращён в стратегический пункт. Разумеется, акватория вокруг Токто (как и любая другая) — источник рыбных ресурсов, а недра в его окрестностях могут быть богаты полезными ископаемыми [Cho, p. 372; *Неспокойное соседство...*, с. 176]. Тем не менее, символическая и эмоциональная ценность спорных скал многократно превосходит объективную. Трата сил на борьбу за них оправдывается не потенциальным результатом, а возможностью использовать этот сюжет как инструмент внутренней и внешней политики.

За 70 лет существования южнокорейского государства, несмотря на смену режимов и администраций, оставалась неизменной не только сама позиция, но и формулировки и аргументы. Так, на уже упомянутом сайте МИД Республики Корея сейчас, в президентство либерально настроенного Мун Чжэ Ина, одно из положений проиллюстрировано цитатой лисынмановского министра иностранных дел Пён Ентхэ [Dokdo...].

В последние годы основным предметом корейско-японских исторических споров были «женщины для утешения» и принудитель-

---

¹ Корейское название спорного объекта — «Токто» — прижилось в отечественной корееведческой литературе, и эта статья будет следовать этой традиции. Употребление единственного числа («остров») также дань традиции, в реальности это группа мелких островов и скал.

ный труд корейцев в колониальную эпоху, и проблема Токто отодвинулась на второй план. Тем не менее, стороны не могут прекратить обмениваться колкостями. Так, в меню торжественного ужина в честь посещавшего Сеул в 2017 г. Д. Трампа были демонстративно включены креветки, выловленные около острова Токто [Ильчонбу...]. В начале 2020 г. упоминание о спорном острове как японской территории мелькнуло в промо-материалах сил самообороны Японии [Japan Self-Defense Force...].

Для Республики Корея целью является не «сохранение Токто» (который и так находится под её суверенитетом), а, скорее, «сохранение проблемы Токто». Обращение к ней может становиться средством внутренней мобилизации, отвлечения внимания населения от внутренних проблем или внешнеполитического давления на Токио. Так, в годы пребывания у власти Ли Мёнбака появление проблемы Токто и смежных исторических вопросов в общественном дискурсе совпало с волнами антиправительственной критики по другим поводам.

Схожая картина наблюдается и в Японии. Абэ Синдзо, находившийся у власти до недавнего времени, опирался в том числе на националистически настроенную часть населения, не удовлетворённую «униженным» послевоенным положением Токио. Японскому национализму неприятна идея покаяния перед бывшими колониями, равно как и мысль о каких-либо уступках им, пусть и весьма условных [Akaha, p. 156].

Играя с внутренним национализмом, Республика Корея деятельно нагнетает страсти вокруг Токто, из-за чего со стороны может показаться, что Япония столь же активно пытается аннексировать остров. При этом Сеул отрезает путь к самому обсуждению вопроса, отрицая наличие территориального спора на том основании, что остров однозначно принадлежит Корее [Лобов, 2018, с. 293]. Японская дипломатия считает, что «некоммуникативная» позиция свидетельствует о слабости южнокорейских доказательств [10 пунктов..., с. 14].

Однако трудно сказать, насколько здесь вообще может помочь дипломатия. Во-первых, спор воспринимается как игра с нулевой суммой. Любая уступка видится властям как выигрыш противника и демонстрация собственной слабости, следовательно, чревата потерей внутренней поддержки [Иванов, с. 117]. В таких условиях вести

реальные переговоры крайне затруднительно. Во-вторых, пример другой исторической проблемы — вопроса «женщин для утешения» — показывает, что даже достигнутые с большим трудом договорённости впоследствии оказываются разорваны под внутренним давлением. Поэтому примечательно апокрифическое высказывание Пак Чонхи, что взорвать Токто — единственный способ решить проблему окончательно.

В итоге исторические проблемы, которыми богаты южнокорейско-японские отношения, остаются принципиально нерешёнными. Они либо намеренно игнорируются ради более важной цели, как сам вопрос Токто в ходе нормализации 1965 г. [Лобов, с. 156], либо с трудом достигнутый компромисс игнорируется и саботируется, как в случае «женщин для утешения» после 2015 г. [Дьячков, с. 72—87] «Парадокс» объясняется, во-первых, тем, что при любой администрации оппозиция будет рада сыграть на антияпонских настроениях масс, обвинив власти в предательстве национальных интересов. Во-вторых, и сама власть не спешит расставаться со столь гибким политическим инструментом.

Поэтому такие «вялотекущие» споры остаются характерной чертой политико-дипломатической культуры Северо-Восточной Азии. Основная причина их появления и «долгожительств» — не какая-то особенная для этого региона сложность прошлого, а сложность сегодняшней международно-политической ситуации. «Предназначение» и судьба подобных конфликтов — не поиски решения, а постоянный обмен претензиями для поддержания своего имиджа и дискредитации оппонента, не говоря уже о том, что они активно используются политиками для достижения тех или иных краткосрочных конъюнктурных целей. Почти все страны Восточной Азии предъявляют всем своим региональным соседям территориальные и исторические претензии — приём настолько универсальный, что даже кажется, будто нежелание прибегать к нему может обернуться потерей лица.

Хотя в целом ситуация вокруг спорного острова стабильная, и признаки обострения не просматриваются, сохраняется и повод для беспокойства. Северо-Восточной Азии едва ли нужен «лишний» повод для конфликта, пусть вялотекущего и «дискурсивного». Кроме того, в последние годы подобные споры, несмотря на все сдерживающие факторы, становились причиной вполне реальных обостре-

ний южнокорейско-японских отношений (то же самое можно сказать и про иные территориальные вопросы — например, проблему островов Сэнкаку/Дяоюйдао). Пугает и то, что «ассортимент» претензий у сторон друг к другу обычно достаточно велик — от проблем, основанных на сложностях общей истории, до проблем, подкрепляемых только националистическим мифом, а логика противостояния порой предполагает использование всех возможных средств давления.

Остаётся надеяться, что Республика Корея и Япония будут воздерживаться от углубления политической эксплуатации проблемы Токто, остров не станет новой горячей точкой и без того беспокойного региона, а спор по его поводу не вдохновит другие конфликты как в южнокорейско-японских отношениях, так и между другими странами.

Библиографический список

10 пунктов для понимания проблемы о-вов Такэсима. Токио: Отдел СВА Департамента стран Азии и Океании МИД Японии, 2008. 14 с.

Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С.72—87.

Иванов А.Ю. Территориальные притязания Японии к России и Республике Корея: сравнительный анализ // Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 112—120.

Ильчонбу токтосэу вианбу хальмони итхиль ёнсок хани 日정부, '독도새우·위안부할머니' 이틀연속항의[Японское правительство два дня подряд протестует против «креветок с Токто» и «бабушки-вианбу»] // Чосон ильбо 조선일보. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/2017110900984.html (На кор.) (дата обращения: 25.07.2019).

Лобов Р.Н. Взаимоотношения в треугольнике КНДР-РК-Япония после холодной войны: основные тренды и проблемы развития // КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 290—301.

Лобов Р.Н. Процесс нормализации двусторонних отношений между РК и Японией в 1960—1965 гг.: факторы, движущие силы, результаты // Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 149—157.

Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России / [А.В. Торкунов и др.]; под ред. Г.Д. Толорая. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 344 с.

Akaha, Tsuneo. The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: the Role of China and Korea in the Last Decade // *Pacific Focus*. 2008. Vol. XXIII. No. 2. P. 156—188. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2008.00009.x.

Cho, Jinman. The Dokdo/Takeshima Dispute between Korea and Japan: Understanding the Whole Picture // *Pacific Focus*. 2009. Vol. XXIV. No. 3. Pp. 365—378. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2009.01030.x.

Dokdo, the First Victim of Japan's Aggression Against the Korean Peninsula. URL: <https://dokdo.mofa.go.kr/eng/pds/docu.jsp> (дата обращения: 12.11.2020).

Japan Self-Defense Force Marks Dokdo as Japanese Territory in PR Video. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150927 (дата обращения: 30.01.2020).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. URL: <http://www.mofa.go.kr/eng/index.do> (дата обращения: 12.11.2020).

References

Akaha, Tsuneo (2008). The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: the Role of China and Korea in the Last Decade, *Pacific Focus*, Vol. XXIII, No. 2: 156—188. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2008.00009.x.

Cho, Jinman. (2009) The Dokdo/Takeshima Dispute between Korea and Japan: Understanding the Whole Picture, *Pacific Focus*, Vol. XXIV. No. 3.: 365—378. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2009.01030.x.

Desyat punktov dlya ponimaniya problemy ostrovov Takesima. [10 points to understand the Takeshima Islands issue], Tokyo: NEA Section, Dept. of Asia and Oceania, MOFA of Japan, 2008, 14 p. (In Russian).

Dokdo, the First Victim of Japan's Aggression Against the Korean Peninsula. URL: <https://dokdo.mofa.go.kr/eng/pds/docu.jsp> (accessed: 12 November, 2020).

Dyachkov, I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat i politika: problema “zhenshin dlya utesheniya” v sovremennyh yuzhnokoreysko-yaponskih otnosheniyah [Collective memory and politics: the “comfort women” issue in contemporary relations between South Korea and Japan], *Yaponskie issledovaniya [Japanese studies]*, No. 4: 72—87. (In Russian).

Ijeongbu, 'dokdo saeu wianbu halmeoni' iteul yeonsok hangui [Japanese government protesting 'Tokto shrimp' and 'comfort granny' for two days straight], *Chosun Ilbo*. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2017/11/09/201711090984.html (accessed: 25 July, 2019) (In Korean).

Ivanov, A.Yu. (2013). Territorialnye prityazaniya Yaponii k Rossii i Respublike Koreya: sravnitelnyi analiz [Japanese territorial claims to Russia and the Republic of Korea: a comparative study], *Koreya: uroki istorii i vyzovy sovremennosti [Korea: lessons from history and current challenges]*, Moscow: IFES RAS, 2013: 112—120. (In Russian).

Japan Self-Defense Force Marks Dokdo as Japanese Territory in PR Video. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=150927 (accessed: 30 January, 2020).

Lobov, R.N. (2017). Process normalizacii dvustoronnix otnoshenij mezhdru RK i Yaponiej v 1960—1965 gg.: faktory, dvizhushhie sily, rezul'taty [Normalization between the RoK and Japan in 1960—1965: factors, locomotives, results], *Koreya pered novymi vyzovami [Korea facing new challenges]*, Moscow: IFES RAS, 2017: 149—157. (In Russian).

Lobov, R.N. (2018). Vzaimootnosheniya v treugol'nike KNDR-RK-Yaponiya posle xolodnoj vojny: osnovnye trendy i problemy razvitiya [Relations in the DPRK—RoK—Japan triangle after the Cold War ended: major trends and development problems], *KNDR i RK — 70 let [DPRK and RoK — 70th anniversary]*, Moscow: IFES RAS, 2018: 290—301. (In Russian).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. URL: <http://www.mofa.go.kr/eng/index.do> (accessed: 12 November, 2020).

Nespojnojnoe sosedsstvo: problemy Korejskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii, Moscow: MGIMO University, 2015, 344 p. (In Russian).

М.А. Козырева

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «гуманитарного сотрудничества», взгляд на него со стороны российских и китайских экспертов, отмечается схожесть подходов, что даёт основание для сравнения. Проводится оценка конкретных мероприятий Китая и России в сфере гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии в таких областях, как образование, культура, продвижение своего позитивного имиджа и распространение языка, отмечаются как сильные, так и слабые стороны действий китайских и российских ведомств, отвечающих за развитие гуманитарных связей.

Китай придает огромное значение инициативам в области образования и продвижения китайского языка по всему миру, и Центральная Азия здесь не исключение. В 2019 г. на обучение в Китай прибыло около 493 тыс. иностранных студентов, из которых более 59 % — из Азии, а Казахстан вошел в первую десятку «доноров» иностранных студентов для Китая, направив более 11 тыс. своих граждан на учебу на разных образовательных ступенях.

Для России Центральная Азия представляет непосредственный интерес как в сфере политики и безопасности, так и в экономике.

Но важно также и поддерживать положительный имидж, привлекать интерес молодежи к России, продвигать культуру и язык в данном регионе не только для того, чтобы подкрепить действия «высокой» политики, но и для того, чтобы поддерживать связи с соотечественниками, которые продолжают проживать на территории стран Центральной Азии.

В заключение даны рекомендации по усилению российских позиций в этой сфере в отношениях со странами Центральной Азии. У России в регионе есть важнейшее преимущество — русскоговорящее население и диаспора. Важнейшая задача — дать понять этим группам твердое намерение России поддерживать их инициативы и организации, а также как можно скорее выработать единую концепцию продвижения культуры и языка и распространять ее как единый узнаваемый «бренд».

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, Россия, Китай, Центральная Азия, образование, культура.

Автор: Козырева Мария Андреевна, выпускница магистратуры МГИМО МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение». E-mail: marykozyreva@gmail.com

Kozyreva M.A.

China and Russia's humanitarian cooperation with Central Asian countries: comparison of the effectiveness

Abstract. The article examines the concept of “humanitarian cooperation”, the view of Russian and Chinese experts on it, and notes the similarity of approaches, which gives grounds for comparison. The author assesses specific activities of China and Russia in the field of humanitarian cooperation with the Central Asian countries in such areas as education, culture, promotion of Russian and Chinese positive image and language dissemination, analyses both strengths and weaknesses of China’s and Russia’s actions implemented by agencies responsible for the development of humanitarian ties.

China pays great attention to educational initiatives and the promotion of the Chinese language around the world, and Central Asia is no exception. In 2019, about 493 thousand foreign students arrived to study in China, of which more than 59 % are from Asia, and Kazakhstan entered the top-10 “donors” of foreign students for China, sending more than 11 thousand of its citizens to study at different educational levels.

For Russia, Central Asia is of direct interest both in the field of politics and security and in the economy. But it is also important to maintain a positive image, to attract the interest of young people to Russia, to promote culture and language in this region, not only in order to support the actions of “high” politics, but also in order to maintain ties with compatriots who continue to live in the territory countries of Central Asia.

In conclusion, there are some recommendations to strengthen Russia's position regarding humanitarian relations with Central Asian states. Russia has the most important advantage in the region — the Russian-speaking population and the diaspora. The most important task is to make these groups understand the intention of Russia to support their initiatives and organizations, as well as to introduce as soon as possible an integrated concept of promoting culture and language and spread it as a universal recognizable “brand”.

Keywords: humanitarian cooperation, Russia, China, Central Asia, education, culture.

Author: Maria A. KOZYREVA, Master of Regional Studies (MGI-MO), (e-mail: marykozyreva@gmail.com).

Понятие гуманитарного сотрудничества

Гуманитарное сотрудничество представляется важнейшей темой как для исследователей, так и для практиков в области международных отношений в контексте изменяющейся структуры мировой политики. Однако в разных академических сообществах под «гуманитарным сотрудничеством» подразумеваются различные явления. В России понятие «гуманитарное сотрудничество» трактуется как сотрудничество в таких областях, как развитие культурных связей, укрепление межцивилизационного диалога и взаимодействие с представителями гражданского общества, а также отношения с соотечественниками за рубежом. Выстраиванием гуманитарного сотрудничества занимаются многие министерства и ведомства, напрямую или косвенно в этот процесс включены и неправительственные организации (НПО), однако основная ответственность за развитие таких связей с другими государствами лежит на МИД России и Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В настоящее время Рос-

сотрудничество имеет представительства в 80 странах мира, где с местным населением и соотечественниками ведется работа как в культурных центрах, так и отдельными представителями ведомства в составе посольств.

В китайских научных кругах ведется активная дискуссия как именно обозначить весь комплекс проблем, связанных с гуманитарным сотрудничеством, использовать ли термин «гуманитарная дипломатия» (人文外交) или «культурная дипломатия» (文化外交) [Чжао, 2011]. Но в рамках данной работы оба вышеуказанных понятия будут объединены под термином «гуманитарный обмен» (人文交流), который на современном этапе используется в официальных документах и широко охватывает отношения в гуманитарной сфере. В понимании китайского руководства «гуманитарное сотрудничество» — это инструмент, который должен эффективно использоваться КПК и официальными лицами КНР для укрепления позитивного имиджа у жителей государств, с которыми взаимодействует Китай. Гуманитарное сотрудничество должно повышать открытость Китая в двусторонних и многосторонних отношениях. В КНР так же, как и в России, довольно широко трактуют сферы, которые охватывает гуманитарное сотрудничество: туда входят и культурный обмен, и здравоохранение, проведение разного рода мероприятий, взаимодействие СМИ, туризм.

Отношения Китая и стран Центральной Азии в гуманитарной сфере

Для внешней политики КНР «гуманитарное сотрудничество» (人文交流) является частью больших внешнеполитических концепций и инициатив. В частности, «Пояс — Путь» непосредственно включает в себя и развитие таких отношений со странами — участниками реализуемых проектов. Страны Центральной Азии (ЦА) — государства, через которые непосредственно пролегает один из важнейших маршрутов «Пояса — Пути» — Экономический Пояс Шелкового Пути (ЭПШП). Следовательно, помимо экономических и политических эффектов ЭПШП, необходимо изучить и ту степень влияния, которое Китай намерен «получить» благодаря развитию гу-

манитарных связей. К тому же на официальном уровне руководители КНР последовательно заявляют о необходимости развития обменов во всех сферах.

Общественная дипломатия — важнейший компонент «мягкой силы» государства. Китайское руководство это прекрасно осознает, поэтому ежегодно тратит на развитие и продвижение своего позитивного имиджа за рубежом около 10 млрд долл. [Falk, 2016, p.657]. В 2007 г. было учреждено Китайское общество дружбы со странами ЦА, которое сейчас укрепляет взаимодействие с народами государств ЦА. В рамках организации проводятся форумы, где рассматриваются в том числе и вопросы межрегионального сотрудничества. Однако Китай реализует общественную дипломатию все еще в формате «государство — государство»: на вышеупомянутых форумах в основном присутствуют дипломаты стран ЦА, официальные лица внешнеполитических ведомств КНР и представители КПК.

Возможно, для стран ЦА, где само по себе гражданское общество еще не столь развито, такая модель подходит, но отмечается тенденция к тому, что все же взаимодействие с общественными организациями не должно игнорироваться даже в этих странах, ярким примером чему может служить политическая ситуация в Кыргызстане в октябре 2020 г., которая во многом сложилась из-за активного участия западных НПО.

На современном этапе Китай все же больше делает акцент именно на культуре и образовании, а не на развитии связей с отдельными группами интересов и создании или спонсировании медиа-платформ, как, например, поступают США [Zhao, 2015, p. 3]. Хотя определенная работа с информационными агентствами по вопросам освещения таких важнейших для Китая проектов, как «Пояс — Путь» все же ведется, обычно в виде форумов СМИ. Но даже китайские эксперты отмечают недостаточные усилия в сфере Интернет-воздействия на жителей зарубежных стран [Ван, 2017]. Недостаток взаимодействия с местными НПО сказывается на том, что повышается активность антикитайских групп, которые отрицательно воздействуют на продвижение китайских интересов.

Китай придает огромное значение инициативам в области образования и продвижения китайского языка по всему миру, и Центральная Азия здесь не исключение. В 2019 г. на обучение в Китай

прибыло около 493 тыс. иностранных студентов, из которых более 59 % — из Азии, а Казахстан вошел в первую десятку «доноров» иностранных студентов для Китая, направив более 11 тыс. своих граждан на учебу на разных образовательных ступенях [Данные об образовании...]. Если брать в расчёт государственные стипендии для иностранцев, то с 2010 по 2018 г. одна треть стипендий была выдана студентам из Казахстана и Кыргызстана [Silk Road Diplomacy]. Широкое распространение китайского языка и культуры призваны осуществлять Институты Конфуция (ИК), расположенные во многих странах. Начиная с 2005 г. в ЦА планомерно открывались все новые центры изучения китайского языка, а к настоящему времени в Казахстане уже насчитывается 5 ИК, в Кыргызстане — 4, в Узбекистане — 2, в Таджикистане — 2 [Об Институтах...]. В Казахстане в ИК обучаются 14 тыс. студентов, в ИК в Узбекистане количество студентов увеличивается на 1500 ежегодно [Умаров]. Интерес вызывает и то, каким образом продвигается «бренд» главного инструмента продвижения китайской культуры в мире: активный маркетинг, яркая картинка, нацеленная на популярность ИК, различные конкурсы для школьников и студентов. Отдельно КНР занимается подготовкой преподавателей не китайцев для своих институтов: она подражает не только повышению языковых компетенций, но и «внедрение» конкретных политических установок [Чжан, Го, 2014, с. 73—74].

В сфере гуманитарного сотрудничества крайне важен положительный имидж государства среди местного населения, но в последнее время общественное мнение по отношению к Китаю у жителей центральноазиатских государств стало смещаться в негативную сторону. Несмотря на экономическое вовлечение стран в китайскую орбиту, растет недовольство «китайской экспансией» (интересно, что весной 2020 г. на пространстве китайского сегмента Сети, на сайте Sohu (搜狐) вышла статья, которая ставила под сомнение суверенитет Казахстана, в связи с чем послу КНР в Казахстане был выражен протест, аналогичная по содержанию статья появлялась и про Кыргызстан) [Алтынбаев К.], а также отношением к выходцам из этих стран на территории самого Китая (в связи с многочисленными случаями помещения этнических казахов в «центры перекалфикации уйгуров»).

Отношения России и стран Центральной Азии в гуманитарной сфере

Для России Центральная Азия представляет непосредственный интерес как в сфере политики и безопасности, так и в экономике. Но важно также и поддерживать положительный имидж, привлекать интерес молодежи к России, продвигать культуру и язык в данном регионе не только для того, чтобы подкрепить действия «высокой» политики, но и для того, чтобы поддерживать связи с соотечественниками, которые и после распада СССР продолжают проживать на территории стран Центральной Азии.

На территории центральноазиатских государств постоянно открываются школы русского языка, филиалы российских вузов, а граждане этих стран получают возможность обучаться в учебных заведениях на всей территории РФ (около 160 тыс. человек ежегодно) [Шестаков Е.]. Однако, в отличие от КНР, у России нет единого «бренда» организации, занимающейся распространением русского языка, она все еще на стадии формирования. Позитивным моментом можно назвать то, что в элите и научных кругах все ещё сохраняется большое количество говорящих на русском исследователей и практиков, которые по-прежнему заинтересованы в научно-практических конференциях, осуществляющихся на российских площадках или с участием российских представителей. Однако в национальных стратегиях в сфере образования и науки центральноазиатские государства «лавируют» между разными влиятельными игроками, что свидетельствует о постепенной утрате Россией ее первостепенной роли в вопросах гуманитарного сотрудничества с этими государствами [Вербицкая, с. 88—89]. Вместе с тем, важно отметить возможности российских СМИ в регионе ввиду сохраняющегося населения, говорящего на русском языке (хотя и отмечается некоторая дерусификация), но и здесь постепенно утрачиваются российские позиции. Представляется, что такой мощнейший ресурс, как наличие многочисленной диаспоры русских в ЦА используется не в полной мере: многие русские испытывают желание покинуть эти государства в связи не только с экономической ситуацией, но и ввиду ощущения уязвимости.

Россия и Китай стараются развивать гуманитарные связи со странами ЦА, так как эти пять государств представляют политико-экономический интерес как для РФ, так и для КНР. У России в регионе есть важнейшее преимущество — русскоговорящее население и диаспора. Важнейшая задача — дать понять этим группам твердое намерение России поддерживать их инициативы и организации, а также как можно скорее выработать единую концепцию продвижения культуры и языка и распространять ее как единый узнаваемый «бренд».

Библиографический список

Алтынбаев К. Растущие территориальные претензии Китая в Центральной Азии вызвали беспокойство в регионе. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/11/06/feature-01 (дата обращения: 10.12.2020).

Ван Лань Чжунго ванло мэйти дуй чуаньбо дэ сяньчжуан юй дуйцэ фэньси [Анализ текущей ситуации и меры воздействия китайских интернет-СМИ на иностранные государства] // Цайсебянь, 2017(1) (на кит).

Вербицкая Т. Международные соглашения и национальные правовые акты государств Центральной Азии: ожидание и реальность сотрудничества с Россией в гуманитарной сфере // Постсоветские исследования. 2020. № 1. С. 82—90.

Данные об образовании КНР: опубликованы данные о количестве иностранных студентов, обучающихся в КНР. URL: <http://www.jxdx.org.cn/gnjy/14176.html> (дата обращения: 10.12.2020). (На кит).

Об Институтах Конфуция. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 10.12.2020).

Сайт Россотрудничества. URL: <https://rs.gov.ru/%C2%A0/about> (дата обращения: 10.12.2020).

Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265> (дата обращения: 08.12.2020).

Чжан Цюаньшэн, Го Вэйдун. Чжунго юй чжунъя дэ жэньвэнь цзяолю хэцзо — и Кунцзы сюэюань вэй ле [Гуманитарные обмены КНР и стран Центральной Азии на примере Институтов Конфуция] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 2014(04). С. 70—77. (На кит).

Чжао Кэцин. Жэньвэнь вайцзяо: цюаньцюхуа шидай дэ синь вайцзяо синтай [Гуманитарная дипломатия: новая форма дипломатии в эпоху глобализации] // Вайцзяо пинлунь. 2011. № 75. (На кит).

Шестаков Е. Деньги решают не все / Российская газета — Федеральный выпуск № 37(8091).

Falk H. How China Understands Public Diplomacy: The Importance of National Image for National Interests, *International Studies Review*, Volume 18, Issue 4, December 2016. P. 657.

Silk Road Diplomacy Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia URL: <https://www.aiddata.org/china-public-diplomacy/south-central-asia> (дата обращения: 10.12.2020).

Zhao, Kejin. (2015). The Motivation Behind China's Public Diplomacy. *The Chinese Journal of International Politics*. p. 3.

References

Altynbayev K. Rastushchie territorial'nye pretenzii Kitaya v Central'noj Azii vyzvali bespokojstvo v regione [China's growing territorial claims towards Central Asia caused grave concern in the region]. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/11/06/feature-01 (accessed 10 December, 2020).

Dannye ob obrazovanii KNR: opublikovany dannye o kolichestve inostrannyh studentov, obuchayushchihsya v KNR [PRC Education data: data on the number of foreign students studying in China were released]. URL: <http://www.jxdx.org.cn/gnjy/14176.html> (accessed: 10 December, 2020).

Falk H. (2016). How China Understands Public Diplomacy: The Importance of National Image for National Interests, *International Studies Review*, Volume 18, Issue 4, December 2016, p.657.

Ob Institutah Konfuciya [About Confucian Institutes] URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (accessed: 10.12.2020).

Silk Road Diplomacy Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia URL: <https://www.aiddata.org/china-public-diplomacy/south-central-asia> (accessed: 10 December, 2020).

Shestakov E. Den'gi reshayut ne vse [Money doesn't solve everything] *Rossiyskaya gazeta* — Federal'nyj vypusk № 37(8091).

Umarov T. Na puti k Pax Sinica: chto neset Central'noj Azii ekspansiya Kitaya [On the way to Pax Sinica: What China's expansion brings to Central Asia]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265> (accessed: 10 December, 2020).

Verbickaya T. (2020). Mezhdunarodnye soglasheniya i nacional'nye pravovye akty gosudarstv Central'noj Azii: ozhidanie i real'nost' sotrudnichestva s Rossiej v gumanitarnoj sfere [International agreements and national legal acts of the Central

---

Asian states: the expectation and reality of cooperation with Russia in the humanitarian sphere], *Postsovetskie issledovaniya*, № 1. S.82—90.

Wang Lang Zhongguo wangluo meiti dui wai chuanbo de xianzhuang yu duice fenxi [The analysis of current situation and actions of the Chinese media in other countries], *Caixiebian*, 2017(1). (In Chinese).

Zhang Quanshen, Guo Weidong. (2014). Zhongguo yu zhongya de renwen jiaoliu hezuo — yi Kongzi xueyuan wei lie [People exchanges between China and the states of Central Asia : the Confucius Institute case], *Xinjiang shifan daxue xuebao*, 2014(04), s. 70—77. (In Chinese).

Zhao Kejin. (2011). Renwen waijiao: quanqiuhua shidai de xin waijiao xingtai [Humanitarian diplomacy: a new form of diplomacy in the era of globalization], *Waijiao pinglun*, № 75. (In Chinese).

Zhao, Kejin. (2015). The Motivation Behind China's Public Diplomacy. *The Chinese Journal of International Politics*. P. 3.

Е.Л. Логиновский

КРИЗИСНЫЙ ЭТАП ОТНОШЕНИЙ КНР И КНДР В ОТРАЖЕНИИ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ (2014—2017)

Аннотация. В период 2014—2017 гг., когда отношения администраций Ким Чен Ына и Си Цзиньпина находились в заметном кризисе, наука КНДР оставила значительное количество свидетельств, сообщающих о взглядах гуманитариев страны на Китай. В этом отношении важны отраслевые журналы КНДР по гуманитарным и общественным наукам, в том числе серия философии и экономики и серия языкознания «Вестника Университета имени Ким Ир Сена».

Для северокорейских работ, где рассматривается Китай, характерна не прямая критика китайских реалий, а разработка проблем, имеющих тесную связь одновременно с КНДР и Китаем. Наиболее часто проблемы отношений с КНР рассматриваются в трудах по актуальным вопросам экономики и политологии. Опосредованное изложение взглядов северокорейских работников общественных наук по вопросам отношения к действующей администрации КНР встречается в критических статьях, где часто рассматриваются известные в Китае экономические и политические теории, а также в работах по вопросам филологии. Теоретические дебаты о западных теориях

экономической и политической организации, распространенных в КНР, изначально имели целью показать несогласие Пхеньяна с позицией Пекина, но со второй половины 2014 г. чаще наблюдается близость мнений китайских и северокорейских властей по ряду концепций.

Самые существенные работы, где показано критическое отношение к соседней стране, возникли в 2014—2015 гг. в серии философии и экономики. В 2016—2017 гг. тема Китая затрагивается редко и без достаточной ясности, что сильно затрудняет оценку корреляции взглядов руководства КНДР на Китай со взглядами ученых страны.

Ключевые слова: КНДР, Китай, наука, идеологические дискуссии, Милтон Фридман, экономический неолиберализм.

Автор: Логиновский Егор Леонидович, независимый эксперт.
E-mail: login-egor@mail.ru

Loginovskii E.L.

The Crisis in Sino-DPRK Relations: a North Korean Humanities' Vision, 2014—2017

Abstract. The North Korean humanities produced some significant evidences clarifying its stance towards China while Kim Jong Un's government had experienced crisis in its relations to Xi Jinping's administration between 2014 and 2017. In particular, one may find useful what is written in the research papers, published by the *Journal of Kim Il Sung University*, concerning the issues of philosophy and economics, and language and literature.

As a rule, no direct criticism of Chinese phenomena is allowed as North Korean research works mostly deal with the issues DPRK and PRC enjoy a close relation to, thus inviting other researchers to analysing broader economic and political agenda. From early to mid-2014, North Korean scholars developed vast criticism of Western economic and political theories that have gained popularity inside China, apparently to manifest Pyongyang's disagreement over Xi's position. From about late 2014, the DPRK regime mostly echoes PRC official views onto certain ideas widely discussed in mainland China.

The most interesting and precise studies, highly critical of China, were released in 2014 and 2015 thanks to the efforts of North Korean economists and political analysts. Later, academics in the North Korean humanities seldom addressed China-related issues, lacking clarity at the

same time. Consequently, one may not fully understand whether the DPRK authorities' China vision had had any correlation with that of the country's scholarship, should he or she rely on the works produced in 2016 and 2017.

Keywords: DPRK, China, science, discussion of ideological trends, Milton Friedman, economic neoliberalism.

Author: Egor L. LOGINOVSKII, independent scholar
(e-mail: login-egor@mail.ru).

В течение 2010-х гг. и в особенности на пороге третьего десятилетия XXI в. кореееды различных стран многократно находили новые свидетельства крупных перемен, которые претерпевает Северная Корея в целом и северокорейское общество в частности. Специалисты обращают внимание, что если политика и экономика исследуются относительно детально, то по культуре КНДР на любом иностранном языке еще нет обобщающих обзоров удовлетворительного качества. Нужно, однако, учитывать, что и в хорошо известных широкому читателю направлениях исследований под маркой нового продукта мысли продолжают выходить заведомо устаревшие работы, явно подстроенные под сложившееся на Западе сугубо негативное стереотипное восприятие КНДР. В этих условиях не следует удивляться, что попытки неспециалистов презентовать отдельные элементы культуры республики зачастую реально оказываются грубейшим искажением соответствующих реалий, прямо проистекающим из идеологических предпочтений, которые исключают КНДР и ее жителей из «цивилизованного» мира. Между тем, анализ смысловых и технических особенностей кино, музыки, литературы и многих других областей культуры страны позволяет расширить понимание путей глубокой трансформации общества республики при Ким Чен Ыне.

Научные достижения КНДР также можно с полным правом включить в список ценных источников знания о характере перемен внутри страны и восприятии международных событий внутри нее. Для целей данной статьи мы воспользуемся рядом наиболее показательных откликов академической общественности КНДР на ситуацию в двусторонних отношениях Северной Кореи и Китая 2014—2017 гг., т. е. в период, когда в отношениях новоизбранных админи-

страций Ким Чен Ына и Си Цзиньпина наиболее отчетливо проявлялись именно кризисные тенденции. Самого пристального анализа в этой связи заслуживают две серии «Вестника Университета имени Ким Ир Сена» по гуманитарным и общественным наукам: серия философии и экономики и серия языкознания. Задача анализа корреляции позиций властных кругов и академического сообщества КНДР облегчается тем, что такие издания обычно выходят в традиционно установленные сроки (№ 1 — январь, № 2 — апрель, № 3 — июль, № 4 — октябрь).

Философия и экономика. Очевидно, официальный Пхеньян санкционировал скрытую критику Китая уже на рубеже 2013—2014 гг. Об этом говорит работа Ким Чхоль Хо (январь 2014 г.), помещенная сразу после передовой статьи на внутривластную тему. Ким фактически касается темы азиатского, в первую очередь восточно-азиатского, регионализма, хотя и не называет ни одной страны открыто. Рассуждая о необходимости создания «региональной организации» для достижения «политической самостоятельности региона», автор положительно отзывается об опыте Африканского Союза. В статье выдвигаются претензии к «некоторым странам региона», которые обладают привилегиями относительно других таких же стран и прилагают недостаточно усилий к «превращению региона в независимый». Автор при этом отмечает, что усиление собственных позиций невозможно без поддержания экономических связей с соседними странами, и в целом у него красной нитью проходит тезис о достижении «экономической самостоятельности и мощи» [*Ким Чхоль Хо*].

Следует полагать, что критика собственно политики Пекина, а затем и положения дел Пхеньяна на китайском направлении резко усилилась в апреле 2014 г. Ценный вклад здесь принадлежит Хён Ньлю, который выступил с критикой идеи М. Фридмана (1912—2006), широко известного представителя американского экономического нелиберализма. Хён так ставит задачу лицам, принимающим решения:

Мы должны устойчиво противостоять проискам «неолиберализма», пестуемого империалистами, и «глобализации» и «интеграции», исходящим из него, а также решительно бороться за сохранение

превосходных черт нашей нации и отстаивать её независимость [*Хён Нюль*, с. 53].

Мы рассматриваем подобные публикации в академической прессе КНДР как отражение актуальных на тот момент указаний республиканского Центра по вопросу отношений с КНР. Концепции М. Фридмана по меньшей мере с конца 1980-х гг. пользуются огромным авторитетом в политической и научной среде Китая, причем смена идеологических трендов не сказывается на официальном статусе этих воззрений. К примеру, в мае 2016 г. Си Цзиньпин упомянул представительный ряд политических и экономических трактатов европейских и американских мыслителей, которые он ранее читал. Среди прочих Си назвал и труд Фридмана «Капитализм и свобода» [*Xi Jinping zai...*].

В свою очередь, доктор наук Чон Чхун Сим, обсуждая проблемы применения экспортных пошлин, порицает практику, при которой «ценные ресурсы страны — металлы, неметаллы, лесные и морские ресурсы — беспорядочно утекают в другие страны». Названы, среди прочих, такие экспортные позиции, как драгоценные металлы, железо, магнезит, морепродукты, съедобные растения, лекарственные растения. По сведениям американской базы данных по международной торговле The Observatory of Economic Complexity, все эти позиции поставлялись в КНР в 2011—2013 гг., непосредственно предшествующих написанию статьи, в объемах, равных 100 % от общего объема поставок того или иного ресурса за рубеж. Некоторым исключением здесь выступает магнезит, вывоз которого в Китай в начале 2010-х гг. составлял от 78 % до 94 % совокупного экспорта этого ресурса [*Чон Чхун Сим*, с. 51; North Korea...].

В дальнейшем указания Пхеньяна на сложности в отношениях с Китаем приобрели и политическую окраску. Передовая статья о заслугах Ким Ир Сена в Корейской войне (январь 2015 г.), выдержанная в сугубо националистическом духе историографии конца 1990-х гг., умалчивала об иностранной военной помощи КНДР, но она органично входила в характерную для 2014 и начала 2015 г. тенденцию отказа от публичного напоминания о корейско-китайских «узах, скрепленных кровью». Использовалась также связка образа вождя и термина *тэгукчжуи* (великодержавный шовинизм). Известно, что этот термин применялся как к КНР, так и к СССР, однако

на протяжении 2010-х гг. власти РФ пользовались ошутимым, широко пропагандируемым расположением Пхеньяна, и рядовой подписчик «Вестника...» должен был совершенно ясно понимать выбор цели для критики. Так, в апреле 2015 г. в передовой статье говорилось:

В сложной ситуации все более усиливающегося вмешательства со стороны великодержавных шовинистов великий вождь с беспримерной храбростью и сильной волей наносил решительные контрудары по их давлению и высокомерию, надежно отстаивая тем самым суверенитет и достоинство Родины и нации [*Хо Ён Сик*, с. 6].

С лета 2015 г. и до конца 2017 г. проблемы отношений с официальным Пекином более не комментируются в указанной серии в прежней, сравнительно легко распознаваемой манере.

В философско-экономической серии регулярно анализируются экономические и политические концепции, возникшие в Корее и за ее пределами в Средние века, новое и новейшее время. Факт заметной дискуссии внутри КНР касательно некоторых из них, как в случае с неолиберализмом М. Фридмана, позволяет воспринимать эти публикации как косвенные свидетельства изменений в подходах властей КНДР к соседней стране. Их анализ позволяет считать, что ТПК не оставляла надежды на возобновление продуктивных контактов с партийно-государственными структурами Китая даже в самые сложные времена, непосредственно после ряда неудачных попыток восстановления прежнего уровня доверия. В наиболее общем виде картина такова: серьезная критика «реакционных» теорий продолжалась все четыре года, однако в 2014 г. в этом ключе преимущественно рассматривались теории, получившие позитивный отклик в Китае, а со второй половины 2014 г., в особенности в 2016—2017 гг., обществоведы КНДР во многом приближаются ко мнению официального Пекина.

Языкознание. Современный китайский язык занимает одно из наиболее важных мест в работах филологов ведущего вуза КНДР. Он входит в тройку самых популярных объектов изучения наряду с ханьмунном и английским. В рассматриваемый период эта тенденция прерывалась лишь в редких случаях, причем публикационная активность в этой серии коррелирует с динамикой двусторонних отношений КНДР и КНР, по всей видимости, меньше, чем в описанной

выше серии. Если в философско-экономической серии «Вестника...» работы, где как-либо репрезентируется Китай, возникали весьма нерегулярно, причем можно уверенно говорить о двух периодах публикационной активности, различных по степени отображения отношения к этой стране, то серия языкознания насчитывает десятки работ, которые, как правило, освещают проблемы современного языка в нейтральном ключе.

В редчайших случаях филологические работы согласуются с официальным курсом на критику КНР. Единственный подобный случай — это работа Син Чхан Соба, который посвятил свое исследование известному стихотворению полководца Ыльчжи Мун Дока, написанному в годы войны Когурё с Китаем эпохи Суй (июль 2014 г.) [*Син Чхан Соб*]. Это стихотворение появилось в преддверии решающей битвы с агрессорами, однако надлено во многом ироническим звучанием: Ыльчжи Мун Док как бы приглашает китайского военачальника прийти в Когурё и попробовать добиться победы.

Статья Сина — крайне редкий пример завуалированной, но при этом крайне четко донесенной критики Пхеньяна в адрес Пекина, однако она интересна и в другом отношении. Как правило, вопросы литературы и языкознания, имеющие связь с древностью или тем периодом, что условно сопоставляется с европейскими Средними веками, затрагиваются только в случае, если феномен всецело принадлежит корейской исторической и культурной традиции. В данном же случае Син избрал ханмунное произведение, непосредственно связанное с Китаем. Фактически мы имеем дело с анекдотическим свидетельством антикитайской риторики, которую можно обнаружить в академическом дискурсе КНДР того времени.

Также в течение рассматриваемого периода северокорейские исследователи дважды (в октябре 2014 г. и октябре 2016 г.) анализировали тексты, принадлежащие литературной традиции Китая. Предмет исследования первой работы — публицистика Лу Синя, а второй — легенда о Лян Шаньбо и Чжу Интай. Выбор предмета и манера описания дают основания утверждать о попытке придать образу Китая положительные черты. Следует особо подчеркнуть, что такой подход к исследованию вряд ли был ожидаем в условиях, когда северокорейские власти внешне не были склонны рассчитывать на сближение с Китаем и плодотворный диалог с этой страной. Не-

безынтересно отметить, что в номере за апрель 2015 г. китайский язык занял первое место в иерархии рассматриваемых иностранных языков, хотя в это время очень сложно утверждать о каких-либо позитивных сдвигах в отношениях двух государств. Аналогичным образом трудно объяснить отсутствие работ по современному китайскому языку в октябре 2015 г., когда двусторонние отношения переживали краткосрочный общий подъем, а критика Китая в других сериях «Вестника...» заметно смягчилась, и июле 2016 г., на фоне сигналов Пхеньяна о желании возобновить диалог ТПК и КПК.

Абсолютное большинство работ языковедов посвящены проблемам перевода в языковой паре корейский-китайский или словопотребления в современном китайском и, соответственно, не несут заметных следов следования политической конъюнктуре. Возможно, что именно данный факт объясняет небольшую продолжительность перерывов в публикациях и более слабую, нежели в иных случаях, корреляцию с событиями в двусторонних отношениях Пхеньяна и Пекина.

В течение рассматриваемого периода серия языкознания дала возможность опубликоваться 10 представителям КНР, хотя для северокорейских изданий нехарактерно помещать работы иностранных ученых. Авторы большинства работ — практиканты и аспиранты без однозначных указаний на их аффилиацию, причем их труды следуют сразу за работами корейских филологов на китайскую тематику. О многом говорит число статей по годам: если в 2014—2015 гг. китайские коллеги помещали по четыре работы в год, то в 2016 г. была допущена к печати только одна, в 2017 г. — три работы. Таким образом, динамика свидетельств поддержания диалога с КНР путем публикации работ ее представителей в данной серии несколько напоминает динамику публикационной активности по китайской тематике в других гуманитарных сериях «Вестника...» и в целом динамику двусторонних отношений. Небезынтересен, однако, тот факт, что в начале 2017 г. связи КНДР и КНР переживали очередной спад, но в апрельский номер серии языкознания оказались включены все допущенные к печати за этот год статьи граждан КНР.

Заключение. Две серии «Вестника Университета имени Ким Ир Сена» по гуманитарным и общественным наукам дают значительный материал для анализа северокорейского восприятия кризисной

фазы отношений республики с Китаем (2014—2017 гг.). Китайская тематика пользовалась наивысшим вниманием корейской научной общественности в 2014—2015 гг., а в последующие годы Китай потерял ранее наблюдаемую привлекательность как явный или же подразумеваемый предмет изучения. Также именно в первые два года кризиса наблюдалась наиболее детальная проработка тем, относящихся к этой стране.

Как типичные представители высококонтекстной культуры, северо-корейцы освещают вопросы двусторонних отношений с Китаем в контексте более широкой проблематики, причем нередко обходятся без прямых упоминаний этой страны вообще. Представляется, в частности, что в условиях требования властей придерживаться критического подхода к КНР на фоне ухудшения отношений после ядерного испытания и иных событий 2013 г. в КНДР ученые вполне резонно остановились на популярных в Китае экономических теориях, дабы соответствовать политическим требованиям того периода.

В целом северо-корейская критика известных в Китае экономических и политических теорий, хотя и служит лишь косвенным свидетельством смены взглядов ТПК на отношения с администрацией Си Цзиньпина, сообщает о стремлении руководства КНДР сохранять точки соприкосновения с китайскими коммунистами даже после тактических провалов в отношениях.

Библиографический список

Ким Чхоль Хо. Кимирсен-кимченирчжуи-э ыйхаё палькхёчжин чиёк-э чач-жухва-э кванхан сасан : [Кимирсенизм-кимчениризм о превращении региона в независимый] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (чхольхак, кёнчжехак). Пхеньян, 2014. Т. 60. № 1. С. 7—10. (На кор.).

Син Чхан Соб. Ыльджи Мун Док чангун-ый си «Чокчан У Чунмун-еге»-ый есульжоктхыксон : [Художественные особенности стихотворения полководца Ыльджи Мун Дока «Вражескому военачальнику Юй Чжунвэню»] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (омунхак). Пхеньян, 2014. Т. 60. № 3. С. 26—29. (На кор.).

Хён Нобыль. Хёндэ бурьычжё «синчаючжуйрон»-ый пандонсон : [Реакционный характер современного буржуазного «неолиберализма»] // Ким Ир Сен чон-

хап тэхап хакпо (чхольхак, кёнчжихак). Пхеньян, 2014. Т. 60. № 2. С. 51—53. (На кор.).

Хо Ён Сик. Видэхан сурён Ким Ир Сен донджинын чольсе-ый эгукчжа, чинчонхан минчжокчжуичжаиса : [Великий вожь товарищ Ким Ир Сен — несравненный патриот и подлинный националист] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (чхольхак, кёнчжихак). Пхеньян, 2015. Т. 61. № 2. С. 3—7. (На кор.).

Чон Чхун Сим. Сучхульквансе-рыль паро чоёнхаё нара-э чавон-ыль похохаги вихан чунёпандо : [Важный способ защиты ресурсов страны посредством правильного применения экспортных пошлин] // Ким Ир Сен чонхап тэхап хакпо (чхольхак, кёнчжихак). Пхеньян, 2014. Т. 60. № 4. С. 51—54. (На кор.).

North Korea. *Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://oec.world/en/profile/country/prk/> (дата обращения: 10.11.2020).

Xi Jinping zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotanhui shang de jianghua quanwen fabiao [Публикация полного текста речи Си Цзиньпина на рабочем семинаре по философии и общественным наукам]. *China National Radio*. 19.05.2016. URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20160519/t20160519_522178374.shtml (дата обращения: 10.04.2020). (На кит.).

References

Chöng Ch'un Sim (2014). Such'ulgwanserül paro chökyonghayö naraüi chawönnü pohohagi wihan chungyobangdo [An Important Way of Preserving Country's Resources by Proper Application of Export Duties]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ch'orhak, kyongjehak)*. Vol. 60. No. 4. P. 51—54. (In Korean).

Ho Yöng Sik (2015). Widaehan suryöng Kim Il Söng tongjinün chölsetüi aegukcha, chinjöngghan minjokchuüijaishida [Great Leader Comrade Kim Il Sung Is the Peerless Patriot and Genuine Nationalist]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ch'orhak, kyongjehak)*. Vol. 61. No. 2. P. 3—7. (In Korean).

Hyönd Noül (2014). Hyöndaeburüjyoa "shinjayujuüiron"üi pandongsöng [Reactionary Character of the Modern Bourgeois "Neoliberal Theory"]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ch'orhak, kyongjehak)*. Vol. 60. No. 2, pp. 51—53. (In Korean).

Kim Ch'öl Ho (2014). Kimilsöng-kimjöngilchuüie üihayö palk'yöjin chiyögüi chajuhwae kwanhan sasang [A Theory of Making an Area Independent Elucidated by Kimilsungism-Kimjongilism]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (ch'orhak, kyongjehak)*. Vol. 60. No. 1. P. 7—10. (In Korean).

Sin Ch'ang Söp (2014). Ülchi Mun Dök changgunüi shi "Chökchang U Jungmuneg"üi yesulchökt'üksöng [Artistic Characteristics of the Poem 'To Yu

Zhongwen, the Enemy General' by General Ulji Mun Dok]. *Kim Il Sung jonghap taehak hakpo (oǔmunhak)*. Vol. 60. No. 3. P. 26—29. (In Korean).

North Korea. *Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://oec.world/en/profile/country/prk/> (accessed: 10 November, 2020).

Xi Jinping zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotanhui shang de jianghua quanwen fabiao [Full Text of Xi Jinping's Speech at the Symposium on Philosophy and Social Science Work Published]. *China National Radio*. May 19, 2016. URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20160519/t20160519_522178374.shtml (accessed: 10 April, 2020). (In Chinese).

И.А. Мусинова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА УРАЛЕ В 1920-е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ «КОРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА» («СОЮЗА КОРЕЙСКИХ ГРАЖДАН») И «СОЮЗА КОРЕЙСКИХ РАБОЧИХ» В г. СВЕРДЛОВСКЕ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность корейских национальных организаций на территории нынешней Свердловской области в контексте советской национальной политики 1920-х гг. Для исследования были выбраны две ключевые организации того периода — Корейский национальный союз («Кунминхве») и «Союз корейских рабочих» («Квонопхве»). При проведении исследования были использованы архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО).

В первой половине 1920-х гг. на территории бывшей Российской империи образовалось новое советское государство. Для того, чтобы привлечь на свою сторону представителей этносов, вошедших в его состав, советское руководство на определенное время гарантировало недоступные ранее возможности в области национального строительства. За короткий период времени произошел рост

национального самосознания, активно создавались различные объединения по национальному принципу. Активно к созданию национальных организаций приступила и относительно многочисленная этническая группа корейцев Урала. По данным Всесоюзной переписи 1920 г., количество постоянно проживавших корейцев на территории округов будущей Уральской области составляло не менее 500—600 человек.

В 1920 г. в Екатеринбурге (Свердловске) было официально зарегистрировано отделение «Корейского национального союза» («Союза корейских граждан»), а затем и «Союза корейских рабочих». В это же время корейские организации появились в Пермском, Тюменском и Челябинском округах. Представители организаций активно взаимодействовали с отделениями по всей стране, участвовали в ключевых съездах, были вовлечены в деятельность «Коминтерна», занимались активной экономической деятельностью. Тем не менее, после XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в 1925 г., деятельность организаций по всей стране была свернута.

Ключевые слова: корейские национальные организации, национальная политика СССР, Корейский национальный союз, Союз корейских граждан, Союз корейских рабочих, корейцы на Урале.

Автор: Мусинова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения Уральского гуманитарного института (УГИ) Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина (УрФУ). E-mail: i.a.musinova@urfu.ru

Musinova I.A.

Korean National Organizations in the Urals in the 1920-s, focusing on the “Korean National Union” and the “Union of Korean Workers”

Abstract. The article examines the activities of Korean national organizations in the Urals, in particular, on the territory of the contemporary Sverdlovsk region in the context of Soviet national policy of the 1920s. Two key organizations of that period, the Korean national Union and the “Union of Korean workers”, became the subject of research. In the first half of the 1920s, new opportunities in national construction opened up for the ethnic groups in the new Soviet state. All these trends were also typical for the Urals. Various associations were actively created on the national principle, including the ethnic group of Koreans. According to the

all-Union Census of 1920, the number of Koreans in the Ural region was about 500—600. In 1920, branches of the “Korean national Union” (“Union of Korean citizens”) and later the “Union of Korean workers” were officially registered in Yekaterinburg (Sverdlovsk). At the same time, Korean organizations appeared in the future Perm, Tyumen, and Chelyabinsk Regions. Representatives of the organizations actively interacted with Korean organizations throughout the country, participated in key congresses and meetings, were involved in the activities of the Communist International (Comintern), and engaged in active economic activities. However, after 1925, organizations’ activities throughout the country were stopped and even became strictly prohibited, due to the radical changing course of Soviet state’s national politics.

Keywords: Korean national organizations, national policy of the USSR, Korean national Union, Union of Korean citizens, Union of Korean workers, Koreans in the Urals.

Author: Irina A. MUSINOVA, Lecturer at the Department of Oriental Studies, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University (e-mail: i.a.musinova@urfu.ru).

После Октябрьской революции 1917 г. начался новый этап в истории развития этнических групп Урала, в том числе, и относительно немногочисленной этнической группы корейцев. В указанный период открылись новые возможности в сфере национального строительства, произошел рост национального самосознания, активно создавались различные национальные объединения. Активизации подобных процессов способствовало принятие «Декларации прав народов России», «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в 1917 г., а также «Конституции РСФСР» 1918 г. Эти документы уравнивали в статусе и в основных гражданских правах все народности, содержали популярный лозунг о праве наций на самоопределение [Аверьянов, с. 9—10].

С другой стороны, национальный вопрос приобрел актуальность и для пришедшей к власти партии большевиков, в первую очередь, из-за обострения национального движения на окраинах бывшей Российской империи, необходимости сохранить и укрепить там свою власть [Аверьянов, с. 8]. После захвата большевиками власти во время Октябрьской революции 1917 г., а также победы в Гражданской войне ключевым элементом партийной и государственной

стратегии стал курс на мировую революцию, решение национального и колониального вопросов в мировом масштабе. Согласно марксистскому учению, перейти к социализму могли лишь нации, которые уже достигли определенных ступеней социального развития и национального строительства [Латыпов, с. 13—14]. К сожалению, в силу объективных причин, не все из народов, вошедших в состав СССР, демонстрировали необходимый с указанной теоретической точки зрения уровень.

Уже в первые годы после установления советской власти в рамках центральной системы государственного управления был создан Народный комиссариат по делам национальностей (сокр. Наркомнац), а также разветвленная территориальная структура местных национальных комитетов и отделов при губернских, уездных и городских Советах [Аверьянов, с. 9; Каменских, с. 41—42]. Эта система в целом сохранялась вплоть до XIV съезда ВКП (б) в 1925 г.

Ключевым механизмом строительства и возрождения наций стало предоставление крупнейшим этносам территориальных автономий, создание национальных округов и районов, развитие национальных языков, образовательных учреждений с преподаванием на родном языке, национальных органов печати. Особую интенсивность эти процессы приобрели после 1923 г., когда началась политика «коренизации» [Каменских]. После XIV съезда ВКП(б) в 1925 г. на государственном уровне было признано, что реализация планов о скорой мировой революции оказалась под вопросом, было решено перейти к строительству социализма в отдельно взятой стране. В результате, коренным образом изменился подход центральной власти к национальному вопросу.

Упомянутые тенденции нашли свое отражение и на Урале. Уралу была отведена важная роль в реализации программы индустриализации в 1920—1930-е гг., в создании оборонной, экономической базы для построения социализма. Особенно ярко это проявилось в годы Первой пятилетки (1928—1932 гг.). В 1923—1934 гг. в рамках реформы административно-территориального деления существовала многонациональная и во всех смыслах неоднородная Уральская область, в которую вошли территории бывших Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний. Центром вновь созданной Уральской области стал г. Свердловск [Макарова, с. 78].

В соответствии со вновь формируемой системой, в 1918 г. на Урале в структуре губкомов, а после 1923 г. в структуре окружкомов были созданы агитпропотделы и бюро нацменьшинств, через которые Наркомнац воплощал в жизнь свою национальную политику на местах. [ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 341, л. 8—9]. В результате совместной деятельности органов власти на местах и местных лидеров национального движения в 1920-е гг. в регионе активизировались процессы национального строительства, гораздо более интенсивными стали миграционные процессы.

Что касается истории появления корейцев и развития корейских национальных организаций на Урале, подробный анализ развития этнической группы корейцев на территории нынешнего Пермского края представлен в монографии М.С. Каменских «Корейцы Прикамья» [Каменских]. Автором было проанализировано значительное количество документов из фондов ПермГАНИ и Государственного архива Пермского края (ГАПК). Национальная политика на Урале в 1920-первой половине 1930-х гг. была рассмотрена в исследовании Р.Т. Латыпова [Латыпов, с. 12].

Корейцы впервые прибыли на Урал еще в период русско-японской и Первой мировой войн [Макарова, с. 37—38]. В связи с нехваткой рабочих рук на заводах и приисках в годы Первой мировой войны на работу было приглашено значительное количество китайских и корейских рабочих. Многие из них проживали и трудились на территории Дальнего Востока, часть прибывала из Манчжурии или с территории северных районов современной КНДР. На территории прикамских округов Уральской области, по разным данным, было зафиксировано от 82 до 300 корейцев. Во Всесоюзной переписи 1920 г. на территории округов, вошедших в состав нынешней Свердловской области, было зафиксировано 132 корейца [Пак]. Тем не менее, их численность могла быть больше, так как многие из корейцев, прибывших с территории Дальнего Востока, принимали крещение и о своей национальной принадлежности сообщали, что они русские, указывая русские имена вместо корейских. Приблизительно около 120—130 корейцев было зафиксировано в 1920 г. на территории Челябинского округа [Уральский статистический ежегодник, с. 123—124].

К 1920 г. относится и появление первых корейских организаций на территории Урала. В феврале 1919 г. на II Съезде корейских национальных обществ была возрождена организация «Корейский национальный союз» (кор. 국민회, «Кунминхве»). В 1920 г. в Екатеринбурге/Свердловске было официально зарегистрировано её отделение, с 1923 г. союз стал окружным. В 1920 г. также появилась организация «Союз корейских рабочих» (кор. 권업회, «Квонопхве»). Об этом есть упоминание в документах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) [5, л. 50]. 1 января 1920 г. прошло организационное собрание Корейского национального союза в г. Пермь. Председателем Союза в г. Пермь был избран Ли Хан Ча [Каменских].

Сначала секретарем, а затем и председателем «Корейского национального союза г. Свердловска» в 1920 г. был избран Ан Тэдо (он же Ан Тэ До, Ан Тай До, Ан Сергей Николаевич, 1897—1932 гг.). На этой должности он работал вплоть до 1925 г. Стоит рассказать об этом человеке более подробно, так как его можно назвать довольно незаурядной личностью. В Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) хранится дело, возбужденное в отношении него в 1932 г. и содержащее на редкость подробную информацию о его жизни и деятельности [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 61], информацию о его деятельности в составе различных организаций в 1920-е гг. можно также найти в документах ГАСО [ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 419].

Ан Тэ До был достаточно состоятельным и образованным человеком, знал восемь иностранных языков, хорошо разбирался в политических, организационных и экономических вопросах, долгое время вел активную антияпонскую деятельность. Он начал заниматься антияпонской деятельностью еще в 1912 г. сначала на Дальнем Востоке в г. Николо-Уссурийск, затем в Петербурге, в 1913 г. вернулся в Благовещенск-на-Амуре [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 57]. В 1915 г. по поручению иркутского отделения Корейского общества он был направлен в Харбин. В Екатеринбург (Свердловск) он впервые прибыл на короткий срок в 1916 г., а затем уехал в Пермь, где проживал до 1920 г. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 58]. В 1920 г. Ан Тэ До окончательно переехал в Свердловск. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 59]. В начале 1919 г. Уралоблисполком командиро-

вал его на первый Конгресс Коминтерна в Москве и в Петрограде, где он выступал на митингах с речью, которая впоследствии была опубликована [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 58].

«Корейский национальный союз» («Кунминхве») являлся учреждением, объединявшим и регулирующим деятельность всех корейских организаций в стране. Отделения Корейского национального союза в крупных городах Уральского региона (в том числе, в городе Свердловске) были структурными подразделениями общероссийской организации. В соответствии с утвержденным Уставом, все отделения организации стремились достичь одинаковых целей. Они стремились к восстановлению политической самостоятельности Кореи на основе самоопределения ее населения; занимались борьбой с японским экономическим и политическим господством в Корее; противостояли японскому империализму за пределами Корейского полуострова; объединяли живущих в России корейцев и служили их практическим целям, решая повседневные вопросы; контактировали с корейскими организациями за рубежом и т. д. [ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252, л. 27—29].

Вторая действовавшая на территории Свердловска национальная корейская организация — «Союз корейских рабочих» («Квонопхве»). Эта организация в большей степени занималась социальными и экономическими вопросами, то есть служила конкретным практическим целям в интересах местной корейской группы. Большинство участников поддерживали левые идеи, действительно трудились на фабриках и заводах, не отличались знатным происхождением [ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252, л. 30].

В масштабах страны Союз корейских рабочих был сформирован в 1918 г. корейцами-эмигрантами, проживающими на территории РСФСР. Во главе организации стоял Центральный исполнительный комитет. 10 июня 1924 г. Совнарком СССР утвердил устав «Союза корейских рабочих», организация получила официальное наименование «Центральный исполнительный комитет союзов корейцев, проживающих на территории СССР» [Макарова, с. 91—92]. В соответствии с Уставом, основной организации являлась защита интересов своих членов, поднятие их культурного и профессионального уровня, организация экономической взаимопомощи [Латыпов,

с. 10—11]. Эти же цели были указаны и в документах отделения организации в г. Свердловске.

В фондах ГАСО содержится основная часть материалов Уральского областного исполнительного комитета (ф. 88-Р), Уральской областной контрольной комиссии, документы Уралсовнацмена, Уралоблисполкома и др., где содержится переписка местного отделения «Союза корейских рабочих» с государственными учреждениями по различным социальным и финансовым вопросам. В них входили вопросы предоставления жилья, финансовой и продовольственной помощи и т. д. Участники организации проводили культурно-просветительскую работу среди этнических корейцев, организовывали деятельность корейских трудовых артелей (интересный пример — деятельность артелей «Интруд» и «Китайский рабочий»), направляли корейских студентов (особенно с Дальнего Востока) на обучение на рабфаки и в вузы города [ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 419].

В 1920-е гг. государственная политика была направлена на выделение определенной экономической помощи нацменьшинствам, развитие национальных хозяйств и повышение экономического уровня «нацмен». Нацменьшинства пользовались налоговыми послаблениями, льготами при получении займов, ссуд, получали юридическую помощь, помощь при организации кооперативов и потребительских обществ [Латыпов, с. 12—13].

В годы осуществления НЭП от имени «Союза корейских рабочих» при активнейшем участии Ан Тэ До была открыта папиросная фабрика, прачечная, красильная мастерская. Корейцами и китайцами осуществлялась продажа разных товаров, проводились операции по скупке платины на приисках города Кыштыма Нижне-Тагильского округа. В 1925 г. был создан небольшой завод, для работы на котором были привлечены два крупнейших екатеринбургских фабриканта дореволюционного периода — Шейкман и Чертополохов, а также известные инженеры-бывшие заводчики, с которыми Ан Тэ До поддерживал близкое общение [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 11—12].

В 1925 г. несколько корейцев-коммунистов (Пу На Сон, Ли Пи Ти, Ким Тай Ени, Цай Юн Хи и др.) подали жалобу в Центральный комитет Союза о том, что кореец Ан злоупотреблял служебным положением, заботился о личной материальной выгоде, сам никогда

не являлся рабочим, а также по социальному положению не относился к рабочим. В результате, после 1925 г. Ан Тэ До был отстранен от деятельности обеих организаций, следующим председателем стал Ли Пи Ти, а в скором времени организации прекратили свое существование, их официальная деятельность корейских национальных организаций в г. Свердловске была свернута [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957, л. 64].

После 1926 г. любая деятельность национальных общин подпадала под полный контроль со стороны органов власти, а фактически была очень затруднена или невозможна. Большее значение начали играть организации, созданные не по национальному, а по профессиональному принципу, определяющим фактором при вступлении в организации становилась партийная принадлежность.

Таким образом, процессы создания национальных организаций корейцев в Свердловске в 1920-е гг., в целом осуществлялись в рамках текущего курса национальной политики государства. Вплоть до второй половины 1920-х гг. корейцы Урала принимали активнейшее участие в социальном строительстве и в процессе становления советской власти, а корейские организации г. Свердловска занимались активной экономической деятельностью, для достижения общих целей нередко объединяясь с китайскими организациями (артели «Китайский рабочий», «Интруд»). Можно сказать, что корейцы Свердловска выделялись из полиэтнического пласта населения региона, так как были немногочисленной, но очень сплоченной этнической группой. До 1925 г. деятельность корейских организаций не сильно контролировалась местными органами власти, они обладали определенной свободой, к 1925 г. их деятельность полностью была под контролем, встречи нередко проводились с опаской и подпольно, а к 1926—1927 гг. произошел фактический роспуск корейских национальных организаций г. Свердловска, т. е. их ликвидация [ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 419].

В 1930-е гг. отделения корейских общественных организаций на местах рассматривались НКВД СССР как база иностранного шпионажа и вредительства. Все основные участники, указанные в списках, были репрессированы [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957]. Репрессивные меры 1930-х гг. нанесли серьезный ущерб развитию национальной группы корейцев на Урале, в ГААОСО сохранилось

более 170—180 дел репрессированных свердловских корейцев. Уцелевшие в годы репрессий корейцы были лишены интенсивных внутринациональных контактов, а впоследствии разбросаны по бывшим республикам СССР, их областям и районам.

Библиографический список

Аверьянов А.В. Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917—1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 8—13.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33957.

ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 419.

ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 252.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 1 Д. 341.

Каменских М.С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014. С. 37—43.

Латыпов Р.Т. Национальная политика на Урале в 1920-е — первой половине 1930-х гг. автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.

Макарова Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей 1917—1923 гг.: исторический очерк. М.: Наука, 1987. 172 с.

Пак Б.Д. Борьба российских корейцев за независимость Кореи. 1905—1919. М: Институт востоковедения РАН, 2009. 388 с.

Уральский статистический ежегодник 1923—1924 гг. Свердловск, 1925. 270 с.

References

Averianov A.V. Fenomen natsionalnoy politiki v SSSR: osobennosti stanovleniya i razvitiya v 1917—1930-e gg. // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2019. № 1. P. 8—13. (In Russian)

GAAOSO. Fond R-1. Opis № 2. Delo 33957.

GASO. F. 239. Op.1. D. 419.

GASO. F. 45. Op. 1. D. 252.

GASO. F. 6. Op. 1 D. 341.

Kamenskikh M.S. (2014). Koreytsy v Permskom kraje: ocherki istorii i etnografii. SPb: P. 37—43. (In Russian).

Latypov R.T. (2001). Nacional'naya politika na Urale v 1920-e — pervoj polovine 1930-h gg. avtoreferat diss. na soiskanie uchenoj steperi kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg. 24 s. (In Russian).

Makarova G. P. (1987). Narodnyy komissariat po delam natsionalnostey 1917—1923 gg.: istoricheskiy ocherk. M.: Nauka, 172 p. (In Russian).

Pak B.D. (2009). Bor'ba rossijskikh korejcev za nezavisimost' Korei. 1905—1919. M: Institut vostokovedeniya RAN, 388 p. (in Russian).

Uralskiy statisticheskiy ezhegodnik 1923—1924 gg. Sverdlovsk. 1925. 270 s. (In Russian).

М.В. Сащенко

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен русской эмиграции в Китае, причём главным образом особенности ее социокультурной адаптации. Переселенцы из России появились в Поднебесной ещё несколько веков назад. Однако пик их эмиграции пришёлся на конец XIX — начало XX вв., что было связано с определёнными политическими событиями, происходившими в России. Самым известным «русским» городом в Китае стал Харбин. Автор данной работы, опираясь на документальные материалы, подробно описывает влияние, которое оказали представители русской диаспоры на харбинскую архитектуру, искусство, образование, кулинарные традиции, формы досуга, торговлю. Кроме того, в статье раскрываются культурные аспекты существования русской эмиграции в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу. Как показывает автор, русским, проживавшим в числе прочих иностранцев на территории международных поселений, удалось внести заметный вклад в развитие этих крупных городов Китая, сохранив при этом свою культурную идентичность.

Ключевые слова: русская эмиграция в Китае; КВЖД; Харбин; Шанхай; Тяньцзинь; культурная идентичность; ассимиляция; социокультурная адаптация.

Автор: Сашенко Мария Васильевна, магистр 1 курса, Восточный факультет СПбГУ, Культура народов Азии и Африки.
E-mail: sashhenko1996@mail.ru

Sashchenko M. V.

**The culture of Russian emigration in China
in the late 19th — the first half of the 20th centuries**

Abstract. This article is focused on the phenomenon of Russian emigration in China, mainly on the features of its socio-cultural adaptation. The first migrants from Russia came to China a few centuries ago. However, the peak of their emigration occurred in the late 19th — early 20th centuries, which was caused by certain political events that took place in Russia. Harbin has become the most famous «Russian» city in China. The author of this work, based on documentary materials, describes in detail the influence that representatives of the Russian diaspora had on Harbin architecture, art, education, culinary traditions, forms of leisure, and trade. In addition, the article reveals the cultural aspects of Russian emigration in Shanghai, Tianjin, and Hankou. As the author shows, Russians who lived among other foreigners in the international settlements managed to make a significant contribution to the development of these major cities in China, while preserving their cultural identity.

Keywords: Russian emigration in China; CER; Harbin; Shanghai; Tianjin; cultural identity; assimilation; socio-cultural adaptation.

Author: Maria V. SASHCHENKO, First year Master's student, Saint Petersburg State University, Asian and African Cultures (sashhenko1996@mai.ru).

В последние годы в отечественной и зарубежной науке повысилось внимание к изучению миграционных процессов. История диаспор, в частности, занимает одно из приоритетных мест в современных культурологических и социологических исследованиях. Этими тенденциями и обусловлена актуальность данной работы, в которой предпринимается попытка исследования феномена русской эмиграции в Китае, причём главным образом особенностей её социокультурной адаптации.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы осветить историю и культурные аспекты русского зарубежья в Китае. Объектом исследования является история русской диаспоры в Китае, представленной выходцами из Российской империи и СССР. Предметом исследования выступают социокультурные особенности адаптации русских мигрантов в Китае. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 90-х гг. XIX в. до конца 40-х гг. XX в.

Эти временные границы определяются периодами, в которые происходили соответственно пик притока и оттока русских переселенцев.

Следует отметить, что первые русские появились в Китае ещё в период правления монгольской династии Юань (1271—1368). Согласно хронике «Юань ши» 元史, они представляли собой обособленный русский полк, который славился своей храбростью и верностью монгольскому хану. Однако массовый приток русских эмигрантов в Китай начался гораздо позднее, а именно во время строительства КВЖД — в конце 90-х гг. XIX в.

Цинская империя в XIX веке пережила немало потрясений: тайпинское восстание (1850—1864), «опиумные войны» (1840—1842 и 1856—1860) значительно ослабили страну и положили конец политике самоизоляции. В 1858 г. Китай подписал Тяньцзиньские трактаты (*Тяньцзинь тьяоюэ* 天津条约) с западными державами, в том числе с Российской империей. В результате иностранцы получили право вести торговлю в морских портах Поднебесной, имея статус экстерриториальности. Безусловно, это открыло многим странам широкие возможности для установления своих сфер влияния в Китае.

В 1898 г. началось строительство КВЖД, ставшее крупным международным событием. Ввод в эксплуатацию КВЖД происходил поэтапно и сопровождался массовым притоком русских поселенцев. По отношению к ним правомерно употребление термина «колонисты», то есть «переселенцы из другой земли, занимающиеся земледелием». Властями Российской империи был разработан комплекс мер, стимулирующих аграрное переселение в Манчжурию вдоль полосы отчуждения. Наибольший прирост русских колонистов совпал с первыми годами реализации Столыпинской реформы (1906—1913). До прихода русских территория северо-востока Китая (Манчжурия или Дунбэй 东北) была практически неосвоенной. Российские инвестиции в сельское хозяйство и промышленность ускорили урбанизацию региона и привели к притоку населения из других регионов Китая.

Постепенно по всей линии отчуждения стали появляться города-станции со значительной долей русского населения: Манчжурия, Хайлар, Цицикар, Харбин, Хэйхэ (Сахалин), Суйфэньхэ (Пограничная), Шэньян (Мукден), Далянь (Дальний), Люйшунь (Порт-Ар-

тур), Муданьцзян. Оказавшись вдалеке от своей родины, русские поселенцы столкнулись с необходимостью сохранения своей культурной идентичности. В связи с этим во всех городах-станциях открывались русские учебные заведения и торговые представительства, возводились православные церкви.

Харбин стал первым крупным «русским» городом в Китае, а также экономическим, административным и культурным центром всего северо-запада страны. В начале он носил название станции «Сунгари — первая» [Крадин, 2001, с. 31], но уже в 1902 г. в официальной переписке стал именоваться Харбином. В течение первых лет основания города появились самостоятельные градостроительные образования — Старый Харбин, Новый город, Пристань, Мостовой посёлок и Затон. В городе функционировало российское консульство, располагалась администрация КВЖД и торговых представительств. До начала 1920-х гг. русскоязычное население превышало китайское по численности, достигнув своего пика в 120 000 человек. Единственной частью Харбина, где не селились русские, был район Даовой (бывший Фуцзядянь). Там жило большинство китайского населения (примерно 300 000 человек). Утром они спешили на работу в Харбин, а к ночи возвращались обратно. Такая большая концентрация населения привела к вспышке чумы в этом районе в 1910—1911 гг. [Хохлов, 2012, с. 166].

Стоит отметить, что русская диаспора представляла собой богатую этническую и культурную смесь: это были как сами русские, так и евреи, украинцы, армяне, поляки и другие выходцы из Российской империи.

Материалы различных публикаций о русских переселенцах свидетельствуют о том, что в годы своего пребывания в Харбине, они жили преимущественно в «русском мире». Немногие из них стремились изучать язык и культуру Китая. В основном они контактировали с китайскими купцами и торговцами, говорившими на русском пиджине¹, или с образованными русскоговорящими китайцами.

---

¹ Общее наименование языков, возникающих в экстремальной ситуации межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания. Пиджин — язык с радикально упрощенной грамматикой и сокращенным словарем, который ни для кого из говорящих на нем не является родным.

Внешне Харбин напоминал русский город с московской и петербургской архитектурой. Церкви с луковичными куполами, фасады в стиле ампир, широкие бульвары и элементы модерна были повсюду. Русский язык стал языком образования, торговли и управления. Русскую речь можно было услышать повсеместно: на улицах, в магазинах, в театрах. Надписи на уличных знаках и рекламных щитах были также сделаны на русском.

В окрестностях Харбина формировалась вся культурная жизнь Манчжурии. В городе возникла первая школа, а затем и целая сеть образовательных учреждений: школы, гимназии, училища, институты. Поскольку для обслуживания железной дороги требовались высококвалифицированные кадры, в 1920 г. был основан Харбинский Политехнический институт. Значительная доля интеллигенции переселилась в Харбин из разных уголков Российской империи: это были архиереи и священники, преподаватели средних школ и профессора университетов, врачи, журналисты, писатели, артисты балета и драмы.

Основой мировоззрения и системы ценностей харбинцев было православие. В городе было построено около 20 православных храмов (Свято-Николаевский собор, Софийский, Благовещенский храм, Иверская церковь). Харбинцы отмечали все православные праздники и придерживались соответствующих традиций. В 1921 г. на реке Сунгари появилась первая иордань [Мелихов, 2003, с. 124].

Одним из развлечений харбинцев было купание на реке Сунгари. В ней было много ила, которым отдыхающие обмазывались с головы до ног, принимая грязевые ванны. В соборе Святой Софии, который является одним из символов русского Харбина, в настоящий момент находится музей исторических фотографий. Там имеются уникальные снимки русского Харбина, на которых можно увидеть, как харбинцы отдыхали на берегу Сунгари.

Одной из зимних достопримечательностей города было катание на санях «толкай-толкай» [Мелихов, 2003, с. 351] по реке Сунгари. Когда она покрывалась толстым слоем льда, по ней можно было кататься на деревянных санях с металлическими полозьями. Китайцы-саночники были искусны в осуществлении этого замысла. Они могли виртуозно заставить сани мчаться по расчищенным дорожкам. Такой вид забавы существовал только в Харбине.

Русские кулинарные традиции оказали большое влияние на местную кухню. В результате в Харбине появились русский хлеб, колбаса, мороженое, квас. Харбин, пожалуй, является единственным городом в Китае, где зимой местные жители могут есть мороженое, гуляя по центральной пешеходной улице Чжунъян дацзе 中央大街.

События, разыгравшиеся в политической жизни, как России, так и Китая оказали негативное влияние на судьбу русских харбинцев. В 1924 г. Китай признал советское правительство. После этого вышло постановление, согласно которому на КВЖД могли работать только китайские и советские граждане. Значительная часть русских была вынуждена принять советскую власть, чтобы не потерять работу. За это в Китае их прозвали «редисками», то есть тайными белогвардейцами или замаскировавшимися врагами советской власти. После установления японской оккупации и марионеточного государства Манчжоуго (1931—1945), СССР в 1935 г. продал КВЖД Японии. В результате этой сделки население Харбина сократилось примерно на 30 000 человек. Многие русские семьи приняли решение о возвращении в СССР. Покидая Китай в переполненных поездах, увешанных транспарантами с трогательной надписью «Матушка Россия, прими своих детей» [Moustafine, 2002, p. 106], они и подумать не могли о том, что на родине их ждут преследования и расстрел. В 1937 г. были проведены карательные операции по отношению к харбинцам, которые были объявлены «японскими шпионами». В Китае под натиском японской оккупации многие русские мигранты были вынуждены стать апатридами¹. Часть русских харбинцев переселилась в международные поселения других городов Китая — Шанхая и Тяньцзиня.

Тем харбинцам, которым удалось эмигрировать в Австралию, Канаду, США и другие страны, повезло больше. Интересно, что, отвечая на вопрос об этнической принадлежности, они идентифицировали себя не просто как «русские», а как «русские из Китая» [Moustafine, 2002, p. 156]. В своей литературе они называли себя представителями китайской ветви русской диаспоры. Проводить

---

¹ Лица, не имеющие какого-либо гражданства или подданства и не обладающие какими-либо доказательствами, которые могли бы установить их принадлежность к какому-либо гражданству или подданству.

различие между русскими из Китая и из СССР было идеологически «полезно» в годы холодной войны, когда многие харбинцы мигрировали в западные страны.

Шанхай был вторым после Харбина русским культурным центром. Как отмечает Н.Н. Аблажей в своей монографии, «Шанхай представлял собой типичный колониальный город, обогатившийся за счёт международной торговли и опиумной войны» [Аблажей, 2007, с. 43]. Согласно положениям Нанкинского договора, который Китай подписал после проигрыша Первой опиумной войны в 1842 г., Шанхай был одним из пяти портовых городов, открытых Цинской империей для внешней торговли. Пользуясь этой возможностью, иностранцы уже с середины XIX в. вели торговую деятельность в Шанхае. К концу 1918 г. в Шанхайский международный сэттльмент входили поселенцы 17 стран, включая Россию. Кроме того, в Шанхае существовала Французская концессия.

Первые русские в Шанхае появились ещё в середине XIX в. Это были в основном купцы-чаеоторговцы. Однако настоящим пиком русской эмиграции в Шанхай стали 1920-е гг. Наиболее известен «флот беженцев адмирала Старка», которому в нелёгких условиях удалось перевезти несколько тысяч людей из Владивостока в Шанхай. В изгнание отправлялись тысячи русских, не принявших советскую власть: белые офицеры, студенты, юнкера, кадеты, купцы, врачи и многие другие. Большинство из них находилось в крайне бедственном положении. Переход из Владивостока в Шанхай в перегруженных пароходах стал настоящим испытанием для беженцев. Власти Шанхая были обеспокоены появлением такого количества русских, среди которых были и военные, поэтому не сразу пустили их в город.

После оккупации Японией северо-востока Китая, многие русские стали перебираться из Харбина и других городов в Шанхай, поскольку на севере они испытывали сильное давление со стороны Японии и СССР. Однако и в Шанхае пострадали некоторые лидеры русской эмиграции, в частности, К.Э. Мещлер, застреленный в своей машине 2 августа 1940 г.

Появившиеся на улицах Шанхая русские беженцы, резко отличались от богатых французов, англичан, немцев. Первое время, чтобы заработать на себе на жизнь, они разгружали пароходы, служили

сторожами, работали в котельных. К началу 1930-х гг. численность русского населения Шанхая составляла примерно 20 000 человек. В сеттльменте и во Французской концессии были организованы воинские части из белоэмигрантов. Большинство русских селились во Французской концессии. Именно поэтому там появились православные храмы.

Оказавшись в иностранной среде, русские эмигранты были вынуждены решать задачу сохранения своей культуры, а также организации своего досуга. В период эмиграции наиболее выгодным среди них считалось иметь книжный магазин. Так первыми книжными магазинами в Шанхае стали «Русская книга» и «Книжное дело» [Хисамутдинов, 2014, с. 120]. С 1919 г. начали появляться многочисленные издательства и типографии, где печатались произведения русской литературы. В 1936 г. в типографии «Слово» вышел альбом В.Д. Жиганова «Русские в Шанхае», который является ценным материалом для изучения. Альбом содержит фотографии и сведения о русских шанхайцах и является своеобразной энциклопедией русской эмиграции в Шанхае. В послесловии к альбому В.Д. Жиганов отмечает: «Очерки было писать крайне сложно, многие отказывались давать сведения» [Виноградова, 2010, с. 96].

Русские концессии также существовали в Тяньцзине и Ханькоу, поэтому эти города тоже, в некоторой степени, стали центрами русской эмиграции в Китае.

Ханькоу находился в четырех-пяти днях пути на пароходе из Шанхая. С середины XIX в. русские купцы осуществляли чайную торговлю в Ханькоу. Многие русские предприниматели владели фабриками по производству кирпичного и плиточного чая. Русские преимущественно селились на территории Британской концессии, часть из них — во Французской концессии, некоторые жили в китайских кварталах. В 1891 г. цесаревич Николай Романов совершил визит в Ханькоу, а в 1896 г. в городе была образована Русская концессия. В городе существовала русско-китайская школа, обучающая торговым делам. В 1925 г. Русская концессия была передана китайским властям.

Во второй половине XIX в. на территории портового города Тяньцзинь под управление иностранных держав были переданы определённые территории. Так Тяньцзинь стал наиболее богатым иностранными концессиями городом, в нём их насчитывалось восемь.

Русская концессия там образовалась в 1900 г. и занимала самую большую территорию вдоль левого берега реки Хайхэ. Когда русские обосновались в Тяньцзине, они стали торговать пушниной, открывать шерстяные, ковровые заводы, типографии и издательства, русские рестораны и булочные. Так концессия превратилась в «маленькую Россию», которая просуществовала на китайской земле 24 года [Русское наследие Тяньцзина, 24 года существования самой большой по площади русской концессии]. В 1901 г. на ней был сооружён Храм Покрова Божией Матери в честь погибших русских солдат во время ихэтуаньского восстания. В 1924 г. советское правительство отказалось от всех прав территориальности и вынуждено было передать концессию китайским властям. К настоящему времени сохранилась некоторая часть зданий, принадлежавших концессии.

Подводя итоги всему вышесказанному, хотелось бы сделать некоторые выводы. Внимательно рассмотрев историю русской эмиграции в Китае, можно выделить несколько волн переселения наших соотечественников в Поднебесную, связанных с такими событиями, как строительство КВЖД, революции в Российской империи и гражданская война. Русская эмиграция была представлена выходцами из различных социальных слоёв и сословий — дворянство, рабочие, интеллигенция, военные и другие. Русским переселенцам в полной мере удалось сохранить свою культурную идентичность, практически не испытав воздействия со стороны окружавшей их культурной среды. Процессы ассимиляции с местным населением были выражены крайне слабо. Напротив, русская диаспора внесла свою лепту в культурное и экономическое развитие Харбина, Шанхая и многих других городов Китая.

Библиографический список

Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 296 с.

Виноградова Т.И. Русская эмиграция в Шанхае со страниц альбома Владимира Жиганова // Про книги. 2010. С. 93—99.

Крадин Н.П. Харбин — Русская Атлантида. Хабаровск: Хворов А.Ю., 2001. 348 с.

- Мелихов Г.В.* Белый Харбин середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 405 с.
- Хисамутдинов А.А.* Русская словесность в Шанхае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 132 с.
- Хохлов А.Н.* Эпидемия чумы в Харбине в 1910—1911 гг. // Вестник ИВ РАН. 2012. С. 160—175.
- Тяньцзинь вэйдэ шаэ ицунь, цуньцзай 24 нянь дэ цзучзе, даннянь мяньцзи цзуйда: [Русское наследие Тяньцзина, 24 года существования самой большой по площади русской концессии]. URL: <https://new.qq.com/omn/20180605/20180605A1W55L.html> (дата обращения: 08.10. 2020).
- Kurto O.I.* Russian World In China: The Experience Of The Historical And Ethnocultural Coexistence Of The Russian And Chinese People. Moscow: Nauka, 2013. 375 p.
- Moustafine, M.* Secrets and spies: the Harbin files. Sydney: Random House Australia, 2002. 468 p.

References

- Ablazhej N. N.* (2007). S vostoka na vostok: Rossijskaya emigraciya v Kitae, Novosibirsk: SO RAN, 296 p.
- Hisamutdinov A. A.* (2014). Russkaya slovesnost' v SHanhae, Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 132 p.
- Hohlov A. N.* (2012). Epidemiya chumy v Harbine v 1910—1911 gg., *Vestnik IV RAN*: 160—175.
- Kradin N. P.* (2001). Harbin — Russkaya Atlantida, Habarovsk: Hovorov A.YU, 348 p.
- Kurto O.I.* (2013). Russian World In China: The Experience Of The Historical And Ethnocultural Coexistence Of The Russian And Chinese People, Moscow: “Nauka” PH, 375 p. (In English).
- Melihov G.V.* (2003). Belyj Harbin seredina 20-h, Moscow: “Russkij put” PH, 405 p.
- Moustafine M.* (2002). Secrets and spies: the Harbin files. Sydney: Random House Australia, 468 p. (In English).
- Tianjin weide shae yicun, cunzai 24 niande zujie, dangnian mianji zuida [Russian heritage of Tianjin, 24 years of existing concession, the largest area in that time]. URL: <https://new.qq.com/omn/20180605/20180605A1W55L.html> (accessed: 08 October, 2020) (In Chinese).
- Vinogradova T.I.* (2010). Russkaya emigraciya v SHanhae so stranic al'boma Vladimira ZHiganova, *Pro knigi*: 93—99.

В.С. Сухорукова

ФЕНОМЕН «ХОНЧОК» КАК НОВОЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Хончок» как новый образ жизни, быстро распространившийся на территории Южной Кореи. Резкое увеличение одиноких людей характерно для всех развитых государств мира и Республика Корея не является исключением. Однако в отличие от других стран в Корее образ жизни в одиночестве быстро стал социально приемлемым. Данный феномен можно рассматривать как празднование индивидуальности над группой и начало культурного перехода корейского общества от коллективизма к индивидуализму.

Было рассмотрено корейское общество в целом, которое на протяжении всей истории развивалось в рамках культуры внимания к окружающим и подавлением собственной индивидуальности. Также были проанализированы традиционные ценности Южной Кореи. В ходе работы, дано определение домохозяйств, состоящих из одного человека, а также дано определение понятию «Хон экономика».

В данной работе сделан вывод о том, что культурное движение «Хончок» в первую очередь означает ослабление традиционно коллективных способов социального взаимодействия в Корее. Моло-

дежь больше всего ценит свое личное время и сосредотачиваются только на настоящем, не жертвуя собственным временем на покупку дома, брак или подготовку к пенсии. Поскольку это ведет к ослаблению семейных ценностей, личное время и жертвы во имя другого человека не считаются само собой разумеющимся. Так усиливается дух индивидуализма. Таким образом, общество становится на путь принятия индивидуалистической культуры Запада, постепенно вытесняя традиционный вертикальный коллективизм.

Ключевые слова: Южная Корея, социально-культурное явление, Хончок, молодое поколение, Хон экономика, современное общество, семья.

Автор: Сухорукова Валерия Сергеевна, выпускница магистратуры Соганг.

Sukhorukova V.S.

The Honchok Phenomenon as a New Socio-Cultural Phenomenon in South Korea

Abstract. The article discusses the phenomenon of “Honchok” as a new form of lifestyle that quickly spread across the territory of South Korea. The sharp increase in single people is typical for all the developed countries all over the world and the Republic of Korea is not an exception. However, unlike other countries, living alone quickly became socially acceptable in Korea. This phenomenon can be considered as the beginning of the cultural transition of Korean society from collectivism to individualism. The study examined Korean society as a whole, which has historically developed within the culture that required attention to others and suppression of own individuality. The traditional values of South Korea were also analyzed. This work also gives a definition to a single household, as well as the definition of the concept of “Hon economy”, meaning “Single Economy”. The author concludes that the Honchok cultural movement can be considered as a weakening position of traditional collective ways of social interaction in Korea. Young people value their personal time and they prefer to focus only on the present moment. The young generation prefers not to sacrifice their own time to buy a house, get married, or prepare for retirement. Since this leads to an elimination of family values, personal time and acts of goodwill for the sake of another person are not taken for granted anymore. Therefore, the spirit of individualism is strengthened. Thus, society is taking the path of accepting

the individualistic culture of the West, gradually replacing traditional vertical collectivism.

Keywords: South Korea, socio-cultural phenomenon, Honchok, young generation, Hon economy, modern society, family.

Author: Valeria S. SUKHORUKOVA, graduate of the Master's program Sogang.

Традиционные ценности Южной Кореи и социальная атмосфера в первую очередь основана на истории Корейского полуострова, где долгое время существовали большие семьи, деревенская община, а также практика совместного сотрудничества в сельскохозяйственной жизни.

Коллективистское сознание укрепилось с VI века, когда конфуцианство стало внедряться в Корею в качестве государственной идеологии. Одно из ценностей, которые особенно подчеркиваются в конфуцианстве является взаимная ответственность членов общества и важность семейных уз.

Корейский язык также отражает ориентированность общества на группы, что особенно заметно в специфике употребления местоимений. Особый акцент уделяется «чувству ури» («우리»), что означает «мы». В разговорной и письменной речи редко используются слова «я» и «моё», они заменяются фразами «наша страна» «우리 나라», «наша школа» «우리 학교», «наша семья» «우리 가족», «наш муж» «우리 남편», «наша жена» «우리 아내». Особенно удивительным кажутся последние два примера, однако таким образом подчеркивается неотделимость семьи от рода, а также прочность внутрисемейных связей.

Таким образом чувство принадлежности к группе было неотъемлемой частью мироощущения корейцев, так через совместную деятельность они развивали собственное чувство идентичности как часть коллектива.

Определение домохозяйств, состоящих из одного человека

Сегодня молодое поколение все меньше отождествляет себя с коллективом и не разделяет традиционные семейные ценности, от-

давая предпочтение собственным интересам. Такой сдвиг в сторону индивидуализма связывают с резким увеличением количества домохозяйств, состоящих из одного человека.

Термин «домохозяйство из одного человека» было введено Национальным статистическим управлением Кореи в 2005 г. К одиноким домохозяйствам относятся те, кто живет один без законного супруга по таким причинам, как развод, тяжелая утрата или не состояние в браке. По данным Национального статистического управления Южной Кореи количество одиноких домохозяйств, в 2019 г. составило около 6,15 млн, а в 2020 г. достигло рекордно высокого уровня 8,5 млн человек. Основная причина увеличения числа одиноких людей являются сложные условия жизни и труда в Южной Корее.

Сегодня для описания социально-экономической ситуации в Корее используют слово — «Хэл Чосон» («헬조선») — что дословно означает «Адский Чосон». Данный термин является производным от английского слова «Hell», то есть «ад» и названия древнего Корейского королевства — Чосон. Смысл данного выражения заключается в том, что современные условия жизни и труда в Корее являются такими же сложными, как и в эпоху 14—20 веков. Эта фраза часто используется с целью критики политики, которая способствует безработице, экономическому неравенству и распространению нищеты. Данный термин свидетельствует о трудностях и отчаянии молодого поколения в связи с чем они встают на путь добровольного одиночества.

Таким образом, современные социально-экономические условия Южной Кореи обуславливают сознательный отказ молодых мужчин и женщин от создания семьи. Данный феномен эволюционировал и приобрел форму крупного культурного движения «жизни в одиночестве» или «Хончок».

Феномен Хончок («혼족»)

Слово «Хончок» образовано сочетанием китайских иероглифов «хон» («혼») — один, «чок» («족») — семья, племя. Данный термин описывает образ жизни людей, которые предпочитают жить вне со-

циальных структур и просто оставаться в одиночестве. Культура «Хончок» — в своей основе хранит противостояние или отречение от социальных устоев и отдает приоритет собственным желаниям и потребностям.

Как было сказано ранее, такой образ мышления связан с тем, что многие корейцы сталкиваются с различными экономическими трудностями такие как — растущая нехватка рабочих мест и отсутствие финансовой безопасности. Соответственно, люди сознательно предпочитают оставаться в одиночестве и отвергают ожидаемый путь свиданий, брака и семейной жизни. Пребывание в одиночестве кажется предпочтительнее, чем изо всех сил искать спутника жизни, бороться с непомерными издержками, связанными с наличием партнера и воспитанием детей, и бороться с условностями, которые все еще сохраняются в южнокорейском обществе. Идея о том, что мужчина должен обеспечивать все для семьи, а женщина должна служить по дому воспринимается как пережитки исторического прошлого. Можно сделать вывод, что «Хончок» озаменовал резкий переход от традиционных ценностей Кореи, основанных на интересах группы.

В контексте развития и распространения данного феномена не стоит недооценивать роль информационных технологий. Сегодня виртуальный мир предоставляет новые форматы общения, физически изолируя людей друг от друга. Современные средства коммуникации позволяет одиноким людям решить проблему отсутствия общения с другими.

Более того, анонимность, обеспечиваемая технологиями, позволяет свободно выражать свое мнение, не боясь общественного осуждения. Такая социальная самоизоляция, поддерживаемая соц. сетями воспитывает у людей чувство индивидуальности и свободы выражения.

Примером небольшого кибер пространства поощряющая индивидуалистов-одинок является сайт honjok.me. На данном сайте публикуются информационные материалы о местах развлечения для одного, мотивирующие и образовательные тексты, рассказывающие о пользе семьи состоящей из одного человека — например, как единицы, ориентированной на осознанное потребление.

Именно за счет высокоразвитой кибер среды в Южной Корее и высокой скорости интернета, данная культура быстро распространилась на онлайн пространстве и приобрело различные формы — «Хонпап» («혼밥») — еда в одиночестве, «Хонсуль» («혼술») — алкоголь в одиночестве, «Хонко» («혼커피») — кофе в одиночестве, «Хонён» («혼영») — просмотр фильма в одиночестве, и «Хонхэн» («혼행») — путешествия в одиночку.

«Хонпап» является самой распространенной активностью среди одиночек и поэтому представляется наиболее интересным явлением. Стоит отметить, что традиционное корейское общество придавало большое значение совместным семейным обедам, что также было наглядно отражено в языке. Для обозначения слова «члены семьи» используется слово «щикку» («식구»), где «щик» («식») обозначает слово еда, а иероглиф «ку» («구») означает рот. Более того, традиция совместной трапезы наглядна видна в особенностях корейской кухни, где одно главное блюдо делится между несколькими людьми.

Предположительно, из-за влияния корейских ценностей, ориентированных на группы, «Хонпап» должен воспринимается как негативная тенденция, разрушающая дух сообщества. Однако сегодня «Хонпап» уже стал новой нормой, позволяющая людям наслаждаться едой, не обращая внимания на окружающих. Можно сделать вывод, что новая форма семьи (семья из одного человека) устанавливает новые стандарты путем постепенного отказа от традиций во имя собственных интересов.

Сначала тенденция «Хонпап» стала популярной среди студентов университетов, которые испытывали высокий уровень стресса из-за конкуренции на рынке труда. Они часто слишком заняты, готовясь к тестам, улучшая свои языковые навыки и участвуя в общественной деятельности, которая является основным требованием для трудоустройства. Многие студенты начали считать, что обед с друзьями — это пустая трата времени и денег.

Корейские офисные работники сталкиваются с аналогичными проблемами. Даже получив работу, они находятся в условиях жесткой конкуренции и вынуждены бороться за продвижение по службе или за выживание на рабочем месте. Некоторые из них хотят использовать время обеда для повышения своего профессионального уровня, например для изучения английского языка, повышения на-

выков, связанных с их профессиональной областью. Профессиональное развитие стало настолько важным, что некоторые языковые институты предлагают ланч-классы с легким обедом.

По словам профессора Квак Кымджу из Сеульского национального университета, люди находят встречи друг с другом достаточно обременительными, поэтому предпочитают проводить больше времени в одиночестве. Это связано с тем, что, когда они вместе обедают, выпивают или проводят досуг, они должны учитывать предпочтения, распорядок дня и даже финансовое положение других. Корейцы устали не только от своей напряженной жизни, но и от коллективистской культуры Кореи.

Хон экономика («혼코노미»)

Сегодня корейцы предпочитают не тратить свое время и деньги, чтобы слепо поддерживать группы, вместо этого они проводят больше времени наедине с собой. Одинокие люди всячески расширяют свой досуг и теперь не только едят одни, но и учатся, ходят в кино, поют в караоке и т. д. Все это формирует «Хон экономику», где наиболее активными субъектами потребления являются одинокие домохозяйства.

Домохозяйства, состоящие из одного человека, появились на потребительском рынке как наиболее активные экономические игроки и возможно поэтому воспринимаются позитивно. Потребительские расходы одиноких намного выше, чем у классических семей. Одинокие люди стимулируют рост объема туристических, косметических, медицинских, образовательных услуг, поскольку они больше наслаждаются жизнью.

Корейские компании постепенно признали культуру «Хончок» и уступили ей дорогу: рестораны намеренно устанавливают одноместные столы, в кинотеатрах появляются изолированные места для одного, а бренды делают упор на инновационные продукты для семей, состоящих из одного человека, например, предметы мебели с множеством функций.

Ожидается, что дальнейший прирост одиноких домохозяйств сыграет положительную роль на потребительском рынке.

Хончок — обратная сторона

Некоторые источники говорят о «жизни в одиночестве» как о новой острой проблеме, которая не только провоцирует дальнейший сдвиг в системе ценностей корейского общества, но также вызывает серьезные социальные последствия.

Согласно исследованиям, одинокие люди более уязвимы к разнообразным болезням из-за нерегулярного питания и вредных привычек. Люди в возрасте от 20 до 30 лет, которые пьют и едят в одиночестве, часто посещают больницы из-за проблем с желудком, изжоги, боли в животе и нередко им диагностируют рак желудка. Самая главная причина в том, что еда в одиночку — это скорее «одноразовое решение», соответственно, выбор падает на фаст-фуд и еду быстрого приготовления.

Все большее количество людей умирают в одиночестве и остаются без внимания со стороны окружающих, так как не представляется возможным сразу же передать сигнал в больницу в случае внезапного обострения какой-либо болезни.

Смерть в одиночестве — одна из самых больших проблем на сегодняшний день. Под одиночной смертью понимается случай, когда человек, который жил один, умер и оставался без внимания более трех дней. Поскольку число домохозяйств, состоящих из одного человека, увеличивается по мере старения населения, увеличивается количество пожилых людей, умирающих в одиночку.

Правительство Республики Корея оказывает большую поддержку для решения таких проблем, как смерть в одиночестве. В Сеуле был создан «патруль по районам» в 26 автономных округах в 17 автономных регионах для контроля состояния людей среднего и пожилого возраста, живущих в одиночестве. Были созданы сообщества соседей, которые должны посещать такие изолированные домохозяйства, чтобы восстановить их связь с обществом.

С каждым днем увеличивается количество преступлений против одиноких пожилых людей и женщин. Столичное правительство Сеула в целях поддержки одиноких женщин, предоставило малогабаритное арендуемое жилье студийного типа. Более того, были сформированы «безопасные зоны» — жилые районы, заполненные небольшими студиями вокруг университетских городков. В районах,

наиболее уязвимых для преступности уличные фонари были заменены на светодиодные, сделав их вдвое ярче, были расширены переулки, чтобы создать безопасную среду для женщин. Также было назначено несколько круглосуточных магазинов в качестве «дома комфорта для женщин», чтобы помочь женщинам эвакуироваться в магазины в чрезвычайных ситуациях.

В качестве поддержки одиноких пожилых людей в Корее работает центр социального обеспечения, где они могут проводить свободное время. Люди в возрасте 60 лет и старше, которые проживают в одиночестве, могут воспользоваться социальным жильем для престарелых.

Более того, Национальное медицинское страхование предоставляет возможность бесплатного медицинского осмотра (один раз в два года) для раннего выявления заболеваний и предоставления соответствующих медицинских пособий.

Заключение

Сегодня социально-экономические условия жизни в Республике Корея можно рассматривать как причину, по которой люди стали более организованными, автономными и индивидуалистическими, а акт отказа от совместного времяпрепровождения и выбор в пользу одиночества стал восприниматься в обществе положительно. Данные тенденции идут в разрез с традиционными ценностями, основанными на культуре внимания к окружающим и подавлением индивидуальности.

Культурное движение «Хончок» в первую очередь говорит нам об ослаблении традиционно коллективных способов социального взаимодействия в Корее. Молодежь больше всего ценит свое личное время и сосредотачиваются только на настоящем, не жертвуя собственным временем на покупку дома, брак или подготовку к пенсии. Поскольку это ведет к ослаблению семейных ценностей, личное время и жертвы во имя другого человека не считаются само собой разумеющимся. Так усиливается дух индивидуализма. Таким образом, общество становится на путь принятия индивидуалистической культуры Запада, постепенно вытесняя традиционный вертикальный коллективизм.

Библиографический список

Ahn, D. (2011). Individualism and Collectivism in a Korean Population. URL: http://scholarship.claremont.edu/scripps_theses/107 (дата обращения: 20.11.2020)

Baek, J., & Baek, S. (2018). Societal Phenomenon of 'Single-Person Household', Media Representations and Cultural Implications: A Semiotic and Discourse Study on <Drinking Solo> of tvN. Sungkyunkwan University.

Han, S., & Ahn, C. (1994). Psychology of the Korean People (pp. 301–315). Dong-A Publishing & Printing Co., Ltd.

Honjok: South Korea's 'loner' movement. (2020). URL: <https://theindependent.sg/honjok-south-koreas-loner-movement/> (дата обращения: 19.11.2020).

Initiative for Single Woman Household. Seoul Solution.(2020). URL: <https://www.seoulsolution.kr/en/content/2070> (дата обращения: 19.11.2020).

Kim, Y. (2020). [News Focus] 8.56 million people reside alone in Korea. Korea Herald.com. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200322000055> (дата обращения: 17.11.2020).

Korea Economic Institute. (2020). URL: <http://keia.org/table-one-how-dining-culture-changing-south-korea> (дата обращения: 20.11.2020).

Lee, Y., & Han, J. (2020). The Rise of Single-Person Households and Changes in Consumption Patterns. URL: <http://www.kiet.re.kr/> (дата обращения: 16.11.2020).

Shim, K. (2019). Differences between One-Person and Multi-Person Households on Socioeconomic Status, Health Behavior, and Metabolic Syndrome Across Gender and Age Groups. KJFP. URL: <https://www.kjfp.or.kr/journal/view.html?uid=902&vmd=Full> (дата обращения: 20.11.2020).

Хончокдатком. [Сайт хончок точка ком] (2020). URL: <http://honjok.me> (дата обращения: 20.11.2020) (на кор).

Иринкагу. [Домохозяйства, состоящие из одного человека] Easylaw. 2020). URL: <https://easylaw.go.kr/CSP/CnpClsMain.laf?popMenu=ov&csmSeq=717&ccfNo=1&ccciNo=1&cnpClsNo=1> (дата обращения: 19.11.2020) (на кор).

References

Ahn, D. (2011). Individualism and Collectivism in a Korean Population. URL: http://scholarship.claremont.edu/scripps_theses/107. (accessed: 20.22.2020)

Baek, J., & Baek, S. (2018). Societal Phenomenon of 'Single-Person Household', Media Representations and Cultural Implications: A Semiotic and Discourse Study on <Drinking Solo> of tvN. Sungkyunkwan University.

Han, S., & Ahn, C. (1994). *Psychology of the Korean People* (pp. 301–315). Dong-A Publishing & Printing Co., Ltd.

Honjok: South Korea's 'loner' movement. (2020). URL: <https://theindependent.sg/honjok-south-koreas-loner-movement/> (accessed: 19 November, 2020).

Initiative for Single Woman Household. Seoul Solution. (2020). URL: <https://www.seoulsolution.kr/en/content/2070>. (accessed: 19.11.2020)

Kim, Y. (2020). [News Focus] 8.56 million people reside alone in Korea. *Koreaherald.com*. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200322000055> (accessed: 17 November, 2020).

Korea Economic Institute. (2020). URL: <http://keia.org/table-one-how-dining-culture-changing-south-korea> (accessed: 20 November, 2020).

Lee, Y., & Han, J. (2020). The Rise of Single-Person Households and Changes in Consumption Patterns. URL: from <http://www.kiet.re.kr/> (accessed: 16 November, 2020).

Shim, K. (2019). Differences between One-Person and Multi-Person Households on Socioeconomic Status, Health Behavior, and Metabolic Syndrome Across Gender and Age Groups. URL: <https://www.kjfp.or.kr/journal/view.html?uid=902&vmd=Full>. (accessed: 20 November, 2020)

Honjokdatcom [Honjok website]. (2020). URL: <http://honjok.me>. (accessed: 20 November, 2020) (in Korean).

Irinkagu [Single households in Korea] *Easylaw.go.kr*.(2020). URL: <https://easylaw.go.kr/CSP/CnpClsMain.laf?popMenu=ov&csmSeq=717&ccfNo=1&cciNo=1&cnpClsNo=1>. (accessed: 19 November, 2020). (in Korean).

И.А. Топчий

К ВОПРОСУ О ЗАНИЖЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ НА ПРИМЕРЕ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Метод завышения военных возможностей противника и занижения своего собственного потенциала — один из действеннейших пропагандистских приёмов наших дней.

Данная форма информационной работы является безусловным отражением мыслей китайского стратега Сунь Цзы, изложенных им в его книге «Искусство побеждать». «Если ты силен, кажись слабым, а если слаб, кажись сильным», «война — это путь обмана» — данные положения имеют актуальность и в наши дни.

Предметом прошлого доклада автора настоящей работы стали завышенные оценки численности вооружённых сил КНДР как результата искажений западной и южнокорейской пропаганды последних десятилетий.

С другой стороны, остаётся вопрос о реальной мощи основного врага КНДР — Республики Корея (РК). Несмотря на аналогичную тенденцию к сокращению, вооружённым силам данного государства присущ традиционный западный порок — замалчивание действительного военного потенциала. Анализ имеющихся организаци-

онно-штатных структур говорит о том, что возможности военной машины РК куда выше.

Вместе с тем, численность и возможности южнокорейских сил специальных операций растут и целенаправленно увеличиваются. Это говорит о том, что им как инструменту предназначено применение в сфере внешней политики — военной сфере.

В настоящем докладе на примере сил специальных операций РК, их тщательного рассмотрения и анализа разобран факт занижения их численности — как частный пример относительно вооруженных сил РК, где имеются соответствующие тенденции.

Приведены примеры из официальных сообщений относительно такой численности — и их сопоставления с реальными организационно-штатными структурами южнокорейского спецназа. Приведены оценки реального потенциала специальных сил РК. Сделан вывод о необходимости более тщательного изучения реального потенциала конвенционных и специальных вооруженных сил РК — как правильного понимания степени угрозы и военного могущества РК на Дальнем Востоке, как значительного и постепенно набирающего силу игрока в азиатско-тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Корейская Народно-Демократическая республика, Республика Корея, вооружённые силы, военное противостояние, специальные войска.

Автор: Топчий Илья Альбертович, аспирант ИрННТУ (Иркутского Национального Исследовательского Технического Университета). E-mail: authoranalytic@rambler.ru

Topchiy I.A.

On the issue of underestimating the number of troops of the Republic of Korea in official sources on the example of the special operations forces of the Republic of Korea

Abstract. The method of overestimating the enemy's military capabilities and underestimating one's own potential is one of the most effective propaganda techniques of our day.

This form of information work is an unconditional reflection of the thoughts of the Chinese strategist Sun Tzu, outlined in his book “The Art of Victory”. “If you are strong, seem weak, and if you are weak, seem strong”, “War is a way of deception” — these provisions are still relevant today.

The subject of the previous report of the author of this work was the overestimation of the size of the armed forces of the DPRK as a result of distortions of Western and South Korean propaganda in last decades.

On the other hand, there remains the question of the real power of the main enemy of the DPRK — the Republic of Korea (ROK). Despite a similar downward trend, the armed forces of this state are characterized by a traditional Western vice — the suppression of the actual military potential. An analysis of the existing organizational and staff structures suggests that the capabilities of the RK military machine are much higher.

At the same time, the size and capabilities of the South Korean special operations forces are growing and purposefully increasing. This suggests that they, as a tool, are intended to be used in the sphere of foreign policy — the military sphere.

In this report, using the example of the special operations forces of the ROK, their careful consideration and analysis, the fact of underestimation of their number is analyzed — as a particular example of the armed forces of the ROK, where there are corresponding trends.

Examples are given from official reports regarding such a number — and their comparison with the real organizational and staff structures of the South Korean special forces. The estimates of the real potential of the special forces of the ROK are given. The conclusion is made about the need for a more thorough study of the real potential of the conventional and special armed forces of the ROK — as a correct understanding of the degree of threat and military power of the ROK in the Far East, as a significant and gradually gaining strength player in the Asia-Pacific region.

Keywords: Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, armed forces, military opposition, special forces.

Author: Ilya A. TOPCHUY, post-graduate student of Irkutsk National Research Technical University (e-mail: authoranalytic@rambler.ru).

Темой настоящего доклада является вопрос о занижении численности войск Республики Корея (РК) в официальных источниках на примере сил специальных операций Республики Корея. То есть, частный пример, не противоречащий общей картине с ситуацией по вооруженным силам (ВС) Южной Кореи.

В своем прошлом докладе, посвященном проблематике завышения численности вооружённых сил Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в условиях обстановки, сложившейся на Корейском полуострове — процессу, обратному рассматриваемо-

му в настоящей работе, — автор отмечал, что вследствие ряда манипуляций с числовыми значениями численность северокорейских войск была в значительной мере завышена в открытых источниках и ряде профильных работ по тематике. Между тем как верхний предел мобилизационного напряжения Корейской народной армии (КНА), достигнутый в середине 1990-х гг., в действительности никогда не превышал 900 тыс. офицеров и солдат, притом, что это значение подверглось значительным сокращениям вследствие реорганизаций 1998—2006 гг. Как следствие, в настоящий момент численность ВС КНДР вряд ли больше полумиллиона человек [Корейский полуостров, с. 150—161].

В данной упомянутой и другой своей работе автор также отмечал, что численность специальных сил КНДР, часто обозначаемых на западный манер, как силы специальных операций (ССО), в профильных публикациях часто сильно завышена и в действительности вряд ли превышает 20 тыс. человек (а, скорее всего, и намного меньше даже данного указанного значения) [Феномен войны, с. 219—222].

С другой стороны, официальная численность южнокорейских ССО, наоборот, указана в размере 20 тыс. военнослужащих. Данное значение включает в себя 10 тыс. человек в составе собственно ССО — оперативного командования «Лев» непосредственно при Министерстве обороны (МО) РК, — и столько же в составе спецназов различных ведомств (ведомственных спецназах), прикомандировываемых к центральным ССО [North vs South].

Однако реальность, по-видимому, отличается от декларируемого положения вещей. И в действительности, как будет видно из настоящего доклада, соотношение северокорейских и южнокорейских ССО является обратным официально заявленному. То есть, ситуация в пропагандистских целях в буквальном смысле перевернута «с ног на голову», и более сильные южнокорейские ССО указаны, как более слабые (их численность заметно уменьшена), а более слабые северокорейские ССО определены, как более сильные (численность в значительной мере, нередко кратно, преувеличена).

Метод завышения военных возможностей сторон — один из действеннейших пропагандистских приёмов наших дней. Представить врага сильным, себя — слабым, его — агрессором, себя — жерт-

вой, — что может быть удачнее для формирования нужного общественного мнения?

Данная форма информационной работы является безусловным отражением мыслей китайского стратега Сунь Цзы, изложенных им в его книге «Искусство побеждать». «Если ты силен, кажись слабым, а если слаб, кажись сильным», «война — это путь обмана» — данные положения, оптимальные в прежние времена, имеют актуальность и в наши дни [Сунь Цзы. Искусство].

Соответственно, представляя себя слабее, а противника сильнее, чем есть, южнокорейская пропаганда реализует одну из форм информационной войны, известную с давних времен. То есть, осуществляет широкоформатную дезинформацию и отвлечение внимания в глобальных масштабах, в целях сокрытия реального потенциала военного строительства и связанного с этим возможного прогнозирования.

Однако в целях получения более-менее объективной картины, желательно было бы попытаться установить действительное положение вещей на основании имеющихся вводных данных. И то, насколько декларируемая численность ССО РК далека от реальной, хотелось бы продемонстрировать на соответствующих примерах.

Прежде всего, вызывает сомнения наличие только 10 тыс. военнослужащих в составе «центральных» ССО в рамках оперативного командования «Лев». По мнению автора настоящего доклада, они намного многочисленнее, что можно подтвердить элементарными арифметическими методами — например, путем сложения.

Так, в составе «центральных ССО» Южной Кореи на сегодня числится семь бригад — нумерация сквозная, нечетная — 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 9-я, 11-я, 13-я, — отдельный 707-й батальон специальных миссий, 62-й отдельный батальон спн и подразделение батальонного ранга для миротворческих операций ООН «Вечнозеленый отряд».

Кроме того, сюда входят части центрального подчинения ССО корпусного уровня, включающие в себя разные подразделения, в том числе управление и обеспечение, а также Специальную военную тренировочную группу, или Специальную школу спецназа (спн).

Каждая бригада состоит из четырех батальонов (в том числе батальон спн, по борьбе с терроризмом и специальной разведки) и частей бригадного подчинения. В батальоне три роты и части ба-

тальонного подчинения. Каждая рота включает в себя пять «команд» численностью 12 человек.

Примерное суммирование численности организационно-штатных структур (ОШС) бригад, приведенных выше, говорит о том, что в рамках бригады может проходить службу до 1500 южнокорейских командос.

Численность отдельных батальонов спн (включая миротворческое подразделение) оценочно колеблется от 250 до 420 человек. 707-й батальон спн при этом не следует путать с 707-м штурмовым полком спн армии, в свое время расформированным. Это разные подразделения, созданные в различные временные промежутки [Bonds, Miller, Ray, David].

Тем самым, даже личный состав бригад и отдельных батальонов командования «Лев» ССО РК находится в пределах 11 500 человек — что уже несколько превышает заявленную численность в «10 тыс. военнослужащих».

Центральная организация ССО РК (штабные части) также предельно непрозрачна. Например, разведывательное управление ССО РК (или «исследовательская группа Сеорак») имеет в своем составе собственный засекреченный оперативный отдел неизвестной численности, имеющий целью инфильтрацию и сбор разведанных на территории противника. Штаб отвечает за управление, разведку, координацию и обеспечение действующих частей [Old Soldier's Diary].

С учетом данных частей центрального подчинения, в том числе многочисленного курсантского и преподавательского состава Специальной школы спн, совокупно численность ССО РК заметно превышает официально заявленные «10 тыс. военнослужащих». Оценочно она может достигать 17—18 тыс. и даже 20 тыс. человек. Ориентировочно это далеко не предельные значения.

Данная оценка включает в себя только «центральные» части ССО и не включает в себя различные ведомственные спецназы. А они, придаваемые в качестве средства усиления оперативному командованию «Лев» и находящиеся под интегрированным управлением, могут также быть достаточно многочисленны.

Сюда входят специальные силы армии, военно-морского флота (ВМФ), корпуса морской пехоты (КМП), военно-воздушных сил

(ВВС), корейской национальной полиции, корейской береговой охраны и командования военной полиции РК.

Южнокорейские специальные силы армии — это наличие трех специальных штурмовых бригад армейского подчинения (201-я, 203-я и 205-я), шести специальных штурмовых полков корпусного подчинения (701-й, 702-й, 703-й, 705-й, 706-й, 700-й или 708-й), трех отдельных батальонов спн (7-й, 8-й и 35-й), роты спн для особых миссий, а также ряда отдельных подразделений по противодействию проникновению специальных сил противника на территорию РК.

Структура их примерно похожа на структуру бригад ССО РК. Бригада/полк имеет в своем составе штаб, части связи, минометную батарею, эвакуационную эскадрилью, три батальона командос, части обеспечения (снабжения), тренировочные части. Численность оценочно составляет 1200—1500 военнослужащих.

Совокупно численность армейского спецназа, как видно выше, может достигать 15 тыс. человек, если не иметь ещё большее числовое выражение [Bonds, Miller, Ray, David].

Специальные силы военно-морского флота (ВМФ), корпуса морской пехоты (КМП), военно-воздушных сил (ВВС), корейской национальной полиции, корейской береговой охраны и командования военной полиции РК имеют численность, примерно сопоставимую с численностью спецназа армии. Суммарно они насчитывают порядка 15 тыс. военнослужащих

Спецназ ВМФ включает в себя штаб-квартиру, части материально-технического обеспечения, школу подготовки офицеров и боевой состав, разделенный на три батальона (1-й, 3-й и 5-й) и отдельную группу специальных операций (англ. SMG — Special Missions Group). Примерная расчетная численность — не менее 4—5 тыс. военнослужащих (вместе с курсантами и лицами, проходящими дополнительную подготовку).

Спецназ КМП ВМС РК состоит из отдельного батальона спн и отдельной роты спн корпусного (центрального) подчинения. В отдельных источниках в состав сил спн КМП ВМС РК включены 1-й и 2-й разведывательные батальоны (дивизионного подчинения), 6-я разведывательная рота (бригадного подчинения), 9-я разведывательная рота (батальонного подчинения), чей личный состав тренируется по методикам, присущим подразделениям ССО РК. Примерная

расчетная численность — также порядка 4—5 тыс. военнослужащих (вместе с курсантами и лицами, проходящими дополнительную подготовку).

Специальные силы ВВС РК включают в себя три авиационных подразделения центрального подчинения (15-е авиакрыло спн, 35-ю смешанную авиагруппу, 6-ю боевую и поисковую группу), парашютно-десантное подразделение, отряд авианаводчиков, специальную команду военной полиции, учебные части при Академии ВВС РК. В иных источниках к числу спн ВВС РК также отнесена 259-я эскадрилья на вертолетах S-70C «Blue Hawk» и UH-60P «Black Hawk».

Общая численность спн ВВС РК: не менее 5—6 тыс. человек (оценочно).

Численность спн корейской национальной полиции, корейской береговой охраны и командования военной полиции Южной Кореи крайне незначительная и не влияет на общую картину [Ли Хун. Шицзе].

Тем самым, реально РК обладает силами спецназа, заметно — в два с половиной раза, — превосходящими заявленную численность ССО. Южная Корея располагает на сегодня многочисленными (в пределах 50 тыс. человек; 35—40 % — непосредственно в «центральных» ССО РК) и крайне непрозрачными по своей структуре специальными войсками, имеющими, к тому же, тенденцию к дальнейшему увеличению (росту потенциала).

Стоит повторно отметить, что указанное положение вещей — занижение численности личного состава относительно реально имеющих место быть ОШС, — является для ВС Южной Кореи общей характеристикой. Действительная численность войск РК, по-видимому, намного выше.

Так, на 2014 г. в составе ВС РК было заявлено 650 тыс. военнослужащих, притом, что армия — без ВВС, ВМФ и ССО и собственных ОШС центрального, армейского и корпусного подчинения, — включала в себя 47 развернутых дивизий. Как минимум одна из указанных дивизий — элитная «Столичная», — состояла из более чем 20 тыс. офицеров и солдат личного состава. Прочие дивизии находились в пределах 15 тыс. военнослужащих каждая.

Элементарное арифметическое сложение указанных числовых выражений дивизий давало численность проходящих службу только

в армейских дивизиях южнокорейских ВС — без ВВС, ВМФ и ССО и ОШС центрального, армейского и корпусного подчинения армии, — в более чем 700 тыс. человек. То есть, только в армейских дивизиях несло службу больше людей, чем официально заявлялось во всех вооруженных силах РК [Гукбан Бэксо].

Данное обстоятельство, проиллюстрированное на отдельном частном примере ССО в рамках настоящего доклада, является темой для самостоятельного большого исследования.

Библиографический список

Гукбан Бэксо : [Белые книги Министерства обороны Республики Корея]. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/pblictn/selectPublicationsUser.do?siteId=mnd&componentId=14&categoryId=15&pageIndex=1&id=mnd_040501000000&searchWrd= (дата обращения: 02.02.2019). (На кор.).

201 тыккон-ёдан (хван-гымдоксури будэ) : [201-я бригада «Эгида» (подразделение «Золотой орел»)]. URL: <https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=soffocate2&logNo=220058895084&proxyReferer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F> (дата обращения: 02.02.2019). (На кор.).

Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Коллектив авторов / И.А. Топчий // Том I. М., 2019. С. 150—161.

Ли Хун. Шицзе шан дэ тэчжун будуй каоча. Шицзе цзюньши чжи люй : [Исследование мирового спецназа. Всемирное обозрение]. Цин пинго шущзюй чжунсинь, 2013. (На кит.).

Сунь-Цзы. Искусство побеждать. В переводе и с комментариями Б. Виноградского / Б.Б. Виноградский. М.: Эксмо, 2014.

Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс. Коллектив авторов / И.А. Топчий // Абакан, 2020. С. 219—222.

Bonds, Miller, Ray, David. Illustrated Directory of Special Forces. MBI Publishing Company, 2003.

North vs South: Korean Special Forces. URL: <https://thenewsrep.com/79541/nor-th-vs-south-korean-special-forces/> (дата обращения: 02.02.2019).

Old Soldier's Diary — a Diary of South Korean Special Force Operatives of HID (Headquarters of Intelligence Detachment) URL: <https://imgur.com/gallery/DXywm> (дата обращения: 02.02.2019).

Republic of Korea Special Warfare Command. URL: <http://www.sfaxiii.org/0%20ROKA%20SWC.htm> (дата обращения: 02.02.2019).

References

Bonds, Miller, Ray, David. Illustrated Directory of Special Forces. MBI Publishing Company, 2003.

Gugbang baegseo [White Papers of the Ministry of Defense of the Republic of Korea]. URL: [https://www.mnd.go.kr/cop/pblicitn/selectPublications User.do?siteId=mnd&componentId=14&categoryId=15&pageIndex=1&id=mnd_040501000000&searchWrd=](https://www.mnd.go.kr/cop/pblicitn/selectPublications>User.do?siteId=mnd&componentId=14&categoryId=15&pageIndex=1&id=mnd_040501000000&searchWrd=) (accessed: 02 February, 2019). (In Korean).

Koreyskiy poluostrov v poiskah mira I procvetania [The Korean Peninsula Seeking Peace and Prosperity. In two volumes]. The group of authors / I.A. Topchy // Volume I. M., 2019. 150—161.

Lǐ Hóng (2013). Shìjiè shàng de tèzhǒng bùduì kǎochá. Shìjiè jūnshì zhī lǚ [Research of world special forces. World review], *Qīng píngguǒ shùjù zhōngxīn*. (In Chinese).

North vs South: Korean Special Forces. URL: <https://thenewsrep.com/79541/north-vs-south-korean-special-forces/> (accessed: 02 February, 2019).

Old Soldier's Diary — a Diary of South Korean Special Force Operatives of HID(Headquarters of Intelligence Detachment). URL: <https://imgur.com/gallery/DXywm> (accessed: 02 February, 2019).

Phenomen vojni v istoricheskom processe: mezhdisciplinarniy discours [The phenomenon of war in the historical process: an interdisciplinary discourse]. The groupe of authors / I.A. Topchy // *Abakan*, 2020. 219—222.

Republic of Korea Special Warfare Command. URL: <http://www.sfaxiii.org/0%20ROKA%20SWC.htm> (accessed: 02 February, 2019).

Sūnzǐ. The art of winning: Translated and with commentary by B. Vinogradsky / Vinogradsky Bronislav Bronislavovich // M.: Eksmo, 2014.

201 teuggong-yeodan (hwang-geumdogsuli budae) [201st brigade “Aegis” (unit “Golden Eagle”)]. URL: <https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=suffocate2&logNo=220058895084&proxyReferer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F> (accessed: 02 February, 2019). (In Korean).

А.А. Уткина

МАРИУС Б. ЯНСЕН И ЛЮК С. РОБЕРТС О ПРОВИНЦИИ ТОСА В ЭПОХУ ТОКУГАВА: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье рассмотрены труды двух авторов, изучающих провинцию Тоса в эпоху Токугава — Мариуса Б. Янсена и Люка С. Робертса. Данные авторы относятся к разным поколениям историков, потому сравнение их подходов к изучению провинции Тоса представляется интересным. В статье рассмотрены следующие работы М.Б. Янсена: статья «Такэти Дзуйдзан и Лоялистская партия Тоса», монография «Сакамото Рёма и Реставрация Мейдзи», очерки «Тоса в семнадцатом веке: установление правления Ямаути» и «Тоса в последнее столетие правления Токугава», монография «Создание современной Японии»; и следующие работы Л.С. Робертса: статьи «Ящик для петиций в Тоса в XVIII веке», «Петиция за всенародно избранный Совет при правительстве в Тоса в 1787», «Кораблекрушения и обломки: иностранный мир в Тоса периода Эдо»; очерк «Мори Ёсика: самурай на правительственной службе», монография «Меркантилизм в японской провинции: торговые истоки экономического национализма в Тоса в XVIII веке». М.Б. Янсен сосредотачивает своё внимание на событиях и исторических личностях, значимых не только в истории Тоса, но и в истории всей Японии. Его исследования лежат в русле политической истории, всемирной истории и истории международных отношений. Люк

С. Робертс пишет о локальных событиях в провинции и об исторических личностях, деятельность которых ограничивалась рамками провинции. Его исследования лежат в русле локальной истории и микроистории. Локальная история Японии исследована значительно меньше, чем общая, и заслуживает дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Тоса, Мариус Б. Янсен, Люк С. Робертс, историки, подход, провинция.

Автор: Уткина Анна Александровна, аспирант, Казанский федеральный университет. E-mail: sindamire@mail.ru

Utkina A.A.

Marius B. Jansen and Luke S. Roberts about Tosa Domain at the Tokugawa period: a comparison of approaches

Abstract. The article examines the works of two authors studying the province of Tosa in the Tokugawa era — Marius B. Jansen and Luke S. Roberts. These authors belong to different generations of historians, so it is interesting to compare their approaches to the study of Tosa province. The article considers the following works by M.B. Jansen: article “Takechi Zuizan and the Tosa Loyalist Party”, the monograph “Sakamoto Ryoma and the Meiji Restoration”, essays “Tosa in the seventeenth century: the establishment of Yamauchi rule” and “Tosa during the last century of Tokugawa rule”, the monograph “The Making of Modern Japan”; and the following works by L.S. Roberts: articles “The Petition Box in Eighteenth Century Tosa”, “A Petition for a Popularly Chosen Council of Government in Tosa in 1787”, “Shipwrecks and flotsam: the foreign world in Edo-Period Tosa”; essay “Mori Yoshiki: Samurai Government Officer”, and the monograph “Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origins of Economic Nationalism in Eighteenth Century Tosa”. M.B. Jansen focuses on events and historical figures that are significant not only in the history of Tosa, but also in the history of all Japan. His research is in the mainstream of political history, world history and the history of international relations. Luke S. Roberts writes about local events in the province and about historical figures whose activities were inside the province. His research is in the mainstream of local history and microhistory. The local history of Japan deserves further study.

Keywords: Tosa, Marius B. Jansen, Luke S. Roberts, historians, approach, domain.

Author: Anna A. UTKINA, graduate student, Kazan Federal University (e-mail: sindamire@mail.ru).

Среди многих провинций Японии эпохи Токугава провинции Тоса уделено не так много внимания.

В становлении сёгуната Токугава наибольшую роль играли провинции центра и севера Хонсю. В свержении сёгуната — провинции юго-запада, среди которых наиболее заметны и хорошо изучены Сацума и Тёсю. Уроженцы Тоса сыграли немалую роль в событиях периода бакумацу, чему способствовало все предыдущее развитие княжества. Но при этом трудов учёных, посвящённых провинции Тоса, написано мало.

Историю провинции Тоса в эпоху Токугава изучали немногие авторы, среди которых наиболее тщательно — Мариус Б. Янсен и Люк С. Робертс. Данные авторы относятся к разным поколениям историков, потому сравнение их подходов к изучению провинции Тоса представляется интересным.

Мариус Б. Янсен был почетным профессором истории Японии в Принстонском университете (США). Написание основных его трудов, посвящённых провинции Тоса, пришлось на третью четверть XX в. Это статья «Такэти Дзуйдзан и Лоялистская партия Тоса», монография «Сакамото Рёма и Реставрация Мейдзи» и очерки «Тоса в семнадцатом веке: установление правления Ямаути» и «Тоса в последнее столетие правления Токугава», а также монография «Создание современной Японии».

В статье «Такэти Дзуйдзан и Лоялистская партия Тоса» [Jansen, 1959] М.Б. Янсен обрисовывает политическую ситуацию в Тоса в середине периода бакумацу (1853—1868 гг.). Автор дает описание вялого конфликта между высшей администрацией в Коти и сельскими самураями и главами деревень. Конфликт обострился в условиях вынужденного открытия страны, вызвавшего бурный протест.

В Тоса вспыхнуло движение за изгнание иностранцев. Такэти Дзуйдзан, неформальный лидер сельских самураев, сумел объединить недовольных в Лоялистскую партию Тоса. Автор отмечает, что поскольку основным способом действия партии был террор, в том числе убийство чиновника-реформатора Ёсида Тоё, партия просуществовала недолго и распалась с казнью Такэти.

В монографии «Сакамото Рёма и Реставрация Мейдзи» [Jansen, 1971] через призму биографии Сакамото Рёма и Накаока Синтаро М.Б. Янсен показывает события последних двух десятилетий эпохи

Токугава. Эти люди сыграли одну из ключевых ролей в создании союза Сацума-Тёсю, усилиями которого произошло свержение сёгуната.

В первых главах монографии дана характеристика общей политической ситуации в Японии в первой половине XIX в.: с одной стороны, нарастание внутреннего кризиса, неудачные реформы годов Тэмпо, голод, обеднение населения и финансовые трудности у большинства даймё; с другой стороны — постепенно усиливающееся давление других стран.

Обстановка в Тоса охарактеризована в контексте общих перемен в стране, в основном с точки зрения социальных и политических изменений. Биографию Сакамото Рёма автор излагает последовательно, помещая события его жизни в контекст перемен, как региональных, в Тоса, так и общих — во всей Японии. Автор описывает постепенное изменение политических взглядов Сакамото: от непримиримого стремления изгнать иностранцев до понимания необходимости заимствования у Запада как технологий, так и политических институтов. В ту же сторону постепенно менялись взгляды многих политических деятелей Японии того периода, как среди сторонников сёгуната, так и среди лоялистов. В заключительных главах монографии М.Б. Янсен освещает перемены, произошедшие в Тоса в 1868—1870-х гг.

В очерке «Тоса в семнадцатом веке: установление правления Ямаути» [Jansen, 1968, Tosa in the seventeenth...] М.Б. Янсен описывает истоки той социальной и политической обстановки, которая сложилась в Тоса к началу периода бакумацу.

В 1600 г. прежний даймё Тоса, Тёсокабэ, потерпел поражение в битве при Сэкигахара. Провинция была передана другому самурайскому роду — Ямаути, которым пришлось приложить немало усилий, чтобы закрепиться в новом владении.

Первые две декады правления Ямаути основной упор был сделан на преодоление сопротивления вассалов прежней правящей семьи и борьбу с бегством податного населения в другие провинции. С одной стороны, вводились суровые наказания за бегство, с другой — новая власть старалась привлечь людей облегчением условий жизни. Прежние вассалы Тёсокабэ получали ранг «сельского самурая» (госи) и земельный надел, а также принимались на админист-

ративную службу в невысоких чинах. Старосты деревень (сёя), бывшие низовым звеном администрации, сохраняли свои позиции. Пришлые самураи, причисленные к «высшим» (дзёси) жили в городах, в первую очередь в замковом Коти.

Далее встал вопрос повышения доходности земель. Автор освещает деятельность Нонака Кендзан, возглавлявшего администрацию Тоса в первой половине XVII в. Нонака заложил основы политики меркантилизма, которой правители Тоса придерживались до Реставрации Мейдзи, и поощрял освоение новых сельскохозяйственных земель — за время его деятельности количество полей увеличилось на треть по сравнению с тем, сколько земли обрабатывалось в правление семьи Тёсокабэ.

В очерке «Тоса в последнее столетие правления Токугава» [Jansen, 1968, Tosa during the last century...] автор показывает социальные перемены в Тоса, произошедшие до и в течение первой трети XIX в. Он описывает учащение протестов в деревнях: от одного в несколько лет в XVIII в. до нескольких в год в XIX. Янсен характеризует эти протесты как локальные и умеренные, не распространяющиеся на всю провинцию и направленные в основном против купеческих монополий. Местная администрация подавляла протесты, иногда удовлетворяя требования протестующих, но напряжение среди простолюдинов возрастало. Также усиливался конфликт между городскими высшими самураями и сельскими самураями, которые со времени становления правления Ямаути постепенно теряли свою власть и привилегии. При этом к началу XIX в. в Тоса, в основном через усыновление и покупку титула, увеличилось число госи, которые стали значимой политической силой.

В последней монографии «Создание современной Японии» [Jansen, 2002] М.Б. Янсен в том числе подводит итог своим трудам о провинции Тоса. В монографии история провинции в эпоху Токугава вписана в широкий контекст истории всей Японии в означенный период. Автор описывает внешние и внутренние политические и социальные трудности установления правления Ямаути и их преодоление, в том числе благодаря деятельности Нонака Кендзан. Далее Янсен уделяет внимание политической жизни правителей Тоса: регулярным визитам в столицу и налаживанию брачных союзов с аристократией. Кроме того, М.Б. Янсен упоминает обязанности, на-

лагаемые на даймё Тоса центральным правительством; поставки строевого леса для строительства дворцов и храмов, а также направление людей на выполнение строительных работ.

Автор касается экономики Тоса в XVII — начале XIX в.: политики меркантилизма, роста городов и развития торговых связей с Осака и Нагасаки. Также отмечает постепенное учащение бунтов.

Автор уделяет меньше внимание участникам Реставрации и событиям, произошедшим в Тоса во время и после, но дает более широкий контекст, в частности, подробнее описывает деятельность Итагаки Тайскэ и других уроженцев Тоса, вошедших в центральное правительство.

Люк С. Робертс — специалист по истории Японии эпохи Токугава, профессор Калифорнийского университета (США). Истории Тоса прямо или косвенно касается большинство его работ.

Это статьи «Ящик для петиций в Тоса в XVIII веке», «Петиция за всенародно избранный Совет при правительстве в Тоса в 1787», «Кораблекрушения и обломки: иностранный мир в Тоса периода Эдо»; очерк «Мори Ёсики: самурай на правительственной службе»; монография «Меркантилизм в японской провинции: торговые истоки экономического национализма в Тоса в XVIII веке».

В статье «Ящик для петиций в Тоса в XVIII веке» [Roberts, 1994] автор описывает систему подачи петиций: у ворот замка Коти стоял ящик, куда любой житель провинции, независимо от ранга и сословия, мог положить петицию: жалобу или предложение по улучшению жизни в княжестве. Ящик был установлен в 1759 г., в правление даймё Ямаути Тоёнобу. В Тоса население активно пользовалось возможностью подать петицию, несмотря на то, что ящик был только в Коти и из удалённых деревень приходилось долго добираться. Л.С. Робертс перечисляет общественное положение людей, подававших петиции: самураи низших рангов (асигару), сельские самураи, купцы, главы школ, ремесленники, простые горожане, священники, рыбаки, жители деревень от имени деревни в целом и от себя лично. Часть петиций анонимна, в некоторых — неизвестно даже общественное положение подателя обращения. Несмотря на порой весьма жесткую критику правительства Тоса, податели обычно не бывали наказаны. Пожелания и предложения из петиций нередко учитывались в работе чиновников. Ящик для петиций существовал в Коти

вплоть до 1873 г. Автор статьи отмечает, что таким образом в княжестве Тоса сложился феодализм с некоторыми элементами демократических структур.

В статье «Петиция за всенародно избранный Совет при правительстве в Тоса в 1787» [Roberts, 1997] Люк Робертс описывает еще одно интересное локальное историческое событие.

В 1787 г. самурай по имени Имакита Сакубэй подал петицию, в которой предлагал создать новый правительственный Совет, чтобы разрабатывать политику и консультировать даймё. По мысли Сакубэй, в этот Совет должны были входить лучшие люди провинции, независимо от богатства и сословия, а сам Совет должен не назначаться правителем, а выбираться путем всенародных выборов. Это предложение, возможно, является самым ранним известным в истории Японии примером предложения о бессловном всенародно избранном органе высшего правительства. Петиция была прочитана и понравилась даймё Ямаути Тоётика, но идея создания выборного совета не была реализована.

Очерк «Мори Ёсики: самурай на правительственной службе» [Roberts, 2002] — краткая биография Мори Ёсики, вассала семьи Ямаути, жившего в конце XVIII века.

Он оставил после себя дневники, по которым Л.С. Робертс прослеживает его жизнь: смерть отца, становление главой семьи в возрасте десяти лет. Поездка в Эдо в свите даймё в пятнадцать, первое назначение на административный пост в двадцать лет. Потом последовало отстранение от службы, далее — новые назначения. Мори Ёсики был наблюдателем в одном из портов, младшим, потом старшим инспектором. Каждое его назначение было выше предыдущего. Итогом служебной карьеры Ёсики стало назначение его воспитателем наследника Ямаути, Тоёоки. Последние три года жизни он провёл за чтением и писанием дневников.

В статье «Кораблекрушения и обломки: иностранный мир в Тоса периода Эдо» [Roberts, 2015] автор рисует картину оживленных международных контактов в княжестве Тоса в эпоху Токугава. Иностранные суда не раз терпели кораблекрушение у берегов провинции, а власти Тоса обычно оказывали помощь морякам и нередко разрешали высадку на берег. Отчёты о кораблекрушениях отправлялись в Эдо, но, как отмечает Робертс, обычно были весьма неполны.

За всю эпоху Токугава у берегов Тоса потерпели крушение четырнадцать судов — одно русское, два испанских, остальные из Китая и Рюкю.

В этой статье автор отмечает пользу изучения локальных документов и личных дневников, поскольку они бывают более правдивы, чем официальные документы центрального правительства.

В монографии «Меркантилизм в японской провинции. Торговые истоки экономического национализма в Тоса в XVIII веке» [Roberts, 1998] Люк С. Робертс прослеживает экономическое развитие княжества Тоса с момента вступления во владение семьи Ямаути и вплоть до 1860-х годов, сосредотачивая внимание в основном на XVIII веке.

Автор описывает усиление политики меркантилизма в Тоса. Эта политика была направлена на максимальное повышение доходов княжества и снижение влияния центрального правительства на местную экономику, что достигалось усилением экспорта строевого леса. Робертс отмечает ставшие следствием такой политики обезлесение и деградацию земель, за которыми следом наступил финансовый кризис XVIII в.

Робертс описывает выход из кризиса через снижение налогов, отмену торговых монополий на производство и продажу основных экспортных товаров и дальнейшее развитие экспорта, в том числе новых товаров. В результате к середине XIX в. княжество Тоса было относительно финансово стабильным и установило торговые отношения с другими провинциями Японии и купцами Осаки. К началу периода бакумацу уже не лес, а бумага, сахар, яйца и порох были основными предметами экспорта Тоса, и так же в период бакумацу княжество усилило свой флот.

Таким образом, М.Б. Янсен изучает в основном политический и социальный аспект истории Тоса и сосредотачивает своё внимание на событиях и исторических личностях, значимых не только в истории Тоса, но и в истории всей Японии. Его исследования лежат в русле социальной и политической истории, всемирной истории и истории международных отношений. Можно сказать, что Мариус Б. Янсен сквозь призму истории провинции Тоса исследовал историю Японии в целом.

Люк С. Робертс в работах, посвящённых провинции Тоса, пишет о локальных событиях в княжестве и отдельных его частях, а также об исторических личностях, деятельность которых ограничивалась рамками княжества или службы даймё. Люк С. Робертс изучает локальную экономическую и социальную историю вплоть до микроистории — жизни отдельных малоизвестных людей.

Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки, но локальная история Японии, история отдельных княжеств, локальных событий и отдельных «маленьких» людей исследована значительно меньше, чем общая, и заслуживает дальнейшего изучения.

Библиографический список

Jansen, Marius B. Sakamoto Ryoma and the Meiji Restoration. Stanford: Stanford University Press, 1971. 440 p.

Jansen, Marius B. Takechi Zuizan and the Tosa Loyalist Party // *The Journal of Asian Studies*, 1959, Vol. 18. № 2. Pp. 199—212.

Jansen, Marius B. The Making of Modern Japan. Harvard: Harvard University Press, 2002. 936 p.

Jansen, Marius B. Tosa during the last century of Tokugawa rule // *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*. Princeton: Princeton University Press, 2015. P. 331—348.

Jansen, Marius B. Tosa in the seventeenth century: the establishment of Yamauchi rule // *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*. Princeton: Princeton University Press, 2015. P. 115—130.

Roberts, Luke S. A Petition for a Popularly Chosen Council of Government in Tosa in 1787 // *The Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1997, December. P. 575—596.

Roberts, Luke S. Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origins of Economic Nationalism in Eighteenth Century Tosa. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 268 p.

Roberts, Luke S. Mori Yoshiki: Samurai Government Officer // *The Human Tradition in Modern Japan*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2002. P. 25—42.

Roberts, Luke S. Shipwrecks and flotsam: the foreign world in Edo-Period Tosa // *Monumenta Nipponica*, 2015, volume 70, № 1. P. 83—122. DOI: 10.1353/mni.2015.0005.

Roberts, Luke S. The Petition Box in Eighteenth Century Tosa // *Journal of Japanese Studies*, 1994, 20:2 (Summer). P. 423—458.

References

Jansen, Marius B. (1971). Sakamoto Ryoma and the Meiji Restoration. Stanford: Stanford University Press. 440 p.

Jansen, Marius B. (1959). Takechi Zuizan and the Tosa Loyalist Party. *The Journal of Asian Studies*, Vol. 18, № 2: 199—212.

Jansen, Marius B. (2002). The Making of Modern Japan. Harvard: Harvard University Press. 936 p.

Jansen, Marius B. (2015). Tosa during the last century of Tokugawa rule. *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*, Princeton: Princeton University Press: 331—348.

Jansen, Marius B. (2015). Tosa in the seventeenth century: the establishment of Yamauchi rule. *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan*, Princeton: Princeton University Press: 115—130.

Roberts, Luke S. (1997). A Petition for a Popularly Chosen Council of Government in Tosa in 1787. *The Harvard Journal of Asiatic Studies*. December: 575—596.

Roberts, Luke S. (1998). Mercantilism in a Japanese Domain: The Merchant Origins of Economic Nationalism in Eighteenth Century Tosa. Cambridge: Cambridge University Press. 268 p.

Roberts, Luke S. (2002). Mori Yoshiki: Samurai Government Officer. *The Human Tradition in Modern Japan*, Lanham: Rowman & Littlefield: 25—42.

Roberts, Luke S. (2015). Shipwrecks and flotsam: the foreign world in Edo-Period Tosa. *Monumenta Nipponica*, volume 70, N 1: 83—122. DOI: 10.1353/mni.2015.0005.

Roberts, Luke S. (1994). The Petition Box in Eighteenth Century Tosa // *Journal of Japanese Studies*, 20:2 (Summer): 423—458.

А.М. Харитонова

«КОРЕЙСКИЕ» ДНЕВНИКИ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА Г.А. ПЛАНСОНА

Аннотация. В данной статье рассматривается три дневника, написанных российским дипломатом Г.А. Плансоном (1859—1948) во время его службы в Корее в качестве русского генерального консула в Сеуле (1905—1908). В настоящее время дневники хранятся в фонде архива ГАРФ (г. Москва). Хронологически они охватывают период с 25 июня 1906 г. по 9 августа 1908 г. Несмотря на то, что в этот период Российская Империя проявляла устойчивый военно-стратегический и финансовый интерес к Дальнему Востоку, в частности, к Корее, ее влияние в регионе падало. В отличие от японского влияния, которое планомерно наращивалось в Корее в этот исторический период.

Дневниковые записи содержат размышления о Корее и российско-корейских отношениях; сюжеты из частной жизни (Поиски слуги Сергею (сыну Г.А. Плансона) для сопровождения его до русских постов и связанные с этим попытки проникновения японских шпионов на территорию Российской Империи); заметки об отношении японцев к европейцам и американцам (Нападение японских солдат на французского епископа Мютеля в католическом соборе; запрет на поздравление американцев по случаю Дня независимости США); конфузы, связанные с передачей дипломатической корреспонденции (Передача личных ценностей как гарант достоверности

письма). Г.А. Плансон неоднократно встречался с генерал-резидентом Кореи Ито Хиробуми (1841—1909), Николаем Японским (1836—1912), о чем также оставил заметки в дневниках. Заметки дипломата ценны сведениями о частных событиях, происходивших в Корею в первом десятилетии XX в. Эти сведения позволяют дополнить историческую картину указанного периода и взглянуть на известные события через призму восприятия российского дипломата.

Ключевые слова: Г.А. Плансон, дневники, российско-корейские отношения, дипломатия, дипломаты, история Кореи.

Автор: Харитоновна Анна Михайловна, ассистент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ.

E-mail: a.kharitonova@spbu.ru

Kharitonova A.M.

“Korean” diaries of the Russian diplomat G.A. Planson

Abstract. The article discusses three diaries written by the Russian diplomat G.A. Planson (1859—1948) during his service in Korea as Russian Consul General in Seoul (1905—1908). At present, the diaries are kept in the collection of the GARF archive (Moscow). Chronologically, they cover the period from June 25, 1906 to August 9, 1908. During this period, the Russian Empire showed a stable military-strategic and financial interest in the Far East, in particular, in Korea, but its influence in the region was declining. In contrast to the Japanese influence, which systematically increased in Korea during this historical period.

The diary entries contain reflections on Korea and Russian-Korean relations; plots from private life (the search for a servant to Sergei (son of G.A. Planson) to accompany him to Russian posts and the related attempts to infiltrate the territory of the Russian Empire by Japanese spies); notes on the attitude of the Japanese towards Europeans and Americans (Attack of Japanese soldiers on the French Bishop Mutel in a Catholic cathedral; ban on congratulating Americans on the occasion of US Independence Day); embarrassment associated with the transfer of diplomatic correspondence (Transfer of personal values as a guarantor of the authenticity of the letter). G.A. Planson met several times with Korean Resident General Ito Hirobumi (1841—1909), Nikolai of Japan (1836—1912), about which he also left notes in his diaries. The diplomat's notes are valuable for information about private events that took place in Korea in the first decade of the 20th century. This information makes it possible to supplement the historical picture of the specified period and look at

well-known events through the prism of the perception of a Russian diplomat.

Keywords: G.A. Planson, diaries, Russian-Korean relations, diplomacy, diplomats, history of Korea.

Author: Anna M. KHARITONOVA, Assistant Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St. Petersburg State University (e-mail: a.kharitonova@spbu.ru).

Россия—Корея—Япония. В конце XIX — начала XX в. Российская империя проявляла устойчивый военно-стратегический и финансовый интерес к Дальнему Востоку и, в частности, к Корее. Например, аренда части корейского порта Масан (1900 г.) для использования в качестве промежуточной заправочной станции для российских военных кораблей на пути из Владивостока в порты Ляодунского полуострова, арендованные у Китая еще в марте 1898 г.; приобретение концессий на вырубку лесов в бассейне реки Амноккан (1901 г.). Однако под давлением Японии и Великобритании российское влияние не закрепляется в Корее, а только сокращается. Финальный аккорд в этом процессе будет поставлен по итогам русско-японской войны в 1905 г. Японское присутствие же, напротив, планомерно наращивается в Корее в этот исторический период. Подписывается протокол об использовании Кореи как военной базы против России (1904 г.), осуществляется социально-экономическое реформирование страны, Япония заручается поддержкой США. Новый этап усиления японского влияния в Корее начинается подписанием «Второго корейско-японского договора о сотрудничестве» или «Договора о протекторате» (1905 г.). К 1907 г. в Корее реорганизуются силовые структуры и судебная система. После эпизода с корейской делегацией на Гаагской конференции мира в 1907 г. император Кочжон был вынужден отречься от престола, а японский протекторат стал характеризоваться еще большим ужесточением политики (1907—1910 гг.).

Георгий Антонович Плансон. Российский дипломат Георгий Антонович Плансон (1859—1948) окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Часть своей дипломатической карьеры он провел на Дальнем Востоке. С июня 1902 г. он был в должности чиновника по дипломатической части при Главном на-

чальнике Квантунской области. С ноября 1902 г. занимал должность поверенного в делах в Китае. С 1903 г. — начальник дипломатической канцелярии заместителя на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. В сентябре 1904 г. российский дипломат был назначен начальником походной канцелярии по дипломатической части при полевом штабе адмирала Е.И. Алексеева. После возвращения в Санкт-Петербург Г.А. Плансон принимал активное участие в подготовке и проведении переговоров в Портсмуте с Японией, где был подписан русско-японский мирный договор. В конце декабря 1905 г. дипломат был назначен русским генеральным консулом в Сеуле (1905—1908 г.). В 1908—1909 гг. Г.А. Плансон некоторое время занимал пост заведующего Дальневосточным отделом Азиатского департамента МИД. После этого в 1910 г. он был направлен в Сиам в качестве поверенного в делах и генерального консула, где находился на службе до мая 1916 г. (с выходом в отпуск с осени 1913 г. по ноябрь 1914 г.).

Документы о Корее в фонде ГАРФ. В Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) в личном фонде Г.А. Плансона помимо дневников хранится по меньшей мере 72 наименования дел с упоминанием Кореи (на русском, английском и французском языках) — это копии договоров о торговле, заключенные между Россией и Кореей [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 2]; текст трактата между Кореей и Китаем [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 25]; справки, выписки и донесения о корейских государственных деятелях, о политической роли Японии в Корее, исторический обзор вопроса о разграничении северной Кореи от Маньчжурии и характеристикой современной ситуации в Маньчжурии в связи со столкновением интересов Китая и Японии [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 129, 67, 158, 159]; дипломатическая и частная переписка (письма и телеграммы) с российскими, зарубежными дипломатами и частными лицами [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 53, 56, 157, 160, 164, 165, 166].

«Корейские» дневники. В Корее Г.А. Плансон в максимально стесненных условиях пытался защищать ограниченный суверенитет Кореи, демонстрируя, что Российская Империя считает Корею независимым государством. Это отразилось в стремлении генерального консула Г.А. Плансона получить подтверждение об официальном назначении от корейского императора, а не от японского правительства. Однако это стремление не увенчалось успехом.

В Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) хранятся три дневника о работе Г.А. Плансона в качестве генерального консула в Сеуле. Фактически часть первого дневника была написана еще в Японии, где дипломат много путешествовал по храмам и знаковым местам для истории Японии, о чем написал в дневнике. В описании самого путешествия Г.А. Плансон упоминает, что за вход во многие храмы нужно было платить и сдавать фотографический аппарат, чтобы не делать снимки.

Дневниковые записи содержат размышления о Корее, Японии и России в контексте дальневосточной политики. В разговоре с одним англичанином Г.А. Плансон удивлялся, почему западные державы не видят опасного врага в лице Японии, и что допущение японцев в Индию, Афганистан и Китай гораздо более опасно, чем российское присутствие.

Сюжеты из частной жизни могут служить иллюстрацией напряженных отношений между Россией и Японией. Так, например, дипломат на страницах своего дневника описывает ситуацию поиска слуги для безопасного сопровождения до русских постов своего сына Сергея, который должен был возвращаться из Кореи в Санкт-Петербург в лицей. Г.А. Плансон пишет, что практически сразу стали появляться «подозрительные типы с ужасными глазами» [ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 214 Л. 33.об.]. Выглядели эти типы, как типичные шпионы, которые пытались проникнуть на территорию русской Маньчжурии или, непосредственно, Российской Империи, чтобы узнать, что происходит на российской территории. В итоге было решено отправить Сергея с первой почтовой экспедицией Г.А. Плансона самостоятельно, чтобы оторваться от шпионского хвоста, который начал постепенно образовываться.

Любопытными также представляются заметки об отношении японцев к европейцам и американцам. В первом случае речь шла о нападении японских солдат на французского епископа Мютеля в католическом соборе. Г.А. Плансон писал об общей агрессии, которую вызывал католический собор, стоявший в центре Сеула на высоком холме. Доминирующее расположение собора, инородная вера, вызывающая готическая архитектура — все это вызывало только злость японцев. Инцидент произошел 20 мая 1906 г., когда в собор вошли три японских солдата. Они вели себя непристойно, выражая пренеб-

режение, а затем один из солдат ударил по спине епископа. Когда об этом инциденте стало известно, японские власти не спешили с ответом, мотивируя это невозможностью вести переписку на французском языке, только на английском. Затем ответили извинительной нотой и предложили ставить охрану у ворот собора по воскресеньям. Тем не менее этот инцидент продемонстрировал пренебрежительное отношение к европейцам. Второй штрих к отношению с западными державами — это запрет на поздравление американцев по случаю Дня независимости США. Возможно, такой запрет связан с тем, что Корея, безусловно, хотела обрести независимость, чего не могла допустить Япония. Поэтому японские власти не одобряли мероприятия, связанные с празднованием дня независимости.

Отдельного внимания требуют описанные конфузы, связанные с передачей дипломатической корреспонденции. В военное время дипломаты стали передавать поручения от императора или дипломатическую корреспонденцию вместе с личными ценными вещами, как гарантами достоверности письма или поручения. Император Кореи в качестве гаранта передавал золотое кольцо для салфеток. Но не все личные вещи были в равной степени однозначно одобрены для передачи. Так, например, А.И. Павлов, бывший русский посол в Корее, который работал в Шанхае, предлагал в обмен бриллиантовый орден (Персидский орден Льва и Солнца 3-й степени), подлинность которого находилась под сомнением у других дипломатов.

Г.А. Плансон неоднократно встречался с генерал-резидентом Кореи Ито Хиробуми (1841—1909), о чем также оставил заметки в дневниках. О нем дипломат оставил интересное наблюдение. Когда японский генерал-резидент Кореи Ито Хиробуми прибыл в Сеул в марте 1906 г. он заранее всех известил о дне приема, о встречах, визитах, об обедах, о дне возвращения в Токио. Однако, когда Ито Хиробуми вернулся из Токио в июне 1906 г., он кардинально изменил свое поведение и уже никого не ставил в известность о своем прибытии.

Российский дипломат Г.А. Плансон неоднократно обедал у епископа Николая (1836—1912). (В будущем причисленный к лику святых как равноапостольный Николай Японский).

Заметки дипломата ценны сведениями о частных событиях, происходивших в Корее в первом десятилетии XX в. Они демонстриру-

ют отношение японцев, которые в 1906—1908 гг. имели ключевое влияние в Корее, к иностранцам, их цели и восприятие себя. В дневниках можно найти отражение особенностей ведения дипломатической переписки в условиях военных действий. Эти сведения позволяют дополнить историческую картину указанного периода и взглянуть на известные события через призму восприятия российского дипломата Г.А. Плансона.

Библиографический список

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Оп. 1. Д. 2, 25, 53, 56, 67, 129, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 166, 214, 215, 216.

Пак Б.Б. Насильственное установление японского протектората над Кореей и усилия российской дипломатии по восстановлению суверенитета Кореи // Японские исследования. 2019. № 4. С. 120—150.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. // *Oriental Studies*. 2019;(1). С. 15—27.

Пестушко Ю.С. Обсуждение Японией и Россией вопроса о назначении в Корею российского дипломатического представителя // Мир науки, культуры, образования. № 4 (29) 2011. С. 167—172.

Kurbanov S.O. Russian 1904—1905 newspapers about Russian-Korean relations and Korean envoy Lee Beom-jin. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 2, pp. 155—168.

References

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. F. 818. Planson Georgij Antonovich, diplomat, posol v Siame, Generalnyj konsul v Seule, nachalnik diplomaticheskoy kancelyarii namestnika na Dalnem Vostoke. [Georgy Antonovich Planson, diplomat, ambassador to Siam, Consul General in Seoul, head of the diplomatic office of the governor in the Far East.] Opis. 1, delo. 2, 25, 53, 56, 67, 129, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 166, 214, 215, 216. (In Russian).

Kurbanov S. O. Russian 1904—1905 newspapers about Russian-Korean relations and Korean envoy Lee Beom-jin. *Vestnik of Saint Petersburg University. International*

Relations, 2020, vol. 13, issue 2, pp. 155–168. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.203>.

Pak B.B. Nasilstvennoe ustanovlenie japonskogo protektorata nad Koreej i usilija rossijskoj diplomatii po vosstanovleniju suvereniteta Korei [Forcing Japanese protectorate over Korea and Russian diplomacy efforts to restore Korean sovereignty] // Japonskie issledovanija [Japanese studies]. 2019. № 4. pp. 120–150. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10032.

Pak B.B. Rossijskaja diplomatija i Koreja nakanune i v gody rusko-japonskoj vojny 1904–1905 gg/ [Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905] // Oriental Studies. 2019;(1): pp. 15–27. (In Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27.

Pestushko Ju.S. Obsuzhdenie Japoniej i Rossiej voprosa o naznachenii v Koreju Rossijskogo diplomatičeskogo predstavitelja [Discussion by Japan and Russia on the question about appointment to Korea the Russian the diplomatic representative] // Mir nauki, kultury, obrazovanija [The world of science, culture, education]. № 4 (29) 2011. P. 167–172. (In Russian).

М. Янь

РОЛЬ СОБЫТИЙНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ СВЯЗЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Соседство с Китаем способствует развитию многих видов туризма, в том числе событийного. Автор анализирует роль событийного международного туризма в конце XX — начале XXI вв. для развития гуманитарных российско-китайских связей (на примере Амурской области). Мероприятия событийного туризма имеют большое экономическое значение, в период их проведения активизируется деятельность всех объектов туристской индустрии, а потребительский спрос значительно превышает предложение. Наблюдается возрождение местных культурных традиций, обычаев, развитие народного творчества. Амурская область и ее административный центр Благовещенск давно стал местом проведения различных международных фестивалей, конкурсов, форумов. Хорошо спланированные и успешно проведенные фестивали и форумы имеют большое значение для формирования новых турпродуктов и создают базу для событийного международного туризма. В провинции Хэйлунцзян и в Амурской области, образующих вместе российско-китайское дальневосточное приграничье, планируется и претворяется в жизнь продвижение уникальных турпродуктов, создание особого турист-

ского бренда, привлечение как внутренних, так и иностранных (российских) туристов. Способствовали расширению российско-китайских гуманитарных связей туристические мероприятия, проведенные в рамках Года России в Китае (2006 г.) и Года Китая в России (2007 г.), а также «Года русского языка в Китае» (2009 г.) и «Китайского языка в России» (2010 г.). В статье рассматриваются формы совместных туристических мероприятий в Амурской области и провинции Хэйлунцзян, освещается значение туризма в развитии гуманитарных российско-китайских связей, анализируется потенциал международного событийного туризма в российско-китайском приграничье.

Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян, событийный туризм, международный туризм, гуманитарные связи, Россия, Китай, Амурская область.

Автор: Янь Мэйвэй, аспирант кафедры истории России и специальных исторических дисциплин, Благовещенский государственный педагогический университет.

E-mail: yanmeiwei1987@163.com

Yan M.

The role of international event tourism in the late XX — early XXI centuries for the development of humanitarian Russian-Chinese relations (on the example of the Amur region)

Abstract. The proximity to China contributes to the development of many types of tourism, including event tourism. The author analyzes the role of event-based international tourism in the late XX — early XXI centuries for the development of humanitarian Russian-Chinese relations (on the example of the Amur region). Event tourism events are of great economic importance. During their implementation, the activity of all objects of the tourism industry is activated, and consumer demand significantly exceeds supply. There is a revival of local cultural traditions, customs, and the development of folk art. The Amur region and its administrative center Blagoveshchensk has long been a venue for various international festivals, competitions, and forums. Well-planned and successfully conducted festivals and forums are of great importance for the formation of new tourist products and create a base for international tourism events. In Heilongjiang province and the Amur region, which together form the Russian-Chinese far Eastern border, it is planned and implemented to promote unique tourist products, create a special tourist brand,

and attract both domestic and foreign (Russian) tourists. Tourism events held within the framework of the Year of Russia in China (2006) and the year of China in Russia (2007), as well as the Year of the Russian language in China (2009) and the year of the Chinese language in Russia (2010) contributed to the expansion of Russian-Chinese humanitarian ties. The article examines the forms of joint tourist events in the Amur region and Heilongjiang province, considers the importance of tourism in the development of humanitarian Russian-Chinese relations, and analyzes the potential of international event tourism in the Russian-Chinese border area.

Keywords: Heilongjiang province, event tourism, international tourism, humanitarian relations, Russia, China, Amur region.

Author: YAN Meiwei, Phd Student in History, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveschensk State Pedagogical University (e-mail: yanmeiwei1987@163.com).

Туризм играет важную стратегическую роль в укреплении международного сотрудничества в российско-китайских отношениях. В начале XXI в. КНР стал одним из самых популярных туристических направлений для россиян. Ежегодно его посещают 1,5—2 млн российских туристов. По этому показателю с Китаем конкурируют только Турция и Египет. В Россию приезжает намного меньше китайских туристов — менее 200 000 в год, но и здесь они находятся на втором месте в количественном выражении после туристов из Германии [История, современное состояние и перспективы..., 2013, с. 405]. Известно, что туризм оказывает стимулирующее влияние на другие секторы экономики, такие как гостиничный бизнес, транспорт, торговля и пр. Возрастает также функция туризма по восстановлению жизненных сил человека и повышению качества его жизни. Как сфера духовной культуры, туризм выполняет гуманитарные, идеологические, познавательные, пропагандистские, образовательные, культуртрегерские и другие важные социальные функции [Кивал, 2006, с. 3].

В настоящее время отношения РФ и КНР развиваются очень динамично, а приграничное положение Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России определило преимущества этих регионов в отношениях между странами. Основы дружбы между двумя странами были заложены еще в 1980-х гг. Смена политической парадигмы и, как следствие, открытие границ между Россией и Китаем значи-

тельно повлияли на развитие туристической сферы в приграничных дальневосточных регионах, в том числе — в Амурской области. Для региона туризм имеет не только экономическое, но и гуманитарное значение. Международная туристическая деятельность в Амурской области на китайском направлении развивается в рамках реализации документов, регламентирующих деятельность в сфере туризма. Так, в ноябре 1993 г. было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области туризма [Соглашение между РФ и КНР о сотрудничестве...], изменения в которое были внесены почти через 20 лет, 11 октября 2011 г. На современном этапе деятельность в сфере туризма развивается в рамках Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.

В силу географических особенностей нашего региона 98 % от общего числа иностранных туристов, въезжающих на территорию области, составляют туристы из КНР. Первый обмен туристическими делегациями произошел 24 сентября 1988 г. на основе «полной взаимности» — обе делегации были в совершенно равных условиях. Две группы по 40 человек совершили однодневную поездку из Благовещенска в Хэйхэ. В 1989 г. Благовещенск и Хэйхэ обменялись 389 туристическими группами: 7858 чел. посетили Россию из Китая и 8138 человек с российской стороны [Сун Куй, Чэнь Цюцзе, 2001, с. 12]. Первые туристические обмены между Амурской областью и соседней провинцией Хэйлунцзян были именно гуманитарными, поездки делегаций обычно были приурочены к значимым событиям/датам: праздникам (международный женский день, день защиты детей и т. п.); конференциям, ярмаркам, форумам и пр. В качестве примера можно привести обмен детскими делегациями между Благовещенском и Хэйхэ, приуроченными ко Дню защиты. Он проводится ежегодно с 1989 г. Как правило, это однодневная поездка для 600 российских и 600 китайских школьников, включающая обзорные экскурсии, посещение парков, музеев, школ, концертных программ и пр.

Первые туристические поездки были неким знаком нормализации отношений между двумя странами, а туризм в Амурской области начинался именно как событийный (вид туризма, поездки при котором приурочены к каким-либо событиям в сфере культуры,

спорта, бизнеса и т. д.). Особой популярностью у туристов в Амурской области пользуются событийные мероприятия, проходящие одновременно на сопредельных территориях в высокий летний туристический сезон: Международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», открытый российский фестиваль кино и театра «Амурская осень», Международный заплыв «Дружба» через реку Амур, Амурская международная выставка-форум «АмурЭкспоФорум», совместное празднование Всемирного дня туризма, Амурский международный туристический форум «AMUR TRAVEL» и др.

С начала 1990-х гг. приобрели популярность Недели международного сотрудничества на территории Амурской области, в ходе которых проводились ярмарки, устанавливались контакты между руководством местной администрации и представителями органов регионального управления КНР, проходили деловые встречи предпринимателей с китайскими партнерами, научно-практические конференции с участием зарубежных ученых, предлагалась обширная культурная программа для гостей Благовещенска [Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 123. Л. 179].

С 1992 г. проводится международная Амурская ярмарка. В ходе проведения первой ярмарки, помимо экономической составляющей, было организовано празднование основания города Благовещенска и презентация соглашения о побратимстве Амурской области (РФ) и округа Хэйхэ (КНР) [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 22. Л. 42], в ходе последующих — недели международного сотрудничества с участием деятелей науки, культуры и искусства, а также научно-практические конференции [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 25. Л. 82] и пр.

Еще одной сферой событийного туризма стало проведение научно-практических конференций — «Амур — Хэйлунцзян» (14—17 июля 1993 г., Благовещенск) [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 70. Л. 139], конференция под эгидой ООН по проблемам роли свободных экономических зон в развитии регионов (14—17 декабря 1993 г., Хэйхэ, КНР) [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 72. Л. 89] и т. п.

В 1998 г. Амурская область и провинция Хэйлунцзян впервые обменялись женскими делегациями. В канун 8 Марта китайские и российские социально активные женщины из различных обществ-

венных организаций, профессиональных сообществ, предприятий, а также представительницы органов власти посещают Благовещенск и Хэйхэ. Для них проводятся культурные программы. Обмен подобными делегациями осуществляется ежегодно.

Большое количество российских и иностранных туристов ежегодно собирает проводимый с 2001 г. Международный заплыв «Дружба» через реку Амур (Хэйлунцзян) с участием китайских и российских пловцов. В последние годы заплыв позиционируется как нечто большее, чем спортивное мероприятие: на основных выставках и ярмарках оно представлено как одно из направлений международного сотрудничества двух государств. Заплыв внесен в перечень механизма народных спортивных обменов России и Китая министерствами иностранных дел РФ и КНР. Спортсмены отправляются одновременно с двух берегов, держа в руках флаги двух государств, провинций, регионов и спортивных клубов. Российская команда — это амурчане и гости области, специально приехавшие в Благовещенск, чтобы пересечь Амур.

Способствовали расширению знаний о культуре соседнего государства среди населения в целом, особенно среди молодежи многочисленных мероприятия, проведенные в рамках Года России в Китае (2006 г.) и Года Китая в России (2007 г.), а также «Года русского языка в Китае» (2009 г.) и «Китайского языка в России» (2010 г.). На территории Амурской области и провинции Хэйлунцзян прошли многочисленные выставки, научно-практические конференции, образовательные обмены, фестивали, а также праздничные мероприятия.

С 2010 г. успешно проводится «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», которая получила поддержку министерств культуры двух стран. Проект направлен на пропаганду лучших образцов современного российского искусства за рубежом, укрепление гуманитарных связей и активизацию приграничного культурного сотрудничества двух стран.

В рамках развития делового туризма ежегодно в Благовещенске проходит Экономический Форум, организатором которого является МУП «Муниципальный центр международного сотрудничества». Мероприятие проводится при поддержке администрации г. Благовещенска и Правительства Амурской области. В Форуме принимают участие потенциальные инвесторы из КНР. В частности, крупные

корпорации из Шанхая, Шэньчжэня, Харбина и др. Общий охват мероприятия — до 500 участников-предпринимателей.

С 2014 г. одновременно в обоих регионах проводится Амурская международная выставка-форум «АмурЭкспоФорум» в г. Благовещенск и Международная торгово-экономическая ярмарка в г. Хэйхэ (с 2016 г. выставки проводятся под единым названием — Российско-Китайская выставка приграничных городов).

С 2017 г. ежегодно проводится Международный российско-китайский товарищеский хоккейный матч между детскими и юношескими командами Амурской области и провинции Хэйлунцзян. Впервые такая игра прошла в 1958 г. В июне 2016 г. китайской стороне была предложена идея о проведении международного хоккейного турнира на пограничной реке Амур (Хэйлунцзян), которая соединяет два государства. Данная инициатива была поддержана китайскими партнерами. В 2017 г. состоялся первый международный матч. Взрослый состав амурской сборной в 2017 г. возглавил губернатор Амурской области А. Козлов (с мая 2018 г. — министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, с ноября 2020 г. — министр природных ресурсов и экологии РФ). Традиционно игра проводится на льду приграничной реки Амур. Встречи открывают детские команды. Мероприятие, которое привлекает жителей и гостей двух приграничных регионов, стало ярким событием в спортивной жизни Амурской области и провинции Хэйлунцзян.

В целях развития российско-китайского туризма 2012 г. был объявлен Годом российского туризма в Китае, а 2013 г. — Годом китайского туризма в России, и проведено множество мероприятий. Для популяризации въездного туризма, продвижения новых региональных маршрутов на внутреннем и международном туристических рынках в августе 2018 г. на территории Бурейского района Амурской области состоялся Амурский международный туристический форум «AMUR TRAVEL». В рамках форума представителям китайского и российского турбизнеса были презентованы новые туристические маршруты: экологический (Природный парк «Бурейский», экологическая тропа), спортивный (посещение ледовой арены «Снежная королева) и пр. Также в 2018 г., в знак популяризации спорта, туризма и семейных ценностей 15 российских семей приняли участие в международном фестивале скандинавской ходьбы «Пересечение ве-

ликого хребта Синань», который состоялся в трех городах провинции Хэйлунцзян: Бэйнань, Сунь и Удаляньчи.

Отметим, однако, что потенциал событийного туризма как средства пополнения бюджета власти как с российской, так и с китайской стороны используется недостаточно активно. В отличие от эпохи начала — середины 1990-х гг., когда поездки российских туристов в Китай совершались почти исключительно с целью приобретения дешевых товаров для перепродажи или личного пользования (знаменитые «шоп-туры», «челночная торговля»), в начале XXI в. происходит трансформация туристических потоков. Туристы проявляют заинтересованность культурой сопредельных территорий. Но, несмотря на то, что проводится множество значимых мероприятий различной направленности, которыми можно заинтересовать туристов — от культурно-массовых до научных, все-таки все они воспринимаются скорее как средство налаживания и поддержания гуманитарных отношений, чем как коммерческий продукт. Подготовка событийных мероприятий, вокруг которых развивается событийный туризм, как правило, проходит в течение нескольких месяцев, администрации важнее освоить бюджет и отчитаться о выполнении [Чернов, 2016, с. 59]. Эффективность и результативность отошли на второй план. Туристические фирмы же ориентированы на продажу путевок в стабильно развивающиеся в туристическом плане регионы и не готовы вкладываться в события, которые недостаточно активно себя позиционируют как туристический продукт. Таким образом, событийный туризм в Амурской области, хотя и имеет высокий потенциал благодаря соседству с Китаем и играет значимую роль в гуманитарном российско-китайском взаимодействии, однако уровень его развития еще недостаточно высок.

Библиографический список

История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.

Кивал А.М. Региональные особенности развития туризма в Амурской области : автореф. дис ... канд. социолог. наук. М., 2006. 26 с.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма. URL: <https://base.garant.ru/2561916/> (дата обращения: 12.10.2020).

Сун Куй, Чэнь Цюцзе. Чжун Э люйю хэцзо дэ хуэйгу юй чжаньван : [Прошлое и будущее сотрудничества России и Китая в сфере туризма] // Сиболия Яньцзю. 2001. № 5. С. 12—16. (На кит. яз.).

Чернов В.А. Современное состояние событийного туризма // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 4—5. С. 56—59.

References

Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij [History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations] / Ed. A.V. Lukin. (2013). Moscow: “Ves' Mir” PH, 704 p. (In Russian).

Kival A.M. (2006). Regional'nye osobennosti razvitiya turizma v Amurskoj oblasti : avtoref. diss ... kand. sociolog. nauk [Regional features of tourism development in the Amur region: autoref. diss ... PhD of Sociology Sciences]. Moscow, 26 p. (In Russian).

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti turizma [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of tourism]. URL: <https://base.garant.ru/2561916/> (accessed: 12 October, 2020) (In Russian).

Song Kui, Chen Qiuje (2001). Zhong-E lvyou hezuo de huigu yu zhanwang [Past and future of cooperation between Russia and China in the field of tourism], *Siboliya Yanjiu [Siberian Studies]*, Vol. 5: 12—16. (In Chinese).

Chernov V.A. (2016). Sovremennoe sostoyanie sobytijnogo turizma [Current state of event tourism], *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Bulletin of the Khabarovsk state University of Economics and law]*, Vol. 4—5: 56—59 (In Russian).

Научное издание

**Восточная Азия:
прошлое, настоящее, будущее.
2021**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 29.11.2021.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 22,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 9

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32